ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Коллективная монография

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА»

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ

Тамбов 2015

УДК 33
ББК 65
Р17

Редакционная коллегия:
Юрьев В. М., доктор экономических наук, профессор
(главный редактор);
Грошев И. В., доктор психологических наук,
доктор экономических наук, профессор;
Лоскутов В. Г., кандидат экономических наук, доцент
(ответственный редактор);
Мамонтов В. Д., доктор экономических наук, профессор;
Трибунская У. Г., кандидат экономических наук, старший преподаватель

Рецензенты:
Добрынин А. И., доктор экономических наук, профессор;
Жариков В. Д., доктор экономических наук, профессор

Развитие политико-экономической мысли в современной
Р17 России : коллективная монография / гл. ред. В. М. Юрьев, отв. ред. В. Г. Лоскутов ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – 432 с.

ISBN 978-5-00078-074-9

Монография составлена на основе материалов Всероссийской научной конференции «Развитие политико-экономической мысли в современной России», проведенной 17-18 сентября 2015 г. на базе Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. В конференции принимали участие профессорско-преподавательский состав вузов и научных учреждений г. Тамбова, Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя и других городов страны.

Книга адресуется научным и научно-педагогическим работникам, экономистам-практикам, предпринимателям, работникам сферы управления народным хозяйством, а также всем лицам, интересующимся экономической теорией.

УДК 33
ББК 65

ISBN 978-5-00078-074-9

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2015

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL
INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G. R. DERZHAVIN»**

DEVELOPMENT OF POLITICAL AND ECONOMIC MIND IN MODERN RUSSIA

MULTI-AUTHOR BOOK

Tambov 2015

Editorial Board:
Yuriev V. M., Doctor of Economics, Professor
(Editor-in-Chief);
Groshev I. V., Doctor of Psychology,
Doctor of Economics, Professor;
Loskutov V. G., Candidate of Economics, Assistant Professor
(Executive Editor);
Mamontov V. D., Doctor of Economics, Professor;
Tribunskaya U. G., Candidate of Economics, Senior Lector

Reviewers:
Dobrynin A. I., Doctor of Economics, Professor;
Zharikov V. D., Doctor of Economics, Professor

Development of Political and Economic Mind in Modern Russia : Multi-Author Book / Editor-in-Chief V. M. Yuriev, Executive Editor V. G. Loskutov ; Ministry of Education and Science of RF, FSBEI HPE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin». – Tambov : the Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2015. – 432 pp.

ISBN 978-5-00078-074-9

Monograph is compiled on the basis of papers of All-Russian scientific conference «Development of political and economic mind in modern Russia», held on 17-18 September 2015 at the premises of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Faculty and staff of higher education institutions and academic institutions from Tambov, Moscow, Saint-Petersburg, Simferopol and other cities took part in the conference.

The book is intended to research and academic teaching workers, practical economists, entrepreneurs, workers of the managed of the national economy sphere, as well as to people interested in economics.

ISBN 978-5-00078-074-9

© FSBEI HPE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…….. 11

ГЛАВА I. РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ…… 15

Бузгалин А. В. Теоретико-экономическое пространство и классическая политэкономия…….. 15
Касьянов П. В. Расширение рамок политической экономии в современном обществе…….. 38
Елецкий Н. Д. Предметная специфика и структурная логика политической экономии…… 51
Кульков В. М. Возрождение политической экономии в контексте теоретического анализа национальной экономики…….. 68
Воейков М. И. Трансформация базовых предпосылок политической экономии……. 82
Павленко Ю. Г. Политическая экономия экономического успеха…… 93
Зобов М. И. Этические основания экономики будущего.. 103
Куцерубов А. Е. Стагнация политической экономии…… 109
Климова Д. Н. Политическая экономия: настоящее и будущее науки……. 113
Леванов А. Д. Что ждет экономическую теорию: традиции или новаторство?..... 121
Козлова О. В. К вопросу о гуманистическом аспекте политической экономии в российских рыночных реалиях 127

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ…… 137

Цаголов Г. Н. По поводу постиндустриализма……. 137
Эпштейн Д. Б. Социализм и перспективы товарного производства…….. 146
Комолов О. О. Современные тенденции развития рыночной экономики: политэкономический аспект…….. 168

Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Рынок эмоций как тенденция развития современных экономических отношений…… 174
Воронин С. А. Регулирование ценообразования – действенный инструмент формирования эффективной системы хозяйствования…….. 185
Губарь О. В. Политэкономические и экономические аспекты виртуальной сферы общественных отношений 195
Харитонова Е. В. Мифы и реалии отношений труда и капитала в постиндустриальной системе хозяйствования…… 204
Астахов К. В. Парадигма национальных интересов в сфере макроэкономического регулирования в условиях внешнеэкономических ограничений……. 212
Ергин С. М. Монополистические аспекты теории отраслевых рынков…….. 217
Джабборов Д. Б. Особенности рыночных отношений в экономике, основанной на знаниях…… 227

ГЛАВА III. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ 233

Юрьев В. М. Политическая экономия российского кризиса 233
Колганов А. И. Проблемы воспроизводства в современной экономической системе России……. 247
Бодрунов С. Д. Исследование российской экономической системы: проблемы и перспективы использования политико-экономической методологии и теории……. 269
Мамонтов В. Д. Социальное развитие общества и экономический рост: политэкономический аспект…… 276
Хубиев К. А. Направления и ресурсы структурных преобразований российской экономики на новой индустриальной основе…….. 286
Эпштейн Д. Б. Совершенствование системы регулирования экономики России для обеспечения новой индустриализации…… 307

Козлова Г. В., Козлов А. А. Державность как потенциальная парадигма развития России…… 323
Карпунина Е. К., Якунина И. Н. Модернизация экономической политики России как императив реализации национально-государственных интересов страны 332
Лоскутов В. Г., Трибунская У. Г. Концепция державности как инструмент анализа современного кризиса социально-экономической системы России……. 345
Маслов Г. А. Регулирование зарплат в России: понять А. Смита…… 355
Борисовская К. А. Условия обеспечения продовольственной безопасности России в условиях глобального рынка…… 361
Мельников Д. В. Отношения собственности в России: региональный аспект…….. 369

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ…… 374

Журавлева Г. П. Нужен ли возврат политической экономии в учебный процесс вузов страны?..... 374
Бузгалин А. В. Преподавание экономической теории: к проблеме плюрализма……. 384
Фадейчева Г. В. К вопросу о необходимости возвращения политической экономии в образовательное пространство России с позиции компетентного подхода 393
Потеев А. Т. Политическая экономия в блоке экономических дисциплин учебного процесса в вузах……. 397
Огарков С. А. О роли преподавания инвестологии в курсе экономических дисциплин……. 401
Степичева О. А., Саяпин А. В. Организационные проблемы научных исследований в области политической экономии…… 405

Резолюция…….. 416
Сведения об авторах…… 421

CONTENTS

Preface..... 11

CHAPTER I. REUPDATE OF POLITICAL ECONOMY IN THE GLOBALIZING SOCIETY..... 15

Buzgalin A. V. Theoretical and economic space and classical economics..... 15
Kasyanov P. V. Expansion of ranges of political economics in modern society..... 38
Eletsky N. D. Subject characteristics and structural logic of political economics..... 51
Kulkov V. M. Revival of political economics in the context of theoretical analysis of the national economy..... 68
Voeykov M. I. Transformation of basic prerequisites of political economics..... 82
Pavlenko Yu. G. Political economics of economic success.... 93
Zobov M. I. Ethical grounds for the future economy..... 103
Kutserubov A. E. Stagnation of political economics..... 109
Klimova D. N. Political economics: the present and the future..... 113
Levanov A. D. What will happen to economics: traditions or innovation?..... 121
Kozlova O. V. To the problem of humanitarian aspect of political economy in Russian market realities..... 127

CHAPTER II. MODERN PROBLEMS OF POLITICAL ECONOMY..... 137

Tsagolov G. N. On postindustrialism..... 137
Apshtein D. B. Socialism and commodity production outlook..... 146
Komolov O. O. Modern development trends of the market economy: political and economic aspect..... 168
Groshev I. V., Krasnoslobodtsev A. A. Market of emotions as a development trend of modern economic relations..... 174

Voronin S. A. Pricing administration – an efficient tool of formation of the efficient system of management…….. 185
Gubar O. V. Political-economic and economic aspects of virtual social relations……. 195
Kharitonova E. V. Myths and facts of relations between labour and capital in postindustrial system of management.. 204
Astakhov K. V. Paradigm of national interests in macroeconomic regulation under the foreign economic constraints.. 212
Ergin S. M. Monopolistic aspects of industrial organization... 217
Dzhabborov D. B. Features of exchange relations in economy based on knowledge…….. 227

CHAPTER III. POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMIC SYSTEM OF RUSSIA…….. 233

Yuriev V. M. Political economy of Russian crisis……... 233
Kolganov A. I. Problems of reproduction in the modern economic system of Russia…….. 247
Bodrunov S. D. Study of the Russian economic system: problems and prospects of using political and economic methodology and theory……. 269
Mamontov V. D. Social development of the society and economic growth: political and economic aspect…… 276
Khubiev K. A. Directions and resources of structural adjustments of Russian economy on the new industrial basis…. 286
Apshtein D. B. Development of the system of management of Russian economy to ensure new industrialization…….. 307
Kozlova G. V., Kozlov A. A. Great power statehood as a potential development paradigm of Russia……. 323
Karpunina E. K., Yakunina I. N. Modernization of Russian economic policy as an imperative of implementation of state and national interests…….. 332
Loskutov V. G., Tribunskaya U. G. Great power statehood conception as a tool of analysis of modern crisis of socio-economic system of Russia……. 345

Maslov G. A. Wage regulation in Russia: to understand A. Smith……... 355
Borisovskaya K. A. Terms of food security in Russia within the global market…… 361
Melnikov D. V. Property relations in Russia: the regional aspect…….. 369

CHAPTER IV. POLITICAL ECONOMY IN RUSSIAN UNIVERSITIES…… 374

Zhuravleva G. P. Should we return political economy into Russian universities?..... 374
Buzgalin A. V. Teaching economics: to the problem of pluralism…….. 384
Fadeycheva G. V. To the problem of return of political economy into educational space of Russia through the competent approach……..... 393
Poteev A. T. Political economy in economic disciplines in universities…….. 397
Ogarkov S. A. On the role of investment science teaching in the course of economic disciplines……. 401
Stepicheva O. A., Sayapin A. V. Organizational challenges of scientific studies in political economy……... 405

Resolution…… 416
Information about authors…….. 421

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале прошлого столетия известный русский экономист М. И. Туган-Барановский в своем сочинении «Основы политической экономии» писал: «Положение политической экономии среди других общественных наук чрезвычайно своеобразно в том отношении, что никакая другая общественная наука не вызывает к себе такого живого интереса среди людей нашего времени и в то же время не отрицается столь часто в своем научном авторитете, не встречает такой враждебной критики с самых различных сторон. И то и другое до известной степени, вызывается общей причиной. Изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в область хозяйственных интересов, являющихся наиболее мощными и доминирующими интересами современности»[1]. Прошло больше столетия, коренным образом изменилась Россия: как национальное государство, экономически, в духовном плане, наконец, изменились сами люди. А вот положение, выдвинутое ученым, попрежнему имеет актуальнейшее значение, в новых условиях с не меньшей остротой будоражит специалистов в области экономики и неспециалистов, заставляет остановиться и задуматься.

Накануне крушения царской России национальная политическая экономия как наука стала крайне востребованной в обществе. Политическая экономия, опираясь на классические западные каноны, постепенно оформлялась как наука и приобретала чисто российские черты, стремясь демонстрировать всему миру «свое», «особенное», характерное только для России. След «западников» и «славянофилов» не обошел стороной и экономическую науку. Что важно: в дискуссиях победителей не было, но утверждались адекватные ситуации оценочные суждения.

Не лучшие времена для «политической экономии» наступили с самого начала периода постсоветской России. На нее как науку возвели штамп обвинений во всех грехах, действительных и мнимых. Из научного и учебного оборота было изъято само название «Политическая экономия». Дело, в конце концов, не в самой терминологии, а в круге проблем, исследуемых наукой. А в этом во-

[1] Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. Четвертое перераб. изд. Пг., 1917. С. 1.

просе, под флагом деидеологизации науки, ухода от всеохватывающего и якобы псевдонаучного марксизма, из круга исследуемых проблем стали изыматься фундаментальные основы как ненужные и абстрактные и даже антинаучные по своему содержанию. Проблема «собственности» постепенно переместилась из области экономического анализа только в плоскость юриспруденции. «Распределительные отношения», «экономические интересы», «первоначальное накопление капитала» и многие другие вопросы были вынесены за «поле» исследования теоретической экономической науки. В известной дискуссии между сторонниками экономикс и политической экономии победу одержали экономисты либерального направления. Правда, при этом сам либерализм в постсоветской России приобрел черты чисто российского происхождения, с феодальными и криминальными оттенками. В научных кругах стала постепенно навязываться точка зрения об отсутствии научной фундаментальности в экономической сфере. Неурядицы в развитии экономической науки негативным образом отражались и отражаются на практике.

Период лихолетья в жизни теоретической экономической науки не может быть бесконечным. Эту закономерность мы сегодня и наблюдаем. В последнее время в практике экономистов-теоретиков стали уже обычным явлением политэкономические конгрессы, форумы, научные конференции по фундаментальным вопросам из области экономики. Все больше молодых исследователей стали искать решение экономических проблем вне рамок и постулатов, грубо очерченных экономистами-либералами. Утверждение, что реальная жизнь гораздо шире и глубже любой, пусть даже самой гениальной концепции, находит себе все больше сторонников в российском экономическом сообществе.

Вот в таком ключе переосмысления многих позиций в теории экономической науки следует рассматривать содержание монографии, опубликованной по итогам Всероссийской научной конференции «Развитие политико-экономической мысли в современной России», состоявшейся на базе Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина 17-18 сентября 2015 г. Конференция стала знаковым событием не только в истории города Тамбова, но и всей страны. Впервые в истории развития теоретической экономической науки на Тамбовщине собралось на свой форум такое

количество экономистов-теоретиков: Г. П. Журавлева, д. э. н., профессор, руководитель научной школы «Экономическая теория» в РЭУ имени Г. В. Плеханова, А. В. Бузгалин, д. э. н., профессор, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, М. И. Воейков, д. э. н., профессор, зав. сектором политической экономии института экономики Российской академии наук, А. И. Колганов, д. э. н., профессор, зав. лабораторией экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Г. Н. Цаголов, д. э. н., профессор Международного университета в г. Москве, Ю. М. Осипов, д. э. н., профессор, директор Центра общественных наук при МГУ имени М. В. Ломоносова, С. М. Ергин, к. э. н., доцент Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, К. А. Хубиев, д. э. н., профессор, зам. зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Д. Б. Эпштейн, д. э. н., профессор, главный научный сотрудник Северо-Западного Научно-исследовательского Института экономики и организации сельского хозяйства РАСХН и многие другие. Широко на конференции была представлена Тамбовская школа политэкономов во главе с ее руководителем д. э. н., профессором, ректором Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина В. М. Юрьевым. В ходе работы конференции был поднят разноплановый спектр политэкономических вопросов: «О генезисе политической экономии как науки и требованиях к ее содержанию в начале XXI столетия», «О модернизации марксистской концепции экономической эволюции», «О месте и роли политической экономии как науки в анализе функционирования российской экономической системы», «О соотношении политической экономии и философии хозяйства», «Политическая экономия в структуре вузовских учебных курсов», «Проблемы в становлении новой политической экономии в постсоветской России» и мн. др.

В ходе дискуссии были озвучены разные точки зрения относительно обсуждаемых проблем в области экономической теории. Участниками конференции отмечалось, что в первую очередь следует пересмотреть позиции относительно предмета теоретической экономической науки. Уход от исследования экономических отношений и экономических законов сужает базу фундаментальности в экономических исследованиях и более того, в нередких случаях способствует затушевыванию реально стоящих проблем в россий-

ской социально-экономической системе. В выступлениях участников конференции подчеркивалось, что сознательный отказ от исследования экономических закономерностей в обществе способствует формированию искаженного представления о характере и тенденциях развития экономической системы. К тому же общество не может нормально функционировать без определенного представления о горизонте развития экономики. Это касается не только базовых экономических параметров: размера ВВП, состояния экспорта и импорта, государственного бюджета и основных его статей, годового процентного роста (или падения) экономики, – но и социальных составляющих, модели экономического развития и конкретного ответа на вопрос, почему сделан выбор в пользу этой модели, соотношения между экономической эффективностью и социальной справедливостью и т. д.

На конференции неоднократно озвучивалась мысль, что деидеологизация экономической теории на самом деле способствовала утверждению, в том числе и в качестве официальной идеологии, экономического либерализма и космополитизма в экономической науке. Разносторонность экономических, социальных, политических интересов в российском обществе определяется множеством компонентов, в том числе огромной пропастью в доходах между различными социальными слоями общества. Политэкономический анализ рисует наиболее реалистичную картину развития общества, правда, если он базируется на современной методологической базе исследования. В этой связи учеными неоднократно отмечалось, что политическая экономия должна опираться на все многообразие экономических подходов и доктрин прошлого и настоящего. В этом множестве концепций должны найти применение и отдельные положения марксизма. Нахождение эффективных путей решения реальных экономических проблем во многом обусловлено состоянием политэкономической мысли в обществе.

В. Д. Мамонтов,
доктор экономических наук, профессор
(Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина)

ГЛАВА I. РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Бузгалин

ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Экономическая теория последней четверти века ознаменовалась многими интересными подвижками, среди которых мы хотели бы выделить три, посвятив им прелюдию к нашей статье, призванную показать значимость выбранной автором проблемы[1].

Почему политическая экономия? Почему сейчас?

Первая подвижка – все большее внимание к масштабным историческим и социопространственным сдвигам, происходящим на наших глазах. И теоретики, и практики все больше убеждаются, что «конец истории» не состоялся и в мире начинаются существенные изменения, которые не описываются при помощи модификаций и усложнения моделей функционирования рыночной экономики. Дискурс «история» стучится в двери экономической науки.

Вторая – широко известный феномен растущего «экономического империализма». Его экспансия едва ли не очевидна: сошлемся хотя бы на то, что все больше нобелевских лауреатов получает премии по экономике за исследование не собственно экономических объектов. И это выглядит как новое торжество неоклассики. Парадокс, однако, состоит в том, что сам феномен «экономического империализма», на наш взгляд, все более становится своеобразным «доказательством от обратного» того, что экономическая теория должна рассматривать не только

[1] Автор выражает благодарность О. Барашкову за помощь в работе над подготовкой материала к публикации

функционирование рынка, рыночные трансакции и «провалы рынка», но и некоторые другие, выходящие «по ту сторону» традиционной проблематики, явления. Так, размышления о критериях успешности экономического развития привели к появлению «экономики счастья», исследование «человеческого капитала» – к «открытию» долгосрочных альтруистических потребностей, обращение к феномену «социального капитала» привело к выделению отношений солидарности как важного фактора экономического прогресса, а теоретики нового институционализма всерьез анализируют не только рыночные способы взаимодействия экономических актеров даже там, где нет государственного «вмешательства».

Третья подвижка – своеобразное «возвращение» классической политической экономии. Для большинства представителей «основного течения» экономической науки оно оказалось малозаметно. Да, в период мирового экономического и финансового кризиса резко возрос интерес к «Капиталу» К. Маркса, но что из того? Кризис если и не преодолен до конца, то для большинства стран остался в прошлом, как и интерес к марксистскому экономическому наследию. Все, однако, далеко не столь однозначно. Более того, анализ сначала постиндустриальной экономики, а затем императивов реиндустриализации заставил сперва зарубежных, а потом и отечественных авторов обратить внимание на необходимость включения в сферу исследования экономической теории процессов производства (причем не только в его роли предпосылки обмена), а серьезные общественные противоречия все чаще заставляют обращаться к проблеме реального исследования объективных экономических отношений и взаимодействий общественных социальных сил, выступающих как целое, противоречий социально-экономических отношений больших социально-экономических общностей, уходя от принципа методологического индивидуализма и продвигаясь в сферу других методов исследования и другого категориального аппарата, нежели тот, что характерен для так называемого твердого ядра микроэкономики.

Все эти подвижки не случайны. Как мы уже не раз писали, современная экономика (мы бы сказали – экономическая систе-

ма позднего капитализма) характеризуется двумя противоположными трендами. Один – тотальная экспансия рынка и капитала во все сферы жизни общества, в том числе и те, что лежат вне производства и обмена товаров и услуг в их традиционном понимании – в сферу межличностных отношений, свободного времени и т. п. Второй – развитие социально-экономических отношений, не сводимых к рынку и его «провалам».

Оба этих феномена заставляют сделать шаг «по ту сторону» «рыночноцентричной» модели экономической теории. Кроме того, присутствует и еще одно – историко-пространственное – измерение всех этих процессов, о чем мы упомянули выше.

И экономическая наука начала постепенно отвечать на эти объективные вызовы. Но делает это опять же противоречиво. В большинстве случаев используется традиционный для начальной стадии исследования прием редукционизма: новая роль человека в экономике объявляется человеческим капиталом, для исследования поисков счастья используется тот же теоретический аппарат, что для максимизации прибыли, и т. д., и т. п.

Между тем была, есть и продолжает развиваться гетеродоксальная экономическая теория, которая позволяет исследовать все эти явления при помощи адекватных им методов, языка, категориального аппарата… Это пространство экономической теории многообразно и представлено разными течениями (от классической политэкономии марксизма до посткейнсианства, включая классический институционализм и др.), во многом близкими друг к другу и, в той или иной степени, переплетающимися с ортодоксальной экономической теорией, но «твердым ядром» неоклассики являются методология и категориальный аппарат, вырастающие из марксизма.

На важность обращения к этому «твердому ядру» (в его современном виде) для решения проблем не только экономико-политических практик, но и теоретического экономического образования мы хотели бы обратить внимание в этом тексте, претендующем скорее на постановку вопросов, нежели на их окончательное решение.

Неоклассика многое унаследовала из классической политической экономии, став теоретическим отражением превратных форм капиталистического мира

Ныне принято «забывать», что современный economics и его микроэкономические теоретические основания (теория предельной полезности, предельной производительности, вырастающие из них теории человека и его поведения, фирмы, денег и т. п.) явились одновременно и продолжением, и отрицанием классической политической экономии, прежде всего, работ Адама Смита. Что касается Рикардо и особенно Маркса, то неоклассика, как правило, воспринимается как нечто абсолютно не связанное с этим направлением экономической мысли.

Это утверждение правомерно лишь в определенном отношении. Действительно, все базовые положения марксистской политической экономии в неоклассике отрицаются. Это касается как предмета и метода, так и самой теории.

В первом случае неоклассика отказалась от исследования объективных экономических закономерностей (но в итоге пришла к формулировке целого ряда теоретических выводов, используемых именно как отражение законов «рыночной экономики» и частично позаимствованных из классической политической экономии) и от претензий на создание системы категорий, диалектически, на основе восхождения от абстрактного к конкретному, отражающих систему производственных отношений (но пришла к набору жестких формул, воспроизводимых как аксиомы во всех работах, основанных на «твердом ядре» микроэкономики).

Во втором случае неоклассика выступила с теоретическими альтернативами трудовой теории стоимости, теории капитала и эксплуатации и др.

Однако многое из классики (в том числе, как ни странно, марксизма) в неоклассику вошло, хотя и без каких-либо упоминаний (во всяком случае, в современных работах) о позаимствованных у оппонентов тезисах.

Выделим лишь некоторые из таких положений.

Исходная категория марксистской политической экономии капитализма – товар – предполагает единство стоимости и по-

требительной стоимости. Последняя есть способность вещи удовлетворять потребность другого (нежели производитель) лица, т. е., говоря современным языком, полезность вещи для покупателя. Сие есть исходный пункт любой теории полезности. Далее, неоклассика, естественно, не обходится без опоры на категорию издержек, которые в конечном счете оказываются ничем иным, как суммой затрат живого и овещненного труда. В конечном итоге оказывается, что в основе неоклассической теории цены лежит соотношение трудозатрат и полезности. Вспомнив, что при анализе формы стоимости (о котором «забывает» большинство критиков марксизма) в «Капитале» утверждается, что единственным зеркалом, в котором может отразиться стоимость товара А, является потребительная стоимость (т. е. полезность) товара Б, легко понять, что в основе неоклассики лежат во многом те же аксиомы, что и в основе марксизма. И это неслучайно: их диктует практика. Другое дело, что из этих базовых понятий далее делаются прямо противоположные выводы…

Еще одним кажущимся парадоксом выглядит совершенно неслучайное совпадение сущностных определений рыночной экономики в классической политической экономии и неоклассике.

При всем том, что рынок в рамках последней парадигмы определяется крайне разнообразно и во многих случаях предельно общий, так что он вообще совпадает с любой системой обмена благами (в последнем случае и феодальное натуральное хозяйство, и экономика СССР оказываются всего лишь особыми видами рынка), в ядре неоклассики заложено довольно четкое понимание того, что есть рынок. Достаточно поставить перед неолиберальным экспертом вопрос о переходе к прямому продуктообмену или об увеличении бесплатного для потребителя распределения благ (например, в сфере образования или здравоохранения), или о введении директивного планирования, или хотя бы об ограничении свободного движения товаров и капиталов, как он тут же возразит – эти меры, скажет он, ведут к ограничению или даже подрыву рыночных отношений, и… будет прав. Ибо де факто он исходит из того, что атрибутами рынка являются общественное разделение труда и обособленность производителей. Уберите первое, и вы получите натуральное,

дорыночное хозяйство. Уберите (или хотя бы ограничьте) второе, и вы окажетесь в мире сознательного регулирования экономики, чего всячески стремятся не допустить последовательные сторонники свободной рыночной экономики.

Как ни странно, но марксисты в этом с ними абсолютно солидарны. Более того, восходящее еще к Смиту и Рикардо, но развитое, прежде всего, Карлом Марксом понимание сущности товарного производства зиждется именно на этом строгом диалектическом определении экономического пространства-времени, формой которого является рынок. Диалектическое единство общественного разделения труда, делающего труд производителей общественным, и обособленности производителей, делающей труд частным, и есть основа противоречия и единства труда абстрактного и конкретного, стоимости и потребительной стоимости, составляющих две неразрывных стороны товара – «клеточки» системы отношений товарного производства, называемой в неоклассике «рынком».

В этом смысле последовательные сторонники свободного рынка – наиболее жесткие и последовательные неоклассики – неявно, но методично пользуются именно марксистским, а не неким расплывчато-неопределенным, из «здравого смысла» почерпнутым определением рынка.

Другое дело, что марксисты, исходя из этого определения сущности товарного производства, делают вывод о его историческом характере, показывая причины и природу его генезиса и подрыва, его прогрессивную и регрессивную роль и т. п., а неоклассики останавливаются на констатации когда-то справедливого положения о прогрессивности (по сравнению с натуральным хозяйством) «рынка» и далее превращают последний в вечный, «естественный» и единственно эффективный способ экономической организации.

Более того, логика «Капитала», снимающая достижения предшествующей классической политэкономии, далее выводит (не постулирует, а именно выводит, проверяя теорию практикой) целый ряд других атрибутов товарного производства, также включенных неоклассикой в свой теоретический арсенал.

Выделим лишь один из них – теорию товарного фетишизма. В рамках этого небольшого раздела К. Маркс критически развивает идею Адама Смита о так называемом экономическом человеке, показывая, что стремление к максимизации стоимостного богатства (товаров, денег) есть не некая «естественная», вечная и от бога или от незыблемой природы человека идущая страсть, а результат господства определенного типа производственных отношений – отношений товарного производства, формирующего именно этот тип человека, его ценности и мотивы. Соответственно, другая система экономических отношений формирует другой тип человека, примеры чему знала и знает история общественной жизни. Это простое, но принципиально важное теоретическое положение, относящееся к азбуке марксизма XIX в., неоклассика в лице лишь некоторых своих представителей и в крайне усеченном виде «открыла» только в конце XX столетия, когда появились теории «социального» и т. п. капитала и признание того, что человек и в долгосрочной перспективе может максимизировать не только свой частный доход, и что это надо учитывать в экономической теории.

Продолжая логику «Капитала», укажем на теорию денег, где К. Марксом были показаны не только их сущность и функции (теоретический багаж, утерянный неоклассикой, причем совершенно напрасно: он очень актуален в свете анализа противоречий современных виртуальных денег и финансовых пузырей, ибо позволяет показать причины возникновения последних и пути их снятия), но и количественная сторона. Знаменитое «уравнение Фишера», как хорошо известно, есть не более чем заимствование (причем с упрощениями) формулы количества денег в обращении, выведенной (а не постулированной, как у Фишера) в главе 3 тома I «Капитала».

К сожалению, формат статьи не оставляет автору возможности показать целый ряд других заимствований из классиков, имеющихся у неоклассиков. Ограничусь лишь упоминанием основных. Категории безработицы, ее форм и видов; издержек, включая важные классификации издержек обращения; заработной платы как превратной формы, создающей видимость платы за труд; прибыли как превратной формы, создающей видимость

ее создания капиталом, а не наемным работником, и нормы прибыли; специфики ссудного капитала, включая выделение капитала-собственности и капитала-функции (а это фундаментальная основа неоклассической проблемы отношений «принципал-агент» и теории «революции управляющих»); самоотрицания капитала внутри капиталистического способа производства вследствие развития акционерного капитала (исходный пункт так называемой диффузии собственности и «посткапитализма») и мн. др.

И это только некоторые положения «Капитала». Между тем и в XX в., и в последние десятилетия появилось немало фундаментальных работ, развивающих традиции классической политической экономии и давших немало импульсов для развития теории монополистического и финансового капитала, государственного регулирования экономики, социальных ограничений рынка, глобализации и мн. др., что также в той или иной мере было воспринято «основным течением» экономической теории.

Подчеркну: дело здесь не в уточнении приоритетов. Наука всегда развивается через снятие предшествующих достижений, и то, что многие из нынешних неоклассиков являются «Иванами, родства не помнящими», есть следствие не столько их злого умысла (коего у них, скорее всего, нет), сколько пугающего всякого настоящего ученого патологического безразличия большинства представителей этого течения к фундаментальным основам своей теории, методологии теоретико-экономических исследований и истории мысли.

Дело в другом и гораздо более важном обстоятельстве. «Забвение» (а точнее – игнорирование) классических основ, легших в основу современной экономической теории, в том числе – неоклассической, и их игнорирование как в исследовательской деятельности, так и – что особенно тревожно – в процессе преподавания ведет к потере огромного пласта знаний, абсолютно необходимых для понимания закономерностей эво/инволюции современной мировой и российской экономики, и провоцированию теоретико-образовательных лакун, ведущих к очень опасным ошибкам в деятельности эконом-политиков.

Автор этих строк, в отличие от иных мировых авторитетов, не считает, что президенты и министры делают то, чему их научили университетские профессора. Практика доказывает: эконом-политики делают то, что соответствует интересам правящего политико-экономического класса. Но, тем не менее, фундаментальное политико-экономическое образование способно влиять на общественное мнение, которое, в свою очередь, способно формировать общественный запрос на иную экономическую политику. А этот запрос в конечном итоге может как минимум ограничивать аппетиты правящего класса, как максимум – приводить к его замене…

Так мы вплотную подходим к ключевой проблеме нашего текста: ответ на какие вопросы экономической жизни дает классическая политэкономия и ее современные разработки?

Что позволяет изучить классическая политическая экономия

Классическая политическая экономия позволяет (я бы даже сказал жестче – требует!) ставить вопросы там, где неоклассика видит готовые и вечно-истинные решения. Приведу лишь один пример. Для классической политэкономии одной из интереснейших является проблема генезиса и отмирания рынка. Для неоклассики оба аспекта проблемой не являются. Есть некоторая аксиома: рынок есть единственно эффективная форма аллокации ресурсов. У него существуют некоторые «провалы», которые восполняет государство и которые надо сводить к минимуму.

Так формируется то, что автор этих строк совместно с А. И. Колгановым назвал «рыночноцентризмом экономической теории».

По-видимому, читатель уже догадался, что автор в данном случае должен будет использовать параллель с птолемеевской геоцентрической моделью Вселенной. В самом деле, давайте задумаемся, почему вплоть до XV-XVII вв. (а в России для [неграмотного] большинства населения аж до начала XX в.) геоцентрическая модель оставалась абсолютно господствующей? Потому, что ее противников отправляли на костер? Да, и это тоже правда. Но решение проблемы лежит в другой плоскости. Для феодальной (основанной на натуральном хозяйстве и кре-

постничестве) экономики, сословно-иерархической «политики» и догматически религиозной духовной жизни любая иная теория мироустройства была, во-первых, не нужна и, во-вторых, опасна (опасна угрозой теоретической критики сложившегося миропорядка, являющейся, как правило, прологом практического изменения последнего). Именно практика той эпохи, требовавшая локальной, привязанной к общине-поместью-приходу, замкнутой, движущейся в рамках природного цикла традиционной жизни, превращала [ложную] птолемеевскую модель в необходимую и достаточную теоретическую предпосылку тогдашнего мира, а [истинную] систему Коперника–Галилея–Бруно делала ненужной и опасной. Однако гелиоцентрическая теория, наука и истина были нужны для иной практики – практики разрушения феодального мира – замкнутого социально-экономического пространства, кругового социально-экономического времени, тоталитарно-догматической идеологии…

Конечно, аналогия – не доказательство, но она вполне может послужить прологом и иллюстрацией к доказательству.

В принципе, сходная ситуация вновь наблюдается сегодня в экономической теории. Вновь – ибо XXI в. повторяет (причем во многом в фарсовом виде) ситуацию казавшегося всеобщим и вечным господства рыночно-буржуазного строя позапрошлого столетия. Тогда для окончательной победы, а сейчас для самосохранения и консервации этой системы была не нужна и опасна всякая иная, кроме «рыночноцентричной», экономическая теория.

Во-первых, для экономических субъектов, практически (а не только идейно) сращенных с рыночной системой (некритично подчиненных товарному, денежному и т. п. фетишизму[1]), иная теория и не нужна. Их практическая экономическая жизнь сведена к набору решений, где критерием является максимизация денежного богатства и его производных в кратко- и/или долгосрочном периоде и, соответственно, им нужна лишь четко

[1] А это подчинение существует в той *мере*, в какой предприниматель ведет бизнес, ориентируясь на максимизацию прибыли и не задумываясь, на чем он делает деньги; в какой наемный работник выбирает сферу занятости, ориентируясь на максимизацию зарплаты, а не на реализацию своих душевных интенций…

привязанная к этим практическим задачам наука. И «рыночноцентричная» теория в принципе справляется с решением этих задач.

Более того, во-вторых, эта теория оберегает этих субъектов от любых лишних, опасно критических постановок и вопросов, указывающих на наличие других, не рыночных миров. Она теоретически «доказывает» (как это в свое время делали отцы церкви, защищая постулаты Птолемея), что иного мира нет, вроде бы как бы и не было (раз уж о нерыночном производстве, распределении и потреблении упорно «забывает» теория, то простым смертным и подавно о них знать не следует) и уж точно никогда не будет. Аминь.

Наконец, в-третьих, любая теоретическая школа, указывающая на то, что рынок не есть единственно-возможное устройство жизни, опасна, как была опасна в свое время гелиоцентрическая модель строения Вселенной: и в том, и в другом случае правящие силы отторгают вредное для них знание (правда, критиков рыночноцентричной парадигмы пока еще – тьфу-тьфутьфу – не тащат на костер). Для сохранения господства глобальной гегемонии капитала и «рыночного фундаментализма» (напомним, это термин Дж. Сороса) опасна активная пропаганда теоретических представлений, показывающих, например, что рынок как экономическая система, обслуживающая большую часть трансакций большей части человечества, окончательно победил только в начале XX в. До этого же человечество много столетий мучительно пыталось перейти к рынку и капиталу, заплатив за это ценой кровопролитнейших революций и войн (чего стоит хотя бы самая кровавая война XIX в. – между Севером и Югом в США, да и Первую мировую войну явно не большевики развязали), колониального угнетения и т. п. (В скобках заметим: economics вообще «видит» только развитые системы, а то и исключительно американскую экономику, оставляя на долю особых дисциплин, лежащих «по ту сторону» собственно экономи-

ческой теории, – компаративистики и экономики развития – хозяйственную жизнь 4/5 человечества[1].)

Еще более опасен тривиальный вопрос: если рынок есть особая форма координации, одна из многих исторически существовавших форм распределения ресурсов, если он когда-то (как господствующая форма – всего лишь сто-двести лет назад) возник, то это означает, что рыночная экономика – не более чем исторически ограниченная, имеющая не только начало, но и конец экономическая система? И уж совсем вредоносным станет серьезный теоретический анализ (к тому же анализ самокритичный, указывающий на собственные ошибки и грехи апологетики) реальных ростков реальных пострыночных и посткапиталистических отношений[2].

Этот анализ опасен не только тем, что пробуждает излишнюю (для подчиненных без остатка рынку мещанина-потребителя и мещанина-бизнесмена) пытливость ума и вредные вопросы, но, прежде всего, тем, что показывает:

– историчность рыночной экономики как системы, когда-то возникшей и – как все исторические системы – когда-то долженствующей перерасти в другую экономическую систему (возможно, если следовать букве и духу марксизма, составляющих «всего лишь» базис для постэкономического «царства свободы»);

– реальные противоречия рыночно-капиталистической экономики, обусловливающие возможность и необходимость ее заката;

– различие между видимостными механизмами ее функционирования и существенными чертами товарных отношений

[1] У такого подхода, впрочем, есть свои резоны: «Капитал» тоже отражает, прежде всего, развитое состояние капиталистической экономики. Так что анализ, прежде всего наиболее развитого вида определенной экономической системы теоретически вполне правомерен, если… он не выдается за характеристику экономики вообще, как это происходит в случае с economics и не происходит в случае с «Капиталом».

[2] Отчасти такой анализ проделан в статье А. Бузгалина «Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке» (Вопросы экономики. 2003. № 3).

и капитала, лежащими в основе этой видимости, и скрытыми превратными формами так, как хороший макияж и модные одежды скрывают действительную внешность и возраст женщины;

– ростки и элементы реальных нерыночных (в том числе и пострыночных) отношений в современной мировой экономике;

– теоретические модели, объясняющие кто, как и почему может и будет способствовать рождению новых, идущих на смену рынку и капиталу, отношений.

И поскольку такие теоретические построения опасны, постольку их можно и должно (с точки зрения адептов «рыночноцентричной» модели) не замечать как не существующие или объявлять маргинальными (что не лишено своеобразных оснований – Коперник и Галилей 500 лет назад тоже были «маргиналами»), а в случае невозможности этого – объявлять ложными. Если же и это не удается, то можно переходить и к административно-политическим методам (в демократических странах последние, как правило, используются редко и осторожно).

Классическая политическая экономия и ее современные достижения позволяют также по-новому взглянуть на ключевые категории экономической жизни.

Использую только три примера: трактовку таких категорий, как «человек», «государство» и «фирма», в современной марксистской теории.

Начинать изучение основных положений классической политэкономии и, в частности, марксизма в вопросах, касающихся человека в его социально-экономическом бытии, следует с понимания того, что проблема Человека марксизмом всегда принципиально рассматривается как междисциплинарная. Не менее важно и то, что в рамках этой теории понятие «Человек» не случайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности, позволяющая сравнивать между собой различные общественные (в частности, экономические) системы.

Также в классической политэкономии показывается, что социально-экономическая природа Человека качественно различна

в разных экономических системах. Соответственно, принципиально различны цели и мотивы деятельности, социально-экономические нормы поведения человека и, следовательно, социально-экономическая природа этого актора.

Следующим ключевым положением с точки зрения классической политэкономии необходимо считать то, что Человек в условиях экономической общественной формации включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т. п.), которые, в свою очередь, существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы и – главное – социально-экономические интересы.

Соответственно, проблема рациональности не только в классической политэкономии, но и в экономической теории в целом должна стоять не столько как вопрос большей или меньшей рациональности, сколько в качестве проблемы особенного конкретно-исторического типа рациональности. Этот тезис позволяет сделать вывод, что в экономике существуют качественно различные типы рационального поведения человека, характерные для разных социально-экономических систем и представителей разных социальных страт.

Продолжим. С точки зрения теории марксизма человек – это не только продукт определенных производительных сил и объективных общественных отношений (прежде всего, производственных), но и творец истории. Это две противоположных и единых в рамках общественной экономической формации ипостаси бытия Человека.

Существенно, что за последние десятилетия в неоклассике и теориях, базирующихся на ее методологии, появились относительно новые разработки в области проблемы Человека.

К числу таких «открытий» относятся разработки представителей нового институционализма, обнаруживших, что на процесс принятия решений и выбор индивидов влияют институты. Здесь, что называется, комментарии излишни: это прямое заимствование одного из выводов марксизма. Как мы уже не раз отмечали, представители нашей школы столетие назад показали, что, в частности, производственные отношения определяют социальный тип человека, его интересы, ценности и мотивы. «Пе-

ревод» этого тезиса с языка марксизма на язык институционализма и сведение проблемы к описанию форм производственных отношений (без анализа сущности и ее противоречий) – такова была бы «заслуга» данного направления в этом вопросе[1], если бы не существенный «нюанс». А «нюанс» этот неслучаен и значим: новый институционализм предлагает конкретные разработки, раскрывающие важные для процессов накопления капитала формы отчужденного бытия человека в условиях позднего капитализма. В последнем вопросе новый институционализм действительно преуспел, раскрывая вслед за Беккером все новые и новые формы «орыночнивания» человека и его подчинения глобальной гегемонии капитала. Для практики главных акторов рыночной системы (мы скажем жестче и определеннее: буржуазии вообще и номенклатуры глобального капитала в частности) это, спору нет, весьма важные теоретические результаты, имеющие большие перспективы практического применения.

Так и получается, что в стремлении приблизиться к реалиям экономических отношений новый институционализм вынужден многое заимствовать из марксизма, но делать это так, чтобы никто не заметил заимствования (для чего применяется метод переименований и «перевода» известных положений на новый «язык», что и создает видимость абсолютной новизны). Так происходит своеобразное «приспособление» теории и методологии марксизма к нуждам практики глобального капитала.

Вернемся к недавним «открытиям» неоклассики в области теории человека.

К числу таких «прозрений» относится формулировка, по сути дела, диалектического противоречия, указывающего на ограниченность неоклассической методологии: по признанию адептов последней, как только эта теория пытается выйти за рамки абстрактно-одномерной модели экономического человека, описание поведения индивида теряет операциональность и утрачивает удобства формализации. Так, в рамках «основного тече-

[1] Подчеркнем и еще один важный пункт: как и все остальные теории, выросшие из неоклассики, новый институционализм рассматривает человека вне его конкретно-исторической и социально-классовой обусловленности.

ния» возникает выбор: либо слишком упрощенная, но операциональная модель, либо учет реальной сложности объекта, но утеря операциональности.

На наш взгляд, однако, эта дилемма отчасти снята в некоторых современных работах, принадлежащих к неоклассической парадигме. Так, например, этой теории удается начать строить модели, учитывающие, что: 1) у людей наличествуют долгосроные устойчивые интенции к осуществлению действий, направленных на общественное, а не частное благо; 2) люди не только конкурируют, но и вступают в отношения солидарности; 3) существуют не только частные интересы индивидов, но и единые для них общественные экономические интересы.

Все эти «открытия» в основе своей повторяют основные положения марксистской политэкономии (в том числе – советской), но при этом: 1) дополняют их «операциональностью» и 2) знакомят читателей, не способных (или не желающих) познакомиться с марксизмом, с важными аспектами социально-экономического бытия человека. Как таковые они заслуживают позитивной оценки, которая была бы еще выше, если бы эти авторы указывали марксистские основания своих «новых» идей, не забывая про ссылки на первоисточники. Сие, ко всему прочему, могло бы существенно помочь им в дальнейшем исследовании данного круга проблем, при помощи совместных усилий преодолевающих догматизм марксистов и «прозревших» (способных увидеть нерыночные отношения в экономике) неоклассиков.

Наконец, заметим, что для марксистской экономической теории также принципиально значимым является исследование не только индивидов, но и таких акторов, как коллективы, социальные страты, классы. Более того, важен вопрос о том, что есть общество и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными общенародными экономическими интересами.

Напоминая, что с точки зрения политической экономии общенародные интересы – это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. Общечеловече-

ский интерес сохранения и рекреации природы – это реальный фактор, обусловливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат; это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение невозобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т. п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т. п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только…

Вернемся к проблеме различий в понимании ключевых акторов экономики в марксизме и economics.

Не менее сложна, чем вопрос о природе и роли Человека, проблема трактовки государства и его роли в экономике. В политической экономии государство предстает как исторически различный актор, специфический для разных экономических систем, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учет, контроль, регулирование, программирование и т. п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т. д. Кажущееся сходство в определении «фирмы» в марксистской политэкономии и economics тоже оказывается видимостью. С одной стороны, economics (и даже новый институционализм), по сути дела, заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: обособленный владелец товара (в развитом виде – капитала), целью которого является максимизация прибыли и для которого харак-

терны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи. Все три пункта восходят к классическим предшественникам Маркса и развиты в «Капитале». Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) и первое, и второе, и третье (в последнем особенно преуспел новый институционализм, который «открыл», что фирма – это система, в рамках которой нерыночные связи эффективнее рыночных, повторив на новый лад старый добрый вывод «Капитала» о внутрифирменной планомерности).

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в разных экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма – простая капиталистическая кооперация; развитого индустриального капитализма – капиталистическая фабрика; постиндустриальной системы – капитал-сеть и т. д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии «фирма» – это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии направлений – классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке…

И все это в конечном итоге потребует ответа на ключевые вопросы:

– что и для чего изучают эти науки;

– кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают, чьи интересы лежат в основе «социального заказа», реализуемого исследователями;

– что, как и почему они (вследствие этого) рекомендуют экономическим акторам и каким именно акторам в первую очередь: потребителю? бизнесу? профсоюзу? государству? партии (правой? центристской? левой?) НПО? социальным движениям?[1]

Так мы приходим к важному выводу: практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ economics и политической экономии…

Потенциал неоклассической экономической теории и классической политэкономии: пределы

…А продолжим мы его апелляцией к риторическим вопросам: признаем ли мы, что мир качественно изменчив и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; признаем ли мы, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; более того, признаем ли мы, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых economics? Если мы признаем все это, а также примем во внимание сформулированные выше различия политической экономии и economics, то мы сможем

[1] Даже если ученый-обществовед в соответствии с заветом своего естественно-научного собрата скажет, что его теория адресована всем, кому дорога истина, он никуда не сможет деться от того, что «истины» одних будут использовать консерваторы, других – социал-демократы, третьих – … И настоящий ученый должен отвечать на вопрос, почему его теорию использует та или иная общественная сила. И Вы знаете, каким, скорее всего, будет ответ: потому, что только эта сила заинтересована в честном отображении действительного положения дел и политически неангажирована. Так, например, «экономические империалисты» в своем большинстве уверены, что такой общественной силой является бизнес, доверяющие ему граждане и представляющие их интересы партии, а все, кто им так или иначе противостоит, – идеологически ангажированы (в отличие от «идеологически нейтральных» сторонников «основного течения»).

сформулировать весьма важные методологические гипотезы, показывающие спектр проблемных полей, которые economics не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономии, причем заимствуя поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и economics.

1. «По ту сторону» economics, по сути дела, остаются все вопросы исследования нерыночных экономических систем и нерыночных экономических отношений; эта теория «рыночноцентрична»; все, что нерынок, для нее не существует, или истолковывается по принципу «рыночноподобия», или оценивается как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму.

2. Даже если абстрагироваться от нерыночных систем, economics принципиально не исследует рынок (мы бы сказали, систему товарных, в частности, капиталистических отношений) как исторически-конкретную, т. е. возникающую и преходящую систему. В его рамках просто нет достаточных методологических и теоретических оснований для такого исследования.

3. Economics дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» – сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката – эта теория даже не ставит и не может ставить.

4. Economics оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе производства и распределения, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как производственно-экономические, так и социально-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций и т. д.

5. По ту сторону economics оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства). Ответы на вопросы о причинах кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного качества роста, соотношения роста и развития, экономических основах социально-гуманитарного прогресса (регресса) и т. п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя дает только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не квантифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т. п.).

6. За небольшим исключением работ, написанных постмарксистами, economics игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов. За ее бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, не рассматривается вопрос о том, почему и как определенный тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции – доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Бодрийяром ориентация на производство симулякров, все более характерное для капитализма эпохи постмодерна… Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. В большинстве случаев economics малопригоден для анализа качественных социально-экономических трансформаций. Мировая экономика XX-XXI вв. знаменуется началом качественных перемен, которые в рамках economics не находят адекватного отображения, фиксируясь как либо «внешние эффекты», либо временные состояния, связанные с незавершенностью продвижения к идеальной [рыночной] модели, либо как исключения из правил. Для экономических исследований и преподавания экономических дисциплин (а это процессы, идущие в эпоху интеграции науки и образования рука об руку) в эпоху качественных изменений в общественной жизни принципиально актуальными становятся парадигмы, акцентирующие внимание

на качественной стороне, причинах и природе, закономерностях э- или инволюции, прогресса или регресса экономик, критериев последних и т. п. А это означает, в частности, изучение границ и пределов систем, обладающих конкретным системным качеством, их противоречий и т. п. материи, «запретной» для economics. Такие исследования и такое образование позволяют не бояться видеть новое, адекватно его оценивать (т. е. оценивать как новое качество, тип экономики, а не особую [странную] разновидность рынка) и, что особенно важно, не впадать в редукционизм.

8. Наконец, для economics, по большому счету, существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального – по сути дела, от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, – эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что нельзя «строго» (т. е. при помощи сколь угодно далекой от реалий, но математически выверенной модели) отобразить и верифицировать.

В результате сторонники исключительно математизированной (абсолютно доминирующей) ветви неоклассической теории оказываются в положении героя известного анекдота, который искал не там, где потерял, а там, где светло. Объектом исследования такой теории становятся только те проблемные поля, которые отражены в той или иной статистике, представлены в виде количественных данных. Между тем экономическая статистика объективно поставлена в условия, когда она должна и может отражать преимущественно те данные, которые нужны для оптимизации принятия решений в области функционирования тех или иных акторов современной экономики, основными из которых являются те или иные формы капитала и государства. В результате огромные пласты длительных, качественных изменений в социально-экономической жизни остаются вне сферы внимания и как бы «объективно» выпадают из сферы исследования…

А теперь несколько слов самокритики: классическая политическая экономия – это наука, которая ставит перед собой за-

дачу объяснения природы и закономерностей возникновения, развития и смены социально-экономических систем.

Как таковая она оказывается мало эффективна в деле решения тех проблем, которые наиболее востребованы практикой бизнеса – проблем поиска наиболее эффективных решений в области продаж и покупок, получения и выдачи кредитов, осуществления разнообразных финансовых операций, игры на бирже, прогнозирования макроэкономических индикаторов на несколько месяцев (или, максимум, лет) вперед…

Наша наука в основном бесполезна для осуществления исследований, направленных на поиск путей улучшения функционирования тех или иных фирм и государственных структур в кратко- и среднесрочном периоде. И в этом смысле она мало полезна тем, кто платит за экономические исследования, и тем, кто хочет получать деньги за экономические исследования в современном мире.

Такова огромная бочка дегтя, в которой, на первый взгляд, тонет ложка политэкономического меда.

Однако!

Классическая политическая экономия и особенно ее современные разработки объективно необходимы всем тем, кто хочет понять:

– природу и стратегические закономерности эволюции/инволюции, прогресса/регресса современного глобального социально-экономического мироустройства и национальных социально-экономических систем. Мы были способны предсказать и предсказали и грандиозный спад в экономиках экс-СССР в результате проведения политики «шоковой терапии», и мировой экономический кризис 2007-2009 гг.;

– экономические основы формирования интересов, качественно определенных ценностей и мотивов поведения больших социальных групп, причины и стратегии их действий, борьбы, сотрудничества и т. п.;

– потенциал и пределы существующих социально-экономических систем и возможные направления, сценарии, противоречия их трансформации;

– причины и природу качественных изменений в социально-экономической жизни – от масштабных реформ до социальных революций;

– противоречия взаимосвязи и взаимообусловленности изменений в технологиях, экономических и социальных отношениях, политике, идеологии и культуре;

– объективные социально-экономические детерминанты формирования и эволюции национальных экономических систем и противоречия глобализации…

Иными словами, наша наука нужна и «рядовому» гражданину (любому – рабочему и бизнесмену, государственному чиновнику и учителю), и профессиональному экономисту в той мере, в какой он (она) хочет не слепо плыть по течению, максимизируя количество денег в кошельке и надеясь, что ему кто-то правильно предскажет завтрашний курс доллара, а понимать закономерности существующего социально-экономического процесса, его прошлое и будущее и сознательно строить свою жизненную стратегию.

П. В. Касьянов

РАСШИРЕНИЕ РАМОК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное состояние общества можно кратко охарактеризовать как глобальный цивилизационный кризис, который, так или иначе, проявляется во всех сферах жизни общества: в экономике, политике, науке, образовании и других областях. В случае политической экономики на объективно развивающийся финансово-экономический кризис накладывается кризис экономической науки, затрагивающий в том числе и политэкономию, хотя, на наш взгляд, по сравнению с прочими направлениями и течениями экономической науки политэкономия находится в относительно лучшем положении.

Анализируя ситуацию в политэкономии, приходится начать с самого названия этой науки: «политэкономия», или «политическая экономия». Со второй половиной термина проблем не возникает, чего не скажешь о первой – «политической». Как известно, этимологически корень «полит» восходит к греческому «πολίτευμα» в значении «государственное устройство», «образ правления» (государственного), исходя из чего можно говорить о политэкономии как о теории экономики в государственном масштабе. В эпоху финансово-экономической глобализации и доминирования фиктивных (виртуальных) финансовых капиталов и отношений, с ними связанных, политэкономия должна выходить за традиционные рамки, во-первых, экономики в масштабах государства и, во-вторых, за рамки собственно производственных отношений, поскольку операции в сфере фиктивного финансового капитала не являются отношениями производственными. Исходя из этого, можно было бы переименовать политэкономию современного периода в «теорию глобализированной экономики доминирования финансового капитала». Но это предложение внесет еще больший диссонанс, разлад в ряды политэкономистов, которые и без того придерживаются различных взглядов даже на сам предмет политэкономии. Поэтому термин «политэкономия» следует сохранить, имея в виду изменение его содержательного наполнения. В частности, первую часть «полит», на наш взгляд, актуально трактовать в русле современного понятия «политика» – политика как искусство управления государством, международными отношениями, обществом. Сохраняя уже давно устоявшееся название научной дисциплины, мы не можем не внести изменений в представления об объекте и предмете этой науки. В любом случае важно, чтобы предмет и методы политэкономии позволяли получать адекватные ответы на ключевые и принципиальные вопросы состояния и тенденций в мировой экономике и экономике страны. С практической точки зрения это даже важнее (схоластической) точности определений предмета, методов и т. п.

Что касается экономических или экономико-финансовых аспектов глобального кризиса, то здесь, казалось бы, картина

достаточно понятная. Причина кризиса – гипертрофированное развитие финансового сектора, доминирование «виртуальной» экономики над экономикой реальных товаров и услуг, финансово-экономическая глобализация и отчасти глобальная же либерализация (которая, впрочем, вызывает как отрицательные, так и некоторые положительные последствия, разнящиеся для стран с различными типами экономик и от критериев самой оценки) и приближение к пределам возможного разрыва между виртуальной и реальной экономикой и одновременно к пределам возможностей поддержания долларовой системы за счет гипертрофированного роста фиктивной финансовой сферы.

В таком случае применительно к России в общем смысле причины экономического кризиса – это, с одной стороны, «проекция» глобализационных процессов на специфику экономики России, которая заключается, главным образом, в значительно меньшей устойчивости в силу, прежде всего, различных структурных проблем и проблемы несуверенности, а с другой стороны, это внешнее, в том числе целенаправленное разрушительное, воздействие на нее (санкции, снижение цен на нефть и др.). Впрочем, следует назвать и принципиальную ущербность сформированной в России в начале 1990-х гг. экономической модели безотносительно к проблеме предела возможностей поддержания глобальной долларовой системы за счет гипертрофии финансового сектора, поскольку механизм разрушения (глобализационно-либерализационный) российской экономики работает почти независимо от того, достигнут ли предел поддержания долларовой системы или нет.

Исходя из этого, можно сформулировать достаточно разумные рекомендации как применительно к глобальной экономике, так, тем более, и для российской. Однако анализ проблем на таком уровне представляется сегодня явно недостаточным. А более высокий уровень осмысления требует уточнения и предмета политэкономии, и отчасти методов, и соответственно развития и разработки ряда направлений политэкономии.

Основными научными проблемами политэкономии, на наш взгляд, являются следующие:

1. Обычно упускается, что финансово-экономический кризис является составной частью общецивилизационного кризиса, прежде всего, «западной» цивилизации как доминирующей в «силовом», в том числе в финансово-экономическом, военном и технологическом отношениях, поэтому и выход из кризиса не может быть обеспечен в рамках каких бы то ни было изменений экономической системы (одной лишь экономической системы). Сложилась финансово-экономическая система с доминированием в ней паразитической составляющей, когда не экономика служит человеку и обществу, а человек является ее заложником и средством, причем средством не просто развития экономики, а максимизации доходов и концентрации власти в руках глобальных олигархов, и чем больше и эффективней работает индивид, тем в большей мере он способствует ускорению концентрации этой власти в руках глобальной финансократии; в то же время развитие экономики в рамках доминирования финансового капитала ведет к деградации человеческой личности, что уже вполне очевидно проявлено в странах запада и в самой России, хотя и в меньшей степени. В этом отношении политэкономии нужно качественно углубить понимание роли экономики в эволюции (деградации) общества, представления о человеке («типах человека») и выработать принципы экономики, ориентированной на всестороннее развитие человека: духовное, интеллектуальное, физическое (в этом направлении автором предложена концепция «гуманистической экономики»); сформулировать новые представления об общественном прогрессе. По большому счету необходим выход за рамки Ньютоно-Картезианской парадигмы, расширение предмета и развитие методологии политэкономии.

2. Объективность социально-экономических процессов понимается упрощенно, вследствие чего, например, обычно игнорируется возможность того, что ход общественного развития может привести (а по факту уже привел) к резкому усилению субъективного фактора в силу, прежде всего, колоссальной концентрации и централизации капитала, в том числе через акционерные механизмы (пакеты голосующих акций) контроля над активами в руках узкого круга глобальных олигархов (десятки

или первые сотни юридических и физических лиц) [1, 2]. Недооценивается также размах и значение международной преступной деятельности, и это не только торговля наркотиками и незаконный оборот оружия, но и поддержка международного терроризма, организация государственных переворотов, войн, массированных дезинформационных кампаний. Такой подход подрывает возможности выработки адекватных мер по преодолению кризиса, поскольку не учитывается могущественный персонифицированный (но юридически, формально не проявленный) актор, противник, силы и возможности которого превышают таковые у большинства правительств самых крупных государств (решение этой проблемы также предполагает некоторое уточнение предмета политэкономии современного периода).

3. С предыдущей проблемой также связана недооценка политических факторов воздействия на экономическую ситуацию и наоборот, особенно на глобальном уровне, или точнее даже – переплетения политических, информационных, экономических и финансовых аспектов общественного «развития» в некую систему, по крайней мере, со стороны одного «полюса» – полюса глобальной олигархии, которая использует финансово-экономические инструменты и активы для укрепления своей опосредованной (через институты формальной власти, СМИ, рекламу и другие институты и инструменты) и прямой (через распоряжение финансами и активами, управление финансовыми институтами) власти, а свою власть для укрепления финансово-экономических позиций, проще говоря – для еще большего обогащения. Здесь же следует отметить необходимость пересмотра учения о «базисе и надстройке», которая, впрочем, диктуется и гораздо более фундаментальными причинами философского уровня осмысления, а не только характерным для нашего времени сплетением воедино финансово-экономических и политических аспектов. Соответственно, традиционно, по инерции переоценивается роль государства и недооценивается роль централизованного транснационального капитала, подчиненность положения правительств и десуверенизация государств.

4. Также со второй проблемой отчасти связана и проблема недооценки значения факторов паразитической экономики, паразитического присвоения (прежде всего, в виде банковского процента, валютных спекуляций и спекуляций на рынке золота, частной эмиссии «государственных» и мировых денег, не обеспеченных эмитентом), которые рассматриваются марксистами лишь как один из аспектов и каналов перераспределения прибавочной стоимости. Впрочем, как и предыдущая – третья проблема, четвертая проблема имеет и фундаментальную причину. Во-первых, прибавочная стоимость – не единственный источник формирования паразитических доходов, например, такими источниками являются земельная, горная, лесная рента и прочие виды природной ренты (дифренты первого рода) – рентного дохода, обусловленного лучшими природными условиями, когда при одних и тех же трудозатратах (точнее, вообще при всех прочих равных условиях) производится больший объем продукции (*например, не 15, а 60 центнеров зерновых с гектара*), большая стоимость, либо такой же объем продукции (такая же стоимость) производится с меньшими затратами труда (*при обработке не 1 гектара, а всего лишь 25 соток*). За последний век именно паразитические финансовые механизмы и институты заняли доминирующие позиции и подчинили себе не только экономику, но, в значительной мере, и другие стороны жизни общества.

5. Не отвечает реалиям «финансизма» и марксова классовая теория, не говоря уже о поверхностных, страдающих механицизмом (уходящих от сути проблемы) «западных» концепциях социальной стратификации. Западные подходы не случайно оперируют, в основном, внешними проявлениями классовых различий, оставляя без внимания глубинные причины, механизмы и различные сущностные проблемы. Это позволяет создавать и поддерживать представление о том, что в целом устройство такого общества вполне справедливо: больше и лучше работаешь – выше в социальной иерархии находишься. Помимо критерия собственности, необходим учет критерия «паразитизм или созидание», т. е. является ли экономическая деятельность

созидательной, производящей реальные товары и услуги, или «делает деньги из денег».

6. Рентная теория Маркса, теоретические положения о дифференциальной ренте I и II также требуют значительного развития. Причем эта научная проблема наиболее важна и значима именно для России с ее рентодетерминированной экономикой. Во-первых, должны быть описаны не только земельная, горная и лесная ренты, но и виды ренты, соответствующие другим природным ресурсам и условиям, прежде всего, климатическим и дистанционным. Во-вторых, наряду с понятием рентного дохода должно быть введено понятие рентного убытка, раз уж он существует в нашей реальности.

7. Важной проблемой является адекватное отражение в экономической теории экологических аспектов экономики, прежде всего, экологических и природно-ресурсных ограничений, а также хронологических – проблема дисконтирования и циклических – технологические уклады.

Конечно, это не исчерпывающий перечень научных проблем политэкономии, но наиболее значимые, с точки зрения автора. Большая часть перечисленных вопросов отражена в отдельных статьях. Здесь же я остановлюсь на такой, на наш взгляд, недооцениваемой как в теории, так и в практическом отношении проблеме, как ростовщичество, его влияние на ход социально-экономического и политического развития, а в более узком смысле – на масштаб и характер неэквивалентного обмена в обществе, а также проблеме эмиссии мировых денег частными лицами. Из семи выше перечисленных проблем это имеет наибольшее отношение к пятой и второй.

С развитием производительных сил, ростом производительности труда соотношение между прибавочным продуктом и необходимым продуктом (НП) изменялось в пользу прибавочного, при одновременной эволюции количественных и качественных параметров НП, а в дальнейшем, с переходом к обществу потребления, количественное определение НП стало весьма затруднительным даже теоретически, да и сама эта категория де-

факто существенно изменила свой смысл. И ростовщичество оказало на эти процессы очень сильное влияние.

С учреждением ФРС США, получением статуса главной мировой валюты, «отвязкой» доллара от золота, а также с созданием сети международных финансовых институтов для обслуживания интересов финансократии был создан современный финансовый механизм управления реальной экономикой:

– эмиссия (производство) группой частных лиц мировых денег, не обеспеченных реальными активами эмитентов;

– формирование долларовой пирамиды, подчинение финансово-экономических, политических, дипломатических, военных институтов, СМИ;

– раздувание виртуальной (фиктивной) экономики в целях поддержания долларовой системы и обеспечения наибольшей интенсивности процессам неэквивалентного обмена, перераспределения реальных товаров и активов от их производителей (создателей активов) к производителям денежной массы и других фиктивных (виртуальных) активов.

Эволюция форм, видов, способов, масштабов неэквивалентного обмена и их (видов и способов) значимости для социально-экономического и даже общецивилизационного развития заслуживает самого глубокого исследования. Анализ показывает, что, начиная с момента разложения общинного строя, разнообразие способов (видов) неэквивалентного обмена (Н/О), их интенсивность постепенно возрастали, достигнув максимума в современном «западном» обществе. Еще более важно то, что сегодня не может быть ни одного человека, предприятия, государства, которые не участвовали бы в роли объекта паразитизма, в качестве паразита или в обоих качествах (если не иметь в виду людей, ведущих натуральное хозяйство и не связанных с мировой экономикой). Если в дофинансократическую эпоху еще был выбор – включаться в паразитическую систему в том или ином качестве или нет, то сегодня независимо от своей воли все погружены в «недра» паразитической системы, и, даже если кто-то никогда в жизни не брал (и не давал) деньги под процент, он все равно оплачивает проценты в составе цен на всевозможные товары и услуги.

Цена каждого товара, который мы оплачиваем, включает в себя процентную часть. Эта доля колеблется для товаров и услуг, приобретаемых нами в соответствии с величиной затраченного капитала. Несколько примеров из повседневной жизни наглядно иллюстрируют эту разницу. Доля издержек оплаты процентов по кредитам (капитальных затрат) в цене за питьевую воду и канализацию, для которых доля издержек оплаты процентов составляет соответственно 38 и 47 %. В отношении платы за пользование квартирами социального жилищного фонда эта доля составляет 77 %. В среднем доля процентов или капитальных затрат составляет для цен на товары и услуги повседневного спроса 50 % [3].

На рисунке 1 представлены: график распределения доходов в современной финансократической экономике на примере США, а также России, Китая и Индии. Распределение доходов имеет форму (полу) луковицы, у которой стрела примерно в миллион превышает по высоте тело «луковицы». В верхних частях стрелы – хозяева ФРС, США и большей части мира, ниже – крупные банкиры и промышленники, еще ниже – основная (по массе) часть истеблишмента – все, кто активно заинтересованы в поддержке такой финансократической системы (президенты, премьер-министры, руководители важных международных и национальных (США) институтов, биржевые и страховые деятели, ведущие аналитики, консультанты, обозреватели), у корня стрелы – более мелкие служители «системы» (рядовые аналитики, эксперты, журналисты и т. д.). Те, чьи доходы соответствуют верхней части «стрелы луковицы», не просто получают огромные доходы, они паразитируют на всех остальных [4].

Так, примерно 95 % жителей США живут в кредит, сами при этом невольно паразитируя на остальной части человечества, пользующейся долларами. Наибольшего масштаба достигают паразитизм и эксплуатация на международном, глобальном уровне. Китайские трудящиеся работают по 15 часов в сутки, 600 тыс. китайцев, по официальным данным (а по неофициальным – 1,5 млн!), ежегодно умирают от перенапряжения на работе.

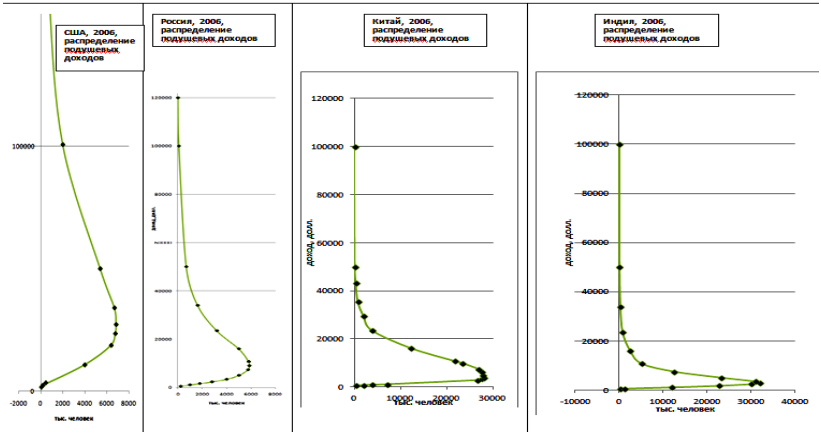


Рис. 1. Распределение подушевых доходов в 2006 г. в США, России, Китае и Индии[1] [5]

На протяжении многих веков неэквивалентный обмен приводил к обогащению одних и к бедности и нищете других (абсолютное большинство). Богатые стремились закрепить свое положение с помощью государственной машины. Богатые (рабовладельцы, феодалы) находились у власти, но не деньги, не состояния обеспечивали им власть, а наоборот, их высокое положение обеспечивало богатство. Появлялись очень богатые торговцы и ростовщики, но долгое (исторически) время они не могли захватить государственную власть, поскольку и светская, и религиозная власть боролись с ростовщичеством, ограничивали его и признавали занятием недостойным верующего (христианина, мусульманина). Сам факт того, что в наше время ростовщичество превратилось в «уважаемое банковское дело», свидетельствует о том, что власть в мире захвачена ростовщиками – финансократами. Произошло это впервые на уровне государств в конце XVII в. в Голландии и Англии. Еще два века понадоби-

[1] Графики составлены, в основном, на основе данных статьи «Parametric estimations of the World Distribution of Income. Maxim Pinkovskiy, Xavier Sala-i-Martin. Working Paper 15433, National Bureau of Economic Research, NBER Working Paper Series, http://www.nber.org/papers/w15433

лись для окончательного захвата власти финансократами в США. И уже через три десятилетия после этого власть финансократии распространилась на большей части земного шара; поражение СССР и России в холодной войне ознаменовало утрату Россией экономического суверенитета.

В XX в. сформирована система автоматического перераспределения (доходов и активов) от производителей товаров к «производителям» денег и виртуальных активов. Объектами паразитизма являются все – кроме «верховных» субъектов паразитизма. Несколько процентов людей являются бенефициарами – получают в виде процентов больше, чем уплачивают сами.

На рисунке 2 показаны основные «включения» паразитизма в стоимость продукта, но эта схема не охватывает многие аспекты Н/О, паразитизма: валютные спекуляции, устройство кризисов и др. Рост производительности труда, с одной стороны, стал фактором, обеспечивающим усиление паразитизма, эксплуатации, поскольку объективно затраты общественно необходимого рабочего времени снизились, с другой стороны, изменил суть НП. Традиционно считается, что НП – это часть произведенного работником общественного продукта, необходимая для нормального с точки зрения существующих социально-экономических условий воспроизводства физических и духовных способностей работника и членов его семьи.

Однако в обществе потребления, для которого характерна непрерывная шкала потребностей от уровня прожиточного минимума до уровня «роскоши» (luxury goods), субъективно необходимым становится то, что соответствует страсти потребления или простой склонности к потреблению; при этом оказывается возможным (практически для всех и каждого) потребить уже сегодня то, на что нет средств, и люди массово совершают выбор: потребить сегодня больше, чем фактически заработал, хотя это может быть и меньше, чем реально произведенная им стоимость. У работника отнимают часть заработанного (стоимости рабочей силы), чтобы дать недостающую часть или даже большую, но уже под процент. Аналогичная схема используется и в отношениях банковской системы с государствами, преимущественно «развивающимися».

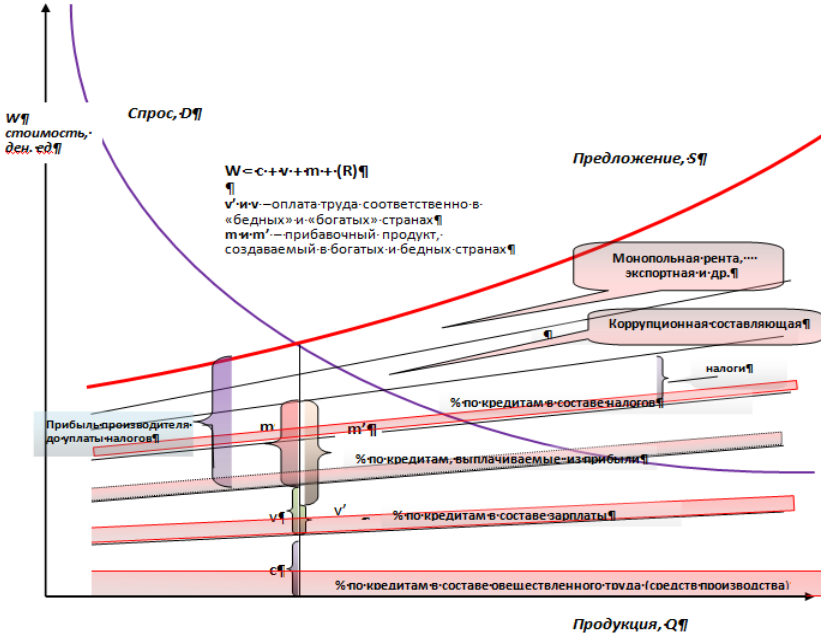


Рис. 2. Процентные (паразитические) компоненты всех слагаемых стоимости продукта [4]

Современная формула стоимости, на наш взгляд, приобрела вид:

(C + c%) + (V + v%) + (M + m%) + (R) = W = средняя цена,

где c%, v% и m% – это процентные (паразитические составляющие) в составе, соответственно, стоимости овеществленного труда, стоимостного выражения необходимого труда и стоимости прибавочного продукта; R – различные виды рентных доходов, сводимых к монопольной ренте в широком смысле этого понятия (это и природная рента (результат использования эксклюзивных прав на добычу полезных ископаемых из того или иного месторождения), и брендовая рента, и монопольная рента в узком смысле (за счет контроля рынка) и др.). В формуле рента «R» поставлена в скобки, поскольку она не является обяза-

тельной составляющей для всех видов товаров, но в то же время является устойчивым элементом цены для многих товаров.

Наиболее общая рекомендация в русле нормативной экономики: должны быть исключены любые ныне легальные способы паразитирования, т. е. как первичного присвоения прибавочной стоимости частным образом, так и вторичного, третичного и т. д. ее перераспределения с помощью процентов и инструментов фиктивной (виртуальной) экономики.

Должна быть разработана альтернативная финансократической система как власти в обществе, так и справедливого вознаграждения общественно полезного труда с установлением прямой зависимости вознаграждения от общественной полезности, исключением любой возможности для реализации обратной зависимости, при этом должны быть зафиксированы абсолютные и относительные размеры минимума и максимума оплаты рабочего времени. Прибавочный продукт должен обобществляться, использоваться для нужд всего общества (необходимо изучение, использование и развитие опыта СССР и других соцстран).

Литература

1. Глаттфельдер Дж. Ownership Networks and Corporate Control: Mapping Economic Power in a Globalized World: дис. (for the degree of Dr. sc. ETH Zurich presented by James Glattfelder, Diss. ETH № 19274).

2. Касьянов П. В. Практические воплощения конфликта труда и присвоения в мировой истории // Россия и человечество: проблемы миростроительства: материалы семинара. М.: Научный эксперт, 2012. Вып. 8.

3. Кеннеди М. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. М., 2011.

4. «Parametric estimations of the World Distribution of Income. Maxim Pinkovskiy, Xavier Sala-i-Martin. Working Paper 15433, National Bureau of Economic Research, NBER Working Paper Series, http://www.nber.org/papers/w15433.

5. The Network of Global Corporate Control. Stefania Vitali, James B. Glattfelder, Stefano Battiston. Chair of Systems Design. 19 September 2011. http://arxiv.org/pdf/1107.5728v2.pdf. (также: http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995).

Н. Д. Елецкий

ПРЕДМЕТНАЯ СПЕЦИФИКА И СТРУКТУРНАЯ ЛОГИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Современная цивилизация развивается под воздействием доминирующего влияния тенденций и закономерностей глобализации на все основные стороны, элементы и качества объективных социальных процессов и их субъективного отражения в сфере научного знания. В системе экономических наук это проявляется, прежде всего, в модификации предмета общей экономической теории и в возникновении новых направлений экономико-теоретического знания, отражающих сущностные качества, зависимости и закономерности новых явлений экономической действительности, возникающих в условиях экономической глобализации [5]. Очевидны объективные предпосылки трансформации предмета традиционных для зарубежной экономической теории направлений микро- и макроэкономики: модели микроэкономики необходимо модифицировать с учетом превращения транснациональных (а в ведущих отраслях – глобальных) корпораций в основную современную форму первичного хозяйственного звена (комплекса) и соответствующей модификации механизмов ценообразования, формирования и распределения глобальной (всемирной) прибыли [7] и налогообложения; макроэкономический подход требует перехода от понимания экономической системы в целом как феномена, сущностные закономерности которого формируются в рамках границ отдельных государств, к выявлению этих закономерностей на уровне мирохозяйственной системы. Соответственно, роль основного макроэкономического субъекта переходит от отдельного госу-

дарства к различным межгосударственным образованиям и к институтам глобального экономического управления [8].

Вместе с тем, становится все более очевидным, что фиксируемые на эмпирическом уровне тенденции экономической глобализации являются лишь внешним проявлением глубинной трансформации самого существа экономической цивилизации, и для системной характеристики происходящих изменений недостаточно инструментария различных направлений «экономикс», предмет которых соотносится с уровнем закономерностей рыночного хозяйственного механизма. Исследование причин, необходимости, сущности, противоречий и перспектив тех процессов, которые трансформируют социальную природу современной экономической цивилизации, является возможным лишь в предметном поле общей экономической теории, выполняющей функцию «философии хозяйства», т. е. посредством политико-экономического подхода к выявлению и обобщению сущностных закономерностей экономической действительности [13]. Методологическая преемственность с предшествующими этапами развития экономической науки прослеживается в том, что формирование системных политико-экономических моделей предполагает, как и ранее, обобщение материалов и эмпирических зависимостей, являющихся объектом и результатом исследовательской деятельности в рамках конкретно-экономических дисциплин; вместе с тем, историческая специфика проявляется сегодня в том, что объекты и этих дисциплин характеризуются масштабами и зависимостями, отражающими глобальные уровни экономических взаимодействий.

В то же время, несмотря на существенное обновление объекта исследования в условиях глобализации, сохранение терминологической традиции в названии науки является не только оправданным, но и логически обоснованным, поскольку и в этих условиях сохраняется «предметное ядро» политической экономии – непосредственной актуальностью характеризуется необходимость изучения отношений собственности, теоретическое исследование которых составляет основной вопрос политической экономии [4, 12]. Важнейшей сущностной особенностью современного этапа эволюции экономической цивилизации яв-

ляется глобализация отношений собственности, что составляет, вместе с тем, объективную основу модификации предмета политической экономии и возникновения ее нового раздела, постепенно приобретающего ведущую роль в системе содержательного корпуса общей экономической теории, – мировой политической экономии.

Глобализация производительных сил и производственных отношений составила объективную основу тех изменений в мирохозяйственной системе, теоретическим обобщением которых стали новые направления в мировой экономической науке, определяемые как мировая, глобальная, международная политэкономия, геоэкономика и т. д. Вариантность, размытость, нестрогость терминологии и отсутствие общепризнанных конвенций отражают как системную незрелость объекта, так и гносеологическую специфику предмета политической экономии на качественно новом этапе ее эволюции.

Методологическая общность названных и других, примыкающих к ним по проблематике, направлений мировой экономической науки, по существу, ограничивается признанием аксиоматичности принципа холизма и пониманием невозможности объяснения ключевых закономерностей и перспектив развития глобальной экономики на основе предшествующего соотнесения предмета политической экономии с масштабами национально-государственных или иных частей и сторон мирохозяйственной системы. Что же касается предмета исследования, то в его трактовке наблюдается широкий спектр подходов, тяготеющий, в целом, к проблематике взаимосвязи экономических и политических факторов в глобальных взаимодействиях, роли экономических интересов в глобальных властных отношениях, а также к вопросам эффективности международной торговли. Фрагментарность и нечеткость предметной определенности способствуют второстепенности роли данных научных направлений в парадигмальной структуре «мэйнстрима» и признанию их, в лучшем случае, в качестве междисциплинарных субдисциплин в предметном поле теории международных экономических отношений [14].

Между тем ориентированная на классическую традицию трактовка основного вопроса политической экономии как вопроса о собственности выявляет системную предметную определенность мировой политической экономии как науки о генезисе, содержании и структуре отношений глобальной собственности. Составляя сущностную основу предмета мировой политэкономии, актуализирующийся вопрос о глобальной собственности структурируется далее в элементах корпуса науки через исследования механизмов глобального экономического управления и реализации интересов субъектов глобальных взаимодействий. Тем самым «статус» мировой политической экономии определяется не в качестве «субдисциплины», а в качестве методолого-теоретической основы всей современной системы экономических наук.

Процесс глобализации отношений собственности характеризуется множественностью предпосылок и форм генезиса. Ключевое значение, в соответствии с общей логикой политико-экономического дискурса, имеет глобализация производительных сил. Глобально-информационный способ производства, базирующийся на информационных ресурсах и формах богатства, исходно характеризуется общепланетарными масштабами и механизмами экономической деятельности. Информационные факторы производства и формы богатства генетически воплощают в себе качества всеобщности, которые получают организационно-экономическую форму воплощения в атрибутивных для них механизмах глобального управления. Вместе с тем, новый способ производства не может возникнуть иначе, как на базе предшествующего, и в течение достаточно продолжительного исторического интервала сосуществует с ним, опираясь на его ресурсы и постепенно подчиняя и преобразуя предшествующие технологические и социально-экономические элементы, параметры и структуры производственного процесса.

Для глобально-информационного способа производства предшественником является индустриальный, и специфической особенностью современного состояния производительных сил стала актуализация проблемы формирования глобальной собственности на ресурсы в результате однонаправленности векторов

современной динамики генетически и функционально разнородных видов производственной деятельности, базирующихся на ресурсах как традиционного типа (в силу их прогрессирующей ограниченности), так и на информационных ресурсах, социально-экономическая природа которых исходно характеризуется качеством всеобщности и неограниченной воспроизводимости. Диалектически взаимосвязаны тенденции глобальной информатизации и неоиндустриализации, что отражает особенности переходного состояния производительных сил, когда развитие индустриальных технологий в новейших отраслях возможно лишь посредством глобализирующихся информационно-компьютерных технологий и механизмов экономического управления [3]. Глобализация экономического управления отражает противоречивое взаимодействие новейших коммуникационных элементов производительных сил информационного общества и необходимости централизованного в общепланетарных масштабах регулирования использования сокращающихся традиционных производственных ресурсов.

В течение последних десятилетий возникли явные формы генезиса и утверждения отношений глобальной собственности, связанные с непосредственным использованием различных форм ресурсов в глобальных масштабах. Расширяется сфера прямого признания тех или иных объектов собственностью всего человечества и юридическое санкционирование такого признания в форме договора между ведущими акторами глобальных взаимодействий с одновременным или последующим присоединением к данному договору большинства других субъектов международных отношений. Наиболее известные примеры такого механизма – система соглашений о режиме использования общих ресурсов Мирового океана, Договор об Антарктике, договоры по космосу. Субъектами такого рода договоров или соглашений, как правило, выступают государства, при этом в некоторых случаях дополнительным фактором международной легитимности является заключение договоров под эгидой или при участии общепризнанных глобальных организаций и, в первую очередь, ООН.

В отличие от отношений, регулируемых международными договорами, прямо определяющими те или иные объекты глобальной значимости в качестве достояния всего человечества, технически более сложные и опосредованные механизмы формирования общемировой собственности возникают при заключении соглашений, имеющих функциональную или отраслевую специфику. Так, в качестве механизма институционализации общемировой собственности на глобальные атмосферные ресурсы можно рассматривать международные соглашения по Монреальскому и Киотскому протоколам («Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой», 1987 г.; «Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата», 1997 г.). Определение лимита глобальных вредных выбросов в атмосферу посредством установления квот отдельных государств можно рассматривать как следствие фактического признания атмосферного воздуха собственностью всего человечества и разработку механизмов использования данного общепланетарного ресурса субъектами нисходящих социальных уровней на основе принципов, сформулированных и признанных на глобальном уровне. Отказ от признания в данном случае этих принципов такими ведущими субъектами мировой экономики и политики, как США и Канада, отражает, в частности, постепенность и противоречивость процесса формирования общемировой собственности в условиях сохранения не только различий, но и многообразных вариантов противоположностей глобальных интересов национально-государственным, а тем более частнохозяйственным.

Квотирование вредных выбросов в атмосферу является, вместе с тем, косвенной формой лимитирования объемов производства в соответствующих отраслях. Такого рода лимитирование может осуществляться и прямо – именно так происходит в глобальной нефтедобыче в соответствии с решениями ОПЕК. Деятельность данной организации как по установлению квот нефтедобычи, так и по регулированию цен на нефть и величины доходов стран-участниц также можно рассматривать в контексте процесса формирования общемировой собственности на нефтересурсы, так как посредством отмеченного механизма, по

существу, формируется объем глобального дохода в данной отрасли, а присвоение дохода от функционирования фактора производства выступает как основная форма экономической реализации собственности на данный фактор. Вместе с тем, деятельность ОПЕК демонстрирует динамику диалектики формирования общемировой собственности и механизмов ее взаимодействия на этапе формирования с иными, предшествующими и социально нисходящими собственническими отношениями: элементы фактического использования ресурса как общемирового сложно сочетаются с присвоением доходов на государственном и частном уровнях.

Проявление переходного характера экономических отношений в процессе формирования глобальной собственности можно наблюдать также в деятельности крупнейших ТНК, трансформирующихся в глобальные корпорации (ГК), и межкорпоративных альянсов. Данные корпорации осуществляют присвоение определенного вида ресурсов и производство некоторых видов продукции в глобальных масштабах; ими также устанавливаются цены мирового рынка и критерии рентабельности в соответствующих отраслях и подотраслях мировой экономики, формируются технологические и потребительские стандарты, проводятся глобально значимые научные разработки и определяются стратегические направления развития. Вместе с тем, присвоение доходов осуществляется этими корпорациями на основе традиционных принципов и механизмов частной собственности; процессы общемирового и частнокорпоративного присвоения доходов отождествляются.

Формирующаяся в результате деятельности ГК всемирная прибыль отражает экономические параметры функционирования соответствующих отраслей и подотраслей на глобальном уровне, и хотя ее объемы и зависят от осуществляемой монополиями «оптимизации» цен, доходов и налоговых платежей посредством трансфертного ценообразования и перемещения доходов в страны с либеральным налоговым режимом («налоговые гавани») посредством целой системы мер (дивидендов нерезидентам, процентов внешним кредиторам, лицензионных и арендных платежей и т. д.), но суть проблемы заключается не в

этом, а в новой экономической природе всемирной прибыли, воплощающей глобальный характер отношений собственности, формирующихся на основе деятельности ГК и не сводимых к государственно-дискретным экономическим взаимосвязям. Задача точного определения размера дохода ГК, подлежащего налогообложению в некоторой отдельно взятой стране, и «справедливой» (с точки зрения отдельного государства), экономически и юридически корректной фиксации налогооблагаемой базы ГК неразрешима в принципе именно вследствие того, что всемирная прибыль по своей реальной экономической сущности является феноменом глобального, а не государственно-дискретного характера, и действительно имеет глобальную интегративно-системную природу, не сводимую к формальной сумме прибыли, получаемой подразделениями этих корпораций в разных странах.

Переходный характер, отражающий процесс становления глобальных собственнических отношений, проявляется не только применительно к производственным ресурсам, но и к иным объектам, например, к объектам культурного наследия, определяемым как всемирное достояние. Находящиеся на территории конкретных государств такого рода объекты являются, вместе с тем, предметом наблюдения, контроля и частичного финансирования со стороны международных организаций. Переходный характер отношений проявляется при этом и в ином аспекте – объекты всемирного культурного наследия можно рассматривать и как туристические ресурсы, используемые на основе традиционных экономических принципов, и как феномены неэкономического, общецивилизационного порядка с усиливающимся доминированием духовных критериев ценности, и очевидно, что в будущем это доминирование станет преобладающим.

Наибольшими же перспективами в обозримом будущем характеризуются направления развития всемирной собственности, обусловленные переходом к новому, глобально-информационному способу производства. В экономической системе этого способа производства роль основных ресурсов и основных форм богатства переходит к феноменам информационной природы; меняется как объектная, так и субъектная структура отношений

собственности. При этом на ранних этапах нового способа производства сохраняется влияние традиционных форм реализации собственности, существовавших в предшествующие эпохи, в связи с чем разрабатываются механизмы обеспечения и защиты доходов собственников информационных ресурсов и, в частности, права интеллектуальной собственности. Однако по мере развития и усиления роли информационных форм богатства все более явной становится качественно новая социальная природа этих форм и, прежде всего, природа информации как всеобщего ресурса и богатства, «просачивающийся» характер информации, всеобщность ее распространения, применения и использования. Монополизация частного присвоения всеобщего ресурса становится не только не адекватной новым принципам общественных взаимодействий, но и, что самое важное, технически невозможной (и в этом – наиболее глубокие объективные основания тех социальных противоречий, которые обнаружились, например, в связи с обсуждением, принятием и реализацией «антипиратских законов» в России). Реальностью уже сегодняшнего дня является возможность свободного использования колоссальных массивов информации, содержащихся в глобальных информационных сетях, причем использования бесплатного или за символическую плату, что отражает новый социальный феномен – возникновение системы всемирной собственности на информацию с отождествлением в качестве субъекта собственности всего человечества и всех нисходящих уровней социальной субъектности вплоть до отдельного индивида.

Таким образом, предметная специфика мировой политической экономии определяется задачами исследования объективно формирующихся отношений глобальной собственности и связанных с ее генезисом глобальных противоречий, обусловленных невозможностью «мгновенного» возникновения социальной системы в сформированном и развернутом виде. Новые социальные феномены в процессе своего генезиса и эволюции исходно зарождаются и функционируют в рамках и посредством ранее возникших, предшествующих социальных оболочек и механизмов. Сказывается и незрелость объектно-субъектной структуры глобальной собственности: абстрактные понятия

глобальных ресурсов и богатств как объектов, а всего человечества как субъекта глобальной собственности на достигнутом уровне развития цивилизации соотносятся с реалиями значительной социально-экономической неоднородности и иерархичности современного мира и противостояния частных экономических интересов различных уровней и форм интересам общечеловеческим. Но дальнейшее развитие отношений глобальной собственности и адекватной им системы глобального экономического управления, реализация их собственной внутренней сущностной социальной природы предполагает все более полное воплощение и достижение общечеловеческих интересов и соответствующее преодоление ограничений, обусловленных исходной зависимостью возникающих институтов глобального управления от частных экономических интересов.

Универсальность глобальной собственности очевидным образом противоречит принципу национально-государственного суверенитета (исторически сформировавшегося в рамках «вестфальской системы») и корпоративной обособленности. Глобализация собственности предполагает унификацию экономических взаимодействий и процедур, в то время как существование государственных границ способствует воспроизводству особенностей этих взаимодействий и отражает сохраняющиеся объективные особенные интересы отдельных государств. Наиболее наглядно и остро это противоречие проявлялось в последнее время в контексте взаимоотношений национально-государственных экономических систем и деятельности глобализирующегося транснационального капитала. Объективный процесс глобализации может развиваться в разных формах, и важнейшей задачей глобального управления является содействие развитию таких форм, которые способствовали бы гармонизации интересов отдельных стран, особенно малых и средних, и задач роста эффективности мировой экономики; чрезвычайно актуальной данная проблема является для современной России.

Структурная логика мировой политической экономии, обусловливающая структурирование ее предмета, определяется общей объективной логикой реализации собственности: с точки зрения результата экономического процесса реализация собст-

венности заключается в присвоении дохода; с точки зрения процесса производства – в управлении им с целью обеспечения экономического результата. Управление экономическим процессом – важнейший атрибут социального качества собственника. Соответственно, атрибутом формирования глобальной собственности является генезис глобального экономического управления. Анализ глобализации производительных сил и отношений собственности позволяет ответить на вопрос «почему» возникает объективная необходимость в глобальном экономическом управлении. В свою очередь, ответ на этот вопрос неизбежно порождает логически следующие из него новые вопросы: «кто», как» и «зачем». Кто управляет глобальными экономическими процессами, кто является субъектом принятия управленческих решений в системе мировой экономики? Как, посредством каких механизмов осуществляется это управление? И зачем, т. е. в чьих интересах, оно осуществляется? На исходном абстрактном уровне последний вопрос, по-видимому, сводится к числу атрибутов первого, т. е. управление должно обеспечить интересы того субъекта, который его осуществляет; однако конкретизация проблемы демонстрирует сложность соотношения субъектной структуры глобального управления с его целевыми функциями. Это объясняется известными феноменами относительной автономности технического управления и разделения персонификации функций управления и собственности в сложных экономических системах; у управленцев формируются особенные корпоративные интересы, не тождественные интересам собственников, хотя именно последним принадлежит прерогатива назначения управленцев.

В течение последних десятилетий возникали, трансформировались, взаимодействовали многочисленные «ростки», элементы и институты глобального управления; выявлялись многообразные аспекты их неполноты, несовершенства и недостаточной эффективности, но в то же время становилась все более очевидной неизбежность их дальнейшего развития, преодоления свойственных начальному этапу ограничений, объективная необходимость совершенствования и усиления роли глобальных управленческих структур в регулировании общепланетарных

процессов. Вместе с тем, выявилась зависимость генезиса общепланетарного экономического управления от механизмов глобального политического управления, формирование которого происходило значительно быстрее и интенсивнее вследствие проявления социальной природы политики как концентрированной экономики и специфики международных военно-политических противоречий в ядерную эпоху.

В связи с этим вполне закономерно, что ведущие институты глобального экономического управления возникли под эгидой ООН – организации, исходно ориентированной на регулирование военно-политических проблем и разногласий. Однако очевидная взаимосвязь политического и экономического регулирования привела к тому, что еще на этапе предварительных переговоров о создании ООН были приняты ключевые решения о глобальной конструкции послевоенной валютно-финансовой системы (Бреттон-Вудская конференция), затем были достаточно быстро согласованы модифицированные принципы международной торговли (ГАТТ) и в структуру ООН интегрированы ранее возникшие глобально значимые экономические организации (МОТ). В результате в рамках ЭКОСОС сформировался хотя и организационно аморфный, но функционально вполне дееспособный прообраз, «черновой вариант» мирового экономического правительства.

Действия этого правительства носили фрагментарный и конкретно-ситуационный характер, были рассредоточены по отдельным, мало согласованным друг с другом отраслевым и функциональным направлениям и проектам, но, тем не менее, происходило возникновение и вызревание элементов глобального экономического управления, особенно в сферах международных финансов и международной торговли. Обозначились и контуры типичных алгоритмов генезиса этих элементов в соответствии с закономерностью «функция порождает орган»; как правило, на основе международных соглашений возникали институты реализации данных соглашений и контроля за ходом их выполнения, которые, в случае нарастания объективной глобальной значимости, трансформировались в органы глобального управления. Подобные механизмы наблюдались в отношении

деятельности ГАТТ/ВТО, МВФ, ВБ, ОЭСР, МОТ, МАГАТЭ, ОПЕК и других организаций (так же, как глобальное управление в сфере надстроечных отношений – в деятельности СБ, ЮНЕСКО, ВОЗ, международных судов и т. д.). Так, «будучи по замыслу только многосторонним торговым соглашением, ГАТТ постепенно превратилось в *de facto* международную организацию, ведающую вопросами регулирования мировой торговли»; затем при заключении соглашений об учреждении ВТО в ходе Уругвайского раунда «в принятых раундом документах предусматривалось, что их положения будут без каких-либо изъятий и исключений отражены в национальных законодательствах стран-членов» [9].

Развитие тенденции трансформации экономических структур ООН в реальное мировое экономическое правительство оказалось заторможено вследствие крушения биполярного мироустройства. ООН перестала быть инструментом балансировки интересов двух сверхдержав, и, вместе с тем, произошло общее снижение глобальной роли этой организации [1]. На первый план выдвинулся иной механизм глобального управления, связанный с исполнением глобальных управленческих функций правительством самой сильной державы. В этих условиях изменилось и содержание деятельности многих структур ООН – сохраняя оболочку международных организаций, они фактически превратились в инструменты реализации интересов США. Правительство данной державы осуществляло функции глобального управления, стремясь подчинить ход общемировых процессов собственным целям. Одним из наиболее наглядных примеров этого механизма стала деятельность таких финансовых институтов, как МВФ и Всемирный банк, – их статус в структуре ООН становился все более формальным, реальное же содержание деятельности стало одним из элементов механизма сеньоража, обеспечивающего США возможность потребления до 40 % мирового валового продукта при доле в его производстве порядка 20 %. В настоящее время данный механизм приходит во все более явное противоречие с тенденциями усиления новых центров экономического и политического влияния и формирования структур многополярности [10], что нашло, в частности, отра-

жение в переходе некоторых функций глобального управления от G-7 к G-20 и в возникновении таких финансовых институтов, потенциально альтернативных ныне господствующим, как АБИИ и НБР БРИКС. Стремясь противодействовать этим объективным тенденциям, США реализуют стратегию глобального «управляемого хаоса», провоцируют военно-политические конфликты, формируют в мировой экономике и политике атмосферу нестабильности и неопределенности, так как в этой атмосфере возникновение новых форм глобальной собственности и управления усложняется, и, в частности, тормозятся тенденции ограничения доминирующей роли доллара.

При этом все более очевидно выявляются такие структурные и иерархические особенности глобального управления в условиях современного глобального капитализма, как приоритет интересов глобального финансового капитала и превращение государственного аппарата даже самых крупных стран в комитет по управлению делами персонифицирующей этот капитал глобальной финансовой олигархии [10]. Данные процессы, помимо атрибутивного для любой формы капитала стремления к расширению сферы господства и увеличению доходов, связаны и с тем очевидным фактом, что исполнение глобальных управленческих функций требует адекватных материальных и финансовых ресурсов. В модели «правительство самой сильной державы как мировое правительство» часть глобальных ресурсов, перераспределяемых посредством валютно-финансового механизма в пользу США, используется правительством этой страны в целях регулирования глобальных процессов в своих интересах. Это осуществляется в разных формах: от прямого финансирования военных операций до разнообразных видов «помощи» и мер по «поддержке демократии», включая, например, финансирование «независимых» псевдодемократических организаций в России.

Глобальное регулирование, осуществляемое ТНК, реализуется за счет финансовых средств (конкретнее – монопольно высокой прибыли) этих корпораций. Деятельность международных организаций, в том числе управленческая, ведется на основе средств, формируемых из взносов стран и организаций-участниц. Разовые (в уставный капитал) и/или периодические

взносы фактически превращаются в элементы формирующейся системы глобального налогообложения. Разнообразие, фрагментарность и неопределенность принципов и механизмов этих сборов отражают условия начального этапа возникновения данной системы, а постоянное воспроизведение отдельных элементов и возникновение все новых – устойчивость тенденций ее развития и укрепления.

Отмеченные опосредованные механизмы фактически возникшего глобального налогообложения сочетаются с постоянным обсуждением предложений по введению его открытых и непосредственных форм – и прежде всего, в варианте процентных отчислений от ВВП на счета специализированных налогово-финансовых подразделений ООН. Однако данное предложение вызывает возражения со стороны развитых стран с большими объемами валового продукта; они выдвигают свой вариант, предполагающий налогообложение не всего объема ВВП, а лишь величины его прироста, что, в свою очередь, вызывает критику со стороны ведущих развивающихся стран с высокими темпами роста экономики. Постоянно растущая роль ТНК порождает различия мнений по вопросу о субъектности глобального налогообложения – должны ли выступать в качестве его субъектов отдельные государства или же действующие на их территории хозяйствующие субъекты; высказываются также мнения о целесообразности сочетания того и другого подходов.

Еще одно широко обсуждаемое предложение – это концепция так называемого расширенного «налога Тобина», в соответствии с которой, по идее американского экономиста – лауреата Нобелевской премии Дж. Тобина, налогообложению подлежат спекулятивно-финансовые операции с тем, чтобы полученные средства направлялись на решение глобально значимых проблем, и в первую очередь – на финансовую поддержку развивающихся стран. Даже при минимальной ставке порядка 0,1-0,25 %, делающей налог практически неощутимым для участников финансовых трансакций, это приносило бы в настоящее время сумму более триллиона долларов ежегодно [2, 6]. Перспективы как отмеченных выше, так и других гипотетических моделей прямого глобального налогообложения зависят от по-

следующей эволюции субъектности общепланетарного управления, так как согласие глобально значимых экономических акторов на введение системы постоянных прямых общемировых налогов зависит от их уверенности в справедливости и эффективности использования мировым правительством получаемых налоговых средств.

Выявление предметной специфики и структурной логики мировой политической экономии предполагает конкретизацию ее соотношения с предметным полем таких научных дисциплин, как «мировая экономика», «международные экономические отношения», «геоэкономика», «экономическая глобалистика» и ряда других. Динамизм объекта и предмета наук, частичное пересечение их предметного поля, объектов, уровней и аспектов анализа, «пограничный», междисциплинарный характер многих проблем и условность субъективных конвенций определения предметной специфики неизбежно ведут к нестрогости разграничения и постоянному изменению соотношения их предмета, структуры и проблематики. В то же время можно, по-видимому, отметить, что фактически сформировавшиеся традиционные концептуально-методологические подходы и исследовательские программы определяют роль таких дисциплин, как «мировая экономика» и «международные экономические отношения», в качестве инструментов систематизации эмпирического массива фактов, отражающих функционирование мирового хозяйства; «геоэкономика» выступает в роли элемента диалектической пары соотносительно с «геополитикой» и, как правило, изучает экономические механизмы достижения геополитических целей; «экономическая глобалистика» ориентирована на исследование тех закономерностей, которые исходно и первично формируются на уровне современной общепланетарной экономической системы. Для каждой из названных наук политико-экономический подход, выявляющий содержание, роль и противоречия отношений собственности, составляет методолого-теоретическую основу; вместе с тем, будучи выделен, обобщен и систематизирован в качестве самостоятельного исследовательского направления, этот подход формирует предмет особой

отрасли современного научного знания – мировой политической экономии.

Литература

1. Болдырев Ю. ВТО вместо ООН? URL: http://www.koshcheev.ru/2012/04/14/yurij-boldyrev-vto-vmesto-oon/
2. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2007.
3. Губанов С. С. Неоиндустриальная модель развития и ее системный алгоритм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 23-44.
4. Елецкий Н. Д. Основной вопрос политической экономии и проблемы развития России // Экономист. 2012. № 5. С. 56-68.
5. Елецкий Н. Д. Переход к глобально-информационному способу производства и модификация общей экономической теории // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2. С. 22-29.
6. Елецкий Н. Д. Противоречия формирования системы глобального экономического управления // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3, ч. 2. С. 26-32.
7. Краснов И. Транснациональные корпорации: налогообложение и трансфертное ценообразование // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 3. С. 51-60.
8. Кочетов Э. Геоэкономика. М.: Норма, 2012. 528 с.
9. Оболенский В. П. Либерализация и протекционизм в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 3. С. 4-5.
10. Перская В. В., Глуховцев В. Э. Многополярность: миф или реальность? М.: Экономика, 2011. 255 с.
11. Сапир Е. В. Геоэкономическая картина мира: когнитивный ландшафт // Безопасность Евразии. 2012. № 1. С. 261-282.
12. Сычев Н. В. Актуальные проблемы политической экономии. М.: Дело, 2015. С. 429-528.
13. Философия хозяйства как мировоззренческое событие // Философия хозяйства. 2012. № 5. С. 288-290.

14. Review of International Political Economy; Falkner R. International political economy. London: University of London, 2011. URL: http://www.londoninternational.ac. uk/sites/default/files/programme_resources/lse/lse_pdf/subject_guides/ir3026_ch1-3.pdf

В. М. Кульков

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

О реактуализации политической экономии и ее направлениях. В год четырехвекового юбилея введения в научный оборот термина «политическая экономия» важно обратить внимание не столько на историко-научный аспект экономической мысли, сколько на вопрос о востребованности политэкономии в наше время. В мировой экономической теории господствует экономикс, который по своим методологическим основам и принципиальным теоретическим позициям далеко отошел от политэкономических генов. В России с началом перехода к рыночной экономике начался тотальный отказ от господствовавшей марксистской политэкономии и замена ее все тем же экономикс. В этом русле происходил и массовый процесс переименования кафедр политэкономии в кафедры экономической теории при некоторых вариациях названий последних. Очень важно, что первая в истории российского экономического образования кафедра политической экономии Московского университета (1804 г.) смогла отстоять в то непростое время свое название и именно с ним отметить недавно 210-летие своего основания и теперь 400-летний юбилей самой науки.

Закономерны вопросы: сохранился ли в наше время потенциал политэкономии, может ли она проявить себя, показать свою актуальность? Если да, то тогда надо называть конкретные пути ее развития. В противном случае это будет или просто ностальгия, или уход в историю экономических учений, или борьба

за выживание тех, кто не может или не хочет расширить свое представление о координатах развития экономической теории.

Среди направлений реактуализации политэкономии можно назвать, на наш взгляд, следующие четыре: «политэкономический империализм», нишевый подход, «новая политическая экономия», национально-ориентированный подход. Рассмотрим последовательно каждое из них.

Первое из них базируется на желании использовать мощное теоретико-методологическое наследие политэкономии, сформированное преимущественно на классической и марксистской основе. В структуре этого наследия такие мощные инструменты, как системность анализа, акцент на сущностных свойствах и причинно-следственных связях, соединение функционирования и развития, выделение этапов развития и их критериев и т. п. В более конкретном наполнении значение имеют такие политэкономические черты, как взаимосвязь экономических отношений и производительных сил, характер собственности, воспроизводственный подход, социальный ракурс анализа и др. Амбициозная реализация указанного наследия могла бы идти в русле «политэкономического империализма» [2, с. 58] (если использовать термин, отражающий уже давно применяемое неоклассикой эффективное оружие «экономического империализма»). Он мог бы быть реализован в двух формах: внутренней и внешней.

Внутренняя его форма может выразить себя в рамках самой экономической теории (как она сложилась на текущий момент), наращивая в ней пространство политэкономического блока. В числе таких возможных предметных направлений: расширение воспроизводственной трактовки кризисов в новых условиях, понимание современной долговой экономики как сферы мультипликации фиктивного капитала, представление столь распространенного (во всяком случае, в России) ренто-ориентированного поведения через применение и развитие известной теории земельной ренты, показ специфики и границ общества потребления с использованием идеи товарного фетишизма, изучение экономических деформаций и широко распространившихся в современной жизни всякого рода «симулякров» через призму изучаемых политэкономами «превращенных форм» и т. п. Ис-

пользование диалектического метода, характерное для политэкономических исследований, обогатило бы представление о современных тенденциях развития, о противоречиях и этапах трансформационной экономики.

Политэкономия могла бы реализовать себя и в форме «внешнего империализма». Для этого она должна смелее проникать в новые сферы, которыми она ранее пренебрегала, высокомерно считая их предметом других наук и тем самым безнадежно (причем самоустранившись) проигрывая «всеядному» фронтальному наступлению неоклассики. Но для этого необходимо больше внимания уделять междисциплинарным вопросам, попытаться освоить достижения «новой диалектики», преодолеть узкоэкономический подход, учиться использовать политэкономический аппарат для анализа разных сфер жизни. Главное здесь – современное видение экономических процессов, их актуальная трактовка с использованием богатого арсенала научного наследия.

Можно взять для примера проблематику «пространственной экономики», связанную с ролью географического (территориального) фактора. Мейнстрим сумел войти в эту сферу, вроде бы традиционно принадлежавшую конкретно-экономическим отраслям знания. В итоге появилась «новая экономическая география». В этих рамках развивается концепция «географического распределения экономической активности» П. Кругмана; используется «модель Диксита-Стиглица», связывающая механизм монополистической конкуренции с географическими факторами в условиях возрастания отдачи от масштаба. К этому можно присовокупить и включение в состав изучаемых микроэкономикой форм несовершенной конкуренции так называемой пространственной конкуренции, и предложенной А. Лешем идеи «пространственного экономического равновесия», и т. п. Политэкономы же здесь молчали, забыв даже о потенциале учета фактора местоположения в концепциях земельной ренты в классической политэкономии (Д. Рикардо, К. Маркс). Между тем для политэкономии здесь открывается широкий фронт работы, и в особенности в части трактовки единого экономического пространства через призму исповедуемого ею системного подхода.

Тут возникают такие интересные для политэкономов вопросы, как время и пространство в экономике, однотипность и пространственная модификация экономических отношений, плотность и насыщенность этих отношений на разных территориях, пространственная целостность национального воспроизводства, экономическая безопасность территории страны и т. п. Конкретизация, систематизация и развитие указанных характеристик позволила бы политэкономам выйти на важные научные и практические результаты. И такого рода примеров можно было бы найти немало.

Все это свидетельствует о том, что «политэкономический империализм» мог бы принести богатые плоды. Он, как мы постарались показать, востребован, но требует активной и профессионально грамотной работы, современного взгляда на жизнь, умения опережать конкурентов. «Лобовой» же натиск традиционных политэкономических догматов без их привязки к изменившейся реальности может только навредить делу.

Второе направление реактуализации политэкономии может быть воплощено в «нишевом подходе». Его смысл состоит в том, что политэкономия позиционирует себя как одна из ниш современной экономической теории (как одна из ее исследовательских программ), действуя в режиме конвенционализма, когда разные направления одной науки взаимно очерчивают свои границы и стараются не выходить за рамки установленных ограничений. Здесь политэкономия ведет себя более скромно, чем в первом случае. Кто-то скажет: это плохой (и даже пораженческий) принцип «не до жиру, быть бы живу».

Но, во-первых, в наше сложное время, когда пытаются напрочь вытеснить политэкономию из научно-образовательного поля, это было бы хорошим способом «застолбить» легальное место в пространстве современной экономической теории, получив возможность развивать свое направление, увеличивать его потенциал и влияние, показывать его возможности в новых условиях, снижать утвердившийся монополизм «мейнстрима».

А, во-вторых, само сведение экономической теории только к одному из направлений представляется в наше время неадекватным и непродуктивным. Главная онтологическая причина

этого – реальная многоликость современной экономики (экономической системы). В ней объективно выделяются три основных уровня. На первом уровне современная экономическая система фиксируется как совокупность социально-экономических отношений, в центре которой находится способ социально-экономического присвоения, характер социально-экономического строя, а сами генетически субординированные отношения выступают как общественная форма производительных сил. На втором уровне она предстает как совокупность функциональных связей, складывающихся в процессе движения товарных, ресурсных и финансовых потоков в экономике, отражающих деятельность индивидов по рациональному использованию ограниченных ресурсов государства – по обеспечению макроэкономической стабильности. На третьем уровне она может быть представлена как совокупность институтов, утвердившихся в экономике. Таким образом, экономика – это реально многосторонняя система, а потому и теоретическое представление о ней должно быть многоаспектным, содержать разные ракурсы научного анализа. Современная экономическая теория, претендующая на адекватное и масштабное научное отражение экономической действительности, должна включать в себя совокупность теоретических направлений, связанных общим предметом – экономическими отношениями, притом что каждое из этих направлений имеет и свой непосредственный предмет. В соответствии с таким подходом в качестве основных структурных частей современной экономической теории можно выделить политэкономию как социально-экономическую теорию, микроэкономику и макроэкономику в их утвердившемся виде (по сути, экономикс) как теорию рационального использования ресурсов и макроэкономической стабилизации, институциональную экономическую теорию.

Конечно, нельзя не признать, что такой подход содержит ряд уязвимых мест и вызывает закономерные вопросы. В частности: насколько сочетаемы и синтезируемы указанные части экономической теории? Насколько жесткими являются прочерченные выше границы их сфер и может ли, например, политэкономия вторгаться (а если да, то в какой степени или в какой форме) в микроэкономическую, макроэкономическую и инсти-

туциональную сферы экономической системы? Однако наличие указанных и других подобных им вопросов не отменяет наиболее существенного в данном случае вывода – вывода об объективности разных частей экономической теории, о необходимости их отражения в научных исследованиях и учебном процессе. Нередко используемый термин «общая экономическая теория», по нашему мнению, как раз и способен отразить триединство современной экономической теории, зафиксировать основополагающий характер ее сложившихся составных частей. Это как бы «жесткое ядро» экономической теории. И важно в данном случае, что в состав этого ядра может быть включена политэкономия. Такая игра «стоит свеч». А главными аргументами должны быть антимонопольный настрой и раскрытие уникальных возможностей политэкономического блока, не огрызаясь при этом на оппонентов («соучастников») по каждому поводу.

Объединение разных направлений, сосуществующих в рамках конвенции, способно само по себе дать новые импульсы научного анализа. Оно может обеспечить комплексное исследование отдельных широких проблем экономики с использованием арсенала разных направлений. Вновь приведем пример «пространственной экономики». Можно представить в рамках данной проблемы такую интегральную работу, в которой могут найти себя представители разных направлений: политэкономы, рассуждающие о социально-экономической однородности пространства и целостном пространственном воспроизводстве; микроэкономисты, анализирующие пространственную конкуренцию и эффект отдачи от масштаба пространства; макроэкономисты, показывающие территориальные особенности валового продукта и пространственное макроравновесие; и институционалисты, исследующие особенности пространственной институциональной среды. В итоге сложится широкое, комплексное представление о важной и сложной проблеме, имеющей в силу известных причин, особое значение для России. Возможно, из него со временем сложится то, что можно будет идентифицировать как теорию пространственной экономики. И примеров такого рода объединения усилий можно видеть много.

Третье направление выражения реактуализации политэкономии связано с так называемой новой политической экономией. Возникшая на Западе (прежде всего, в США) в последние десятилетия прошлого века, она, реализуя уже упоминавшиеся выше поползновения неоклассики на неэкономические сферы жизни, концентрирует свое внимание на том, как влияет на экономику принятие политических решений, поведение политиков и избирателей, хотя она выходит и на более широкий спектр вопросов проявления групповых интересов (например, в разделах «теория коллективного действия», «экономическая теория бюрократии», «экономическая теория рентного поведения» и т. п.). Несмотря на звучное название «новой политической экономии», она, тем не менее, отражает довольно узкую сферу общественно-экономических отношений и представляет собой отдельную сравнительно неглубокую нишу экономической теории, вписываясь в изложенный выше нишевый подход. Ее название ласкает слух традиционных политэкономов, но им нужно быть бдительными, бояться подмены, не угодить в ловушку. Дело в том, что «новая политэкономия» использует «методологию в основном неоклассики – методологический индивидуализм, рационализм, частный интерес» [4, s. 4], а понятие «политическая» в своем названии берется у нее в прямом смысле, а не как у классиков, где оно отражало более широкий социальный аспект экономических отношений. Вместе с тем, политэкономам традиционного толка нельзя полностью отбрасывать данное направление: во-первых, фиксируя свое внимание на групповых (коллективных, общественных или, скорее, квазиобщественных) интересах, оно в определенной степени заходит на территорию, которую принято считать политэкономической; во-вторых, оно, так или иначе, указывает на необходимость выхода экономической теории не только на хозяйственную практику, но и на социально-политическую сферу, что для России весьма актуально; в-третьих, сам акцент на «новом» носит целеполагательный характер, мобилизуя политэкономов на поиски новых способов реализации огромного политэкономического потенциала.

Наконец, четвертое направление реактуализации политэкономии выражается в использовании национально-ориентированного подхода. На нем стоит остановиться подробнее.

Реактуализация национально-ориентированного подхода в политэкономии. Указанный ракурс реактуализации связан с потребностью теоретического отражения национального своеобразия экономики. И здесь уместно говорить о востребованности того направления, которое в свое время получило название «национальной политической экономии» и было связано с именем Ф. Листа, с исторической школой. Листом был сформулирован ряд важных положений, создавших основы национально-ориентированного подхода в политэкономическом анализе. Соотношение указанного подхода и универсальной экономической теории в терминологии Листа звучало как разграничение «экономии политической, или национальной», которая «учит, каким образом данная нация… при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать свое экономическое положение», и «экономии космополитической» [3, с. 116]. Заезженная пластинка об эмпиризме немецкой исторической школы не учитывает того, что, во-первых, Лист позиционировал свои идеи в пространстве именно политэкономии при указании на решающую роль производительных сил и «национально-экономических отношений»; во-вторых, эти идеи не выхолащивали политэкономию, а нацеливали ее на более тесную связь с реальностью; в-третьих, не доведя свое исследование до строгой логической системы, Лист дал огромный импульс для продолжения этой работы.

Содержание национально-ориентированного подхода в самом общем виде сводится к необходимости учета и теоретического отражения всей совокупности национально-специфических условий, присущих стране. Базовой характеристикой такого похода выступает национальная экономическая система, которая предстает как система экономических отношений в единстве с присущими стране экономическими и неэкономическими, внутренними и внешними факторами, отражающая воздействие всех этих факторов на экономику страны, обеспечивающую ее устойчивое функционирование и развитие,

поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующую стоящие перед страной долгосрочные цели развития и национальные интересы. Объективными предпосылками национальной экономической системы выступают, во-первых, уровень развития и характер национальных производительных сил; во-вторых, национально-специфические «неэкономические» факторы (природно-климатический, географический, геополитический, цивилизационный и др.), в-третьих, жизненно необходимые (а поэтому объективные) цели национального развития (среди них – суверенность развития, модернизация производства, «сбережение народа», сохранение территориальной целостности и т. п.). Данная зависимость может быть сформулирована как закон соответствия национальных экономических отношений уровню и характеру национальных производительных сил, национально-специфическим факторам и целям национального экономического развития.

При этом важно не сводить национальное своеобразие только к степени развитости («продвинутости») экономики страны, а видеть его более глубокие основания, проявляющиеся на разных исторических этапах ее развития.

Забота о чистоте предмета экономической теории и о научном принципе универсализма, проявляемая некоторыми ортодоксальными политэкономами, уводит от важных линий теоретического сопоставления. Упорная борьба за «чистоту» теории, фанатичная приверженность универсалистским системам и законам, следование принципу «fiat justitia et pereat mundus» («пусть рухнет мир, но восторжествует закон») в его теоретико-экономической интерпретации могут привести к тому, что при «торжестве» универсалистских законов и систем, воплощаемых в российской реальности, рухнет экономика страны, да и сама Россия. Такой может быть возможная цена невнимания к своеобразию национальной экономики и его адекватному теоретическому отражению.

В современных условиях национально-ориентированный подход актуален и востребован, и это проявилось в трех основных аспектах.

Первый выражается в следующем. Произошло усложнение мировых реалий; возникает противодействие попыткам установления однополярного мира; последние десятилетия остро и в самых разных проявлениях показали, насколько цивилизационно разнообразен и противоречив современный мир. Мировой экономический кризис последних лет обнажил иллюзорность представлений об устойчивости мирового глобального порядка, обострил противоречия между национальным и глобальным параметрами. Это в острой форме проявилось недавно в катаклизмах вокруг долговой проблемы Греции.

Второй аспект связан с самой сферой экономической теории. Усилились критические нотки в ее адрес со стороны как ученых, так и практиков, экспертов, политиков, желающих видеть ее практически значимый потенциал и преодоление отрыва от реальности. Через национальную спецификацию может быть обеспечен более понятный и действенный выход экономической теории на хозяйственную и социально-политическую практику, на обеспечение национальных экономических интересов.

Третий аспект выражается в чисто российской необходимости в национальном анализе: необходимость осмысления сложившегося строя, преодоления накопившихся деформаций, усиления общегосударственной консолидации, инвентаризации импортированных в Россию институтов, формулирования стратегического вектора развития и т. п. Экономические сложности России, усилившиеся с 2014 г., грубое давление, оказываемое сейчас Западом на Россию, привлекли острое внимание к национальным факторам развития, к специфике параметров национальной экономики и национального воспроизводства, к вопросам обеспечения самодостаточности, суверенитета и национальной экономической безопасности страны. Какая экономическая система может быть адекватна этим характеристикам и обладать при этом высокой эффективностью – этот вопрос стал для современной России сверхактуальным.

В итоге можно утверждать, что национально-ориентированный подход востребован сегодня по целому ряду причин, и он может быть реализован в рамках возрождения «национальной политэкономии». Важно видеть, что реактуализацию пережива-

ет и данное направление политэкономии, а не только политэкономия в целом. И если возрождение последней не будет сопровождаться усилением внимания к национально-экономическому направлению, то оно может вылиться (при всех вроде бы оправданных претензиях на «фундаментальность») в новое схоластическое теоретизирование, что способно девальвировать саму попытку возрождения политэкономии.

Теперь стоит задаться вопросом: а какими способами может быть реализован национально-ориентированный подход? Автору уже приходилось детально останавливаться на данном вопросе [1, с. 113-116]. Систематизируем эти способы.

Конкретные способы выражения национально-ориентированного подхода. Основными способами выражения национально-ориентированного подхода в экономической теории в целом и в политэкономии в частности являются, на наш взгляд, следующие (если расположить их по принципу «от простого к сложному»):

1. *Национальные иллюстрации (примеры) универсальных характеристик.* Это в основном национальное описание экономики, которое, несмотря на свою простоту, имеет значение, поскольку погружает анализ (пусть и сравнительно неглубоко) в национальную среду.

2. *Национальные формы проявления общих экономических законов, их видоизменения:* например, особенности реализации функций денег, факторов и механизма совокупного спроса и предложения, монопольной власти на отраслевых рынках, распределительных отношений, особенности национального воспроизводства и т. п. Можно, например, увидеть особенности «национальной нормы сбережения» в России, раскрыть специфику российского экономического цикла и многие другие национальные особенности экономики России. По существу, здесь реализуется известный философский принцип соотношения «общего и особенного».

3. *Фиксация существенных отклонений от универсальных характеристик,* включая их деформации и даже нереализацию. Примеров деформаций рыночных характеристик в российской экономике за последние двадцать лет накопилось великое мно-

жество. Впрочем, не стоит, как это стало принятым, понимать под ними сугубо негативные явления, отклонения от «безусловно правильных» характеристик. Это могут быть и «национальные деформации», вызванные не рыночной неразвитостью и искажениями экономической деятельности, а устойчивыми и в этом смысле объективными российскими условиями. Это касается, в частности, характеристик рыночно-конкурентной среды: обусловливают ли российские условия известную по мейнстриму и западной практике «правильную» среду? или она обречена быть «неполноценной» по указанным параметрам, но национально оправданной? Что касается «нереализации», то приведем пример с известным «объективным» рыночным экономическим законом, изучаемым со времен английской классической политэкономии, – законом сравнительных преимуществ. Вроде бы теоретически правильный, он, будучи осуществлен в реальности, закрепляет отставание стран с неразвитой рыночной экономикой, усиливая, в частности, их сырьевой характер, что очень актуально для России. Таким образом, получается, что якобы «универсальный» закон не может и не должен быть реализован, поскольку противоречит реалиям национальной экономики, национальным целям и интересам.

4. *Наличие «национальных эксклюзивов», свойственных именно данной стране и в силу этого универсальными не являющихся.* Автор уже писал в этом контексте о «национальных экономических законах» и продолжает развивать эту тему [2, с. 65]. К примерам такого рода можно отнести устойчивую потребность более сильного участия государства в России независимо от господствующего типа отношений на том или ином историческом отрезке ее развития. Роль государства в экономике России нельзя объяснить обычными провалами рынка или вывести из кейнсианской или марксистской теории – она продуцируется, прежде всего, уникальными условиями России, представляя собой единство экономической, социальной и цивилизационной сторон. Государство в России имеет не только экономическую и политико-правовую природу, но и цивилизационную. Как представляется, именно указанные «национальные законы» являются экономическим отражением единства отече-

ственной истории, целостности национальной исторической ткани, о чем в последние годы немало говорят российские политики и обществоведы (в особенности в связи с обсуждением вопроса о подготовке единого учебника по отечественной истории). Признание самоценности и уникальности указанных законов было бы свидетельством того, что единство национального исторического процесса обеспечивается не только духовными, но и экономическими «скрепами».

5. *Акцент на методологии холизма («методологическом коллективизме»), противостоящего методологическому индивидуализму.* Беря за исходную точку целое, а не его части (а это в экономической жизни отдельные хозяйствующие субъекты с их целеустремленной деятельностью), этот метод фиксирует внимание на целостности национальной экономики, на общенациональных целях и интересах.

6. *Учет особенностей национального экономического мышления, реализация национального стиля исследования, отечественных научно-образовательных традиций.* В значительной степени все это восходит к социокультурным, цивилизационным ценностям и к своеобразию самой национальной экономики. К специфике российской экономической мысли можно отнести: комплексное социо-духовно-экономическое восприятие действительности; ее нацеленность на философско-методологическое обоснование экономических явлений и процессов; включение в анализ не только «сущего», но и «должного»; особое внимание к социальной стороне экономики, к социальной справедливости, к роли духовного и других неэкономических факторов; акцент на общенациональном (народнохозяйственном) уровне и трудовом характере экономики. Важно отметить в этой связи, что следование указанным принципам избавляет исследователя от «конфликта интересов» – профессионально-экономического и цивилизационного.

7. *Выделение теории национальной экономики* (в более понятной форме – «экономической системы России») *в качестве относительно самостоятельной части экономической теории.* Это можно было бы считать наиболее концентрированным и комплексным способом выражения национально-ориентирован-

ного подхода в экономической теории и в экономическом образовании. Вбирая в себя все отмеченные выше способы выражения национальной специфики и конкретно реализуя их применительно к экономике страны, указанная форма усилит связь теории и практики, что крайне важно и для выработки национально-оправданной экономической политики, и для повышения качества экономического образования.

В текущих условиях интенсивной перестройки учебных планов важно сохранить присутствие дисциплины, специально посвященной теоретическому анализу экономической системы России.

Детализированная структура этого курса могла бы выглядеть следующим образом, отражая изложенный в первой части статьи нишевый подход к разным частям экономической теории. Первая часть – «Социально-экономический строй России»: в ней даются общие характеристики национальной экономической системы страны и ее исторического состояния с акцентом на специфику социально-экономических способов координации и присвоения (это политэкономическая часть). Во второй части («Национальные институты») анализируется в общих чертах специфика институциональной среды, обозначается совокупность основных российских институтов. Третья и четвертая части данного курса («Национальная макроэкономика» и «Национальная микроэкономика») выявляют российские особенности наиболее важных макро- и микроэкономических характеристик. Должен быть и блок национально-уникальных характеристик – в частности, представление о своеобразии многих черт национального воспроизводства, о российском национальном хозяйстве как пространственной экономике, об особом значении и выражении экономической безопасности страны и др. (здесь открываются хорошие возможности для политэкономов, понимающих относительность принципа универсализма в экономической жизни). Такая структура учебного курса могла бы реализовать задачу целостного и системного теоретического отображения экономики России.

Вся совокупность названных способов отражает разные стороны реализации национально-ориентированного подхода в

политэкономии и в экономической теории в целом. Их применение расширит координаты теоретического анализа национальной экономики, усилит практическую действенность теории для решения насущных проблем российской экономики и будет важным свидетельством реактуализации политической экономии.

Литература

1. Кульков В. М. Национальная ориентация политической экономии: необходимость и формы реализации // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 105-113.

2. Кульков В. М. Национальная спецификация экономических систем // Вестник Московского университета. Сер.: Экономика. 2014. № 4. С. 56-70.

3. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. 382 с.

4. 4. Behrends S. Neue Politische Ökonomie. München: Verlag Vahlen. 2001. 280 s.

М. И. Воейков

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗОВЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Политическая экономия в России имеет давнюю традицию, но в постсоветский период эта традиция была резко, почти административным путем нарушена. В вузах политическая экономия как научная и учебная дисциплина отменена (если не сказать, запрещена), многие кафедры политэкономии переименованы и преподают в основном макро- или микроэкономику с зачатками «общей теории». Исчезла специальность «политическая экономия» и в диссертационных советах.

В этой связи возникают естественные вопросы. Может быть, действительно политическая экономия представляет собой устаревшую научную дисциплину, остаток идеологических схем советского периода? Может быть, политэкономию нужно также

отбросить (или преодолеть), как она почти преодолена в западной англоязычной литературе? А если сохранять и восстанавливать политэкономию «как общетеоретическую дисциплину», то, собственно, какую? Советского периода или какую-то другую? Очевидно, что советскую политическую экономию, плотно пропитанную идеологическими догмами своего времени, в полном объеме восстанавливать сегодня невозможно. Можно, наверное, было бы освободить ее от этих догм и преподавать «зерна истины», которые там, наверняка, есть. Но как отделить догмы от зерен? Как найти согласие большинства научного сообщества по этому вопросу? Все это, видимо, потребует многих научных дискуссий. Вопрос, стало быть, упирается в предметное поле политической экономии. Изменилось ли оно или нет? И может ли наука меняться до неузнаваемости, что, по сути, будет означать ее исчезновение?

Может ли меняться политическая экономия? Как ни уважай и цени политэкономию, нельзя же думать, что роль, значение и функции политической экономии всегда и везде неизменны. Политическая экономия в отличие от естественных наук, где предмет задается природой, есть отражение в головах людей определенных социальных условий бытия. А эти условия могут меняться. Но если меняется роль политической экономии, то как она меняется? И вообще, может ли какая-либо наука меняться? Развиваться, совершенствоваться, расти, естественно, может. Но меняться так, что современное ее состояние оказывается мало похожим на то, что было 200 лет назад. Так, например, сегодня в наших университетах экономикс заменил политическую экономию. И естественно возникают вопросы. Например, это одна и та же наука или разные? Все эти вопросы продиктованы не только гримасами сегодняшней идеологической жизни, когда одну тоталитарную идеологию пытаются заменить другой – почти тоталитарной. Или вообще жить без всякой идеологии, как живет крупный рогатый скот.

Таким образом, прежде чем ответить на вопрос – может ли изменяться политическая экономия, нужно ответить на вопрос об изменении той экономической реальности, которую эта наука объясняет. Трудно оспорить факт изменения экономических

систем за 200 лет. То общество, которое описывал А. Смит в своем знаменитом «Исследовании», разительно отличается от современного западного общества. Значит, и наука в чем-то должна измениться. Или даже исчезнуть, если экономическая реальность изменится кардинально. То есть для исчезновения политической экономии должна исчезнуть экономическая реальность времен Адама Смита с «невидимой рукой» рынка, с банками и денежно-кредитной системой, с резкой дифференциацией в оплате труда и экономическим неравенством, с экономическими кризисами и тому подобными классическими и неизбежными атрибутами капитализма. Но пикантность ситуации состоит в том, что все эти знаменитые атрибуты капитализма никуда не собираются исчезать и даже завоевывают все новые страны и территории. Например, Россию, а политическую экономию здесь почему-то отменили.

За последние 100 лет в политической экономии произошли существенные изменения. Процесс детализации и специализации научного знания не мог обойти и не обошел стороной такую науку, как политическая экономия. Классическая политическая экономия середины XIX в. перестала существовать. Выделились отраслевые и специальные экономические науки, выделился и превратился в мощную ветвь современного экономического знания так называемый экономикс, т. е. аналитическая часть экономической теории. Какие-то проблемы и вопросы отошли к социологии и политологии, получившим сегодня очень большое развитие. На границе с ними и традиционной экономической теорией возникла «новая политическая экономия». И, тем не менее, многое осталось в зоне научного интереса политической экономии. Это, прежде всего, онтологическая часть экономической теории, осмысление современных экономических процессов, которые не укладываются в прежние понятия и категории классической политической экономии. Например, феномен фидуциарных денег, сжатие сферы материального производства, финансиализация, экономика знаний и т. п. Все эти новые явления и понятия, думается, нельзя отвергать «с порога» как происки классовых врагов, но и нельзя принимать бездумно, как делают обезьяны или попугаи, не разъясняя их смысла и значения.

Значит, имеет место трансформация базовых предпосылок политической экономии.

Что изучает политическая экономия? Если обратиться к старым русским политэкономам, то можно обнаружить в их работах более конкретные определения политической экономии. Так, М. И. Туган-Барановский пишет: «Изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в сферу хозяйственных интересов, являющихся, при господствующих условиях общественной жизни, наиболее мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличности глубокого и неустранимого антагонизма хозяйственных интересов, характерного для существующего строя хозяйства, выводы политической экономии не могут не вступать в столкновение с хозяйственными интересами тех или иных групп населения» [5, с. 1-2]. Таким образом, политическая экономия изучает то, что связано с определенными экономическими интересами определенных групп, слоев и классов людей. Из старых экономистов очень точно это выразил Д. Рикардо в письме к Т. Мальтусу: «По вашему мнению, политическая экономия есть исследование о природе и причинах богатства; я думаю, что ее следует скорее назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании» [3, с. 110-111].

И действительно, если политическая экономия изучает отношения между людьми в производстве, т. е. производственные отношения, то изучение это идет вокруг вопроса о «пользе или вреде» той или иной экономической ситуации для определенных больших групп людей. Политическая экономия не может изучать поведение отдельного человека, индивидуума, поскольку их бесконечное разнообразие в конкретной практике не есть научное изучение. Научно изучать экономическое поведение людей возможно, лишь абстрагируясь от многих личностных характеристик и объединяя этих людей в большие социальные группы, в классы. Социальная проблема, т. е. проблема социального неравенства людей, проблема распределения социального продукта, остается; противоречия между трудом и капиталом, если и не принимают взаимоуничтожающих форм, все же

остаются. Причем эти проблемы остаются как основные проблемы общественной жизни. Остаются, стало быть, и функции политической экономии. Политэкономический подход к анализу социальных явлений по сути своей есть осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов народа, отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества.

Отмена политической экономии как научной и вузовской дисциплины очень выгодна тому правящему классу, который хочет навязать свою правоту всему остальному населению как раз в тот момент, когда этот класс переходит к развертыванию именно товарно-капиталистических отношений. А без политэкономического знания население неспособно понимать ни экономического устройства общества, ни активно принимать участие в его совершенствовании. Об этом еще в самом начале XIX в. писал Ж.-Б. Сэй: «В стране, пользующейся представительным правлением, каждый гражданин обязан изучать политическую экономию уже потому, что там каждый призван к участию в обсуждении государственных дел» [4, с. 24]. Так, по Ж-Б. Сэю выходит, что каждый гражданин обязан изучать политическую экономию, если хочет быть активным участником гражданского общества. То есть гражданское общество и политическая экономия органически связаны. Уместно здесь привести слова и К. Маркса, «что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [2, с. 6]. Политическая экономия, таким образом, объясняет классовое состояние общества и классовое распределение социального продукта. И в этом случае замена политической экономии неоклассической либеральной экономической теорией очень удобна, ибо последняя социальную проблему представляет как индивидуализированную проблему отдельных людей.

Итак, политическая экономия изучает общественное производство и отношения, которые при этом возникают, как отношения не атомизированных индивидуумов, а объединенных в большие социальные группы, т. е. в классы. Политическая экономия есть, таким образом, наука о классовом обществе. Исчез-

новение классов должно неминуемо вести и к исчезновению политической экономии. Поэтому политэкономический метод изучения общества состоит в классовом анализе этого общества. Сегодня политическую экономию в России отменили. В XX в. это делали дважды: в 1920-е гг., когда намечался переход к социализму, и в 1990-е гг., когда наметился переход к капитализму. Странная аналогия. Оказывается, гонения на политическую экономию – это давняя российская традиция. Самодержавие и политическая экономия, как она сложилась на Западе и развивалась в России, пишет А. В. Аникин, были по существу несовместимы. «Политическая экономия и занятия ею были обычно под подозрением у властей… Время от времени отменялось или ограничивалось преподавание политической экономии в университетах, запрещались отечественные и иностранные труды в этой области» [1, с. 14]. Удивительным образом все повторяется и сегодня.

Политическая экономия сегодня в России каким-то непонятным образом заняла место генетики сталинских времен, т. е. стала если не запрещенной, то явно гонимой наукой. Ее выгнали из наших университетов, из учебников, из государственных стандартов. Но если генетика в те незабвенные годы объявлялась буржуазной наукой, то сегодняшние российские власти, видимо, считают политическую экономию «социалистической наукой», неподходящей для нынешней буржуазной России. В истории многое повторяется, только с другим знаком. Если по поводу генетики трудно (или невозможно) определить ее отношение к пролетариату, то политическая экономия действительно буржуазная наука. Словосочетание «пролетарская политическая экономия» остается пустой красивой фразой. Маркс был критиком буржуазной политической экономии, но никакой пролетарской политэкономии он не создал и не собирался это делать. Все традиционные категории классической политической экономии принадлежат буржуазному способу производства и никакого отношения не имеют к тому, что было до него и, возможно, будет после него. Кредит, процент, рента, капитал и т. п. категории, которые анализировал К. Маркс и которые как кирпичи составляют здание политической экономии, никакого отношения

не имеют к пролетариату. Не может же быть «пролетарского кредита» или «пролетарского процента». Эти и подобные вещи есть категории буржуазного общества. Это не значит, что они плохие или хорошие, но они есть и составляют предмет научного изучения. Несколько перефразируя слова Рудольфа Гильфердинга, можно сказать, что политическая экономия есть самосознание буржуазной эпохи. Такая интерпретация политической экономии в 1920-х гг. была широко распространена среди марксистских интеллектуалов. Поэтому можно понять первых большевиков, которые в 1920-е гг. отменили в Советской России политическую экономию. Но как понимать нынешние российские власти?

Использование термина и понятия «политическая экономия» является отечественной научной традицией. Наверное, начиная с Н. Чернышевского, общетеоретические экономические исследования в России развивались как политэкономические, хотя становление политической экономии как науки в России следует отнести на более поздний период. Отечественные исследователи за более чем 150-летний период выработали понятийный аппарат, инструментарий, набор категорий и понятий и в общем привыкли к политэкономическому дискурсу.

Суть политэкономического подхода в общественной науке заключается в том, что при изучении соответствующих проблем захватываются их социальные и политические аспекты. Это не только то, что сегодня называют макроэкономикой или микроэкономикой, но и то, что в западных странах обычно изучается в курсах политики, истории и особенно социологии. У нас же нет такой традиции. Возможно то, что традиционно изучалось у нас политической экономией, ныне отходит к институциональной экономике. Но и тут имеются некоторые сложности. Первая – пока еще институционализм даже в лучших своих представителях по масштабам и глубине не в силах конкурировать с достижениями классической политической экономии. Вторая – в нашей отечественной научной и преподавательской практике, несмотря на бурное развитие институционализма, политэкономическая традиция и ее научные накопления значительно превосходят ростки институциональной экономии. Скорее всего, сле-

дует ожидать синтеза этих ростков с обновленной политэкономией. В англо-саксонской практике преподавания многие вопросы, которые у нас изучает политическая экономия, относятся к социологии, к ее многочисленным ответвлениям. У нас же социология не имеет такого развития и широты охвата.

Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была взращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н. А. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX в., чтобы выглядеть современно и умно, надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (Н. Бухарина, Е. Преображенского, И. Рубина и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом, – дело осталось за политической экономией.

Сегодня на Западе мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам и, прежде всего, к социологии и политологии. Возьмем книги известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др. – это с нашей точки зрения типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших политэкономов: Л. Абалкина, А. Бузгалина, Р. Гринберга, В. Медведева, Д. Сорокина и даже В. Иноземцева, с западной точки зрения – это типичные социологические работы.

Таким образом, хотя социология у нас интенсивно развивается, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор раз-

личных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку.

Конец классической политической экономии на Западе, конечно, не есть происки «классовых врагов», а есть объективный процесс изменения западного мира и рыночной экономики прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются базовые предпосылки политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. А еще в начале XX в. С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег выбивает объективную основу из-под рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становится не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги – это предмет политической экономии или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые, по выражению Ж. Дерриды, оказались разрушенными капиталистической современностью.

В политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно вы-

делить две линии. Первая – то, что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления, т. е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (Ж. Бодрийяр) или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага, для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассическая.

Марксизм служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и дает толчок, начинает другую. Марксизм объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве (Н. Бухарин, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, И. Рубин и др.). Постмарксизм (Д. Лукач, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) объясняет появление постклассической политической экономии.

Теперь подведем некоторые итоги о судьбе политической экономии вообще и в России в частности. Как уже отмечалось, именно социальный конфликт (или социальная проблема) между капиталистами и рабочими как основной конфликт в распределении социального продукта и является предметом изучения классической политической экономии. Если такого конфликта нет, то и классической политической экономии изучать нечего. Стало быть, и политическая экономия уже не нужна. Грубо говоря, проблему можно поставить так: если «рабочий вопрос» в России и сегодня продолжает быть актуальным, то, следовательно, актуальна и политическая экономия. Если же «рабочий вопрос» сегодня в России разрешен или почти разрешен, то нет смысла и писать письма министрам о необходимости восста-

новления классической политической экономии как научной и вузовской дисциплины.

Но это касается классической политической экономии, когда актуален «рабочий вопрос». Сегодня очевидно, что этот вопрос еще продолжает давать о себе знать, но растет значение другого вопроса – распределение социального продукта между богатыми и бедными в целом. И главное, что остается среднему классу? Проблема равенства и социальной справедливости, общественной гармонии и социального консенсуса, проблема общественных благ и экономической эффективности, наконец, экологии и социального рыночного хозяйства – вот новое проблемное поле для постклассической политической экономии. Проблема, видимо, состоит в том, чтобы определить место и роль как классической, так и постклассической политической экономии в системе современного экономического знания. Возможно, и более широко – в системе социального знания, т. е. беря политическую экономию как особый метод познания действительности.

Литература

1. Аникин А. В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990.

2. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13.

3. Рикардо Д. Письма к экономистам // Рикардо Д. Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1961. Т. 5.

4. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии // Бастия Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000.

5. Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. Пг., 1915.

Ю. Г. Павленко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСПЕХА

Текущая экономическая ситуация в стране представляется обществу, прежде всего, двумя главными показателями: динамикой ВВП и валютным курсом рубля. Еще не так давно мы наблюдали в стране относительно высокий экономический рост. Многим казалось, что этого достаточно для успешного развития страны. Однако теория и практика показывают, что экономический рост – необходимое, но недостаточное условие успешного развития страны. Его недостаточно, поскольку экономический рост представляет собой агрегированный показатель, за которым может скрываться неравномерный рост (и даже падение производства) различных отраслей, регионов, предприятий. Кроме того, этот показатель не отражает качественные, структурные характеристики роста и тем самым не дает возможность обществу составить представление об истинном положении дел в экономике.

Более содержательным понятием как с точки зрения интересов и потребностей граждан, так и задач выработки и реализации эффективной социально-экономической стратегии развития страны представляется такое понятие, как «экономический успех». Под экономическим успехом мы понимаем такое состояние экономики, при котором наблюдается устойчивый экономический рост и обеспечивается повышение благосостояния всего населения.

К сожалению, в последние 15 лет мы наблюдаем, даже в отдельные лучшие годы, экономический рост без экономического развития, поскольку такой рост не сопровождался совершенствованием экономики, улучшением ее воспроизводственной структуры и ростом человеческого потенциала. Скорее наоборот, такой рост сопровождался деиндустриализацией и определенной деградацией человеческого потенциала. Поэтому последние полтора десятилетия экономического развития России, при всех несомненных достижениях, можно охарактеризовать

как застой, а учитывая распространенную характеристику позднесоветского периода, как «застой № 2».

Экономический успех (или неуспех) проявляется на разных уровнях экономической системы. Например, на микроуровне, по некоторым оценкам экспертов, примерно лишь 10 % российских предприятий можно отнести к числу успешных. Что касается уровня отдельных граждан и семейных хозяйств, то на фоне чрезмерной дифференциации доходов, в условиях падения производства в одних отраслях и отсутствия средств для необходимых структурных преобразований в других успех немногих может свидетельствовать лишь о неуспехе большинства. Очаги успеха, имеющиеся в современной России, носят крайне фрагментарный характер

Рассматривая институциональные основы экономического успеха в рамках совокупности экономических, политических и идеологических факторов, воздействующих на экономический рост и распределение создаваемого богатства, хотелось бы выделить один из важнейших институциональных барьеров, препятствующих достижению устойчивого экономического роста как непременного условия экономического успеха. Это высокий уровень социального неравенства и механизмы, которые его воспроизводят. Неравенство крайне отрицательно влияет на воспроизводство главного ресурса экономики – человека, или, выражаясь научным языком, человеческого потенциала. Согласно отчету Credit Suisse Global Wealth Report 2014 уровень неравенства в России «значительно выше, чем в любой другой крупной экономике мира». 84,8 % богатств страны контролируется всего 10 % населения. Для сравнения, в США самые богатые 10 % контролируют 74,6 % богатств, в Китае – 64 %, а в Японии – всего 48,5 % [9]. Справедливости ради следует отметить, что речь идет лишь об одном из показателей неравенства, а именно о доле богатства, приходящегося на 10 % населения. Но и данного показателя достаточно, чтобы задуматься о наличии серьезной проблемы с неравенством в России. Такое положение во многом определяется не только несправедливым, но и неэффективным с точки зрения воспроизводства человеческого потенциала распределением национального дохода. Перед нами

стоит задача найти и задействовать социальные механизмы, институты для преодоления неравенства как социальной и экономической проблемы.

В исследовании институциональных механизмов преодоления неравенства, как нам представляется, следует опираться на политическую экономию. Ведь еще Д. Рикардо в предисловии к своей работе «Начала политической экономии» ставит главной задачей политической экономии определить законы, которые управляют распределением между классами созданного продукта [6, с. 389]. В более развернутой форме предмет политэкономии Рикардо определяет в своем письме к Т. Мальтусу: «По вашему мнению, политическая экономия есть исследование о природе и причинах богатства; я думаю, что ее следует скорее назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании» [7, с. 110-111].

Истоки нынешних проблем и деформаций, препятствующих успешному экономическому развитию, следует искать в противоречиях как постсоциалистической России, так и периода «реального социализма». Последний нес в себе черты как до, так и посткапиталистической формаций, т. е. феодализма и социализма. С нашей точки зрения, в начале 1990-х гг. в стране одновременно и достаточно быстро произошли два взаимно связанных процесса: антифеодальная революция, призванная устранить пережитки феодализма советского образца, и процесс, который можно обозначить как «реставрация» капитализма. Если первый процесс объективно нес в себе прогрессивные изменения, направленные на раскрепощение социальных творческих сил народа, в том числе частной инициативы в экономике, то второй характеризуют определенные черты регресса, поскольку он возвращает общество к социальным отношениям «дикого капитализма». В преодолении последних, во многом благодаря импульсу Октябрьской революции, развитые страны добились несомненных успехов. В последние годы российский «дикий капитализм» все больше приобретает черты бюрократического капитализма.

К сожалению, институциональные преобразования, направленные на раскрепощение творческих сил граждан в рамках антифеодальной революции, идут достаточно противоречиво, о чем свидетельствует, например, отсутствие заметных успехов в развитии малого бизнеса. В то же время «реставрационные» процессы, включая демонтаж некогда развитой социальной инфраструктуры страны, происходят более «успешно». При этом следует отметить, что в конечно счете качество социально-экономической системы определяется наличием такой социальной инфраструктуры, которая способна обеспечить воспроизводство человеческого капитала на достойном уровне. Судя по востребованности многочисленных российских специалистов за рубежом в постсоветские годы, такая инфраструктура имелась.

На противоречивость отмеченных процессов в недавней истории накладывается и то обстоятельство, что их результатами различные слои общества воспользовались по-разному. В выигрыше оказался относительно небольшой слой людей. Во-первых, те, кому удалось приобрести бывшую государственную собственность в процессе приватизации, включая влиятельных чиновников, ответственных в той или иной степени за распределение этой собственности, во-вторых, это слой профессионалов-менеджеров и востребованных в новых условиях специалистов. В проигрыше оказалось большинство населения, несостоявшихся собственников. Именно они, согласно либеральной концепции, призваны были составить гражданское общество. В процессе «обвальной приватизации» на фоне деградации и даже демонтажа таких элементов социальной инфраструктуры, как бесплатная медицина, образование, жилье, собственность, они так и не получили. Впрочем, в качестве своеобразной компенсации им было предоставлено право приватизировать уже занимаемое жилье.

Высокая дифференциация доходов наблюдается на фоне слабой в целом социальной ориентации российской экономики. Это наглядно видно, например, при ее сопоставлении с близкой по показателям развития экономикой Польши. При равном, по покупательной способности, ВВП на душу населения в Польше и России зарплата и особенно пенсии в Польше заметно выше.

Так среднемесячная зарплата и пенсии в Польше в 1-м квартале 2015 г. в долларовом эквиваленте составляли соответственно 1080,2 и 549,3 долл. Кроме того, в стране действует прогрессивная шкала налогообложения доходов со ставками в 18 и 32 % [3]. Наконец и уровень дифференциации доходов населения в Польше существенно ниже, чем в России.

По мнению известного польского экономиста Г. Колодко, положение с неравенством в Польше не так плохо, как в России, где в результате посткоммунистичесой революции вернулось крайне высокое неравенство собственности и доходов, типичные для царских времен[1]. Вместе с тем, по его словам, современные различия уже не только не принимаются обществом, но и начинают действовать против экономической динамики. Г. Колодко определяет справедливым такое распределение доходов, которое одобряется обществом, не дестабилизирует политическую ситуацию и способствует гармоническому функционированию народного хозяйства [12, с. 137-138].

Осознавая всю сложность перехода к прогрессивному налогообложению, представляется, что это абсолютно необходимый и назревший шаг. Кроме того, это тот случай, когда неплохо было бы поступать «как во всем мире».

Негативный вклад в сдерживание роста человеческого и социального потенциалов страны, препятствующий консолидации и интеграции российского общества, вносит также высокий уровень межрегиональной дифференциации. В настоящее время, по оценкам бывшего Минрегиона РФ, объем среднедушевого ВРП по субъектам Федерации различается в 67 раз, а средняя заработная плата – в 6 раз. Совокупный ВРП десяти регионов-лидеров составляет 52 % ВРП всех регионов, а десяти самых бедных субъектов РФ – около 1 % [5, с. 6].

Очевидно, что перед нами стоит задача найти, обосновать и задействовать социальные механизмы и институты для преодоления чрезмерного неравенства как социальной и экономиче-

[1] Отметим, что по оценкам некоторых российских историков различия в доходах директоров предприятий и рядовых рабочих в постсоветской России выше, чем это было на предприятиях в царской России.

ской проблемы. Заслуживает внимания мировой опыт успешного преодоления высокого уровня социального неравенства, конкретные институциональные механизмы такого преодоления, а также выявление препятствующих ему институциональных барьеров. В этой связи определенный интерес может представлять исторический опыт США и теоретическое осмысление проблемы американскими учеными. Исследуя опыт США в решении проблемы неравенства и создания многочисленного среднего класса в последние сто лет, американский экономист Пол Кругман отмечает решающую роль политических условий в формировании уровня экономического неравенства и, ссылаясь на большое число исследований, выделяет следующие обстоятельства [2].

Во-первых, средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Рузвельта – и, прежде всего, мер по контролю над доходами в военные годы. Специалисты в области экономической истории К. Голдин и Р. Марго, впервые документально подтвердившие этот феномен, назвали его «великим сжатием» [10]. Когда контроль военных лет отменили, можно было ожидать возврата к прежнему неравенству, но относительно равномерное распределение доходов, порожденное политикой Ф. Д. Рузвельта, сохранялось еще более тридцати лет. По мнению П. Кругмана, это обстоятельство, свидетельствует, что в отличие от положений, содержащихся в базовых курсах экономикс, институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, чем объективные рыночные факторы. Во-вторых, произошедший в середине 1970-х гг. захват правыми господствующих позиций в Республиканской партии привел, начиная с 1980-х гг., к значительному росту неравенства в США. То есть снова все началось с политических подвижек. И, наконец, в-третьих, если раньше большинство экономистов полагало, что главной причиной растущего неравенства в Америке выступает технический прогресс, то по мере более тщательного изучения статистических данных, данная ортодоксальная точка зрения утратила популярность. Выявился факт, что даже среди высокообразованных американцев

большинство не добилось существенного прироста доходов. Основной выигрыш выпал на долю представителей элитного круга – одного процента высшего круга населения или даже еще более узкой группы. В итоге среди исследователей утвердилось убеждение, что ключевую роль в росте неравенства сыграла эрозия общественных норм и институтов, которые некогда поддерживали равенство, а это произошло, прежде всего, вследствие «поправления» американской политики [8, 13].

П. Кругман тестирует свою гипотезу с помощью международных сравнений. Если рост неравенства в основном определяется объективными рыночными силами, т. е. факторами, связанными с техническим прогрессом и глобализацией, то изменения в степени неравенства должны были бы быть схожими во всем развитом мире. Но факты показывают, что нигде в развитом мире нет такого роста неравенства, как в Америке. Во времена М. Тэтчер в Великобритании резко усилились диспропорции в доходах, но они были гораздо меньшими, чем в США. В континентальной же Европе и Японии неравенство если и выросло, то незначительно [14].

Следовательно, все дело в политических подвижках. Америку до Нового курса, как и в начале XXI в., отличало неравенство в распределении богатства и власти. В стране лишь формально присутствовала демократическая политическая система, не способная адекватно представлять экономические интересы большинства населения. У факторов, которые тогда позволяли зажиточной элите доминировать в политике, сегодня имеются аналоги. Это крайне невыгодные финансовые условия, в которых действуют либеральные (левые по европейской терминологии) политические кандидаты, а также доминирование консервативной идеологии, согласно догматам которой, всякая попытка помочь не столь благополучным согражданам приведет к экономическому краху.

Цифры подтверждают, что нынешняя концентрация доходов в руках узкого слоя элиты вполне соответствует их концентрации в 1920-е гг.

Таблица 1

Доля наиболее обеспеченных групп в общих доходах населения (без учета прибыли на капитал), в % к итогу

	Высшие 10 %	Высший 1 %
В среднем в 1920-е гг.	43,6	17,3
В 2005 г.	44,3	17,4

Выводы П. Кругмана, о решающей роли политических условий в формировании уровня экономического неравенства, сделанные на основе анализа американской практики, подтверждают и данные опросов, согласно которым, с одной стороны, «более 50 % американцев считают, что государство должно перераспределять богатство путем большего налогообложения богатых (при этом лишь 17 % последних разделяют такой подход). Но с другой стороны, механизм западной демократии действует таким образом, что мнение меньшинства превалирует при принятии решений без каких-либо реальных дебатов по данному вопросу» [11].

С точки зрения анализа социальных институтов, способных обеспечить устойчивое развитие и достижение экономического успеха, представляется необходимым и важным включить в качестве объекта анализа также формирующееся современное гражданское общество и его институты. Такой анализ позволит анализировать российский капитализм не только с точки зрения противоречий и деформаций, но и в его динамике и перспективе.

На связь содержания категории «гражданское общество» с экономическими отношениями и экономическим развитием указывал К. Маркс. В одной из своих работ он писал: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называ-

ет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [1, с. 137].

В современных условиях высокие стандарты в таких относящихся к экономике параметрах, как минимальный уровень доходов в обществе, доступность образования, медицинских услуг, достижений культуры, показатели распределения доходов населения, действенность антимонопольной политики, защита интересов потребителя, мелкого и среднего предпринимателя и работника в целом, несомненно, во многом определяют качество гражданского общества. Вместе с тем, отношения между гражданским обществом и экономикой суть отношения взаимного влияния и проникновения. Так, экономические или производственные отношения представляют собой одновременно социальные и правовые отношения. Экономика развивается под воздействием многочисленных государственных, общественных и собственно экономических регуляторов экономических процессов. Совокупность и характер этих регуляторов определяется своеобразием гражданского общества в конкретной стране. «Качество», развитость гражданского общества и его институтов во многом определяют уровень развития экономических отношений и в конечном счете эффективность экономики [4, с. 224].

Перед лицом кризиса, который вызван, прежде всего, причинами внутреннего характера, объективно возрастает роль и значение гражданского общества. Нам они видятся в качестве усилий в двух направлениях: во-первых, в солидарном воздействии гражданского общества на государство в сторону изменения существующей социально-экономической модели и, во-вторых, в воздействии на бизнес в сторону большего учета потребностей воспроизводства человеческого потенциала. Движение в указанных направлениях позволило бы создать реальную институциональную базу для достижения экономического успеха.

Литература

1. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М., 1986. Т. 4.
2. Кругман П. Кредо либерала. М.: Европа, 2009.

3. Налоговые ставки в Польше // Bizbon [Электронный ресурс]. URL: http://www.bon. lt/ru/nalogovye-stavki-v-polshe.

4. Павленко Ю. Г. Гражданское общество, государство и рынок в социально-экономическом развитии // Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / под ред. А. Е. Лебедева, А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2011. С. 212-246.

5. Политика регионального развития как инструмент преодоления стагнации и обеспечения инновационного развития экономики: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014.

6. Рикардо Д. Начала политической экономии // Антология экономической классики: в 2 т. М., 1991. Т. 1.

7. Рикардо Д. Письма к экономистам // Сочинения: в 5 т. М.: Соцэгиз, 1961. Т. 5.

8. Dew-Becker, Ian and Gordon, Robert. Where Did the Productivity Growth Go? Inflation Dynamics and the Distribution of Income (Brookings Papers оп Economic Activities. № 2 (2005). Pp. 67-127.

9. Global-wealth-report-2014. [Электронный ресурс]. URL: http://economics.uwo.ca/people/davies_docs/credit-suisse-global-wealth-report-2014.pdf

10. Goldin, Claudia and Rober A. Margo. The Great Compression: The US Wage Structure at Mid-Century // Quarterly Journal of Economics. 1992. № 1(107). Pp. 1-34.

11. Halimi S. Politics as an elite sport // Le Monde diplomatique. June, 2015.

12. Kolodko G. W. Swiat na wyciagniesie mysli. W-wa, 2010.

13. Levy, Frank and Temin, Peter. Inequality and Institutions in 20th-Century America (MIT Department of Economics Working Paper. № 07-17. June 2007).

14. Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. The Evolution of Top Incomes: A Historical and International Perspective (National Bureau of Economic Research Working Paper. № 11955. January 2006).

М. И. Зобов

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ БУДУЩЕГО

Человечество в своем историческом развитии от исходного состояния дикости прошло многовековой путь варварства и находится сегодня в преддверии новой эпохи человеческого общежития – цивилизованного, гуманистического общества. На этом историческом рубеже особо остро ощущается противоборство двух доминирующих идей общественного устройства – социал-дарвинистской и гуманистической.

Первая из них, основанная на принципе «человек человеку волк», признающем право сильного подавлять слабого в процессе конкуренции (выживают сильные, вымирают слабые), лежит в основе капиталистической системы хозяйствования.

Вторая идея, идея человеколюбия, проистекающая из принципа «возлюби ближнего своего», нашла отражение в социал-демократических, социалистических, коммунистических идеалах, лежит в основе международных правовых актов. Любовь как наивысшее состояние человеческого духа и всеобъемлющее неделимое чувство, устремленное на другую личность, человеческую общность, окружающую природу и мироздание в целом, служит первоосновой духовности человека и общества.

В условиях нынешних общемировых кризисных явлений социал-дарвинистская суть действующих экономических отношений проявляется наиболее ярко, когда в ситуации банкротства оказываются многие экономически слабые субъекты хозяйствования и за их счет наживаются сильные. Это совершенно неприемлемое для большинства людей развитие событий с неизбежностью ставит вопрос о будущем мировых экономических отношений. В перспективе они, несомненно, будут строиться на гуманистических принципах, потому что альтернатива – «война всех против всех» – губительна для человечества.

Выбор перспективной гуманистической модели экономических отношений, базовых в общей системе межчеловеческих взаимоотношений, крайне важен сегодня и для всего постсовет-

ского социума, который на собственном опыте уже прочувствовал «прелести реального капитализма» и стал задумываться, как жить дальше.

Но подходя к решению этой задачи, необходимо сначала дать ответ на вопрос: что же первично – экономика или мораль?

Известный тезис К. Маркса о первичности экономического базиса по отношению к надстройке отводит морали скромное второе место. По определению К. Маркса, «совокупность… производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [2, с. 6-7]. В. И. Ленин подчеркивал, что основная идея материалистического понимания истории «состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» [1, с. 149].

Удивительно, что при этом они сами проектировали и строили коммунистическое будущее, изначально закладывая в него вполне определенную этику экономических отношений. То есть сначала была коммунистическая идеология, имеющая в своей основе новую этику (нет эксплуатации человека человеком) и только потом после взятия власти в России и выстраивания государственной надстройки шло создание коммунистического экономического базиса. То есть все в обратной последовательности.

Если сделать исторический экскурс, то можно отметить, что все фундаментальные исторические общности людей, в том числе локальные цивилизации, выстраивались в соответствии с неким замыслом, идеей, проектом, имеющим в своем основании определенные духовно-нравственные ценности.

Итак, мораль-таки первична!

Вместе с тем, в историческом аспекте моральные нормы в экономической сфере, конечно же, определяются уровнем развития производительных сил и экономики в целом. В условиях руч-

ного труда были одни этические правила распределения произведенных благ, механизация породила вторые, и впереди, в связи с автоматизацией и роботизацией, нас ждут третьи правила.

Какова же должна быть этика этих правил?

Современный уровень развития производительных сил позволяет 2-3-м процентам трудоспособного населения страны обеспечивать всех граждан продуктами питания. Стремительно сокращается уровень занятости и в промышленном производстве. Таким образом, происходит все большее высвобождение людей из сферы производства материальных благ в сферу оказания взаимных услуг, творчества, духовного взаимообогащения. Это свидетельствует о том, что в отдаленной перспективе вполне может быть реализован принцип «каждому по потребностям». На ближайшую же перспективу предлагается нижеследующая модель экономических отношений.

В целом экономические отношения предлагается строить на едином базовом подходе – все, что создано природой и общим трудом, находится в общей собственности. Таким образом, устраняется существующее противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Снимается антагонизм: отношения участников производства к совместно произведенному выстраиваются на договорной основе.

Распределение благ в обществе в целом осуществляется на основе трех базовых принципов.

Принцип «каждому – по труду». Согласно данному принципу каждый участник экономических отношений получает блага в соответствии с его общественно признанным вкладом в совокупный общественный продукт. Вклад может осуществляться как посредством своего живого труда, так и своего овеществленного труда в виде капитала – материального, интеллектуального, финансового.

Принцип безусловного основного дохода (БОД). Согласно данному принципу каждый, безотносительно его трудового участия, получает минимальный доход в размере, который, с одной стороны, позволит безработным жить достойно, не берясь за любую работу, а с другой стороны, не приведет к отказу от удовлетворения потребности в самореализации, от поиска инте-

ресной и хорошо оплачиваемой работы. Предлагаемый механизм перераспределения дохода позволяет оценить труд, который сегодня не оплачивается, – ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, взаимопомощь между соседями, социальная, культурная и гуманитарная деятельность, которая выполняется на общественных началах.

Принцип бесплатного получения благ. Согласно этому принципу функционируют в основе своей системы здравоохранения, образования и воспитания, осуществляется социальное обеспечение недееспособных – не могут быть предметом торга здоровье и жизнь человека; каждый, вне зависимости от его имущественного положения, должен иметь равный с другими доступ к знаниям и духовным ценностям; каждый должен быть социально защищен.

Главным субъектом хозяйственной деятельности является народ, полноценно реализующий с помощью электронных средств коммуникации права собственника на следующие объекты общенародной собственности:

– земля, ее недра, атмосферный воздух, водные и другие природные ресурсы, которые находятся в пределах территории страны, природные ресурсы ее континентального шельфа, исключительной (морской) экономической зоны;

– естественные общегосударственные монополии в сфере энергетики, транспорта, связи и иной инфраструктуры;

– научная отрасль, оборонные предприятия, иные предприятия стратегического значения.

Вторыми по значению субъектами хозяйственной деятельности являются территориальные общины, реализующие права собственника коммунальной собственности на соответствующих земельных территориях.

В целом хозяйственная деятельность и социально-экономическое развитие организованы на принципах кооперации и социального партнерства, охватывающего широкий круг явлений, в том числе организованное взаимодействие при реализации социально значимых проектов всех заинтересованных субъектов общественного развития: представителей науки, ор-

ганов управления, деловых кругов, гуманитарной сферы, политических и общественных организаций и т. д.

Социальное партнерство субъектов процесса общественного развития позволяет наиболее эффективно объединять интеллектуальные, финансовые, материальные и трудовые ресурсы и рассматривается как ключевая предпосылка реализуемости и эффективности всевозможных социальных проектов. Социальное партнерство – наиболее демократичный, свободный и социально ответственный современный механизм совместно-разделенной человеческой деятельности по достижению как индивидуальных, так и общезначимых целей.

Предлагаемая модель гуманистических экономических отношений не требует отмены права частной собственности на средства производства, как предлагали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они основывались на ложном понимании первопричин того, против чего выступали – эксплуатации человека человеком. Право частной собственности – это право владения, пользования, распоряжения этой собственностью, но отнюдь не право собственника на присвоение произведенной кем-то иным с использованием этой собственности продукции. Отношения к произведенной продукции определяются исключительно договором сторон, это частноправовые договорные отношения. И вся проблема заключается в этом договоре. Если это договор свободных людей, то это договор партнерства. Если же какая-то из сторон понуждается к заключению этого договора насилием, голодом, холодом и т. п., тогда можно говорить об эксплуатации.

Характер договорных отношений определяется правовой системой государства, законодателями. Поэтому пока у власти находится класс собственников средств производства, договорные отношения строятся с преимуществами в их сторону. Если власть принадлежит только наемным работникам, имеет место перекос в другую сторону. И только в случае народовластия, когда каждый гражданин имеет возможность на равных с другими принимать участие в выработке и принятии управленческих решений наивысшего уровня, касающихся его жизни, может быть выстроена партнерская модель отношений в экономике.

Очень близка к народовластию Швейцария, где уже более полутора веков проходят референдумы по народной инициативе. Поэтому экономические отношения в стране регулируются самим народом. В частности, в 2013 г. инициирован референдум по «безусловному основному доходу». Посвященный этому событию материал вышел под очень красноречивым заголовком «Швейцарская модель коммунизма» [3].

Предложенная модель экономических отношений переводит общество с социал-дарвинистской позиции на гуманистическую, богатство правовых форм производственных отношений позволяет всем наилучшим образом реализовать себя в производственной сфере.

Принимая во внимание слова Назыма Хикмета о том, что счастье – это когда утром очень хочется идти на работу, а вечером очень хочется идти домой, можно утверждать, что на предлагаемом экономическом базисе можно построить общество счастливых людей. Ведь самореализация человека на свое и всеобщее благо органично объединяет в себе высокое гуманистическое начало с прагматической направленностью. С одной стороны, на путях самореализации в семейной жизни, труде и досуге каждый из нас творит свое счастье и, с другой – через самореализацию каждого из нас обеспечивается максимально эффективное использование основного ресурса – человеческого потенциала.

Литература

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1959. Т. 13.
3. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id= 12670&Itemid=13

А. Е. Куцерубов

СТАГНАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Политическая экономия – наука об обществе, у которой предметом выступают производственные отношения, а также законы, которые управляют их развитием. Нельзя не заметить, что политическая экономия часто «ходит по лезвию бритвы» политических процессов, отклоняясь от основополагающей научной сути – осуществлять познание объективно, не поддаваясь влиянию вненаучных факторов. Конечно, следует отметить, что практически все общественные науки в той или иной степени являются заложниками того общества, в котором осуществляется научный процесс. Именно это зачастую и выступает основной причиной разногласия ученых, которые трактуют одно и то же явление по-разному. Причем общественные процессы не всегда носят созидательный характер, они выступают сосредоточением конфликта экономических интересов групп общества. Например, В. Ойкен писал: «Еще и сегодня у многих ученых, занимающихся национальной экономией, отсутствует видение того обстоятельства, что хозяйственный процесс пронизан жесткой борьбой за власть. Но тот, у кого не достает способностей или силы видеть это, кто желает сгладить углы, тот не понимает экономики» [2].

Многие направления политической экономии, рассматриваемые в научной среде, имеют отклик в общественном сознании, так как затрагивают значимые для большинства граждан аспекты общественной жизни. Часто возникает спекуляция на основе научной проблематики, причем некоторые «истины» преподносятся в выгодном свете для обособленной группы носителей экономических интересов. Желание оправдать сильнейшее расслоение общества по доходам и низкий уровень оплаты труда заставляет «популяризаторов» экономической науки заявлять буквально следующее: «В России один из самых высоких показателей по количеству рабочих часов на душу населения. При этом производительность у работающих россиян почти в два раза ниже среднеевропейской и в 2,5 раза меньше, чем в США» [3].

Стагнация (застой) политической экономии в первую очередь и заключается в том, что она не в полной мере реализует свои основные функции, а одной из функций является культурномировоззренческая или просветительская функция. Отсюда и появляются разнообразные экономические мифы, когда научный мир погружен сам в себя, а общество оставлено на «милость» пропаганды через СМИ. Парадокса в приведенной статье с научной точки зрения не существует, если рационально подойти к общественным отношениям в целом и к производственным отношениям в частности. Академик Д. С. Львов на этот счет уже дал однозначный ответ: «На самом деле, мы плохо работаем, потому что плохо живем. На один доллар часовой заработной платы среднестатистический российский работник производит примерно в 3 раза больший ВВП, чем аналогичный американский. Такой высокой эксплуатации наемного труда не знает ни одна развитая экономика мира. За годы реформ реальная заработная плата снизилась почти в 2,5 раза, а среднедушевой доход – в 2 раза» [1].

Любая система производственных отношений фактически состоит из системы трех оплаченных заказов (с их последующей комбинацией): заказ на производственный капитал, заказ на сырье и заказ на труд. Заработная плата – это оплаченный заказ на труд. А если заказ на труд оплачивается все меньше и меньше (например, непосредственное урезание оплаты труда под запугивание кризисом, инфляционный рост цен и т. д.), то возникает вопрос: почему производительность должна расти, т. е. должна увеличиваться доля неоплаченного труда? Абсолютно оправдан подход в отношении производительности труда, когда она рассчитывается в расчете на денежную сумму, выплачиваемую работнику. Вот и получается, что если каменщик в США, получая, например, 3000 долларов в месяц, кладет в месяц 20000 кирпичей, то каменщик в России, получая 500 долларов, для аналогичного показателя производительности должен класть где-то не более 3400 кирпичей, остальное – отъем труда посредством сложившихся производственных отношений.

Если рассматривать отдельные категории профессий, то получится, что производительность труда в России – рассчитанная

не с учетом затрат рабочего времени, а с учетом выплаченных денег за труд – будет кратно опережать производительность труда в любой западной стране. Интересно, что если рассматривать производительность в сфере образования согласно вознаграждению за труд, то для того, чтобы производительность труда в этой сфере в России соответствовала производительности труда на Западе, нужно проводить около 4 учебных часов в месяц. Научный подход легко разрушает мнимые парадоксы, но это налагает на политическую экономию еще больше ответственности в плане реализации культурно-мировоззренческой функции.

В этом плане следует заметить, что экономика, какой бы стабильной и развитой она ни была, выступает как средство благосостояния населения, всестороннего развития личности. Если же преследовать лишь экономические цели, то человек в системе экономических отношений остается лишь только в качестве одного из факторов производства. Общество должно выбирать такой путь социально-экономического развития, чтобы достигнуть максимума реализации независимых социальных целей.

Уже в начале XX в. итальянский экономист Вильфредо Парето указывал, что в экономике ресурсы используются неэффективно тогда, когда возможно, применяя их иным способом, улучшить положение хотя бы одного домохозяйства, не ухудшив при этом положения иных домохозяйств.

Только четкую постановку социальных целей и их достижение посредством экономического механизма можно рассматривать оптимальным процессом государственного развития. Поэтому определенным импульсом в развитии как экономики страны, так и политической экономии – науки, отражающей трансформацию производственных отношений, может стать ориентирование на принцип социальной критериальности экономических процессов. В этом плане особую актуальность сегодня приобретают слова А. Смита: «Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов бедна и несчастна» [4].

Далее прогностическая функция политической экономии требует от нее формирования ясного представления о будущем состоянии производственных отношений как механизма обще-

ственного развития. Должен быть обозначен отчетливый контур общества будущего, который был бы приемлем подавляющим большинством этого общества в настоящем. Отсутствие глобальной общественной цели лишает общества внятной траектории развития, превращая общественную трансформацию в метания из одной крайности в другую. Никакие прогнозные экономические показатели не заменят общего представления о будущем общественном устройстве, равно как приведение отдельных цитат нельзя считать аналогом общего впечатления о сути прочитанной книги.

Без всяких сомнений, картина будущего является не просто определенным ориентиром, но и разрешением конфликта экономических интересов. Например, такая общественно-экономическая формация, как коммунизм, никогда не впишется в будущую картину мира, пока сосредоточение экономической власти не определяется финансовым механизмом и собственностью на средства производства. Иначе возникнет конфликт между общественной целью и современными процессами сегодня. Поэтому основополагающей задачей политической экономии в настоящее время является формирование целостной картины будущего состояния общества, учитывающей современные социально-экономические реалии, а также определение перспективных путей достижения этого общественного состояния.

Возвращаясь к функциональному содержанию политической экономии, следует отметить, что образовательная функция заметно подрывается сокращением преподавания часов социально-гуманитарных дисциплин, несмотря на их ведущую роль в формировании общественной мысли, понимания механизма общественного развития. Это еще один аспект стагнации политической экономии, которая из общественной науки постепенно переходит в разряд науки для определенных общественных слоев.

Стоит остановиться и на таком моменте политической экономии, как «оптимизация» названия этой науки. Вместо решения реальных научных проблем активизировался мистицизм научного имени, нерациональное ожидание того, что смена названия даст мощнейший импульс развитию науки. Но ни экономическая теория, ни экономикс не могут сделать то, чего не мо-

жет сделать политическая экономия, так как сила науки в совершенствовании методологического аппарата, познании своего предмета, практическом воплощении полученных знаний через образование, через формирование экономической культуры, понимания логики социально-экономического развития и общественного целеполагания.

Литература

1. Львов Д. С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России: доклад, прочитанный в Президиуме РАН [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/ECONOM/ECONOM.HTM

2. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. 351 с.

3. Платонова Е., Хохрякова О. В России не умеют работать // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/business/2015/08/10/7679837.shtml

4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.

Д. Н. Климова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ НАУКИ

Стремительные изменения, начавшиеся в конце прошлого века и значительно углубившиеся в веке текущем, в очередной раз испытывают на прочность человеческое сообщество, а следовательно, его сформированные целевые установки, господствующие нравственно-этические нормы, формы общественного сознания. Не умоляя роль и значение других наук, равно как и их представителей, как правильно и все чаще отмечается в научных кругах, именно от экономической науки и от ее влияния на политико-экономические и социальные процессы в конечном итоге зависит и развитие других наук, и возможности техниче-

ских свершений, и изменение нравственного облика человечества, и многое другое.

Подтверждением этому служит ряд фактов. Во-первых, как фундаментальная наука политэкономия позволяет определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. Во-вторых, ее предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволяют выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства, эпохи с выявлением ограниченности и перспективности одних экономических форм по сравнению с другими. В-третьих, зафиксировать «несущую конструкцию», или основу, общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. В-четвертых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений политическая экономия позволяет определить прогноз возможных противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Наконец, политэкономия дает методологическую и инструментальную основу для анализа другим, более конкретным экономическим дисциплинам. Именно поэтому политическая экономия не представляет собой набор догм или раз и навсегда застывших истин.

Для понимания настоящего политической экономии как науки необходимо рассмотреть парадигму экономической теории. Почти все отрасли науки, имеющие корни в древнем мире, первоначально составляли интегральную систему философии. Парадигма, представляющая собой особенности познания, на заре цивилизации совпадала для всех наук с парадигмой философии. «Любовь к мудрости» объединяла весь процесс познания природы и общества, интегрируя все специфические особенности каждой науки в отдельности. Классическая философия знала одну парадигму, или установку, на познание мира и его сущности, которая получила отражение в экономической науке. Она свидетельствовала о гносеологических (познавательных) принципах возможности познания экономической теории.

Парадигма несла в себе определенные противоречия. С одной стороны, признавалась принципиальная возможность познания явлений природы и общества. С другой стороны, познание происходило путем раскрытия бесконечной цепи больших и малых тайн. Завеса тайн приоткрывалась для пытливого человечества, но всегда что-то оставалось неизвестным. Всякий раз человек стремится познать истину, раскрыть сущность явлений. Процесс познания в известной мере приоткрывает завесу, но не полностью. К тайнам вчерашним, таким образом, добавлялись тайны сегодняшние. Вчера мы знали, что в каждой отрасли науки есть определенный перечень проблем, о которых люди еще не имеют достаточной информации, но сегодня к ним добавились еще проблемы текущего развития. Однако природа и общество не остаются постоянными, навсегда данными. В силу изменения окружающей среды и внутреннего саморазвития естественное и общественное изменяются, приспосабливаются к новым условиям, создавая новые структуры, обеспечивая реструктуризацию общества или естественный отбор, усложняя взаимные связи, усиливая взаимное влияние. Новое пополняет прогрессивную и регрессивную тенденцию развития, порой возвращаясь назад или уходя так далеко вперед, что это наносит вред как человеку, так и природе.

Поэтому в настоящее время возник общецивилизационный разлом, общий кризис, в котором практически все области человеческой деятельности вступили в острое противоречие друг с другом. Человек как продукт природы создал антиэкономику, в которой не находится места ни самому человеку, ни природе. Доминирующий индустриальный технологический способ производства обусловил возникновение неоэкономики с ее технологической базой, которая, в свою очередь, уже не находит своей полной реализации в созданных десятилетиями соответствующих общественных и внутрифирменных формах организации, известных типах управленческих культур. Заложенные принципы и виды политического устройства, питавшие и поддерживающие долгое время экономический либерализм, столкнулись в противостоянии со сформированной в настоящее время денежно-финансовой диктатурой. Нравственно-этические прин-

ципы, успешно разрешившие в «старой» экономике проблему справедливости и эффективности и давшие старт капиталу как общественно-экономическому феномену с его более высокой производительной силой, оказались также подорванными сформированными сейчас спекулятивными устремлениями денежного обогащения.

Системные трансформации еще более противоречиво проявили себя как в хозяйственной практике, так и в национальной экономической науке. Время и количественные изменения позволяют зафиксировать уже не постсоциалистическое наследие во всех его аспектах (кроме технологического), а результаты переходного экономического мышления и практических преобразований нынешней эпохи. Результаты современной хозяйственной деятельности в различных странах по многим параметрам пока фиксируют больше негативных тенденций, нежели накопленную критическую массу для стратегического устойчивого социально-экономического развития. Все это позволяет сделать вывод о том, что специфика научной деятельности в политико-экономической сфере не позволяет пока отметить изменения парадигмального, методологического и инструментального содержания теории. Пока наблюдается, как правильно отмечает ряд отечественных ученых, лишь интуитивно-эмпирическая методология в исследованиях и схоластическая интерпретация особенно в учебной сфере вводного уровня «экономикс».

Однако анализ проблем, методологических подходов и других свойств современной экономической науки позволяет выделить несколько направлений именно политической экономии, которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история.

Так, Дж. Альт и А. Алесина рассматривают политическую экономию как область знания, выходящую за пределы экономики, т. е. как отрасль социальных наук, стремящуюся к более широкому осмыслению экономических проблем, чем это делается в рамках основных направлений. По их мнению, эта дисциплина рассматривает институты скорее как эндогенные феномены, применяя междисциплинарные методы исследования, теорию

игр, сближая макроэкономику с политикой, правом, историей, социологией, экологией, этикой.

Кроме того, если еще два десятка лет назад некоторые проблемы политической экономии получали лишь свою формулировку, то сегодня ряд из них уже получил свое некоторое теоретическое и практическое разрешение. Например, это относится к исследованиям межпартийной борьбы Э. Даунса и теории У. Райкера о формировании правительственных коалиций, описывающих роль распределительной политики при формировании правительств.

К числу крупнейших достижений политэкономии относятся теорема невозможности К. Эрроу и доказательство произвольности совокупных правил социального выбора, которые плохо согласуются с либерально-демократическими мифами о «воле народа»; модель бюрократии, монопольно регулирующей информационные услуги (У. Нисканен); теория политических циклов деловой активности (У. Нордхаус, Д. Гиббс), влияющей на экономические результаты.

Особое значение и серьезную прикладную проработку занимает проблема формирования и распределения бюджета, имеющая свои частные ответвления: теория сглаживания налогов, концепция перераспределения государственного долга между поколениями, модель политического конфликта и исследования по институциональному отбору, зависящему от использования бюджетных средств, которыми распоряжается избранное демократическим путем правительство или законодатели.

Буквально во все разделы экономической науки проникла идея Р. Коуза о трансакционных издержках. Сама постановка вопроса об их положительной величине в условиях разделения труда и обмена, а также гипотеза о необходимости спецификации прав собственности, на наш взгляд, является типично политико-экономическим достижением на новом уровне теоретического осмысления рыночного хозяйства.

«Политическая экономия голода» А. Сена и Й. Дрейзе не только опровергает Парето-оптимальность, но и институциональными отличиями (средой, политикой, законами распределе-

ния) объясняет причину 20 % мировой бедности и нищеты, с чем не считаться сейчас уже нельзя.

Будущее политической экономии зависит от ее перспектив, которые выстраиваются из-за рамок проблем, мало попадающих в исследовательское поле экономической науки. В частности, это относится к такому феноменальному явлению современности, как мировая экономика и решение ее глобальных проблем. Новым и перспективным изучение мировой экономики в данном ключе является потому, что предопределяет поиск не только и не столько содержания отношений и законов на национальном уровне, чем занималась классическая политическая экономия, сколько адекватного отражения сложившегося мирохозяйственного порядка с его приоритетом ценностей, вектором международных и национальных интересов. Извлечение глобальной ренты требует, по крайней мере, упорядочения принципов и механизмов ее распределения, поскольку сейчас заметно активное применение военно-силовых методов, усиливающих современную ситуацию неопределенности.

Также в силу того, что исчерпаны факторы и условия экономического роста, заложенные парадигмой неоклассической теории, другим перспективным направлением развития политической экономии является выработка новой стратегии социально-экономического развития, где в основе экономического роста – информационный фактор. Именно информационный фактор, преодолевающий национальные границы прежних моделей экономики, в развитых странах сейчас определяет 50-70 % добавленной стоимости. Другими словами, от уровня владения запасами мировых знаний и их использования страной напрямую зависят закладываемые основы и траектория национального развития. Проявление этого информационного цикла очень четко обнаруживается в финансовых и в других видах кризисов, поскольку финансовые кризисы, отражая спекулятивные мотивы и ожидания, основываются на асимметрии информации между теми, кто устанавливает правила очередной игры, и ее массовыми участниками. А последние всегда будут в проигрыше, поскольку они никогда не начинают игру.

Говоря о перспективах политической экономии, нельзя не затронуть новые качества отношений труда и капитала, трудовых отношений, отношений между капиталами, их организационными формами, взаимодействия с институтом государства и другими институтами, получившими возможность существовать с момента создания глобальной сети. Не вызывает сомнений тот факт, что в ближайшем будущем предоставленные возможности глобальной сети будут использоваться все чаще и шире, что и определяет перспективы развития политической экономии как науки. Так, М. Кастельс пишет: «…Капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше от объема накопленного труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей… Борьба между многообразными капиталистами перетекает в категорию более глубинного противоречия между логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия» [2, с. 205].

Указанные выше перспективы политической экономии – это не ее далекое будущее, поскольку уже сейчас есть определенные теоретические наработки, выполненные как учеными западных стран, так и отечественными инициативными аналитиками. Привлекает своей актуальностью, зрелым уровнем проработки и прикладной значимостью теория опережающего развития, геоэкономика, альтерглобалистика, теория хозяйства (МГУ), где есть плодотворный методологический подход к современной хозяйственной системе с позиций определения норм национального поведения. Еще Л. Мизес эту отрасль науки, имеющую деятельный, человеческий характер, назвал праксиологией. Он писал: «Недостаточно далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры. Теорию каталлактики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности» [3, с. 310]. Но пока этот фундамент и западные, и отечественные ученые в своих исследованиях пытаются не затрагивать. Не позволяют научные «традиции», или догматы, которым клялся в свое время любой профессор, которому

присуждалось это почетное звание. То есть существуют и такие проблемы, которые могут обсуждаться лишь в среде просвещенной профессорской публики, и канонические постулаты для широкого «потребителя».

Итак, можно заключить, что сейчас как в экономической методологии, так и в понятийном аппарате других сопутствующих наук, «работающих» на основе предметных областей, уже достаточно есть накопленной информации, выводов, чтобы придать контурам новой синтетической науки статус предмета, методологии и прочих ее атрибутивных свойств. И действительно, прав М. Алле и другие авторы, которые пишут, что «как и наука физика, где стоит проблема интегрального объединения или хотя бы единого объяснения теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой парадигмальной теории, объясняющей поведение людей» [1, с. 27].

Поэтому мы поддерживаем тезис – не назад к политэкономии, а вперед к новой политэкономии, для существования и развития которой есть как онтологические, так и гносеологические предпосылки. И название этой новой науки должно отражать сам уровень развития политической экономии как интегральной идеальной конструкции, включающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. Другими словами, если использовать традиционную терминологию, то это должна быть обобщающая наука о современной мирохозяйственной политико-экономической системе.

При этом, по нашему мнению, не очень важно, какой статус получит эта новая политическая экономия, а важно, чтобы она не превратилась в антиэкономику, или в лженауку, или в удобную для кого-то риторику. Важно, чтобы эта наука была полезной, способствовала минимизации издержек и в производственном процессе и в человеческом поведении, поскольку экономическая наука приобретает практическое значение лишь тогда, когда «она овладевает массами», т. е. институционализирует общество.

Литература

1. Алле М. Экономика как наука. М.: Наука для общества: РГГУ, 1995. 168 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; гос. ун-т. высш. шк. экономики. М., 2000. 606 с.

А. Д. Леванов

ЧТО ЖДЕТ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ: ТРАДИЦИИ ИЛИ НОВАТОРСТВО?

Процессам становления и развития экономической теории уделено много внимания со стороны ученых-профессионалов, философов и публицистов. Они сложны, противоречивы, но познание их необходимо для определения дальнейших перспектив этой науки. Актуальной задача продолжения изучения экономической теории остается и потому, что в последние годы мнение ученых-экономистов разделилось: одни из них оценивают современное состояние экономической науки как кризисное, другие отрицают подобную оценку. Полагаем, что причина этой неоднозначности кроется в постоянном взаимодействии и взаимосменяемости традиционных и новаторских подходов.

Рассмотрим несколько примеров лидерства этих подходов, последствий и сформулируем некоторые закономерности их взаимодействия, которые позволят предопределить перспективу экономической теории.

Большинство периодов, прошедших со времени возникновения первых учений, являлись, несомненно, новаторскими. Это в первую очередь отражалось в определении предмета исследования, в предлагаемых методах и в методологических позициях.

Уже момент появления первого (1615 г.) названия экономической науки – «политическая экономия» содержал в себе элемент новаторства: экономика страны, по убеждению автора указанного названия француза А. Монкретьена, должна быть пред-

ставлена различными видами производственно-торговой деятельности. Такой идеи не было в трудах его предшественников.

Несомненна новизна и в теоретико-практических взглядах физиократов (XVIII в): изменилась по сравнению с меркантилизмом трактовка предмета изучения, впервые предложен принцип естественного порядка в экономических отношениях, появилась идея необходимости сбалансированности различных видов хозяйственной и торговой деятельности.

Все дальнейшие учения, концепции, школы во многом опирались на предшественников, но по значимости новых выводов, обобщений и методов анализа их можно отнести к новаторским. Так, классическая политическая экономия (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милль) сформулировала принципы экономического либерализма, охарактеризовала системообразующие элементы экономических отношений. Новаторство последующих учений принимало большей частью вид критического анализа, дополнений и уточнений, оценки и переоценки, и даже «революционного» переосмысления предшествующих учений. К последним нередко относят появление маржинализма и кейнсианства. Обобщающей характеристикой сочетания новаторства и традиционализма, начиная с первой трети XVIII в., может быть предложенное в советское время В. С. Афанасьевым (80-е гг. XX в.) деление развития политической экономии на два направления: интенсивное и экстенсивное [1]. Если отбросить налет политизации и идеологизации работ этого ученого, то развитие классического учения А. Смита и Д. Рикардо действительно может быть названо экономически-интенсивным. Это развитие теорий стоимости и издержек, ценообразования, факторов производства и ряд других. Экстенсивное направление В. С. Афанасьев называет неэкономическим. Это, по его мнению, социально-правовая, историческая и субъективно-историческая школы, теория предельной полезности и несколько других учений.

Рассматривая эти теории, автор критически оценивает выводы и положения представителей экстенсивного направления, не признавая их как учения экономическими. Справедлива ли подобная оценка? С позиций современности – нет. Более того, австрийская школа и последовавшее за ней учение неоклассиков

ныне признано революцией в экономической теории. Но сам подход к характеристике направлений развития экономической науки, полагаем, не потерял своего значения и сегодня, поскольку позволяет увидеть специфику единства новаторства и традиций в этом развитии.

Наиболее отчетливо проявляется новаторство в определении предмета экономической теории, хотя в этом случае нужно учитывать большую долю условности. Так, исходным предметом экономического анализа меркантилисты считали сферу обмена, физиократия – сельскохозяйственную деятельность, классики – производственную сферу, историческая школа – историко-национальные процессы и традиции и т. д. Переосмысление предмета сопровождалось изменениями в методологии и методах изучения. Но какие бы варианты определения предмета не предлагались и ранее, и сегодня, их в принципе можно разделить на два. Первый идет от классиков (А. Смит, Ж.-Б. Сэй, Дж. Ст. Милль), согласно которым предмет экономической теории представляет собой совокупность отношений производства, распределения, обмена и потребления. Второй был предложен А. Маршаллом в конце XIX в., согласно которому вся система экономических отношений строится на сочетании спроса и предложения. Убеждая читателя в необходимости нового определения экономической науки, А. Маршалл пишет, что отношения спроса и предложения призваны «служить базой для рассмотрения практических проблем стоимости…», а также «выступают в качестве стержня экономических исследований, придавая им единство и последовательность» [2].

Если совокупность производственных отношений была большей частью представлена политической экономией, то отношения спроса и предложения, по мнению А. Маршалла, представлены в экономиксе.

Можно ли считать подход А. Маршалла новаторством? Заменяют ли названные определения друг друга?

Полагаем, правомерным будет утверждение, что они являются дополнением один другому. Если первое исходит из приоритетности элементов производства, то второе больше тяготеет к отношениям обмена, рынка. Но ни рынок (обмен), ни произ-

водство не могут функционировать один без другого. Провозглашать главными, системообразующими рыночные связи можно, но только в разумных пределах. Абстрактно-логические схемы, как бы ни привлекательны они были, должны сверяться с экономической реальностью. Поэтому в этом смысле новаторство концепции Маршалла не столь масштабно: она базируется на классике, но по сравнению с ней обновлена, дополнена функциональными, позитивными подходами.

Отметим, что представители классической экономической теории, вероятно, осознавали, что их последователи будут вносить элементы новизны в их видение науки. Об этом говорят названия первых научных трудов. У Д. Рикардо это «Начала политической экономии», у Т. Мальтуса – «Принципы политической экономии», у Дж. Ст. Милля – «Основания политической экономии» и т. п. И действительно, на фундаменте экономической науки возникали в дальнейшем оригинальные выводы, открывались малоизученные стороны экономики, появлялись новые теоретические обобщения.

Особенно яркими по общему признанию в XX в. стали учения Дж. М. Кейнса, М. Фридмена, Г. С. Беккера.

Весьма образной стала оценка творчество Кейнса, которую дал ему соотечественник М. Блауг. Об этом говорят две книги последнего: одна из них носит название «100 великих экономистов до Кейнса», другая – «100 великих экономистов после Кейнса». Конечно, надо признать новаторство во взглядах Кейнса во многих элементах его учения. Не анализируя их в подробностях, тем не менее, выскажем некоторые критические суждения. Во-первых, Кейнс не был первооткрывателем макроэкономического анализа. Он лишь талантливо применил его к условиям современной ему экономической действительности. А во-вторых, он умело соединил уже названные подходы классиков и неоклассиков в отношении предмета исследования экономической науки. Первостепенные, по мнению Кейнса, проблемы безработицы и объяснения их, так или иначе, связаны с производственной сферой, пусть и будучи конкретизированными различными склонностями, ожиданиями, новыми методами расчетов и критики упущений классиков, предельными нормами

или психологическим законом. Теория же процента и денег, спрос на них и предложение относятся к сфере обращения. С этой позиции новаторство учения Кейнса заключается в новой расстановке акцентов во взаимодействии предметов классической теории и теории А. Маршалла.

Возрождение значения количественной теории денег в современной экономике – заслуга лауреата Нобелевской премии М. Фридмена. Но речь ведь идет о возрождении, а не об открытии. Стало быть, М. Фридмен продолжил начатое в XVIII в. Д. Юмом и Дж. Локком, придерживаясь традиции. Кроме того, будучи сторонником неоклассики, этот ученый использовал концепцию равновесной цены А. Маршалла, учел неоднозначность отдельных положений учения Кейнса и предложил свое видение некоторых современных процессов («кривая Филлипса»). Новаторство М. Фридмена, таким образом, проявилось в рамках традиций экономической науки.

Новаторство лауреата Нобелевской премии американского экономиста Г. Беккера проявилось в новизне в объяснении ряда, казалось бы, далеких от экономики явлений общественной жизни: закономерностей формирования и использования человеческого капитала, функционирования домашнего хозяйства, заключения брачных союзов, совершения преступлений. Так называемый принцип экономического империализма – одно из доказательств первичности как производственных, так и рыночных отношений в общественной жизни.

Термин «новаторство» часто употребляется в формулировках при присуждении премий памяти А. Нобеля по экономике. Мировое общественное мнение тем самым оценивает оригинальность и новизну вклада, теоретическую и практическую значимость трудов ученого. По меткому выражению Г. Г. Фетисова, читаемые лауреатами лекции в ходе вручения премий «представляют собой квинтэссенцию экономической мысли XX века» [3]. Заслуга лауреатов – развитие экономико-математических методов, обогащение экономической статистики, доказательства правдоподобия своих основных допущений, активное использование междисциплинарных методов исследований.

Но можно ли найти в работах лауреатов опровержение основ экономической теории? Нет, никто из них не счел нужным отказаться от фундаментальных выводов классиков. В этом убеждают как формулировки-основания присуждения премий, так и названия самих лекций, прочитанных лауреатами. Обилие в исследованиях лауреатов, говоря словами Г. Г. Фетисова, «частных моделей, пригодных для решения конкретных проблем» [3, с. 7] еще не означает пересмотр теории, хотя они повышают ее прикладное значение.

Прикладной характер экономической науки преобладает и в таком направлении современности, как институционализм. Наслоения из приемов и методов из других наук, которые заимствует это течение, настолько значительны, что разглядеть политико-экономические выводы в нем трудно. Легче обнаружить здесь элементы современной неоклассики: элементы поведенческой теории, максимизации выгод, рациональности и иррациональности. Развитие этих элементов во многом новаторское.

Таким образом, сказанное выше позволяет не столь категорично утверждать, что экономическая теория находится в кризисном состоянии. Она развивалась и продолжает развиваться в рамках традиций, сформировавшихся столетия назад. Появление же нетрадиционных названий, таких как «новая экономика», «экономика развития», «экономика знаний» и других, отражает неполноту наших знаний об экономике, а также возникновение и развитие элементов, которые в прошлом не проявлялись столь значимо, но которые дополняют основы и начала политической экономии и экономикс.

Литература

1. Афанасьев В. С. Этапы развития буржуазной политической экономии: очерк теории. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1985. 344 с.

2. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т.: пер. с англ. М., 1993.

3. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. М., 2004-2005.

О. В. Козлова

К ВОПРОСУ О ГУМАНИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В РОССИЙСКИХ РЫНОЧНЫХ РЕАЛИЯХ

Современная цивилизация, которую нередко называют расколотой, эгоистической, хищнической и т. п., не только породила, но и продолжает углублять немалое число проблем глобального масштаба. Наряду с экологическими, ресурсными и другими проблемами, к сожалению, не так часто в научных дискуссиях поднимается не менее важная проблема – выработка *новой парадигмы экономических моделей развития современного человечества как условия его выживания.* И здесь немаловажную роль играет философия экономики.

На наш взгляд, важность этой проблемы заключается в том, что именно осознание ее первичности и реализация новых экономических отношений на практике явятся условиями разрешения и других глобальных проблем. Например, когда личная или групповая выгода, карьера не благодаря профессиональным способностям и навыкам, а любым средствам как показатель «успешности» личности будут низведены с олимпа иерархии ценностей, проблемы предотвращения мировых войн, нерационального использования ресурсов, загрязнения планеты разрешатся как следствие кардинального изменения системы ценностей.

Немаловажную роль в процессе смены системы ценностей сыграть должно экономическое образование, а также образование в системе управления. В системе образования именно этих направлений важное место занимают такие дисциплины, как маркетинг, менеджмент. Изменив *экономическое и управленческое сознание* личности, групп, общества и, как следствие, сис-

тему социальных ценностей, мы изменим сами себя, совершенствуя именно ноосферную составляющую общественной практики. Конечно, это изменение должно осуществляться одновременно с практическими преобразованиями, прежде всего, кадрового управленческого состава и политики в сфере управления всеми сферами жизни общества.

Государства куда больше усилий (моральных, политических и экономических) отдают на создание условий именно для развития глобальных проблем. Об этом свидетельствуют и эскалация гонки все новых вооружений, и новый виток холодной войны, и стремление по-прежнему укоренять и развивать общества, в которых одни живут за счет других – и люди, и страны. А для выживания человечества важнейшей задачей науки как раз-таки является поиск эффективных способов предотвращения агрессивной политики со стороны любого государства и осуществление такой социальной и экономической политики, при которой невыгодно будет, нелегитимно и стыдно жить за счет других, распределять в ущерб другим, перекачивать финансовые потоки в интересах некоторых личностей, семейств, кланов.

В истории социально-гуманитарного знания немало выстраивалось идеальных моделей сосуществования людей: П. Сорокин (идея увеличения производства и аккумуляции неэгоистической любви к человеку и человечеству, нейтрализации эгоизма в обществе) [8], Л. Эрхард (его гуманистические принципы «благосостояния для всех», «собственности для всех») [9], К. Маркс в основе прогрессивного развития и коммунизма видел удовлетворение потребностей соответственно требованиям исторического уровня всех (а не отдельных групп) людей и др. В современной экономической философии идеи гуманистической экономической парадигмы утверждают М. М. Скибицкий («философия экономики исходит из принципиального положения, что общество не является рыночной площадкой» [7, с. 13]), Х. Н. Гизатуллин, В. А. Троицкий [3], С. Введенский [2], Э. Вайцзеккер, Э. Ловинс, Л. Ловинс [1], А. Печчеи [6] и др.

Что же дает нам синтетическое знание – философия экономики – и какие принципы новой модели экономического развития и хозяйствования считает необходимыми не только для про-

цветания (что под ним понимать?), но и выживания общества? М. М. Скибицкий дает следующую характеристику современной философии экономики: «Философия экономики представляет собою сверхсложное, самоорганизующееся и нелинейное знание. Оно является также «человекоразмерным», поскольку в изучаемые им комплексы в качестве компонента включен сам человек. Развитие философии экономики имеет существенное значение для формирования в России социально ориентированной инновационной модели хозяйства» [7, с. 15]. Гуманистически направленная мысль современной философии экономики отмечает следующие особенности современного капиталистического способа хозяйствования, подчеркивая их негативное воздействие на общество:

1) усиливается отделение финансовой деятельности от реальных производственной и торговых сфер, она стала самодовлеющим фактором, ставящим в зависимость от себя всю инновационно-производственную деятельность;

2) развиваются процессы формирования хищнической экономики, увеличения географии слаборазвитости;

3) основным механизмом глобального длительного извлечения доходов из неравновесности мировой среды, перераспределения ресурсов и мирового дохода в интересах транснациональных компаний (ТНК) (глобальный долг, глобальный риск, геоэкономические рентные платежи, «штабная» и «трофейная» экономика) выступает финансово-правовое регулирование, создаваемое в интересах финансовых воротил;

4) активизируется мировой спекулятивный капитал посредством безудержной гонки за сверхприбылью, игнорирования опасности неоправданных рисков, создания рыночных «пузырей» [7, с. 9].

Автор данной статьи стоит на позициях гуманистической философии экономики, однако вопросов к возможностям реализации ее требований и гипотетических рассуждений остается довольно много. Остановимся, анализируя работы, посвященные этой проблеме, на тех чертах, которые должны быть характерны новой экономической модели. Субъекты экономических отношений не будут смотреть на цели экономики в отрыве от

принципа справедливости в решении социальных задач; крупный, мелкий собственник откажется от утилитарно-потребительского отношения к природе и обществу; человек рационально и ответственно будет подходить к техническому новшеству, отрицая технократический авантюризм.

С этими требованиями и к современному человеку не поспоришь. Однако сложность формирования хотя бы данных составляющих экомически-синергетического мышления укоренена в проблеме формирования общественного сознания, а следовательно, связана с необходимостью изменения парадигмы экономического (и финансового соответственно) образования, как и образования будущих управленцев прежде всего, а также с кардинальным изменением *политической* олигархически-монополистической парадигмы хотя бы в направлении социал-демократической. Но этот процесс завязан опять-таки на сознании человека. Как его изменить (эгоизм, ценности обогащения, карьеризма, престижности в потреблении и т. п.) при существующей системе социального бытия, которое создается сегодняшними людьми – носителями сознания с доминирующей парадигмой эгоистической справедливости: сумел – съел; получение более высокой оценки любым способом; формирование критерия успешности при наличии каких-либо субъективных конкурсов, с субъективными и, прежде всего, формальными критериями; влияние на должность и положение в обществе семейного статуса, обеспечивающего своим детям и родственникам должности и уровень жизни не личными их способностями, а близостью к разного рода распределительным системам статусных родителей? В системе общественного бытия с такими ценностными ориентирами эти люди устанавливают и правила игры, и экономическую и социальную парадигмы.

Сложность кардинального переосмысления современной сущности экономической деятельности человека в том, что оно невозможно без кардинального изменения всей системы отношений в обществе. Однако известные истории способы их изменения имеют довольно негативные последствия и, в конце концов, трансформируются в некую измененную модель несправедливой же системы социальных отношений. И мы снова воз-

вращаемся к проблеме сущности справедливости и возможности ее укоренения.

На сегодняшний день важнейшими сложностями в процессе формирования новой формы экономической деятельности являются следующие. Во-первых, это проблема выработки и принятия обществом новой парадигмы социально-экономического мышления, учитывая то, что все правила игры в обществе определяют и легитимируют как раз носители эгоистически-статусного сознания.

Во-вторых, проблема преодоления в российском и мировом сообществе в целом диссонанса между провозглашаемыми политиками, лозунгами социальной справедливости и их реализацией. Здесь мы сталкиваемся с рядом проблем: полной безответственностью политиков за нереализацию своих красивых обещаний, невозможностью сдерживания аппетитов олигархов и монополистов со стороны данной правовой системы, стоящей на охране частной собственности и интересов олигархата.

В-третьих, укоренение такой формы социального бытия, в которой молодые поколения воспитаны и включены в отношения, основанные на господствующих сегодня ценностях. А значит, они их приняли, и «успешные», занявшие вершину социальной иерархии, будут осуществлять преемственность именно данных, эгоистических, ценностей и представлений о справедливости, как социальной, так и экономической и правовой.

Для реализации гуманистических основ экономической жизни общества необходима выработка теоретико-методологических основ гуманистически ориентированных моделей ведения хозяйственной деятельности на базе принципов ноосферности, социально ориентированной экономической справедливости, эффективности для общества, а не только для монополистов и олигархов.

Между тем сегодня «в тренде» утверждение несостоятельности философски-экономических идей Л. Эрхарда, К. Маркса о вечной цели «экономической деятельности – служить и содействовать благосостоянию людей», провозглашенных ими идеалов «благосостояние для всех», «собственность для всех» [9, с. 30], как, якобы, обязательно приводящих к бедности, де-

фициту товаров и услуг. Однако бедность имеет место быть в широких масштабах и сегодня, и вчера в условиях рынка.

Рынки никогда не ставили своей целью достижение общности или целостности, красоты или справедливости, устойчивости или духовности. Они не предназначены для этого… Рынки, если им позволить нормально работать, очень хорошо достигают поставленных перед ними целей, но эти цели далеки от общего предназначения человека. И именно для достижения высшей цели у нас есть политика, этика и религия. И если мы когда-нибудь допустим мысль, что эти величайшие достижения человеческого духа можно заменить экономическими теориями, мы рискуем растоптать наши души [1, с. 387].

Цель рыночного механизма – получение прибыли любым путем. Но если убрать из данного механизма нравственный критерий, то мы приходим к ценности вседозволенности как со стороны собственника, так и со стороны государства.

В российской политике и системе хозяйствования каждый привилегированный слой думает лишь о своем, но никак не о «цивилизационном Благе» [9, с. 30]. Что представляет собой последнее? Речь идет о том, что в рамках имеющихся на сегодняшнем уровне развития возможностей общество обязано создать такую систему отношений, при которых будет непрестижно и невыгодно «перетягивать одеяло на себя» за счет сознательного снижения доходов других, стыдно будет потреблять нерационально-эгоистически. Нерациональна, безнравственна система, позволяющая распределять и перераспределять совокупные, созданные средства таким образом, что децильный коэффициент в Российской Федерации не выдерживает критики всего общества, находясь за гранью нормы развитой страны. Известный экономист М. Делягин отмечает: «…именно в нашей стране наблюдается пугающее расслоение населения по уровню доходов. Так, в группу сверхбогатых входит 100 тысяч семей, которые владеют 70 % национального богатства, а группа самых бедных – около 6 млн человек – владеет только 1,9 % богатств. Децильный коэффициент, равный отношению доходов 10 % самых богатых граждан и 10 % самых бедных, в России равен 16. В Скандинавских странах он составляет 3-4, в Евросоюзе – 5-6,

Японии и Северной Африке – 4-6, в США – 9. Однако, несмотря на это, российские богачи платят с доходов столько же, сколько и бедные граждане – 13 %, благодаря так называемой плоской шкале уплаты налогов. Более того, для богатых установлена еще поблажка. Согласно пункту 4 статьи 224 части второй Налогового кодекса РФ в отношении доходов, полученных в виде дивидендов физическими лицами, являющимися налоговыми резидентами РФ, применяется ставка в 9 %» [4].

Наше общество катастрофически разделено, что приводит к пессимистическому видению тенденций его развития. В первую очередь это разделение укоренилось в качестве нормы общественной жизни россиян. Это проявляется в полном равнодушии граждан к такой проблеме, как резкая социально-экономическая дифференциация как общества в целом, так и отдельных его регионов. В российской экономике традиционно значительно более высокие доходы имеют работники добывающих отраслей. Работники вузов, техникумов, средних школ, врачи как бы не имеют к ним отношения. Однако, согласно Конституции РФ, недра, естественные ресурсы страны принадлежат всему народу. А значит, все жители страны имеют право на долю от получаемой от этих ресурсов ренты. Следовательно, доходы работников социальной, образовательной, муниципальной медицинской, культурной сфер должны быть ориентированы на значительное повышение.

Есть еще одна важная проблема, оказывающая негативное влияние на формирование национального и государственного сознания граждан. Россиян разделили и по социально-экономическому признаку: пользоваться льготами, например на проезд, можно лишь в рамках того субъекта Федерации, где зарегистрирован человек. Единое национальное сознание, гордость или боль за страну, как и за каждый ее уголок, не сформируешь без подлинно единого экономического пространства.

Данная ситуация приводит к формированию в сознании, особенно молодого поколения, перевернутых, искаженных идеалов жизни индивида, воплощение которых в практических реалиях социума может привести к его самоуничтожению.

Общество, в котором величина доходов, как и расходов, не зависит от объема и качества собственного трудового вложения, а зависит от должности, статуса, в котором за несоответствующее выполнение социальных ролей и негативные их последствия статусные граждане практически не несут ответственности, обречено на разрушение, гибель и замену другим этнополитическим сообществом.

Несмотря на антимонопольное законодательство граждане не могут воздействовать на существующий механизм хозяйствования, так как их возможности строго регламентируются законодательством. В обществе не существует также механизмов, предъявляющих к представителям власти нравственные требования. Применяемые от случая к случаю меры воздействия оказываются малоэффективными, о чем свидетельствуют все растущие объемы информации о неправомерных деяниях во всех формах и уровнях власти.

С одной стороны, трудно не согласиться с М. М. Скибицким, утверждающим, что «проектируемая модель современного субъекта экономической деятельности может быть обозначена как модель «многомерного человека». Его ценностными ориентирами являются не безграничный рост изощренных потребностей, а самореализация, творческое самовыражение, развитие духовных и телесных способностей, примат качества жизни над количеством потребляемых благ. Ему присуще высокое сознание ответственности перед обществом, он рассматривает бизнес не как машину для производства денег, а как деятельность по улучшению благосостояния людей» [7, с. 14]. С другой стороны, люди, удовлетворяющие сегодня свои нередко «изощренные потребности», считают себя разноплановыми личностями, достигшими успеха. Экономическая свобода в нашем обществе почему-то освобождает человека от нравственной и социальной ответственности перед обществом.

Проблему формирования ценностных установок будущего специалиста неверно перекладывать лишь на систему образования. Пока члены общества с подросткового возраста не будут на практике сталкиваться только с честными, заботящимися о благе всех граждан людьми, принадлежность к властным структу-

рам будет рассматриваться как возможность улучшить не благо страны, а свое собственное. Поэтому проблема гуманистической философии экономики завязана на нравственную трансформацию самой системы управления, в которой сегодня доминирует практика приспособленчества, карьеризма, обогащения.

Основными принципами политики гуманистической экономики в стабильном и перспективном обществе, на наш взгляд, должны быть: экономическая справедливость, ориентированная не на индивидуальное потребление, а на эффективное социальное; разумность расходов и обогащения отдельных групп; правовое внедрение нравственной составляющей в экономические взаимоотношения работника и работодателя; осознание и реализация того факта, что основополагающими составляющими общества являются образование, медицина, воспитание, без которых общество не имеет перспективы развития.

Литература

1. Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / пер. А. П. Заварницына и В. Д. Новикова; под ред. академика Г. А. Месяца. М.: Academia, 2000. 400 с.
2. Введенский С. Методический плюрализм и философия экономики // Библиотека Гумер – Экономика и менеджмент [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/Vved_FilEkon.php
3. Гизатуллин Х. Н., Троицкий В. А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124-130.
4. Делягин М. Чтобы восстановить справедливость, Путину придется уничтожить правящий класс [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/23/mihail_delyagin_chtoby_vosstanovit_spravedlivost_putinu_pridetsya_unichtozhit_pravyawij_klass/
5. Лапшин И. Можно ли в России разбогатеть честным трудом? [Электронный ресурс]. URL: http://http://maxpark.com/community/13/content/2931465.

6. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980 (перевод с англ. О. В. Захаровой с издания The Human Quality «Pergamon Press». Oxford, 1977).

7. Скибицкий М. М. Философия экономики: становление, структура и современные функции // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 9-15. URL: http://www.intelros.ru/pdf/gumnauka/2012_04/2.pdf

8. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: М.: Политиздат, 1992. 543 с.

9. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Наука: Ордынка, 1996. 606 с.

ГЛАВА II. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Г. Н. Цаголов

ПО ПОВОДУ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

В политэкономической литературе последнего времени часто встречаются утверждения, что на смену капитализма и социализма приходит «постиндустриализм». Так ли это?

Два подхода. Напомним, что в общественной науке выделяются два подхода к видению исторического процесса: формационный и цивилизационный.

Первый известен еще как марксистский и основан на материалистическом понимании истории. Маркс выделял из социальной жизни экономическую сферу и считал производственные отношения определяющими все остальные. Двигателем же развития человечества служит прогресс производительных сил. От уровня их развития зависят меняющиеся во времени производственные отношения, составляющие в совокупности экономический базис общества. Стержень истории человечества марксистами представляется в качестве последовательно сменяющихся общественно-экономических систем. В «Капитале» был дан развернутый анализ буржуазной формации, показан ее исторически преходящий характер. По Марксу, капитализм должен уступить место коммунизму, первой стадией которого является социализм.

Второй подход (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, М. Вебер, А. Тойнби, П. Сорокин, Л. Гумилев, Ф. Бродель, К. Ясперс, У. Ростоу, О. Тофлер и др.) на первое место выдвигает более или менее изолированные друг от друга «культурно-исторические типы» или «цивилизации». В своем развитии они последовательно проходят эволюционные стадии зарождения, расцвета, старения и упадка. Для сторонников такого подхода

характерен отказ от однолинейной схемы общественного прогресса. Ими отстаивается тезис о существовании множества культур и цивилизаций, определяющих саму структуру и содержание социальной жизни [4, 5].

Понятно, что обозначенные представителями такого подхода экономические и социальные модели не универсальны. Между тем основная задача теории вообще и политэкономической в частности заключается в выявлении общих закономерностей. Особой политэкономии Огненной Земли, как когда-то справедливо заметил немецкий классик, не существует.

Заметим и то, что формационный подход не отрицает национальных и цивилизационных особенностей. Свидетельством этого являются неоднократные упоминания Маркса азиатского способа производства – особой формации, предшествовавшей рабовладельческой у древневосточных народов. Азиатский строй зиждился на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о нем особенно не распространялись, так как он чем-то напоминал реально существующий бюрократический социализм.

В связи с крахом социализма формационный подход утратил свою популярность и позиции. Он был отброшен на обочину идеологической жизни, что неудивительно. Но это не значит, что он целиком ошибочен и должен быть забыт или перечеркнут. Несомненно, он нуждается в серьезной коррекции. Думается, что с точки зрения интересов самой общественной науки было бы полезно соединить достоинства обоих подходов. Они возникли давно и требуют переосмысливания, творческого развития. В трудах ряда ученых это в той или иной мере и происходит. Не исключено, что за таким синтезом и стоит будущее общественной науки.

В широком смысле слова политэкономия изучает различные способы производства. Но в первую очередь это наука о производственных отношениях, а не о производительных силах. Поэтому без характеристики кардинально сменившихся производственных отношений нельзя диагностировать появление нового общественно-экономического строя или даже движения к нему.

Определение «постиндустриализм» характеризует изменения в состоянии производительных сил. Американский экономист, социолог и историк Уолт Ростоу свыше 55 лет назад сформулировал свою теорию стадий экономического роста, в которой в качестве основного критерия взял преимущественно технико-экономические характеристики. Конечно, можно выделять аграрную, индустриальную и постиндустриальную стадии в развитии человечества, но для политэконома этого недостаточно. Теоретик, не впадая в ошибку, вполне может говорить о постиндустриальной стадии развития капитализма. Но ему непозволительно и некорректно заявлять о переходе «от капитализма к постиндустриализму». В таком случае он неминуемо переключается от характеристики производственных отношений, заключающихся в понятии «капитализм», к характеристике производительных сил, не содержащих их.

Но что показывает мировая практика? Не обозначился ли в действительности заметный тренд в производственных отношениях, не укладывающийся в понятия капитализма и социализма и требующий адекватного политэкономического термина? И каково может быть это определение? И не подменяет ли ложное понятие «постиндустриализм» то, что пока не нашло нужного лейбла?

Опыт последних десятилетий требует грамотного прочтения. Он весьма поучителен и указывает: и капитализм, и социализм при всех их достоинствах неустойчивы, а потому испытывают серьезнейшие кризисы или даже терпят крах не случайно. Факты свидетельствуют, что на смену им приходит **интегральное общество**, комбинирующее преимущества обеих формаций и отсекающее их недостатки. Именно этим объясняются успехи Китая, Индии, Бразилии, Вьетнама, Белоруссии и Казахстана [6]. Практическими предтечами интегрального общества был НЭП в России, социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских, стран.

Теоретические истоки интегрального общества берут начало в социалистической мысли, реформизме, кейнсианстве и восходят к концепции конвергенции.

О растущем сходстве двух поначалу противоположных систем впервые заговорили в 1960-е гг. Эти идеи высказывали такие столпы цивилизационной и институциональной мысли, как П. А. Сорокин, У. Ростоу, Дж. К. Гэлбрейт (США), Ян Тинберген (Нидерланды), Ф. Перру и Р. Арон (Франция).

Термин «конвергенция» (от лат. *convergere* – сближаться, сходиться), был взят из биологии, где попадающие в одну среду виды обретают все большее сходство. Отсюда в те годы следовал вывод о возможности мирного сосуществования двух систем. Но был и субъективный момент – Запад шел на это сознательно. Желая смягчить острые углы капитализма и провалы рынка, он заимствовал у социализма немало полезных для него свойств, элементы плановой системы хозяйствования, перераспределение доходов через бюджет и налоги, что сглаживало социальные контрасты и кризисы.

Гипотеза Питирима Сорокина и пророчество Гэлбрейта. Впервые идею сближения двух систем выдвинул выдворенный в 1922 г. на «философском пароходе» из Советской России и осевший затем в Гарварде социолог Питирим Александрович Сорокин. О конвергенции он упоминает уже в 1944 г. в работе «Россия и Соединенные Штаты». А в 1960 г. Сорокин уже публикует книгу под названием «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу», в которой говорится: «Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшее десятилетие. Будучи не согласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа» [7].

Среди экономистов раньше и глубже всех эта тенденция нашла отражение в работах известного американского теоретика Джона Кеннета Гэлбрейта. В книге «Новое индустриальное общество», изданной одновременно в США и Англии в 1967 г. и переведенной на русский двумя годами позже, он писал: «Из всех слов, имеющихся в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами… Размышления о будущем выявили бы также важность тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации… Сказанное здесь о конвергенции двух систем **нескоро получит всеобщее признание** (выделено мной. – *Г. Ц.*) Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно… Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее» [1].

Гэлбрейт оказался провидцем. Теории конвергенции и в самом деле «не повезло». Она долгое время оказывается невостребованной общественной наукой. Главная причина – идеологические и классовые факторы.

Стесненные марксистскими постулатами советские авторы с порога отвергали такие взгляды, называя их «очередной и опасной выдумкой буржуазной идеологии». Между тем, сохраняя плановые и социальные преимущества строя, надо было отказаться от ряда обветшалых положений и сделать капиталисти-

ческую прививку – дать свободу предпринимательству, начиная с аграрной сферы, торговли или сферы услуг. В спорах о сути социализма некоторые сторонники концепции «рыночного социализма», по сути, представляли собой провозвестников и сторонников идеи конвергенции. Для критики с позиции правоверного марксизма они оказывались весьма уязвимыми. Что и происходило.

Когда социализм потерпел поражение, вопрос о конвергенции был отодвинут в сторону и оказался на задворках общественно-политической жизни. К рассуждениям о необходимости оставления или включения хоть каких-то коммунистических начал в развитие общества и экономики по понятным причинам перестали прислушиваться. Многие теоретики избегали называть вещи своими именами, опасаясь быть обвиненными в призывах «вернуться к старому».

Вследствие закрепленной в Новой конституции России «деидеологизации» возвысились приверженцы рыночного фундаментализма. Утвердившийся на долгие годы либеральный мейнстрим неизбежно вел к все большему теоретическому застою. Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу в нашей стране совершился регресс – откат к бюрократическо-олигархическому капитализму. Впрочем, какая-то конвергенция все же состоялась: было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее выброшено.

Между тем мировая практика строительства интегрального общества в постсоветский период продолжалась в других странах. Симбиоз планового и рыночно-капиталистического хозяйства давал оптимальные результаты. При этом в Китае и Вьетнаме сохранились политическая власть коммунистических партий и социалистическая идеология. Это обстоятельство играло немалую роль в том, что реально происходящие в обществе конвергентные, или интегральные, сдвиги в научных кругах и СМИ этих стран подавались как «прорывы» в развитии теории и практики социализма. К выводу о конвергенции в КНР и Вьетнаме впервые пришли наши специалисты из Института Дальнего Востока РАН [2, 3].

В этих странах действуют экономические законы и капитализма и социализма. Здесь функционирует и социалистический закон планомерного, пропорционального развития, и капиталистический закон прибавочной стоимости. Благодаря плановому хозяйству, в КНР, например, на протяжении уже многих десятилетий не наблюдается экономических кризисов и неуклонно повышается жизненный уровень населения. Но в Китае в то же время успешно развивается и капитализм. Число миллиардеров возрастает и достигло уже 213 человек – больше только в США. Не случайно известный западный аналитик Ниал Фергюсон называет сформировавшийся в КНР тип общества «капиталистическо-коммунистическим».

Непреложные факты новейшей истории указывают на непреходящую значимость формационного подхода. Современным производительным силам и производственным отношениям требуется сочетание социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Умелая их комбинация приводит к решению четырех наиболее важных задач развития общества, среди которых высокие темпы экономического роста и социальной справедливости, развитие личности, или человеческого потенциала, повышение духовной свободы граждан.

Такая конвергенция, или интеграция, поначалу двух противоположных общественно-экономических систем дает достаточно оснований для утверждения о свершающемся переходе человечества к новому интегральному строю.

Тезис о «вечности» или «естественности» капитализма столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности» или «рукотворности» социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне «объективны» и имеют место в истории человечества не случайно. Однако обе они противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия. Наиболее быстрорастущие и гармонично развивающиеся страны мира приняли интегральную систему в качестве основы их жизнеустройства.

Этот вывод и факт особо важен для нашей страны, оказавшейся в итоге ошибочно проведенных реформ в системе коор-

динат бюрократическо-олигархического капитализма. Именно он должен служить ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности реализации такой стратегии и перехода эволюционным путем пока еще сохраняются, хотя время на это лимитировано. Промедление чревато революционным взрывом и очередным шараханьем страны в какую-либо иную крайность, уводящую общество от создания оптимальной системы.

Признавая достоинства формационного подхода, нельзя не отметить и необходимости его развития. Капитализм действительно является исторически преходящим строем. И Маркс был прав, указав на социалистическую тенденцию развития человечества. Однако коммунизм представляется очередной утопией, не подтверждаемой мировой практикой. Да и «беспримесный» социализм потерпел крах, увы, не случайно. Те страны, которые продолжают развитие, оставаясь целиком на его платформе, находятся в незавидном положении. Стало быть, прокладывающий себе дорогу симбиоз лучших черт капитализма и социализма есть наиболее перспективная ветвь общественного развития. Интегральный строй приходит на смену и капитализма, и чисто социалистической практике.

Представленная картина настоящего и будущего, как видно, принципиально расходится с концепциями постиндустриализма и многими другими близкими теориями, характеризующими радикальные сдвиги, совершающиеся в производительных силах общества. Категории «капитализм», «социализм» и «интегральный строй» включают в себя, прежде всего, характеристику общественных отношений между людьми, складывающихся в процессе производства, распределения и обмена материальных благ на различных ступенях развития человеческой цивилизации. Определения «постиндустриальное», «технотронное» или «информационное общество» абстрагируются от такой сущностной стороны, подчеркиваемой сторонниками формационного подхода. Если быть последовательным, то в этом случае следует поставить под вопрос и правомерность понятий «капитализм» и «социализм». Короче говоря, логически линия капитализм-социализм-постиндустриализм никак не выстраивается.

Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость, или, как нередко говорят, «эклектичность», а отсюда – вытекающую из этого неустойчивость, возможность скатывания либо к капитализму, либо к социализму. Что ж, угрозы такого рода возможно и существуют. Но ветер времени все же раздувает паруса именно такой формации. В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Адам Смит полагал, что с его помощью и «невидимой руки» рынка в качестве регулятора общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Немецкие классики и их последователи наоборот делали акцент на справедливости и социальных аспектах, ставили их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

Теория интегрального общества дает ключ к формированию новой идеологии России. Она пока что не принята ни в одной из стран мира за основу. Главная помеха тому – идеологические шоры. Поклоняющемуся рынку Западу она не нужна. Приверженцам марксизма как вероучения она тем более не подходит. Но что мешает это сделать нам? 30 лет назад мы прокламировали необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставили цель создать его демократический вариант. Вместо него мы оказались в системе олигархического капитализма. Переход от социализма к капитализму, тем более олигархическому, а затем и бюрократическо-олигархическому надо признать ошибкой. В качестве цели новых напрашивающихся перемен должно быть названо интегральное общество – синтез лучшего из предыдущих формаций.

С утверждением этой концепции и принятием ее на вооружение российским истеблишментом появляется возможность верной интерпретации нашей экономической истории, понимания допущенных просчетов, видение нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Литература

1. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 452-455.
2. Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Издательская фирма «Химия и бизнес», 1999.
3. Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «ФОРУМ», 2011.
4. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2014.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
6. Цаголов Г. Н. Путь к счастливой жизни. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2015.
7. URL: http://www.km.ru/referats/333281-pitirim-sorokin-russkaya-sotsiologiya

Д. Б. Эпштейн

СОЦИАЛИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Можно привести ряд теоретических марксистских постулатов, последовательно обосновывающих смену капиталистического товарного производства непосредственно общественным производством, т. е. таким, где товарное производство и рынок изживаются.

Эту последовательность можно кратко сформулировать в виде следующей цепочки утверждений:

1. При капитализме производство принимает постоянно усиливающийся общественный характер, т. е. растут его масштабы и взаимозависимость отраслей, предприятий, производителей и потребителей в рамках отдельной страны, а затем и всего мира.

2. В связи с этим при капитализме растет потребность в социализации экономики, т. е. в модификации производственных

отношений и практическом решении проблем экономики и социальной сферы в направлении прямого отражения интересов общества.

3. Эта потребность реализуется при капитализме прежде всего в деятельности государства (регулирование общественного производства, повышение доли общественного продукта, распределяемого через госбюджет, перераспределение доходов, развитие элементов планомерности, создание национальных инновационных систем, бесплатное или доступное среднее и высшее образование и др.). Эта тенденция к социализации нашла свое выражение в создании и воплощении в ряде стран концепции социального рыночного хозяйства.

4. Тем не менее, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением не находит при капитализме своего адекватного (снимающего данное противоречие) разрешения.

5. Это противоречие разрешается переходом власти к трудящимся, последующей национализацией средств производства и становлением централизованного планирования и управления в интересах общественного развития (непосредственно-общественное производство) по типу «единой фабрики», снимающей товарность производства.

6. Успешное разрешение указанного противоречия подтверждается высокими темпами роста экономики, производительности труда и научно-технического прогресса.

7. В ходе развития непосредственно-общественного производства происходит изживание (снятие) товарности производства, снижение роли денег и товарно-денежных отношений. План вытесняет рынок.

В перспективе по мере роста производительности труда происходит переход к коммунистическому прямому продуктообмену.

Очевидно, практика, опыт СССР и стран социалистического лагеря опровергают эту цепочку утверждений. *Встает вопрос: в каком пункте или в каких пунктах допущена ошибка в марксистской теории и как она должна исправляться?* Этот вопрос является, на наш взгляд, центральным для марксистской полит-

экономии с 1917 г. и он пока не получил своего решения. Часть марксистов, в особенности сложившихся в годы существования СССР, считает, что ошибок в теории не было. Просто противники социализма (осознанно или по непониманию) в руководстве СССР сломали социалистическое управление экономикой, поэтапно заменив централизованное плановое управление, созданное при Сталине, на хозрасчет предприятий. Первым шагом к этому были реформы Хрущева конца пятидесятых годов XX в., а затем реформа 1965 г. («косыгинская», «либермановская» и т. д.) и реформы последующих лет вплоть до провальной перестройки. Движение в сторону развития «товарности» при социализме, ориентация предприятий на прибыль, т. е. на их обособленные интересы, привела к подрыву общественных интересов, снижению темпов и качества развития и выращиванию целого слоя руководителей предприятий, не только мечтающих о реставрации капитализма, но и создающих его посредством развития теневого производства.

Другая часть марксистов полагает, что централизованное плановое управление было серьезно бюрократизированным и тем самым не отвечало интересам общества, а реформы управления расширяли права лишь верхушки (руководителей) предприятий и объединений, не развивали демократизм и участия трудящихся в управлении, которые могли в принципе помочь ликвидировать бюрократизм, не давая простора товарному производству. При этом они нередко ссылаются на слова Ленина о том, что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [4], хотя нерегулируемое государством мелкое производство и товарное производство при социализме это принципиально разные вещи.

Третья часть прямо утверждает, что социализм в принципе не совместим с рынком или «товарным производством», а без рынка социализм экономически несостоятелен, поэтому человечеству от самой идеи социалистического общества (как и капиталистического) надо отказаться и идти по пути конвергенции того лучшего, что есть при капитализме и социализме, т. е. улучшать капитализм, прививая ему некоторые черты социализма.

Наше решение данной дилеммы состоит в том, что ошибочен пункт 4 (а поэтому оказались ошибочными и последующие пункты), утверждающий достижение «непосредственно-общественного производства» не как результат длительного диалектического процесса, составляющего экономическое содержание целой исторической эпохи перехода «от царства необходимости к царству свободы», т. е. социализма, а как статичное (в смысле неизменности его закономерностей) состояние, антагонистичное товарному производству, достигаемое в относительно короткий период после национализации и становления системы централизованного планового управления.

На самом деле, как мы покажем далее, продукт непосредственно-общественного производства имеет существенные элементы товарности, а товар – важные элементы непосредственно-общественного продукта, т. е. это диалектически связанные понятия. Одно переходит в другое, поэтому товарность не противоречит антагонистически непосредственно-общественному производству и наоборот.

Такое понимание, отвечающее реальности, исправляет очевидные недостатки противопоставления «плана» и «рынка», «товарного» и «непосредственно-общественного производства», открывает новые пути разрешения противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Исторически такое решение было найдено большевиками в переходе от «военного коммунизма» к НЭПу, но воспринималось большинством лишь как временное, до перехода к прямому социалистическому строительству.

На самом деле противоречие между товарностью и общественным характером производства разрешается при наличии власти трудящихся не уничтожением товарного производства, а его подчинением определенным общественным правилам и нормам, его государственным регулированием, демократизацией управления обществом и экономикой, повышением роли трудящихся в управлении.

Рассмотрим, следуя методологии «Капитала» при анализе стоимости, оба понятия, выражающие две «простейшие клеточки»: клеточку товарного производства – товар – и клеточку не-

посредственно общественного производства – продукт непосредственно общественного производства, чтобы увидеть, как одно понятие диалектически переходит в другое.

Товарное производство, т. е. регулярное производство продукта для обмена, как известно, существовало и при рабовладении, и при феодализме, и, видимо, даже на определенных стадиях первобытно-общинного строя, когда племена, действующие на разных территориях, более или менее систематически обменивались продуктами своего труда [6]. При капитализме в сферу товарного производства попадает рабочая сила, отделенная от средств производства.

Каковы основные черты товара и соответствующие, но противоположные черты продукта непосредственно-общественного производства? Отразим их в таблице (табл. 1), взяв для определенности и более явной противоположности черты товара при капитализме.

Таблица 1

Основные противоположные черты товара при капитализме и продукта непосредственно-общественного производства при социализме

№	Товарное производство при капитализме	Непосредственно-общественное производство при социализме
1	Производитель руководствуется спросом	Производитель руководствуется непосредственно интересами общества
2	Товар – это продукт, изготовленный для эквивалентного обмена по стоимости	Продукт изготавливается для реализации потребностей общества
3	Товар – это продукт, изготовленный с целью извлечения максимальной прибыли	Продукт изготавливается с целью максимизации удовлетворения общественных потребностей
4	Решающую роль в определении плана производства играют обособленные экономические интересы собственника производства	Важную роль в определении плана производства играют интересы общества
5	Производством управляет стихия	Производством планомерно управляет общество

Количество противоположных черт товара и продукта непосредственно-общественного производства можно было увеличить, но основные черты, на наш взгляд, в приведенной выше таблице отражены. Рассмотрим теперь поочередно эти противоположные свойства и покажем их диалектическую взаимосвязь и взаимопереход.

Первая противоположность. Прежде всего, поскольку товар создается для обмена, то в развитом товарном производстве товар производится с учетом платежеспособного спроса на этот товар, но не для удовлетворения общественных потребностей. Так ли это? Под платежеспособным спросом не обязательно понимается денежный спрос. Платежеспособный спрос может быть выражен в других товарах, изготовленных для обмена, но в любом случае изготовитель товара рассчитывает на возможность реализации его определенного количества и производит его в соответствии со своей численной оценкой спроса на этот товар. Этот спрос является частью общественного спроса в той мере, в какой развит рынок (сфера реализации) данного товара. Обменные соотношения для данного товара на другие товары определяются общественным спросом на него. Если уже существует рынок в рамках страны, то производитель вынужден руководствоваться общественными обменными соотношениями. Если же рынок данного товара не развит и носит локальный характер рынка некоторой территории, то и обменные соотношения будут выражать общественный спрос на данной локализованной территории. Тем не менее, очевидно, что товар производится с учетом общественной потребности, выраженной в платежеспособном спросе, хотя и лишь текущей, относительно краткосрочной потребности. А это означает, что товар производится для удовлетворения определенной общественной потребности. И это его роднит с продуктом непосредственно-общественного производства! Здесь нет, разумеется, полного равенства или тождества (товар не есть в той же мере продукт непосредственно-общественного производства), но диалектическая связь этих понятий, пока доказанная «в одну сторону», безусловно, есть. Доказательство «в другую сторону» – в следующем пункте.

Вторая противоположность. Товар изготавливается для обмена, а продукт непосредственно-общественного производства изготавливается для реализации потребностей общества. Однако далее мы покажем, что и продукт непосредственно-общественного производства в условиях, когда сохраняется обособленность личных материальных интересов и соответствующее распределение по труду, также производится с учетом платежеспособного спроса и также для обмена. Однако это потребует некоторого терпения и внимательности.

В самом деле: продукт непосредственно-общественного производства производится для удовлетворения общественной потребности. Это предполагает, во-первых, наличие определенной общественной потребности, выраженной количественно и тем самым ограниченной. Во-вторых, мы должны учитывать, что у производителя есть личные материальные интересы, которые, строго говоря, должны удовлетворяться в каждом завершенном процессе производства. Производитель расходует определенное количество труда и, при нормальной общественной умелости и производительности, вправе рассчитывать, что он получит в виде жизненных средств не менее, чем другой производитель, занятый в производстве любого другого продукта и расходующий такое же количество труда. А это означает приравнивание различных видов труда с учетом их интенсивности, расходования мускулов, нервов, мыслительной энергии и т. д., т. е. существование в данном обществе абстрактного труда. Каждый производитель ожидает (вправе ожидать), что он получит по итогам каждого производственного цикла то количество необходимых для жизни благ, которое соответствует его затратам труда, за вычетом необходимых для общества резервов и накоплений. Об этом Маркс, как известно, написал в «Критике Готской программы». Но это означает, что производитель непосредственно-общественного продукта обменивает свой труд на эквивалентное количество необходимых для его жизни благ. Уже это означает, что продукт непосредственно-общественного производства в этом смысле является товаром, так как изготовлен для обмена на необходимые для жизни блага (продукты питания, одежда, жилье и т. д.). Разумеется, это не означает равен-

ства (тождества) продукта непосредственно-общественного производства товару. Но диалектическая связь и взаимопереход теперь налицо.

Правда, знаток может сказать: извините, тут нет полной эквивалентности, как при товарном обмене; да, производитель непосредственно-общественного продукта получает жизненные блага в соответствии с затраченным им абстрактным трудом (речь идет о регулярном производстве, а не о социальной взаимопомощи), но средства производства он получает вне зависимости от результатов своего труда. Весь затраченный на производство данного продукта общественный труд с учетом труда, овеществленного в средствах производства, может во много раз превышать количество абстрактного труда, затраченного лично и непосредственно данным производителем, так как производитель непосредственно-общественного продукта получает от общества не только жизненные блага, но и средства производства, причем в таком количестве, которое определяется лишь общественными потребностями, и никак, вообще говоря, не зависит от израсходованных им средств производства и жизненных благ. Переведем это верное утверждение на более простой язык: каждый производитель получает от общества задание, сколько он должен произвести продукции, и получает под это все необходимое. Стоимость продуктов, произведенных производителем непосредственно-общественного продукта, прямо не связана со стоимостью получаемых им в данный момент общественных продуктов. Сегодня ты производишь машины одной марки, а тебе уже по поручению общества отправлены станки, оборудование, металл и т. д. для машин других марок, которые ты будешь производить лишь через какое-то время. Обмена продукта производственного цикла на такой же по стоимости продукт в результате завершения этого цикла непосредственно-общественного производства, как в товарном производстве, не происходит. Если говорить о продуктообмене, то он осуществляется не по стоимости, а в соответствии с общественной потребностью.

Но так ли это? Вот в этом надо разобраться подробнее! Действительно ли при непосредственно-общественном производст-

ве не является эквивалентным большинство актов обмена продукцией производителями? И если это так, то к чему бы это привело на практике?! Вспомним, что на производство каждой единицы продукта затрачено какое-то количество живого и какое-то количество овеществленного труда. Производитель, израсходовавший живой труд, получает по итогам производства жизненные блага, воплощающие пропорциональное количество абстрактного труда (за вычетом потребностей накопления, непроизводственных потребностей общества и резервов). Но ведь и за израсходованными средствами производства (овеществленным трудом) стоит производитель, израсходовавший эквивалентное количество живого труда. Он тоже должен получить точно в соответствии с израсходованным количеством общественно-необходимого труда. Кто-то должен, следовательно, отслеживать, учитывать любой расход живого труда, измерять его и затем вознаграждать в соответствии с эквивалентом. Кто же это делает, если в каждом акте обмена эквивалентности нет? Если этого не будет делать никто, то общество не сможет учесть затраты своего труда и попросту разорится. Следовательно, это может и должно делать при непосредственно-общественном производстве, строго говоря, только общество! В жизни это может быть государство (особый орган государства) или особый общественный орган, который отслеживает «меру труда и меру потребления» каждого производителя! При этом общество должно и планировать производство, определяя, кто что производит и кому поставляет, так как от этого зависит общая эффективность. Примерно как плановый орган предприятия отслеживает и планирует, какой цех что делает для выполнения общего задания. А это означает учет затрат на каждую единицу средств производства. В результате получается, что общество в любом случае для каждого производителя вынуждено отслеживать, сколько каких средств производства и на что он затратил. И для общества очень важно, на производство каких изделий идет то или иное средство производства, так как оно (по самой сути непосредственно-общественного производства) должно выбирать не любой, а оптимальный вариант использования средств производства. В результате получается, что общество должно сле-

дить не только за мерой труда и потребления каждого производителя, но и за затратами каждого средства производства и его использованием. И если нет определенной эквивалентности между произведенным данным производителем продуктом и получаемыми от общества средствами производства, то получается совершенно фантастическая картина: некий общественный орган ведет всеобщий учет затрат в разрезе каждого производителя и каждой партии продукции по количеству затрат труда и всех видов средств производства, но сами производители за соответствием затрат и результатов не следят. Очевидно, что в реальности такое общество израсходовало бы свои ресурсы с минимальным эффектом за несколько месяцев, так как уследить «сверху» за экономикой всех производственных процессов и всех производителей невозможно. Единственный реальный выход для общества – поручить каждому производителю самому отслеживать соответствие затрат и результатов по определенным правилам и строго контролировать их выполнение. И правило может быть только таким – движение продукта должно сопровождаться у каждого производителя исчислением совокупных затрат общественного труда на каждую партию каждого вида продукции. А для этого по каждому виду продукции должна определяться его общественная стоимость. А она может быть получена только суммированием прямых общественно-необходимых затрат труда данного производителя и суммы затрат на каждое из израсходованных средств производства. Последние определяются, очевидно, умножением количества израсходованных средств производства на общественно-необходимые затраты на их единицу. При этом, если средство производства относится к оборотным, т. е. расходуются целиком в данном производственном цикле, то затраты труда на него переносятся целиком на изготовляемый продукт, т. е. прямо суммируются с затратами общественно-необходимого труда на другие средства производства и прямыми затратами труда. А затраты основных средств, т. е. машин и оборудования, которые функционируют несколько производственных циклов, очевидно, переносятся по частям, исходя из времени и интенсивности использования. Аналогичный процесс переноса стоимости в то-

варном производстве, как известно, носит название «амортизация основных средств».

По сути, анализируя содержание продукта непосредственно общественного производства, мы пришли к необходимости исчислять себестоимость общественно-необходимого труда для каждой партии и единицы продукции на каждом предприятии и, строго говоря, даже для каждого производителя. Но не только себестоимость! Средства производства (c) мы учитывали прямо по величине общественно-необходимых затрат труда. А прямые затраты труда работника мы вынуждены были учитывать двояко: и как величину общественно-необходимого труда, скрытого в прямом труде, затраченном на единицу данной продукции и на данном предприятии (аналог v+m), и как сумму средств на его эквивалентное вознаграждение (v). А это, как известно, не одно и то же: второе получается из первого вычетом части затрат, идущей на общественное накопление и резервы. Это означает, что мы пришли к необходимости учета (v+m) и (v), а необходимость учета была показана ранее.

То есть полный учет общественно-необходимых затрат труда на продукт непосредственно-общественного производства на данном предприятии нас привел, по существу, к необходимости определения затрат общественно-необходимого труда, израсходованного на данном предприятии на каждую партию и единицу продукта, а также его себестоимости. Но обществу известны и общественно-необходимые затраты труда на каждый вид продукции, а не только затраты данного предприятия. Разница между ними может быть положительна или отрицательна. Это разница между общественно-необходимыми затратами труда на производство данного вида продукции и индивидуальными затратами общественно-необходимого труда на данном предприятии. Если она положительна, то имеет место экономия общественно-необходимых затрат труда на данном предприятии. А если отрицательна, то имеет место перерасход. Экономия должна поощряться, а перерасход – вызывать негативные материальные последствия для производителя. Что же мы получили, исходя из того, что при непосредственно-общественном производстве нет эквивалентности в обмене? Мы получили, что производителю

каждой партии и каждой единицы товара должна быть обеспечена определенная эквивалентность между воплощенными в продукте общественно-необходимыми затратами труда и полученными им ресурсами, причем как ресурсами средств производства, так и вознаграждением за труд. Иллюзия, что производитель при непосредственно-общественном производстве получает средства производства вне зависимости от их расходования, исчезает в предположении разумной организации производства и учета. Это еще не акт обмена по стоимости, т. е. не акт купли-продажи каждой единицы продукции по устанавливаемым обществом ценам, но это полная подготовка к введению такой купли-продажи. Таким образом, мы получили, что изготавливаемый по прямому заказу общества продукт непосредственно-общественного производства неизбежно превращается в продукт для эквивалентного обмена. А то, что продукт, изготовленный для обмена (товар), изготавливается для удовлетворения общественных потребностей в виде прямого общественного спроса, выраженного в платежеспособном спросе, мы уже говорили. Это спрос более непосредственно выражает интересы общества при товарном производстве, чем расчеты, выполненные тем или иным плановым органом.

Третья противоположность. Товар – это продукт, изготовленный с целью извлечения максимальной прибыли, а продукт непосредственно общественного производства – ради максимального удовлетворения общественной потребности. Но мы только что показали, что оценка деятельности производителя при непосредственно-общественного производстве зависит от соотношения затрат и результатов. И при наличии точного учета общество имеет два показателя соотношения общественных результатов и затрат данного производителя. Первый – это указанная выше разница между стоимостью единицы продукта для общества и индивидуальной стоимостью. Но это еще не прибыль, так как этот показатель не учитывает, каковы были фактические затраты общества на вознаграждение данного производителя по труду. А они могли и соответствовать труду, и не соответствовать. Чтобы получить показатель соотношения эффекта и затрат данного производителя с учетом затрат труда на

вознаграждение, надо из общественно-необходимых затрат труда на данную партию или единицу продукции вычесть ее себестоимость. Это второй показатель соотношения общественных результатов и затрат, и это – прибыль.

Таким образом, мы получили полный аналог прибыли, анализируя лишь проблему учета затрат и результатов, и стимулирования более высоких результатов, и экономии общественно-необходимых затрат труда. Следовательно, показатель прибыли оказался естественным показателем превышения общественных затрат над общественными результатами, исходя из рассмотрения сущности общественно-необходимого продукта. Следовательно, общество вынуждено (при точном учете, а непосредственно-общественное производство предполагает точный учет!) поощрять производителя в зависимости от величины прибыли. Следовательно, и производитель общественно-необходимого продукта будет стремиться к максимизации прибыли.

Четвертая противоположность. Решающую роль в определении плана товарного производства играют частные экономические интересы собственника производства, а при непосредственно-общественном производстве решающую роль играют интересы общества. На самом деле, мы уже видели, что собственник производства или представляющие его управленцы ориентируются на величину платежеспособного спроса, а при выборе ассортимента производства – и на ожидаемую рентабельность различных видов продукции. Спрос представляет собой краткосрочное выражение реальной общественной потребности и общественных интересов, а ожидаемая рентабельность свидетельствует о дефицитности того или иного вида продукции, что также отражает общественную потребность и общественную заинтересованность в нем. При планировании инвестиций частный собственник также обязательно изучает долгосрочные перспективы спроса на данный товар и его ожидаемую рентабельность. И наоборот, мы видели, что непосредственные производители непосредственно-общественного продукта при краткосрочном и долгосрочном планировании учитывают свои частные (личные и производственные) интересы в увеличении прибыли и заработной платы, а не только общественные интересы, и эти частные

интересы в результате влияют на решение органов, осуществляющих планирование, в том числе и потому, что они отражают общественную эффективность. Надо также иметь в виду, что, как показал опыт СССР, и сам орган, осуществляющий планирование, может находиться под воздействием частных интересов или отраслевого лоббизма, который тоже может выражать частные интересы. Таким образом, и на продукт непосредственно-общественного производства существенно влияют частные интересы работника, предприятия и т. д.

Пятая противоположность. Товарным производством управляет стихия, производитель не может сколь-нибудь достоверно предсказывать будущее экономики, а непосредственно-общественное производство – планомерное. Но на самом деле лишь в период резкого обострения кризисных явлений развитие товарного производства носит спонтанный характер, а между кризисами его развитие достаточно предсказуемо, что позволяет осуществлять производство товаров с определенной степенью планомерности. Любой частный производитель составляет свой план производства, учитывая текущие тенденции.

Непосредственно-общественное производство действительно является планомерным. Но сами планы, как показал опыт, могут плохо отражать реальные потребности экономики и приводить к затяжным кризисам, экономические и социальные последствия которых трудно предсказуемы. Таковыми были, например, кризис экономики СССР конца 70-х – первой половины 80-х гг., последствия «большого скачка» и «культурной революции» в Китае. Низкое качество планирования может привести к кризисному состоянию экономики.

Таким образом, мы рассмотрели все пять антагонистических, казалось бы, позиций и показали, что продукт непосредственно-общественного производства имеет при социализме существенные элементы товарности, а товар – важные элементы непосредственно-общественного продукта, т. е. это диалектически связанные понятия. Одно переходит в другое. Товарность не противоречит антагонистически непосредственно-общественному производству, и наоборот, непосредственно-общественное производство не отменяет товарности.

Можно сформулировать наш обобщающий «антитезис» по поводу указанных противоположностей следующим образом: в то время, как производитель товара, руководствуясь своими частными интересами, вынужден действовать в соответствии с общественными интересами, опосредованными общественным спросом, производитель непосредственно-общественного продукта, вынуждаемый действовать в интересах общества, опосредованных их выражением в плановом задании, действует в своих частных интересах.

А это и означает, что если фабричным производством (т. е. небольшим по числу участников и участков), может быть, и можно управлять посредством прямых указаний каждому цеху, бригаде и даже работнику, не прибегая к товарно-денежным отношениям между подразделениями, то в масштабах многоотраслевого народного хозяйства даже сравнительно небольшой страны это делать эффективно таким же способом невозможно. Разница между фабрикой и экономикой страны выражается в том, что руководство фабрики детально видит, планирует и контролирует горизонтальные связи внутри фабрики, оно лишь в малой степени нуждается в незапланированном сверху горизонтальном взаимодействии подразделений фабрики, а руководство страны лишь в очень крупных чертах видит горизонтальное взаимодействие регионов, отраслей, предприятий, работников, и оно поэтому принципиально нуждается в незапланированном сверху горизонтальном взаимодействии всех звеньев общественного производства.

Основная причина невозможности управления экономикой страны как «единой фабрикой» – отсутствие в масштабах страны столь же достоверной, столь же легко обозреваемой и столь же быстро перерабатываемой информации, как и в масштабах фабрики, о всех элементах и действующих лицах экономики. Не надо забывать и того, что успешно управлять фабрикой посредством прямых указаний цехам и работникам можно лишь в предположении, что безошибочно определены параметры того плана, который руководители фабрики собираются реализовывать. Но это справедливо далеко не для всех фабрик и не для всех планов.

В условиях капиталистического товарного производства существенный процент предприятий перестает существовать или пребывает в состоянии убыточности и предбанкротства из-за наличия конкурентов и неспособности достичь максимальной эффективности. Тем больше неопределенность, сложность при определении параметров плана непосредственно-общественного производства страны. И к ней добавляется сложность (и необходимость) учета противоречивых материальных интересов миллионов агентов производства – предприятий, фирм, работников страны. На уровне фабрики эти противоречия можно до известной степени игнорировать по типу «я тебе плачу, а ты делай то, что приказано», если оптимальное решение известно руководству. На уровне страны такой тип управления крайне неэффективен, возможен лишь в особых условиях и на сравнительно кроткий период, ибо миллионы действующих лиц экономики страны в любом случае остаются активными самостоятельными участниками нахождения оптимальных решений. Если товарно-денежные отношения неразвиты, неверно ориентируют предприятия и работников, они систематически будут принимать решения, идущие вразрез с общественной оптимальностью.

Есть и еще один важный момент. Экономика эффективна лишь в той мере, в какой она построена на инновациях. Инновации – это, прежде всего, результат горизонтальных связей в экономике. Если непосредственно-общественное производство, планируя сверху вниз деятельность всех звеньев экономики, резко сужает горизонтальные связи, ограничивая сферу горизонтального взаимодействия сведением его к выполнению заданий центра, то сужаются и интересы, и возможности разработки, поиска и внедрения инноваций. Не случайно именно недостаточная динамика научно-технического прогресса, а поэтому и недостаточно быстрый рост эффективности и качества продукции в сравнении с развитыми капиталистическими странами были характерны для многих отраслей СССР, начиная с середины шестидесятых годов.

Кратко говоря, количество переходит в качество, и в экономике изменение ее масштаба приводит к тому, что народным хозяйством нельзя эффективно управлять, как единой фабрикой,

пока сохраняется обособленность индивидуальных материальных интересов или, как говорили политэкономы в советский период, пока «труд на благо общества не стал первой жизненной потребностью трудящихся» [8]. А это означает, что товарность является неотъемлемой чертой экономики, в том числе и социалистической. Отсюда следует, что «вторая долгосрочная цель»[1] управления экономикой состоит при социализме не в том, чтобы изживать товарность, а также ее неотъемлемые атрибуты – деньги и товарно-денежные отношения, а в государственном и общественном ее регулировании. Посредством регулирования общество (прежде всего в лице государства, но не только) ограничивает негативные проявления товарности, стихийности, осуществляет перераспределение доходов и инвестиций в интересах общества, выстраивает такие правила функционирования, при которых рыночный механизм в сочетании с прямыми планомерными действиями государства в экономике направляет действия миллионов людей, предприятий, корпораций в интересах развития и достижения благосостояния всех. Короче говоря, необходимо не ограничивать и изживать, а освоить, научиться пользоваться, регулировать, контролировать и направлять товарность в интересах всех.

В советский период политэкономы разграничивали товарность (наличие и использование товарно-денежных отношений) и характеристику социалистического производства как товарного, предполагая, что это несовместимо с его характеристикой как непосредственно-общественного: или товарное, или непосредственно-общественное. Так, в одном из ведущих учебников политэкономии 70-х гг. XX в. (под редакцией Н. А. Цаголова) говорилось: «Если характер социалистического производства товарный, то это значит, что товарна и его сущность. Но товарная сущность социалистического производства по своей логической природе несовместима с планомерностью социалистического производства и основным экономическим законом социа-

[1] Первая долгосрочная цель – рост благосостояния трудящихся и создание условий для свободного всестороннего развития на основе развития экономики и общества.

лизма. Определение сути социалистического производства посредством двух прямо противоположных начал не находит научного оправдания» [3]. Сегодня удивляет не тот понятный факт, что в основном ведущие советские политэкономы до конца 80-х гг. отрицали товарный характер социалистического производства (автор относит себя к ученикам Н. А. Цаголова), а то, что в выделенном утверждении де-факто отрицается диалектика, ибо она как раз и утверждает наличие и совместимость противоположных, противоречивых начал во всем сущем. Вопрос лишь в познании этой противоречивости в экономическом строе и овладении ею.

Советские ученые объективно отражали тот факт, что в экономике СССР господствовала монополия государственной собственности, экономика была жестко централизованной и каждое предприятие получало плановые задания по ассортименту продукции и гарантированные поставки сырья и других средств производства. Задания вытекали из разрабатываемого партийно-правительственными органами и Госпланом плана реализации общественных интересов. Такая форма общественного производства отвечала названию «непосредственно-общественное производство» с той поправкой, что интересы общества опосредованно выражались, в первую очередь, вышестоящими органами посредством определенных механизмов взаимодействия, в которых эти интересы частично могли искажаться. Но, как мы выяснили, на всех этажах этой системы на формирование и выполнение планов влияли также личные, коллективные, отраслевые и другие обособленные интересы. То есть, строго говоря, уже и в советский период производство находилось под воздействием сложного сочетания непосредственно-общественных и иных интересов, т. е. было двойственным, противоречивым и не могло быть иным.

По мере нарастания сложностей управления экономикой нарастало понимание советскими политэкономами того, что и при социализме производство остается товарным. В вузовском учебнике начала 80-х гг. говорилось: «Согласованное хозяйствование осуществляется через непосредственно-общественное регулирование производства, включает в себя материальное

стимулирование и постоянный контроль над тем, в какой мере затраты труда коллективов предприятия являются общественно-необходимыми. Такая система планомерных отношений предполагает обмен продуктами на основе учета количества труда, затраченного на их производство, т. е. эквивалентный товарный обмен» [8]. В учебнике 1988-1990 гг. уже говорилось о товарном характере экономических отношений, осуществляемых через рынок: «В той мере, в какой отдельные звенья социалистического хозяйства экономически обособлены, отношения между ними носят товарный характер. Они строятся на принципе стоимостной эквивалентности и осуществляются через рынок» [7].

Немало ученых и сегодня считают, что совершенствование управления социалистической экономикой должно было идти не путем усиления и развития хозрасчетных начал, когда в экономике начинает усиливаться влияние интересов предприятий, объединений, отраслей и т. д., а лишь по пути укрепления плановой дисциплины, усиления наказаний, большей опоры на энтузиазм и внедрение ЭВМ. Между тем наш анализ показал, что это привело бы к еще большему отрыву планов от реальных интересов общества. Правильный путь заключался в сохранении централизованных плановых заданий лишь для ядра экономики (отрасли – естественные монополии, инфраструктура, крупнейшие оборонные предприятия и т. д.) и в кардинальном расширении свободы других предприятий, усилении товарно-денежных и рыночных отношений в сочетании с освоением и развитием методов централизованного планового регулирования рынком. Но, разумеется, при сохранении господства общественной собственности и власти трудящихся.

К сожалению, развитие реформ в СССР пошло по другому пути. Однако из этого негативного опыта должны быть сделаны правильные выводы. Развитие социалистических производственных отношений после завершения определенных этапов индустриализации при социализме состоит не в целенаправленном снятии, а тем более не в уничтожении товарного производства, а в освоении механизмов управления им, в создании такой системы регулирования, которая обеспечивает более полную реализацию общественных интересов и лишь тем самым снимает сти-

хийность товарного производства и рынка, и рождается система координации, имеющая новое, некапиталистическое качество [1]. Такая система строится на основе как управляющих действий органов, призванных выявлять и отстаивать общественные интересы, так и самостоятельных действий трудящихся, предприятий, объединений, иных комплексов, руководствующихся собственными интересами и экономическими регуляторами, правилами, институтами, формируемыми управляющими органами и рынком.

По-видимому, исторически становление социалистических производственных отношений и свойственной социализму демократической политической системы должно пройти несколько этапов. Первый этап – это первая попытка установления отношений непосредственно-общественного производства на пути прямого отрицания товарного производства и буржуазного парламентаризма в форме установления монополии государственной собственности, при которых, однако, товарное производство сохраняется, хотя и в крайне ограниченных сферах. Это – этап «раннего социализма», возникающего в одной или нескольких периферийных или полупериферийных странах. Наиболее ярко он был воплощен в СССР со всеми достоинствами и недостатками указанной монополизации. Второй этап – это реформирование отношений общественной собственности в форме существенного расширения сферы товарного производства и допущения частной собственности при сохранении доминирования государственной собственности и определенным расширением форм демократии, свойственных, в основном, предыдущему этапу. Государственное регулирование в сочетании с планомерностью в формах государственного бюджетного планирования и планирования предприятий и корпораций становится на этом этапе основным инструментом воздействия общества на экономику.

Не смог пройти этот этап СССР, сорвавшись в полупериферийный, зависимый капитализм. Но этот этап воплощается, на наш взгляд, хоть и не без проблем, в Китае. В ходе этого этапа должен быть достигнут уровень производительности труда, устойчиво превышающий уровень, свойственный большинству развитых капиталистических стран. Экономические основы для

превышения – это более гармоничная и социально-направленная система управления экономикой, сочетающая планомерность и товарность, общественные интересы и обособленные интересы производителей, интересы развития и интересы роста благосостояния всех классов и слоев. Технической основой опережения явится все более широкое применение для управления на государственном уровне автоматизированных систем управления экономикой и ее отраслями, внедрение полуавтоматизированных и автоматизированных предприятий и вертикально-интегрированных комплексов.

Это неизбежно достаточно длительный период, так как для достижения оптимального сочетания планомерности и товарности, создания соответствующей теории и функционирующей практики потребуется время (научиться не только «торговать по-европейски», как призывал Ленин [5], но и производить по-европейски и даже лучше, чем по-американски, что очень непростая задача). На этом же этапе существенно растет демократичность управления экономикой и предприятиями, а также демократичность политической системы, развитие многопартийности при сохранении обязательности признания социалистических основ экономического строя.

А вот каковыми будут последующие этапы становления непосредственно-общественного производства в мире и перехода к «царству свободы» – предстоит увидеть. При этом попытки перескока через тот или иной этап чреваты, видимо, возвратом к началу пути.

Полученные выводы актуальны не только в отношении социалистической перспективы, но и позволяют правильно сформулировать повестку действий левых сил. Не уничтожение рынка и товарного производства как экономическая «программа-максимум», а овладение этими инструментами, эффективное использование их в процессе построения общества, где развитие осуществляется в интересах всех. А для сегодняшней ситуации в качестве «программы-минимум» справедливо утверждение А. В. Бузгалина и Р. С. Гринберга о том, что «пора искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, уходя

от старой дилеммы “больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости”, формируя систему, в которой справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие» [2]. Ведущими принципами новой социальной системы должны быть развитие ради благосостояния и творческой самореализации для всех, социальная справедливость, первенство интересов трудящихся.

Литература

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: в 2 т. М.: URSS, 2015.
2. Гринберг Р., Бузгалин А. Старая модель исчерпана. Куда движется мир? / Московский экономический форум 2015. 25-26 марта 2015: установочные доклады пленарных дискуссий. М., 2015.
3. Курс политической экономии: учебное пособие для экон. вузов и фак.: в 2 т. Т. II. Социализм / под ред. Н. А. Цаголова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1974.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 41.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 45.
6. Летурно Ш. Эволюция собственности. М.: URSS, 2012.
7. Политическая экономия: учебник для высших учебных заведений / В. А. Медведев [и др.]. М.: Политиздат, 1988-1990 гг. 735 с.
8. Политическая экономия: учебник для экономических вузов и факультетов: в 2 т. Т. 2. Социализм – первая фаза коммунистического способа производства / А. М. Румянцев [и др.]. 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1982.

О. О. Комолов

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный этап развития капитализма сопряжен с углублением многих его противоречий. Остановим наше внимание на, пожалуй, одном из самых показательных. Реалиями современного этапа развития рыночной экономики является ее стремительная монополизация.

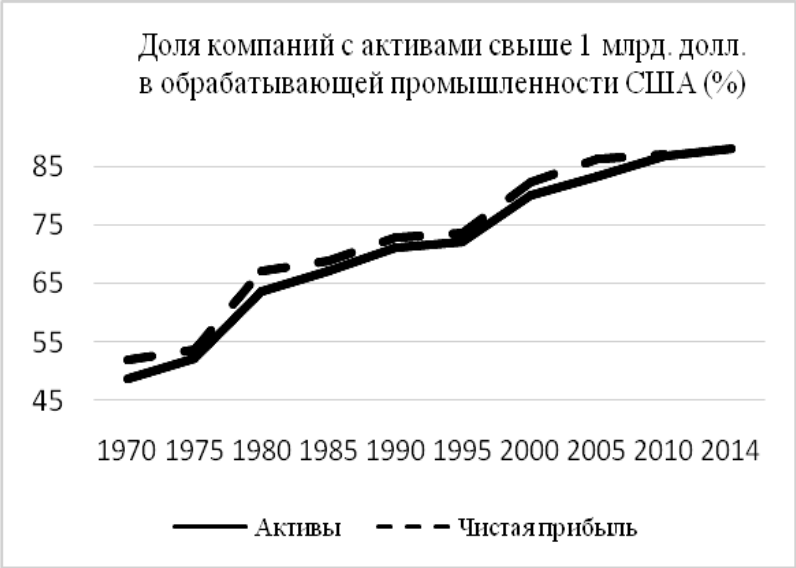


Рис. 1. Динамика изменения доли крупных компаний США

Источник: составлено автором по данным: Statistical Abstract of the United States 1989. P. 536; 1997. P. 553; 1999. P. 570; 2001. P. 500; 2002. P. 494; 2004–2005. P. 640; 2010. Table 987., Historical QFR Data Manufacturing, Mining, Trade, and Selected Service Industries 2014 Table N.

Рисунок 1 показывают динамику изменения доли крупнейших компаний США в общем объеме активов обрабатывающей промышленности страны. Сегодня несколько сотен крупнейших корпораций (из 6 млн) концентрируют у себя без малого 90 % активов всей отрасли.

В финансовом секторе ситуация схожая. 4 крупнейших банка США увеличили свою долю в активах банковской системы за 20 лет с 10 % до 42 %[1].

Такого рода явления не могли не сказаться на состоянии современной экономики.

С одной стороны, концентрация и централизация капитала формируют условия для наращивания производительности труда и технологического прогресса, с другой – создают риски для развития экономики в интересах общества в целом. Речь идет, в первую очередь, о появлении монопольных гигантов, подчиняющих себе рынок.

Финансовый кризис 2008 г. ярко проиллюстрировал такое противоречие. Преодоление последствий неоправданно рискованной политики крупнейших банков монопольного типа в полной мере легло на государство и общество. По некоторым оценкам общий объем средств, выделенных финансовому сектору через различные программы помощи, превысил сумму в 16 трлн долл. [6].

Представляется совершенно ясным тот факт, что преодоление такого противоречия невозможно в рамках господствующей в мире парадигмы рыночного фундаментализма, рассматривающей свободный рынок и неограниченную конкуренцию в качестве основного средства обеспечения экономического роста, социальной справедливости и прогресса.

По мнению американского экономиста Дж. Стиглица, рыночный фундаментализм представляет собой широко распространенную в мире идеологию, лежащую в основе политики крупнейших наднациональных институтов – Всемирного Банка и МВФ. Она явно переоценивает возможности рыночных отно-

[1] Рассчитано автором на основании данных Federal Deposit Insurance Corporation. URL: https://www2.fdic.gov/hsob/

шений, саморегуляции и конкуренции, отрицая регулирующую роль государства в экономике. Практическое применение идей рыночного фундаментализма, нашедших свое отражение в политике Вашингтонского консенсуса, привело к обнищанию многие страны, в том числе Россию [7].

История ставит перед обществом задачу активного вмешательства в процесс управления экономикой, в частности руками государства. И на практике мы видим движение в этом направлении.

Происходит процесс деперсонификации собственности, диффузии капитала, когда в качестве собственников крупнейших компаний выступает не один капиталист, а множество мелких собственников. Перед государством встает задача поиска баланса между рыночными законами и необходимостью их ограничения в социальных целях, что проявляется в гуманизации производственных отношений, смягчении социальной дифференциации в наиболее развитых странах и росте значения социальной сферы.

Перечисленные выше явления в современной экономике относятся к энциклопедическому определению понятия «социализация рыночной экономики» [4]. Оно часто используется в научной литературе, где ему, как правило, придают следующий смысл: рыночная экономика приобретает некие социальные свойства, становится более гуманной, изменяется и подстраивается под новые вызовы. Тем самым происходит постоянное совершенствование рыночной модели благодаря ее адаптивным свойствам.

Однако, на наш взгляд, такая трактовка сужает горизонт анализа, затрагивает лишь надстройку, не касаясь базиса проблемы, и тем самым не позволяет рассмотреть ее системно.

Современный этап развития рыночной экономики было бы точнее охарактеризовать, основываясь на высказывании профессора А. В. Бузгалина, отмечающего в развитии современной системы хозяйствования «не просто некие новые “встроенные элементы” в здание классического капитализма, а ростки качественно новой социально-экономической реальности» [2].

Для описания этого явления было бы точнее говорить не о социализации, а о **социоальтерации рыночной экономики.** Понятие «альтерация», позаимствованное из биологии, означает изменение структуры клеток, тканей и органов, сопровождающееся нарушением их жизнедеятельности.

Социоальтерацию рыночной экономики можно определить как процесс самоотрицания рынка, проявляющийся в фундаментальном перестроении современной системы хозяйствования, изменении его структуры, двигателей, точек роста и целей существования. Такие перемены не означают смерть системы, но рождают собой предпосылки для совершенно новой стадии общественной эволюции, где все общество принимает активное участие в управлении производством, распределением, обменом и потреблением, где создаются предпосылки к обобществлению экономики.

Иными словами, когда-то в странах Западной Европы уже на стадии «развитого феодализма» началось распространение простого товарного производства и, как следствие, коренных изменений во всех сферах производства, формах производственных отношений. Это создало благоприятные предпосылки к зарождению фрагментов капитализма. И сегодня также возникают предпосылки и, как показывает практика, необходимость к сознательному управлению экономикой со стороны общества, ее ориентации на свободное развитие личности и социальную справедливость, «накопление элементов качественно нового социально-экономического состояния, которое условно может быть обозначено как «экономика для человека» [3, с. 52, 53]

Эти новшества мало сочетаются, а иногда и противоречат основополагающим принципам рыночной экономики.

Последовательное самоотрицание капитализма – реалии последних 100 лет. Это проявляется в подрыве конкуренции со стороны подчинивших рынок монополий, а также в развитии форм «ассоциированного ограничения и регулирования экономики» [1] через механизмы. Тогда «на место денег как единственного и всеобщего средства [само]регулирования и меры ценности частично, в некоторых локусах экономического пространства, приходит общество (государство), в некоторой мере опре-

деляющее параметры экономики и ценность ряда благ (прежде всего – так называемых общественных)» [1]. Сюда можно добавить развитие целевого программирования экономики, распространенное в наиболее развитых станах мира в форме индикативного планирования; государственное регулирование; распределение государством части национального дохода на социальные нужды; коллективное предпринимательство на основе разных форм трудовой групповой собственности. На предприятиях такого типа господствует принцип «владеет тот, кто работает», или «кто не работает, тот не владеет».

Все чаще государства вынуждены прибегать к, по сути, нерыночным методам антикризисного управления, весьма жестко обращаясь со священным правом частной собственности. И речь не только о кризисе 2008 г. В ходе Азиатского финансового кризиса 1990-х, Банковского кризиса Скандинавии 1980-1990-х гг. государства были вынуждены прибегать к активному вмешательству в экономику, в том числе насильственными методами. И это было обязательным условием преодоления кризисных явлений.

Системообразующими элементами современной экономики являются ТНК. На них приходится около 80 % мировой торговли, 1/2 мирового промышленного производства; 4/5 всех существующих в мире патентов, лицензий и ноу-хау принадлежат крупнейшим мировым корпорациям [8].

По оценкам UNCTAD, на внутрифирменные потоки в рамках ТНК приходится около 42 % мировой торговли. Звенья производственных цепочек ТНК не производят товар в политэкономическом смысле этого слова, поскольку он не предназначен для продажи на рынке. Внутри ТНК отсутствует рыночное ценообразование, а продукция поставляется от одного подразделения в другое через механизм трансфертных цен.

Еще 16 % мировой торговли приходится на так называемые «несимметричные» экономические отношения, включающие в себя контрактное производство, франчайзинг и т. д., где небольшие компании фактически попадают в зависимость от ТНК [9].

Крупнейшие компании используют механизмы планирования для наиболее эффективного распределения ресурсов между своими подразделениями и дочерними структурами. Более того,

планированию подвергается не только производство и сбыт, но и поведение потребителя.

Таким образом, понятием социоальтерации можно определить вызревание и развитие нерыночных элементов в рыночной экономике. Выражаясь словами Й. Шумпетера, «постепенно складывается все больше технологических, организационных, коммерческих, административных и психологических предпосылок социализма» [5].

Речь идет о формировании объективных условий для подчинения экономических процессов интересам всего общества, что поможет преодолеть многие противоречия капиталистического развития. Ну а будут ли они использованы во благо всего человечества или нет, зависит уже от субъективного фактора, т. е. от реального соотношения классовых сил в обществе.

Литература

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: в 2 т. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с. Т. 2.
2. Бузгалин А. Рождение постэкономического общества: вызов теории // Экономическая теория XXI века. СПб., 1996. С. 175.
3. Курс переходной экономики / под ред. Л. И. Абалкина // Институт Экономики РАН. М.: Финстатинформ, 1997. С. 52.
4. Социализация экономики // Экономическая энциклопедия. М.: Экономика, 1999.
5. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
6. Federal reserve system opportunities exist to strengthen policies and processes for managing emergency assistance. URL: http://ru.scribd.com/doc/60553686/GAO-Fed-Investigation#outer_page_144
7. Snowdon B. Redefining the Role of the State Joseph Stiglitz on building a ‘post-Washington consensus’ // World Economics. 2001. Vol. 2. № 3. July-September. URL: https://www2.fdic.gov/hsob/

8. UNCTAD, Global value chains and development. Investment and value added. Trade in the global economy // United nations publication. UNCTAD/DIAE/2013/1. P.16

9. World Investment report, Reforming international investment governance 2015 // United Nations Publication UNCTAD. URL: http://unctad.org/en/publicationslibrary/wir2015_en.pdf

И. В. Грошев, А. А. Краснослободцев

РЫНОК ЭМОЦИЙ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Во всем пространстве экономических отношений эмоциональный фактор заявляет о себе достаточно убедительно. Между тем его значение как определенного ресурса экономики представляет собой практически неисследованное направление.

Мы покупаем не только товар, но и эмоции, которые мы с ним получаем.

Уровень современной функциональной реализации продуктов на рынке близится к полной идентичности. Человеку становится все труднее выделить наиболее функциональный телевизор (например, с лучшим изображением) или самую удобную обувь для конкретной погоды. При этом происходит постоянная смена марок, моделей товаров и даже брендов. Почему так происходит? Ответ во многом связан с **эмоциональными движущими силами** потребителя, осуществляющего покупки. Этот процесс трудно или вообще не поддается фиксации, он, как отмечает А. Долгин, «…недоосмыслен на уровне экономической философии» [1]. Иными словами, эмоциональные движущие силы (в частности, покупки) это сложная, подвижная, личностная и непросчитываемая система сил, берущая начало в интересах, гендерно-половых и возрастных особенностях и иных мотивациях личности, составляющих как бы подсознательный пласт производственных отношений.

Как уже отмечалось, мир современной экономики изобилует товарами, потребительские свойства и эмоциональный потенциал удовлетворения которых трудно оценить заранее исходя из характеристик, данных производителем. При этом движимые потребностью в получении удовольствий люди оценивают важные составляющие товаров, такие как ценность, дизайн, бренд производителя, цена (которые не относятся к разряду утилитарно-функциональных благ), как сумму положительных и отрицательных эмоций. В итоге по сумме их совокупного влияния определяется субъективная полезность данного продукта. Принимая решение о покупке товара, индивид принимает в расчет не то, каким окажется его будущее эмоциональное состояние, а то, насколько это состояние будет отличаться от желаемого, либо ожидаемого. Следовательно, итоговая эмоциональная оценка товара (продукта) может сильно отличаться от той, что была до покупки. При этом касса показывает лишь то, сколько люди заплатили, а не их фактическое удовлетворение, в том числе и эмоциональное. Это в особенности характерно для товаров редкого и однократного потребления, которые сегодня преобладают.

С учетом возрастания товарного предложения и, соответственно, способов удовлетворения потребностей выбор человека больше похож на поиск искомых эмоций, которые наступят вследствие прохождения цикла: покупка – потребление – переживание ощущений – удовлетворение (рис. 1).

Многое из того, что не улавливается традиционной экономикой – коммуникативные, эмоциональные, побудительные мотивы людей, их желания, эмоции, умонастроения, когнитивные ресурсы (память, внимание и т. д.), культурные коды и ценности, индивидуальные «вкусы», задающие мотивацию к экономическому действию в виде, например, покупки товара, – как правило, не берется в расчет традиционными экономистами. Более того, если в изучении принципа рационального поведения человека в экономике достижения исследователей проблемы инструментальной рациональности, проблемы выбора оптимальных средств для достижения цели достаточно весомы, проблемы выбора эмоционально окрашенной конструктивной цели,

к сожалению, достижения экономистов, ориентированных на определение той или иной формы функции полезности, крайне невелики. Причина – в неоправданном стремлении игнорировать психологические, эмоциональные, этические, культурные коды и ценности, индивидуальные «вкусы» и другие начала при анализе поведения человека, т. е. свести его к полной рациональности, эмоционально-психологической однозначности и этической нейтральности.

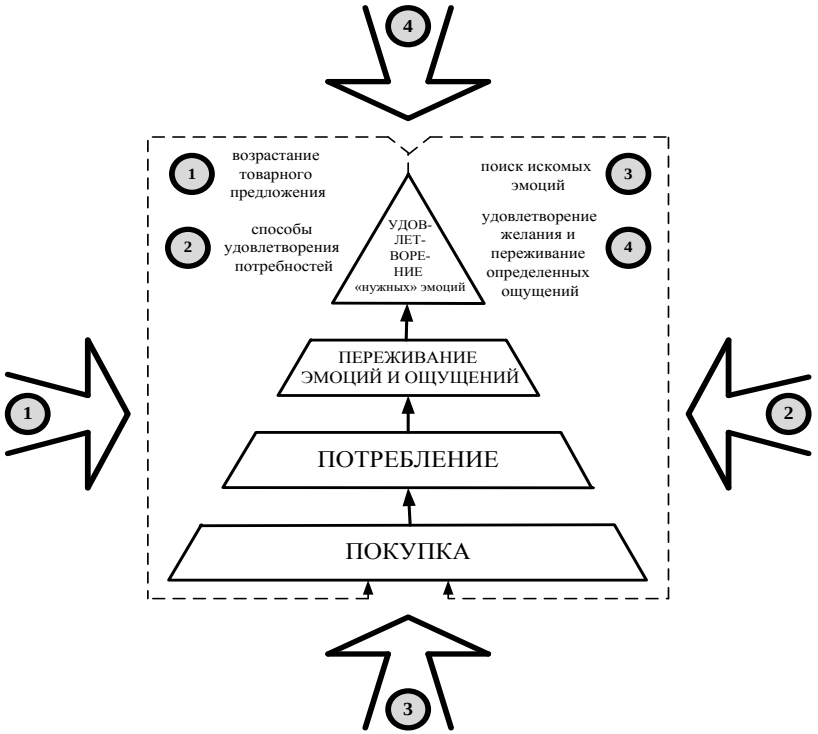


Рис. 1. Модель формирования цикла приобретения покупки «нужных» эмоций в процессе товарно-денежных отношений

При этом и само изучение постановки цели и вообще рационального экономического поведения без привлечения достижений в области целеполагания (прежде всего, психологии) вряд ли выглядит рационально. Да и достаточность принципа максимизации вызывает серьезные возражения. Во-первых, междисциплинарная позиция учета результатов, полученных, прежде всего, в экономической психологии, свидетельствует о том, что внутренняя мотивация человека, его цели, в том числе и эмоциональная, в угоду стройной теории сужены до предела. Во-вторых, практически не учитывается, что внешняя адаптация (например, общение в группе потребителей) может определять поведение ничуть не меньше, чем внутренняя заданность. И, наконец, достаточность принципа максимизации[1] личных интересов и эмоциональной полезности потребляемых благ сомнительна с точки зрения валидности и проверяемости самой этой гипотезы. С такой позиции видна как логическая слабость принципа, так и слабость его связи с реальностью. Однако если необходимо сохранить предпосылку максимизации личных интересов и эмоциональной полезности, то придется признать, что эмоциональную полезность могут приносить не только потребляемые блага или удовлетворение эгоистических интересов, но и практически все, вызывающее определенные эмоции человека, как положительного, так и отрицательного характера.

Эмоциональные ожидания имеют глубинную связь с потребительскими оценками людей различных аспектов, прежде всего своего дохода, а также экономического развития страны, со-

[1] В общем плане, идея принципа максимизации личных интересов и эмоциональной полезности потребляемых благ позволила экономической науке достаточно просто описать многообразные психологические процессы и использовать при их моделировании оптимизационный аппарат математики в относительно пригодной для практических целей форме. Однако, как указывают некоторые авторы, этот подход порождает многие проблемы, а именно: теория постепенно абстрагируется и просто «отрывается» от реальности, что приводит в какой-то момент к тому, что предпосылки оказываются сформулированы таким образом, что теорию нельзя опровергнуть никакими факторами (проверка на фальсифицируемость по Попперу, то есть на научность теории), так как теоретик всегда может сказать, что «нами специально введены такие предпосылки».

стояния социокультурного строя, важным ингредиентом которого является взаимное доверие производителя и потребителя, продавца и покупателя, релевантность ожидаемого эмоционального состояния потребителя желаемому при покупке товара и т. п.

Для того чтобы наиболее полно отразить наше понимание полного потребительского профиля, нами предлагается схема направлений экономического потенциала эмоций (рис. 2).

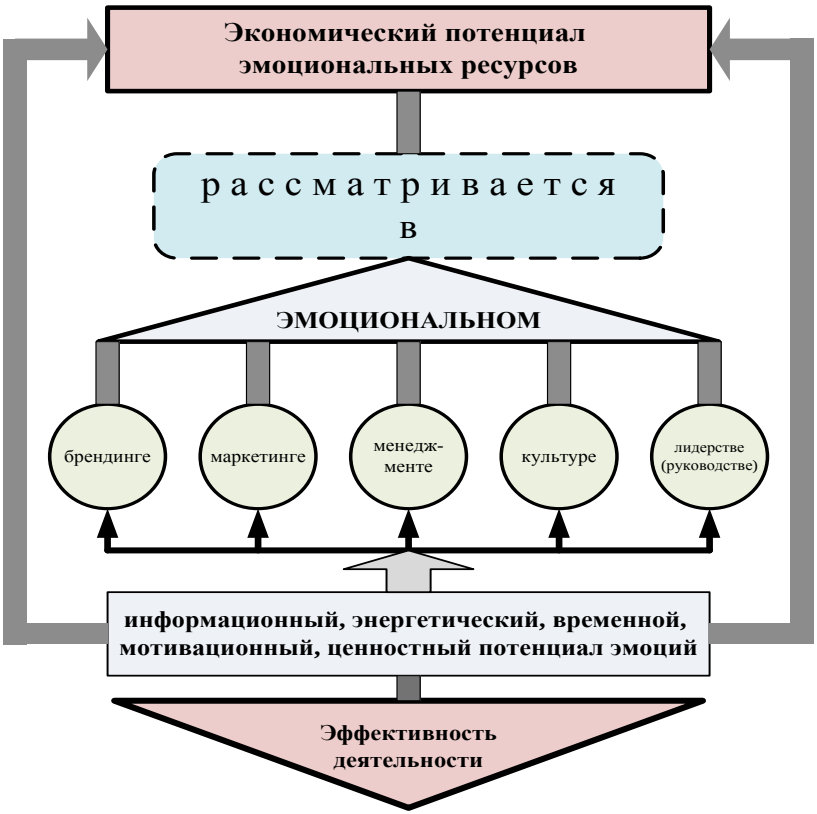


Рис. 2. Направления экономического потенциала эмоций

Кратко эти направления можно охарактеризовать следующим образом:

1. **Эмоциональный брендинг.** Эмоционирование бренда – одно из перспективных и эффективных направлений повышения его потребительской ценности. Здесь весь комплекс атрибутивных сигнатур бренда подвергается эмоциональной «накачке». Цель этого процесса − создание эмоционального ряда факторов с высоким импульсом, доминирующих над рациональными структурами. С помощью эмоций можно сформировать дополнительные выгоды для продавца.

2. **Эмоциональный маркетинг.** Эмоциональный маркетинг имеет дело с широким спектром торговых знаков, наименований и марок. Главная задача – управление впечатлениями клиента, которые связываются в сознании потребителя с категориями качества, стабильности и надежности. Эмоциональный маркетинг позволяет выделить, дифференцировать и привлечь внимание к продукту в среде насыщенного товарного предложения.

3. **Эмоциональный менеджмент.** Тенденцией последнего времени в управленческих науках за рубежом стало широкое распространение концепции эмоционального менеджмента, тесно связанного с эмоциональными ресурсами организации. В России, к сожалению, это направление пока не прижилось.

4. **Эмоциональная культура.** Эмоциональная культурная надстройка подразумевает поощрение проявления эмоций, способствующих общему достижению целей, наличие системы координирования/поддержания/трансформации эмоций во внутриорганизационной среде и механизма коммуницирования «генерируемой» энергетики во внешнюю среду.

5. **Эмоциональное лидерство.** Управление в этом случае основывается не только на объективных лидерских характеристиках управленца, но и умении использовать силу эмоциональной мотивации, управлять собственными эмоциями и настроением коллектива, предвидеть эмоциональную перегруженность внутри организации, перераспределять эмоциональный «заряд» и нейтрализовывать стрессовые ситуации.

Важным аспектом проблемы является экономическая интерпретация феномена эмоций. Она может основываться на следующих позициях (рис 2.):

1) в соответствии с *изменениями в структуре потребления* (резкий рост доли нематериальных, неутилитарных благ), которое становится все более разнообразным, индивидуализированным, эмоциональным и «изощренным», детерминирующими изменения в соотношении производства и торговли. Изготовить становится дешевле, чем продать. Доля производственных издержек в розничной цене товара сокращается, а доля эмоциональной доли увеличивается. Иными словами, цена вещей все меньше становится связанной с их функциональной ценностью и все больше отражает ценность индивидуальную, ситуационную, преломленную через эмоциональную ценность;

2) *направленность человека на потребление эмоций.* Бессознательно или осознано человек движим инстинктами и потребностью удовлетворения. Процесс удовлетворения предполагает переживание комплекса ощущений, имеющих физиологическое, сензитивное или умозрительное начало. Товар приобретается не ради продукта самого по себе, а ради удовлетворения, которое он доставляет. Момент переживания закрепляется в возникающих эмоциях, которые сопутствуют процессу удовлетворения. Иными словами, чем более возбуждена нервная система, тем больше можно считать удовлетворенной группу потребностей и эмоций, связанных с удовлетворением.

Проблема психологической готовности в процессе принятия решения к потреблению эмоций как внешняя психологическая составляющая экономического поведения и экономических отношений, часто осуществляемая в условиях высокой неопределенности и непредсказуемости, также значима и в экономическом аспекте. Ее составляющие: склонность к избеганию потерь, в том числе и эмоциональных, реалистичность либо нереалистичность, самостоятельность либо несамостоятельность, азартность и рискованность в выборе эмоций лежат в основе дифференциации потребителей на две группы. Первая группа включает в себя индивидуумов с низким уровнем эмоционального рис-

ка, у которых ведущими психологическими компонентами выступают склонность к избеганию потерь, реалистичность поведения. Высокий уровень эмоционального риска отличает вторую группу потребителей, у которых в качестве доминирующих признаков выступают высокий показатель склонности к получению новых эмоций, некая нереалистичность поведения и др. Учет этих составляющих является необходимым условием процесса антиципации поведения человека в рыночном пространстве, детерминируемым экономическим (величина дохода) и эмоциональным факторами;

3) *опережение эмоционального отклика* при интерпретации какого-либо объекта или явления в структурах обработки информации. Не осознавая воздействия эмоционального фона, на сознательном уровне человек оперирует логическими и рациональными ментальными конструкциями. Тем временем в структурах бессознательного идет сложная работа по преобразованию и верификации эмоциональных сигналов, полученных до того, как субъект смог выстроить ассоциативные связи и проанализировать ситуацию в пространстве, времени и окружении;

4) *эмоциональная основа памяти.* Некоторые исследователи выделяют категорию эмоционального опыта в структуре памяти человека, которая в общей интерпретации есть весь совокупный опыт субъекта. Его дифференциация по силе и интенсивности эмоций представляет скорее методологический интерес. Более ценно то, что любой опыт практически всегда подкрепляется набором ощущений, переживаний, представлений, настроения и т. д. Чем сильнее эмоциональная привязка, тем более отчетливым, наглядным и доступным с точки зрения воспоминания является опыт.

Процесс удовлетворения человеком своих эмоций можно проиллюстрировать следующей схемой (рис. 3).

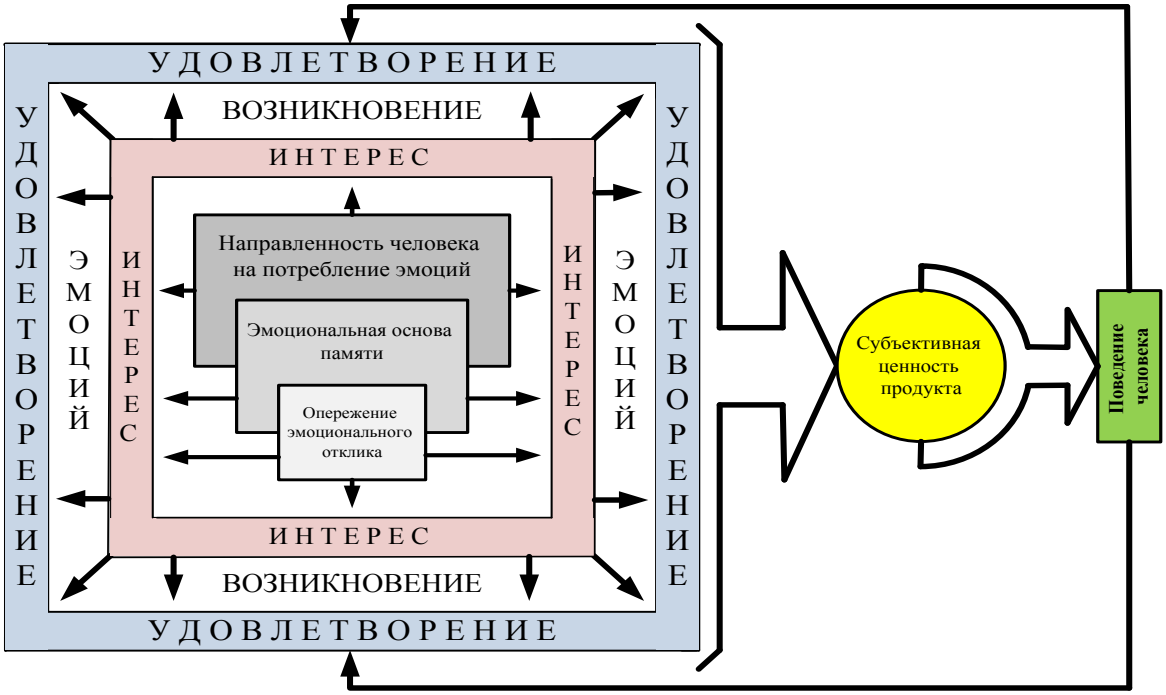


Рис. 3. Схема процесса удовлетворения человеком своих определенных эмоций

О рынке эмоций надо сказать следующее. Как утверждают К. Нордстрем, Й. Риддерстрале [3], в эмоциях сидят деньги. Доказательством экономической состоятельности эмоционального фактора в пространстве экономики является формирование отдельного экономического сегмента рынка – **рынка эмоций.** Некоторые исследователи рынок эмоций выделяют как отдельную категорию рынка, где покупки в товарных группах в большей степени детерминированы эмоциями потребителя [2]. Этот рынок относительно размыт и постоянно расширяется.

Впервые термин **«рынок эмоций»** был введен специалистами исследовательского агентства «QUANS Research». Он включает целую совокупность любых товаров и услуг, эмоциональная стоимость которых намного выше функциональной. Границы такого рынка четко не обозначены, поскольку количественное и качественное соотношение источников радости, удовлетворения и наслаждения составляют большую область активного потребительского выбора. Предметы роскоши, дорогие аксессуары, статусные и именитые бренды, предметы искусства, коллекционное оружие, дорогие яхты, редкий сорт комнатного растения или вещь знаменитости – это малая часть того, чем представлен рынок эмоций.

Следуя аналогии, к экономически высокой эмоциональной ценности можно отнести и определенные события в мире шоубизнеса и развлечений, компании с высокой стоимостью акций, знаменитостей и прочие виды развлекательной индустрии (кино, музыка, литература, медиа), где не требуется ни физической доставки, ни заблаговременного создания и хранения ассортимента на случай спроса, поскольку продукция уже эмоционально оцифрована. Именно высокий оценочный рейтинг, отражающий субъективное расположение, даже сверхрасположение, помогает развивать рынок эмоций.

Авторами предпринята попытка приблизительного анализа совокупного оборота товаров и услуг на российском рынке эмоций (рис. 4).

Рис. 4. Рынок «эмоций» в российском экономическом пространстве
(в годовом исчислении)

По нашим предположениям, ежегодный оборот товаров и услуг с высокой эмоциональной ценностью по приблизительным оценкам составляет свыше 150 млрд долл. Чем сильнее удовольствие, тем выше плата. Вот поэтому и платят впятеро за брендовые изделия, не осознавая при этом, что приверженность высоким маркам является неким патронатом над ними. При этом бренды работают как агрегатеры эмоций и гаранты доверия к множеству товаров, продающихся под их вывеской. Однако если какое-то изделие не оправдает покупательских ожиданий, тень подозрения падет на всю линейку данного бренда. Сфера услуг генерирует больший объем выручки, но если удастся учесть все брендовые товары с эмоциональным позиционированием, то сумма оборота товаров, на наш взгляд, будет больше.

Объем данного сектора рынка говорит о его достаточно важной роли в формировании ВВП страны и вообще о роли в экономике страны в целом.

Литература

1. Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая рука рынка. М.: АСТ, 2010.

2. Мазур Е. Е. Эмоциональный маркетинг: миф или новая маркетинговая концепция? // Маркетинг в России и за рубежом. 2012. № 1 (87). С. 16-27.

3. Нордстрем К. А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. М: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

С. А. Воронин

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ – ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В настоящее время отдельные страны СНГ осуществляют глубокие структурные преобразования (Российская Федерация,

Казахстан, Беларусь, Узбекистан и др.). В ближайшие годы им предстоит существенно модернизировать созданный потенциал и повысить его конкурентоспособность.

Мировой опыт показывает, что для реализации этих задач не следует допускать чрезмерного расслоения общества по уровню доходов. Необходимо также усиливать действие экономических стимулов, создавать благоприятную деловую среду для базовых отраслей экономики и малого бизнеса (промышленность, сельское хозяйство, строительство, ИКТ, образование и др.). Следует также сократить сферу теневой экономики, повысить эффективность бюджетных расходов, оказать поддержку малообеспеченным слоям населения, и в то же время не допустить чрезмерного иждивенчества.

Практика последних десятилетий убедительно показывает, что решить данные вопросы можно только в условиях функционирования регулируемой рыночной экономики, в которой усиливают свое действие такие инструменты, как конкуренция, цена, прибыль, налоги, ценообразование, процентная ставка, штрафные санкции, страхование, таможенные тарифы и другие рычаги. Среди них особое место принадлежит регулированию ценообразования, как наиболее действенному инструменту в условиях рыночной экономики. Используя данные рычаги, следует ориентировать деятельность хозяйствующих субъектов, юридических и физических лиц на эффективное использование материальных и иных ресурсов.

Необходимо отметить, что вопросы ценообразования в разные годы рассматривались в трудах таких известных экономистов, как Дж. М. Кейнс, Ф. Котлер, В. В. Леонтьев, К. Маркс, Дж. А. Маршалл, Дж. Ст. Милль, В. С. Немчинов, Н. Я. Петраков, Д. Рикардо, А. Смит, С. Г. Струмилин, С. Фишер, С. С. Шаталин. Существенное влияние на формирование научно-методологических основ регулирования ценообразования в условиях формирования рыночной экономики в Российской Федерации оказали исследования М. И. Гельвановского, Р. С. Гринберга, В. С. Немчинова, А. И. Татаркина, А. Г. Шеломенцева. В Узбекистане проблемы ценообразования исследовались в ра-

ботах И. И. Искандерова, Ф. К. Каюмова, П. Х. Насырова, А. С. Усманова, М. Н. Равшанова и других ученых.

Несмотря на проведенные исследования, отдельные методологические вопросы ценообразования требуют дальнейшего развития и адаптации к рыночным условиям. Кризисные ситуации, в которые «время от времени» попадают отдельные развитые и развивающиеся страны, целые регионы, свидетельствуют об имеющихся недостатках в важных политэкономических аспектах регулирования экономики (в частности в ценообразовании), которые негативно сказываются на практике. Так, на мировом рынке в настоящее время сложилась ценовая нестабильность, повышающая риски предприятий для расширения производства продукции с высокой степенью обработки.

Перед любым государством стоит задача выравнивания потенциала регионов, уровня жизни населения, что обеспечивает общие долгосрочные условия устойчивости социально-экономического развития экономики. Решение этих факторов также необходимо учитывать при разработке эффективного механизма регулирования ценообразования.

Следует как можно быстрее сформировать систему хозяйствования, в которой отечественные предприятия будут заинтересованы производить высокотехнологичные, конкурентоспособные товары с высокой степенью обработки, а на рынках будут господствовать одинаковые условия конкуренции, сглаженные с учетом природно-климатических, геологических и иных факторов.

Эффективное воздействие государства на процессы ценообразования создает дополнительные возможности для повышения роли цены в качестве инструмента ресурсосбережения, достижения экологической устойчивости, проведения активной социальной политики государства.

Регулирование ценообразования включает в себя установление государством определенных правил формирования затрат и финансовых результатов; осуществление регулирования уровня цен на определенные группы товаров и услуг. Важное значение для страны имеет разработка ценовой политики, которая реализуется при помощи различных механизмов, включая налоговый, кредитный, антимонопольный и др.

В Узбекистане ведущим правовым актом в сфере ценообразования является постановление Правительства РУз от 5.02.1999 г. № 54, в соответствии с которым было введено положение о составе затрат, включаемых в себестоимость продукции [3]. На основе решений Правительства, а также распоряжений финансовых и антимонопольных органов, государство регулирует цены на продукцию субъектов естественных монополий, предприятий-монополистов, на отдельные стратегические и социально важные товары (услуги). Также действуют нормативные документы, оказывающие как прямое влияние на ценообразование всех хозяйствующих субъектов (формирование затрат), так и регулирующие деятельность отдельных предприятий (монополистов).

За годы независимости в республике в целом созданы правовые и организационные основы регулирования ценообразования, что находит выражение в формировании отдельных ценовых блоков, в которых осуществляется государственное регулирование. Однако уровень эффективности регулирования цен до настоящего времени остается недостаточным. Монополисты без особых усилий получают разрешение на установление новых «повышенных» цен, обосновывая это ростом затрат на электроэнергию и другие базовые ресурсы. Рост «контролируемых» цен становится существенным фактором общего повышения цен в национальной экономике, что оказывает влияние на обменный курс национальной валюты и уровень жизни населения. Достижение стабилизации цен и инфляции затрат требует развития методологических основ ценообразования.

Рассматривая политэкономические аспекты ценообразования, необходимо отметить, что отдельные понятия теорий «факторов производства», «предельной полезности» и «стоимости» тесно взаимосвязаны. Если «труд» является субстанцией всех видов цен, то «предельная полезность» выражает субъективный процесс их формирования, который наиболее полно проявляется на конкурентном рынке.

Можно согласиться с мнением, что в рыночной экономике основополагающим, логичным правилом справедливого товарообмена является соблюдение требований закона стоимости. В случае, если фактические «цены реализации» приближены

к «стоимости» (общественно-необходимым затратам труда), то на соответствующем рынке возникают условия эквивалентного товарообмена. Абстрактная «стоимость», а также «цена производства» любого товара являются ориентирами для фактических «рыночных цен», по которым он будет продан или куплен.

В то же время «факторы производства» являются связывающим звеном объективных и субъективных оценок стоимости товара, что свидетельствует о взаимозависимости теорий «трудовой стоимости» и «предельной полезности». Это подтверждает, что ценообразование имеет как «затратный», так и «полезностный» характер. На монополизированных рынках цены формируются, как правило, на основе «затратности» (себестоимости продукции), а на конкурентных – «полезности» товара для потребителя (соотношения спроса и предложения). На рынках с высоким уровнем конкуренции создаются условия для максимального учета «полезности» реализуемого товара с учетом спроса и предложения, а уровень себестоимости товара здесь имеет минимальное значение.

В настоящее время в странах СНГ монополизированными преимущественно являются рынки сырья, энергоносителей, отдельных стратегических товаров и услуг (в странах с переходной экономикой широко распространен государственный монополизм). Производительность труда в этих отраслях во многом зависит от природно-климатических, геологических и других факторов, а факторы эффективности менеджмента имеют меньшую роль в ценообразовании. В этих сферах присутствует фактор «рентных отношений», т. е. государству необходимо изъять часть дохода, принадлежащего всему обществу (за использование недр, земли, водных и других природных ресурсов). Это также требует введения эффективной системы государственного регулирования ценообразования в данных отраслях экономики (чтобы не было потери ренты).

Для повышения устойчивости уровня цен «спроса и предложения», формирующихся на основе «полезностного» фактора, необходимо создавать условия для стабилизации цен на базовые товары (для Узбекистана это электроэнергия, природный газ, уголь, цветные металлы), стратегические (хлопок) и отдельные

социально важные виды продукции (хлеб, проезд в общественном транспорте, коммунальные услуги). По данным товарным группам цены должны формироваться не на основе «кривых» спроса и предложения, а методом их государственного регулирования с учетом системного, нормативного подхода. Для этого необходимо разработать эффективные стимулы и механизмы, действие которых должно быть направлено на ограничение необоснованного роста отдельных затрат и размеров прибыли предприятий, реализующих товары по регулируемым ценам.

Стабилизация цен на базовые товары и услуги, а также снижение налогового бремени на продукцию обрабатывающих и перерабатывающих отраслей экономики, улучшение деловой среды для крупных предприятий позволят создать условия для расширения производства конкурентоспособной продукции с высокой степенью переработки.

Необходимо отметить, что сложившийся механизм ценообразования, предусматривающий формирование прибыли пропорционально «вложенному капиталу» (на свободном рынке), а также пропорционально «производственной себестоимости» (на регулируемых рынках), в условиях глубокой специализации производства может привести к стоимостным диспропорциям в межотраслевом товарообмене (высокая доходность для одних, низкая – для других отраслей).

В условиях глубокого разделения труда необоснованный рост цен на сырье и энергоносители способствует удорожанию товаров, производимых в обрабатывающих и перерабатывающих отраслях промышленности. Усиление стоимостных диспропорций отражается на росте неплатежей, что создает необходимость использования налоговых льгот, межотраслевых финансовых взаимозачетов, «замораживания» отдельных видов цен, а также других квази-фискальных мер. При существующем механизме регулирования ценообразования высокоспециализированные предприятия вынуждены повышать цену на свою продукцию (услуги) в связи с индексацией ресурсных налогов и минимальной заработной платы.

Чем глубже развивается процесс специализации, концентрации и кооперирования производства, тем сильнее усиливает-

ся проблема обоснованного формирования и распределения прибавочного продукта (прибыли). В связи с этим в условиях глубокого разделения труда размер прибыли на продукцию предприятий, реализующих свои товары по регулируемым ценам, целесообразно регулировать пропорционально сумме «добавленных затрат» (в дальнейшем – ДЗ), включающих в себя расходы предприятия на оплату труда персонала и амортизацию основных средств (рис. 1).

Рис. 1. Добавленные затраты в условиях глубокого разделения труда

Если процесс ценообразования представить в виде «конвейера» издержек производства, то стоимость продукции в общем виде распадается на «материальные затраты, услуги сторонних организаций и некоторые другие расходы» и «добавленную

стоимость» (в дальнейшем – ДС), которая в свою очередь состоит из «добавленных затрат» и прибыли.

Категория «добавленные затраты», на наш взгляд, вытекает из понятия «добавленная стоимость», что является следствием развития специализации промышленного производства. ДЗ, включающие в себя текущие затраты предприятия на оплату труда и амортизацию основных средств, объективно определяют степень участия конкретного товаропроизводителя в суммарных затратах при производстве конечного продукта. Использование ДЗ позволяет более обоснованно оценивать величину прибыли в соответствии с вкладом товаропроизводителя в производство и реализацию товара (в особенности на монополизированных рынках). Если величину ДЗ рассматривать в совокупности со стоимостью материальных ресурсов, использованных в процессе производства, то данный показатель отражает полную себестоимость продукции (в дальнейшем – ПС), которая дает оценку эффективности использования всех факторов и ресурсов. Определение ДС, ДЗ, ПС позволит расширить информационный потенциал, необходимый для обоснованной оценки производственно-финансовой деятельности хозяйствующих субъектов, разработки гибких механизмов воздействия на рынки, на которых реализуется продукция по регулируемым ценам.

Таким образом, для сферы «контролируемых» (регулируемых) цен в целях достижения их стабилизации целесообразно использовать модель формирования «цен издержек производства», в основе которых – «добавленные затраты». В соответствии с данной моделью цена конкретного товара рассматривается как затраты предприятия на оплату использованных материальных и приравненных к ним ресурсов «МПЗ», а также добавленную стоимость «ДС», включающую в себя амортизационные отчисления основных средств «А», расходы предприятия на оплату труда персонала «ЗП» и прибыль хозяйствующего субъекта «П» (1):

$$\mathbf{Ц = МПЗ + А + ЗП + П} \qquad \mathbf{(1)}$$

В данной модели ценообразования размер прибыли предприятий, реализующих продукцию по регулируемым ценам,

формируется, как было отмечено выше, пропорционально сумме «добавленных затрат». При ценообразовании на основе данной модели ресурсные отчисления (за использование трудовых ресурсов, земли, воды, недр и др.) включаются в статью «МПЗ» и возмещаются за счет себестоимости продукции. Страховые и другие социальные отчисления, исчисляемые непосредственно с заработной платы персонала, учитываются в статье «ЗП» и также возмещаются за счет себестоимости. Инвестиционные ресурсы, предназначенные для восстановления основных средств, учитываются в статье «А», а также они могут формироваться за счет прибыли предприятия «П». В статье «П» учитывается «налог на прибыль» и «чистая прибыль», приходящаяся на единицу товара (или на весь объем реализованной продукции).

Предлагаемая модель формирования «цен издержек производства» имеет ряд преимуществ по сравнению с действующими подходами регулирования цен. Она создает возможности для усиления стимулирующей функции налогообложения (без широкомасштабного использования налоговых льгот); позволяет «выравнивать» себестоимость продукции предприятий, деятельность которых зависит от влияния природного и иных факторов [2].

В основе предлагаемой модели целесообразно использовать группировку затрат на производство продукции по экономическим элементам и статьям (матричная форма калькулирования), которая позволит без проведения дополнительных расчетов определять производственную и полную себестоимость продукции, амортизационные отчисления, фонд оплаты труда персонала, добавленные затраты. Целесообразность использования матричной формы уже отмечалась в экономической литературе [2]. Использование данной формы целесообразно при декларировании контролируемых цен. В условиях низкой инфляции данную группировку затрат предприятиям следует осуществлять не чаще одного раза в год.

Используемые методы регулирования ценообразования должны создавать условия, при которых деятельность хозяйствующих субъектов будет максимально застрахована от «ценовых спекуляций» и «шоков», происходящих, прежде всего, на финансовых, сырьевых и топливно-энергетических рынках. Со-

временная эффективная экономика не должна быть чрезмерно зависимой от резких колебаний на мировых рынках. Нельзя также полагаться только на развитие отдельных экспортно-ориентированных секторов в ущерб другим (за счет девальвации национальной валюты, налоговых льгот, субсидий, списания долгов и других мер для поддержки экспортеров). В случае обвала «спроса» на субсидируемые экспортные товары может произойти коллапс всей экономики и возникнут проблемы с формированием государственного бюджета.

В основе системы государственного регулирования цен должна находиться ценовая стратегия государства, направленная на достижение установленных приоритетов развития экономики. В этом случае появится возможность избегать противоречий как между отдельными элементами хозяйственного механизма и ценовой стратегией государства, так и между действием инструментов государственного регулирования цен внутри крупных ценовых блоков (продукция промышленности и сельского хозяйства, потребительские цены и доходы населения).

Механизм налогообложения также должен учитывать основные направления ценовой стратегии государства, которую целесообразно направить прежде всего на повышение конкурентоспособности высокотехнологичной продукции, экологической устойчивости и социального развития, на достижение стоимостной сбалансированности в межотраслевом товарообмене и реализацию стратегии ресурсосбережения [1].

Под влиянием предлагаемых мер по совершенствованию научных основ ценообразования и действующих инструментов в экономике постепенно повысится роль «цены» как эффективного рыночного инструмента ресурсосбережения, что снизит сферу действия командно-административных методов со всеми вытекающими последствиями. Формирование эквивалентного межотраслевого товарообмена позволит повысить загрузку производственных мощностей действующих и вновь вводимых предприятий (крупных и малых), что благоприятно отразится на проведении структурных преобразований, повышении уровня занятости и жизни, формировании средств госбюджета страны.

Литература

1. Воронин С. А., Садиков А. М. Проблемы регулирования ценообразования. Lambert Academic Publishing, 2014. С. 168-169.
2. Палий В. Ф. Основы калькулирования // Финансы и статистика. 1987. С. 143-144.
3. Положение о составе затрат по производству и реализации продукции (работ, услуг), включаемых в себестоимость продукции (работ, услуг) и о порядке формирования финансовых результатов: утверждено постановлением Кабинета министров РУз № 54 от 5.02.1999 г. // Финансовое законодательство РУз. Ташкент, 1999. № 3.

О. В. Губарь

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВИРТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Информационные технологии способствовали появлению и развитию нового социокультурного феномена – виртуальных миров компьютерных игр, в которых складываются экономические отношения по поводу таких нематериальных благ, как программное обеспечение, услуги коммуникационного характера и внутриигровые артефакты. Эти отношения из мира виртуального переходят в мир реальный и обратно, затрагивая все сферы жизнедеятельности. Сформировавшиеся в виртуальных мирах компьютерных игр вполне реальные социально-экономические отношения мы назвали симулятивной экономикой [3, с. 32], используя терминологию Ж. Бодрийяра [1].

Стремление людей к удовлетворению своих архетипических потребностей, недостижимых в реальном физическом мире, обеспечивает устойчивый интерес к виртуальным мирам. В World of Tanks, продукте компании «Wargaming Public Company Ltd.» из Белоруссии, зарегистрировано более 75 млн аккаунтов со всего мира. В виртуальном мире этой игры насчи-

тывается более 10,3 млн пользователей (геймеров) по всему миру, а работу системы поддерживает 502 сервера [11]. В World of Warcraft в 2010 г. было зарегистрировано 12 млн пользователей [8].

Исследовательская компания NPD Group опубликовала статистику, согласно которой количество ежемесячных активных пользователей MMORPG (геймеров) в США достигло 169,9 млн человек (около 55 % населения), в России – 16,6 млн чел., или 11 % [14].

Геймеры эволюционировали от детского и кажущегося бессмысленным для многих людей времяпрепровождения до социальной группы киберспортсменов. Правительством России признано общественное значение компьютерных игр. На открытии зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи неожиданно для многих в числе флагоносцев шел Алан «Alan» Енилеев, чемпион мира и неоднократный призер World Cyber Games по Need For Speed (виртуальные автогонки). Еще одним подтверждением осознания государством значимости компьютерных игр стало открытие в 2014 г. набора по специализации «Теория и методика компьютерного спорта (киберспорта)» в рамках направления «Физическая культура» (квалификация – бакалавр) на кафедре информационных технологий Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва) [10].

Новый быстрорастущий сегмент экономики – производство и реализация виртуальных благ – изменяет социально-экономическую структуру общества.

В исследованиях, посвященных экономике виртуальных миров, отмечается: «Все большее число людей получает доход от обслуживания потребностей, возникающих только в виртуальных мирах, например, создают виртуальную недвижимость, организуют деятельность виртуальных ночных клубов и т. п., а также оказывают услуги другим игрокам» [5, с. 98], «…обитатели Second Life <…> создают виртуальные бизнесы, которые приносят примерно трем тысячам жителей в среднем 20 тыс. долл. чистой прибыли в год» [12, с. 162]. Эксперты оценивают рынок виртуальной недвижимости (по сути – образы, которые можно

потребить, только глядя на экран монитора) в десятки миллиардов долларов, и не удивительно, ведь значительный сегмент современной рыночной экономики – это статусные, престижные и доставляющие удовольствие товары. Современное общество высоко оценивает такие статусные блага реального мира, как бриллианты, недвижимость на Лазурном берегу, сумки Birkin и т. п. К этому сегменту товаров для удовольствия относятся и виртуальные блага, а быстрый рост объемов их продаж отражает растущие масштабы виртуальных миров, меняющие структуру реальной экономики.

Производство виртуальных благ для продажи не требует высокой квалификации, практически любой пользователь компьютера после относительно небольших инвестиций в оборудование и при помощи нескольких простых действий может стать одновременно их потребителем и производителем. Р. Парлофф пишет о том, что в Мексике, Индонезии, Китае и Румынии существуют «мануфактуры» и «ремесленные мастерские», где работники за мизерную зарплату играют в компьютерные игры, снова и снова убивая какого-то одного монстра с единственной целью заполучить артефакты для продажи [9]. Многочисленные объявления типа: «Прокачка персонажей – быстро, выгодно, надежно», «Выгодный курс, любые суммы на всех серверах; постоянным клиентам – скидки» не подвергают сомнению существование таких «ремесленных мастерских».

Изготовление виртуальных благ компьютерных игр осуществляется и на вполне современных предприятиях – мегазаводах, где, например, изготовляются «танчики» компании Wargaming. Статистика объемов производства и продажи виртуальных благ не ведется, имеющиеся данные носят стохастический характер. Так, на сайте «Франция в России» приводятся такие данные: компьютерные игры производятся на 300 французских предприятиях, для этого создано 5 тыс. прямых и 10 тыс. косвенных рабочих мест; каждый месяц в данной отрасли открывается более 150 вакансий, охватывающих 28 специфических профессий, участвующих в процессе создания видеоигр (менеджмент, дизайн, графика, технологии, сопутствующие профессии и т. д.), что является важным признаком благополу-

чия сектора [13]. В офисах компании Wargaming в 11 странах мира работают более 2,2 тыс. человек. Штат крупнейшего в мире производителя компьютерных игр – компании Electronic Arts – составляет почти 5 тыс. человек, ежегодно эта компания создает виртуальных благ на 3 млн долл. [7].

Некоторые из MMORPG до такой степени лишены четко обозначенных целей, что их затруднительно классифицировать как игры. Например, виртуальный мир под названием Second Life не имеет ни сюжета, ни игровой цели, никто никого не убивает и не набирает очков, просто живущие в нем аватары получают технологические возможности для созидания. В отличие от других виртуальных миров, Second Life позволяет человеку не просто выбирать из меню картинки аватаров или готовые дома, а как в конструкторе Lego изготавливать, скажем, одежду или создавать витрины магазинов и вообще заниматься чем угодно, будь то услуги фитнес-тренера или флориста. Эта игра – уже не только способ проведения досуга, но и форма самореализации.

Огромное количество актуальной и измеримой информации, поставляемой видеоиграми, может быть использовано в экономической теории. Производители игр располагают всеми данными об экономических действиях геймеров – всех сделках, всех предложениях о сделках и пр. Это мощная эмпирическая база для исследователей. В реальном мире трудно смоделировать определенные экономические условия по этическим и прагматическим соображениям, хотя в разные времена и в разных странах экономические эксперименты проводились. Но обычно ученые анализируют результаты «естественных экспериментов» – когда информацию предоставляют случайные события и неожиданные совпадения. В симулятивной экономике нежелательных последствий экспериментов можно избежать, а возникшие кризисы дают ценные данные о поведении человека. Но есть одна проблема – в этом нужно заинтересовать бизнес.

На начальных уровнях компьютерных игр в симулятивной экономике функционирует стихийно возникающий свободный рынок, и аватары в условиях недостатка ресурсов и информации о конъюнктуре рынка рационализируют свои экономические решения, что, как и в реальности, приводит к существенному

перераспределению ресурсов в пользу сильнейших игроков. Эксперт по Eve Online Э. Гудмундссон говорит про игру: «…это огромная виртуальная песочница, в которой игроки придумывают правила игры почти без всяких ограничений со стороны создателей. Мы просто предоставили площадку из нескольких тысяч звездных систем. Моя команда выполняет функции Центробанка, федерального агентства статистики и министерства финансов, мы владеем всем объемом информации об экономической активности игроков, но не всегда можем предсказать экономическую ситуацию в Eve. Очень похоже на реальную жизнь» [4].

Методология исследования экономического поведения, основанная на концепциях рациональности и предельной полезности, не применима в симулятивной экономике: ее артефакты/блага имеют важное отличие от благ в реальной экономике – они способны увеличивать свою ценность/стоимость в период использования. В то время как материальные блага из-за физического и морального износа теряют свои потребительские качества, и даже объекты интеллектуальной собственности теряют свою ценность, полезность и ценность виртуальных объектов только увеличивается. Например, полученный в ходе прохождения игры некий артефакт может усиливать свои свойства при улучшении характеристик персонажа или путем его обучения. Кроме того, в симулятивной экономике предельные издержки производства любого товара равны нулю.

Виртуальные блага не обладают свойством редкости, так как могут быть изготовлены многократно с ничтожными издержками. В реальной экономике основной проблемой является ограниченность ресурсов. В симулятивной же экономике ограничены не привычные экономические ресурсы, а временнЫе, когнитивные, эмоциональные. «Общественное отношение к этим активам как к ресурсам только-только начинает формироваться. Пока же люди не слишком ценят даже такую счетную субстанцию, как свое свободное время» [6, с. 17].

В ходе хозяйственной деятельности в симулятивной экономике формируется общество. Между членами общества по поводу присвоения благ возникают отношения собственности. При формировании прав собственности на виртуальные блага возни-

кает множество еще не имеющих прецедента решения проблем. С одной стороны, реальными собственниками в виртуальных мирах видеоигр являются владельцы игры, оплачивающие работу физических серверов, на которых расположены виртуальные блага, создающие и поддерживающие программное обеспечение. С другой стороны, если обратное не прописано в лицензионном соглашении, собственником виртуальных благ становится геймер. Несмотря на отсутствие формального института собственности, объекты симулятивной собственности продаются и покупаются на вторичных рынках, а обмен виртуальной валюты на реальную по установленному в игре курсу предоставляет возможность игрокам при наличии предпринимательского таланта увеличить свое благосостояние в обоих мирах – виртуальном и реальном.

Виртуальные миры многопользовательских онлайн-игр представляют собой динамично развивающиеся системы, обладающие собственной институциональной средой, набором поведенческих образцов, самозарождающимися институтами и т. д. В симулятивной экономике формируются институты, не зависящие от разработчика, например, в ходе хозяйственной деятельности в Eve Online аватары сформировали крупные структуры, стремящиеся монополизировать рынки сырья, которое используется для производства промышленных изделий и вооружения. Для этого они используют промышленный шпионаж, диверсии, мошенничество, заказные убийства. Но есть и аватары, заслужившие доверие среди игроков – они осуществляют финансовые сделки, ведут переговоры о перемириях.

По мере усложнения экономических отношений и роста уровня дифференциации видов хозяйственной деятельности в экономике игр возникают организации – объединения аватаров (гильдии, легионы, аналоги общин или местных сообществ), численность которых варьируется от 2-3 человек до 50 и больше. Так же как в реальной экономике, организации представляют собой иерархическую систему социальных отношений, ориентированную на достижение общих целей, обладающую собственными ресурсами и нормами поведения, в рамках которых члены организации выполняют отведенные им функциональные роли. В игровых объединениях функциональные роли четко

распределены и закреплены (например, бригадный генерал, легат, центурион, солдат, волонтер), что способствует снижению трансакционных издержек внутри организации и более эффективному распределению ресурсов. Формируется общее хранилище и общий счет, позволяющие всем участникам использовать артефакты, ставшие коллективной собственностью (доспехи, оружие, зелья, провиант и пр.) и избавляющие аватаров более низких уровней от необходимости приобретать их для своего развития.

Логика формирования правил/норм поведения позволяет использовать для изучения симулятивной экономики неоинституциональную методологию. Перспективным направлением исследований микроуровня симулятивной экономики нам представляется анализ эффективности внутриигровых объединений на основе использования методологии Коуза, сравнившего трансакционные издержки основных механизмов распределения и перераспределения ресурсов – рынка и иерархии. Идею о применимости идей Коуза к функционированию Интернета первым высказал Дон Тапскотт [15].

В экономической теории в 1980-х гг. сформировалось направление «экспериментальная экономика». Его представители проводили эмпирическое тестирование индивидуальных кривых безразличия и теории индивидуального выбора (И. Фишер), осуществляли лабораторные эксперименты рыночных структур (Э. Чемберлин) и т. п., исследуя человеческое поведение и тестируя прогнозы экономической теории. Анализ социального поведения в лабораторных условиях не позволяет получить объективные выводы, а социальные эксперименты на практике, как правило, влекут за собой тяжелые последствия для отдельных стран или народов. Однако в виртуальных мирах проведение подобных экспериментов возможно, и полученные выводы могут расцениваться как адекватные реальности, так как виртуальные миры создаются людьми, и решения в нем принимают те же люди, что и в реальном мире. Упоминавшийся выше эксперт по виртуальному миру Э. Гудмундссон считает, что если вы можете наблюдать мир, в котором одновременно находятся 60 тыс. человек (а общее число игроков Eve Online приближается

к 500 тыс.), это больше, чем эксперимент или симулятор, – это целая вселенная.

Симулятивная экономика может стать полигоном для экспериментальных исследований. Например, мы могли бы предложить геймерам World of Warcraft или Eve Online принять участие в простом эксперименте, способном решить проблему индивидуального и общественного выбора. Игрокам можно предложить определенную сумму и предоставить выбор: использовать ее на личные нужды или положить деньги в общий банк, пообещав их значительное увеличение, а затем уравнительное распределение. Было бы интересно посмотреть, как люди принимают решение, выявить их мотивы.

Серьезной и все более усиливающейся проблемой современной экономики являются регулярно возникающие финансовые пузыри. В прессе сообщается, что объем рынка финансовых деривативов достиг 710 трлн долл. (половина приходится на четыре ведущие банковские корпорации: JP Morgan Chase, Bank of America, Citibank и Goldman Sachs) [2]. В реальной жизни достаточно трудно отследить механизм развития финансовых пузырей, но в играх можно манипулировать ценами виртуальных благ и наблюдать ответную реакцию. Это сможет обеспечить верификацию существующих теорий монетарного регулирования.

Симулятивной экономике свойственна высокая нестабильность. Так, при появлении новых квестов и свойств, способствующих резкому увеличению спроса на отдельные артефакты и прибылей продавцов, возникает феномен шокового спроса. Нестабильность симулятивной экономики обусловливает перспективность применения для ее исследования теории экономики неопределенностей.

Таким образом, возможности, которые открывает симулятивная экономика – особая сфера экономических отношений по производству, обмену, распределению и потреблению виртуальных благ, складывающихся в виртуальных мирах многопользовательских онлайн-игр и сетей, – для экономической науки практически безграничны – экономический эксперимент, апробация методов регулирования экономики, моделирование человеческого поведения и др.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Librusek, 2012. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation. shtml//
2. Глазьев С. Решительно, жестко и точно // Сайт Московского экономического форума. URL: http://me-forum. ru/media/news/2997/ (дата обращения: 29.07.2014).
3. Губарь О. В. Симулятивная экономика как новый объект экономических исследований // Экономическая наука современной России. 2013. № 2.
4. Гудмундссон Э. Счет по игре. URL: http://esquire. ru/games-96 (дата обращения: 25.07.2013).
5. Дмитриева В. Д. Монетарная и фискальная политики в симулятивной экономике // Экономические и гуманитарные исследования регионов. Пятигорск, 2014. № 2.
6. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. М.: Инфра-М, 2006.
7. Интересные факты о компьютерных играх. Опубликовано 10.06.2013. URL: http://interesource.ru/raznoe/interesnye-fakty-o-kompyuternyx-igrax/
8. Новое обновление добавило World of Warcraft 600 тысяч подписчиков. URL: http://lenta.ru/news/2014/10/15/wowsubscriptionincrease/
9. Парлофф Р. Доллары из мегабайтов. Январь 2007 г. URL: http://transinkom.ru/archive/12/256/ (дата обращения: 22.11.2012).
10. Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма [Сайт] // URL: http://www.sportedu.ru/ (дата обращения: 25.07.14).
11. Статистика World of Warcraft. URL: http://games.cnews. ru/lenta/610818 (дата обращения: 16.03.12).
12. Тапскотт Д., Энтони Д. Уильямс. Викиномика как массовое сотрудничество изменяет все / пер. с англ. П. Миронов. М.: BestBusinessBooks, 2009.
13. Франция – второй по величине производитель видеоигр в мире. 30.04.2014 // Франция в России [Сайт]. URL:

http://www.ambafrance-ru.org/Franciya-vtoroj-po-velichine (дата обращения: 13.08.14).

14. Russia digital games market report. URL: http://www.super-dataresearch.com/market-data/russia-digital-games-market/ (дата обращения: 05.09.2014).

15. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. N. Y.: McGraw-Hill, 1995.

Е. В. Харитонова

МИФЫ И РЕАЛИИ ОТНОШЕНИЙ ТРУДА И КАПИТАЛА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Вся история хозяйственного развития человеческой цивилизации связана с противоречивым взаимодействием труда и капитала. Единство и противоречия труда и капитала выступают источником, движущей силой не только социально-экономического, но и в целом общественного развития. Наиболее острое проявление единства и противоположности труда и капитала, их борьбы мы видим в XX в. Последнее связано с тем, что в данный период времени капитализм вступил в новую фазу развития, характеризующуюся усилением концентрации капитала, увеличением масштабов производства, выходом капитала за рамки национальных границ, развитием международной кооперации труда, интернационализацией производства. Все это обусловило усиление профсоюзного движения за права работников во всех странах, имеющих относительно развитый промышленный сектор. Вследствие интенсивного нарастания противостояния капитала и труда в первой половине XX в. произошли качественные изменения национальных экономических систем, что выразилось, с одной стороны, революционной сменой капиталистической системы социалистической системой, а с другой – эволюцией капиталистической системы хозяйствования, воплотившейся в конечном итоге в национальных моделях «государства всеобщего благосостояния».

Не вызывает сомнений и тот факт, что все современные социальные завоевания капиталистической системы во многом обусловлены установлением альтернативной ему социалистической системы. Таким образом, относительное равновесие между трудом и капиталом в условиях концентрации капитала было достигнуто посредством укрепления позиций труда.

Однако на сегодняшний момент переход основной части стран социалистического лагеря к капиталистической системе хозяйствования служит одним из основных аргументов относительно обоснования преимуществ капитализма и безальтернативности развития в рамках других систем хозяйствования. В этой связи английский ученый А. Гидденс пишет: «Сегодня уже никто не предлагает альтернативы капитализму. Спорные вопросы, которые остались, относятся к тому, насколько и каким образом капитализм должен управляться и регулироваться» [7].

Вместе с тем интенсивное развитие научно-технического прогресса, затрагивая все сферы жизнедеятельности человека, преобразует капиталистическую систему в новое качество (постиндустриальную систему хозяйствования): снижение роли материального производства, выразившееся, в частности, в уменьшении его доли в совокупном общественном продукте, развитие сектора услуг и информации, изменение мотивов и характера человеческой деятельности, появление нового типа вовлекаемых в производство ресурсов, существенную модификацию всей социальной структуры.

В данной системе теоретики нового капитализма основные противоречия новой системы хозяйствования связывают с жесткой дифференциацией наемного труда: получателем высокого дохода является креативный наемный труд – люди высокоинтеллектуального труда, т. е. имеющие творческую направленность, а получателем значительно более низкого дохода – квалифицированный и низкоквалифицированный труд, не связанный с творчеством. Значительную разницу в доходах объясняют тем, что именно креативный класс является производителем новых технологий и новых продуктов, соответственно, именно он предопределяет вектор экономического развития. Поэтому основное противоречие, согласно мнению представителей запад-

ной либеральной мысли, выражается в том, что разница материального и социального положения между данными видами труда обусловлена не экономическим господством, а интеллектуальным, которое неотделимо от человека. В результате очень низка доля вероятности мобильности между ними, тем самым они противопоставлены по отношению друг к другу, что затрудняет экономическое развитие.

Наряду с переструктурированием «класса наемных работников» западная мысль указывает на формирование новой элиты, «господствующего класса постиндустриального общества», под которой понимают «социальную общность, объединяющую носителей информации о производственных процессах и о механизме общественного прогресса в целом». Таким образом, наблюдаются процессы поляризации общества, балансирующего между двумя полюсами – автономной элиты (владельцев уже не материальных, а прежде всего интеллектуальных и информационных ресурсов) и не имеющих жизненных гарантий представителей низших слоев, которые не участвуют уже в производстве прибавочной стоимости продукта. Неслучайно З. Бауман пишет: «Новым богачам бедняки не нужны» [1]. Значит, исчезает даже иллюзия защищенности низших слоев, их надежда на возможности поддержки со стороны власть имущих. В результате новой элите для своего самооправдания уже не нужен низший класс, поскольку она становится все более автономной, тем самым размывается конфликт между трудом и капиталом. Соответственно можно говорить, что в новой системе хозяйствования терпят крах идеи «государства всеобщего благосостояния» [6]. Однако данные выводы подходят в большей степени для отраслей высоких технологий и сферы услуг (не включаем сюда образование и здравоохранение), составляющие основу постиндустриальной системы хозяйствования, которые в развитых капиталистических странах слились в единый кластер по таким направлениям деятельности, как, например, финансы и банковское дело, реклама, высокие технологии, индустрия развлечений, научно-исследовательская деятельность, проектирование новых изделий и услуг, радио, телевидение, Интернет и т. д.

Бурное развитие данных отраслей с образованием кластера в западных капиталистических странах стало возможным благодаря высокому уровню капитализации экономики, что обусловило их конкурентные преимущества перед развивающими странами в данном кластере, требующем огромных финансовых вложений, т. е. находящемся в наиболее тесной привязке к финансовому капиталу. Это позволило им стать монополистами в данном сегменте экономики, получая высокую норму прибавочной стоимости.

Вместе с тем более детальное рассмотрение данной ситуации показывает, что кластер отраслей постиндустриальной системы хозяйствования, несмотря на активное применение компьютеров, Интернета, программного обеспечения, электронных коммуникаций, развлекательных массмедиа и т. п., практически не способствовал росту реальной производительности труда для большей части других секторов экономики. При этом можно согласиться с учеными, что развитые страны вынуждены развивать и поддерживать монополию на данный кластер, так как это единственный для них стабильный источник высокого дохода, ведь практически все отрасли реального сектора данных стран не выдерживают конкуренции с развивающимися странами (Китай, Индия, Корея). Вместе с тем развивающиеся страны быстрыми темпами за счет развития реального сектора увеличивают уровень капитализации своей экономики, что свидетельствует о возможности утраты монополии развитых стран и в отраслях постиндустриальной экономики. Поэтому неудивительны совместные усилия развитых западных стран «под прикрытием благих намерений» различными экономическими, политическими, военными средствами замедлить, остановить данное развитие.

В этой связи постиндустриализм, по нашему мнению, не является новым этапом развития в силу его фрагментарности. Вместе с тем, несмотря на некоторое размывание противоречий отношений труда и капитала, нельзя утверждать, что их нет, просто они видоизменились и перешли в несколько иную плоскость.

С одной стороны, главенствующая роль в крупном капитале с конца XX в. по настоящее время принадлежит транснациональным корпорациям. Хотелось бы отметить, что власть капи-

тала носит уже тотальный характер, так как он персонифицирован достаточно узкой группой глобальных игроков, сращенных с национальными системами стран «Большой семерки» (прежде всего США).

С другой стороны, несмотря на жесткую дифференцированность наемного труда, эксплуатация характерна для всех его видов, так как глобальная гегемония капитала на сегодняшний момент предполагает подчинение и креативного наемного труда, которое происходит не просто посредством купли-продажи рабочей силы, а через подчинение личности работника. В этой связи российский экономист А. В. Бузгалин отмечает, что «творческий потенциал, талант, образование – вся жизнь человека-профессионала присваивается современной корпорацией в первом мире; это полукрепостнические методы эксплуатации, запирающие работников в гетто отсталости» [2].

В итоге можно сказать, что противоречия отношений труда и капитала по своему характеру достаточно многосложны и неоднозначны и перешли снова в фазу обострения. Их урегулирование и согласование посредством института социального партнерства все менее и менее эффективно, так как государство в условиях диктата капитала практически не регулирует социально-трудовую сферу, занимаясь в лучшем случае активной социальной защитой населения.

И основной вопрос, от разрешения которого, на наш взгляд, зависит сама возможность дальнейшего социально-экономического развития всех стран, в том числе и так называемых постиндустриальных стран, – это вопрос оплаты труды, его адекватной оценки в современных условиях и места заработной платы в системе распределения доходов.

На проблему неравенства и тренда на снижение оплаты труда и неоправданный рост доходов от капитала обращают внимание многие ведущие ученые. В частности группа из 30 авторитетных экспертов во главе с Жаном-Полем Фитусси и Джозефом Стиглицем в докладе «Заработная плата в мире в 2010-2011 гг.». Бюро МОТ показывает, что неадекватность оплаты труда, связанная с резко возрастающей ее дифференциацией и сокращением ее доли в доходах населения, лежит в основе

все более возрастающего с каждым годом неравенства по доходам. Это подтверждают и доклады Бюро МОТ «Заработная плата в мире в 2012-2013 гг.», «Заработная плата в мире в 2014-2015 гг.». Так, согласно последним исследованиям Бюро МОТ, в группе экономически развитых стран в целом в период с 1999 по 2013 г. рост реальной заработной платы отставал от роста производительности труда. С середины 1990-х гг. по настоящее время в развитых странах рост средней реальной заработной платы на протяжении всего периода оставался низким или отрицательным. При этом наблюдается сокращение доли труда в структуре доходов населения развитых стран [3].

В этой связи падение во многих развитых странах в доходе доли заработной платы и увеличение спекулятивного капитала отражает проблему построения сбалансированной экономики, в которой бы труд являлся главным и основным ее источником [5]. Неслучайно британская благотворительная организация Oxfam перед форумом в Давосе 2015 г. в своем отчете поднимает проблему угрожающего роста имущественного неравенства. Так, по данным этой организации, в 2009 г. 1 % населения планеты владел 44 % мирового богатства, а в 2014 г. – уже 48 %. Между тем имущество и капиталы 80 % населения планеты – это на данный момент всего 5,5 % мирового богатства. Если текущие тенденции сохранятся, к 2016 г. богатейший 1 % будет владеть более чем половиной мирового богатства [4]. Об этом пишет и французский экономист Томас Пикетти в своем нашумевшем исследовании «Капитал в XXI» [8]. В частности он отмечает, что люди с высокими доходами копят и вкладывают деньги, получая доход с капитала, позволяющий им забрать часть прибыли у тех, кто вынужден полагаться исключительно на заработную плату. Всего через несколько поколений такое аккумулируемое богатство становится доминирующим фактором экономики, социальной и политической структуры общества. По мнению Томаса Пикетти, именно неравномерное богатство консервирует неравенство в обществе, переходя по наследству в виде активов или инвестиций.

На наш взгляд, трудно не согласиться с нобелевским лауреатом по экономике К. Писсаридесом, который отмечает: «Если

мы увидим конец капитализма, то, скорее всего, из-за того, как капитализм приводит к дальнейшему росту неравенства» [4]. И действительно, при такой концентрации богатства и диспропорциях в структуре доходов в пользу капитала экономика в принципе не может быть эффективной.

Вместе с тем предлагаемые на сегодняшний момент подходы относительно решения проблемы угрожающего роста неравенства, затрагивая разные аспекты этого сложного явления (например, увеличение налогов на «богатых», введение налогов на финансовые трансакции, поддержка коллективных договоров, ужесточение антимонопольного законодательства и т. д.), не касаются противоречий отношений труда и капитала. Ведь, по сути, перераспределению подлежит оставшаяся часть общественно-произведенного дохода.

На наш взгляд, уместен более системный подход к исследованию неравенства, затрагивающий глубинные противоречия в отношениях труда и капитала, что предполагает:

1) необходимость адекватной оценки труда, в том числе и труда креативного класса, занимающегося воспроизводством инноваций. Это означает, что заработная плата должна быть тесным образом привязана к производительности труда. При этом оценка труда и креативного класса также должна находиться в зависимости от производительности труда. Только в данном случае этот показатель используется в контексте того, как влияет на него инновация: увеличивает его или нет. Это указывает на необходимость оплаты труда креативного класса дифференцированно на основе оценки результатов от введения данных инноваций с позиции повышения эффективности экономики, в которой центральным показателем будет являться производительность труда;

2) нивелирование роста отчужденности труда от капитала и доходов от капитала. В этой связи хотелось бы отметить необходимость содействия развитию кооперативной формы предпринимательства, в динамике развития которой наблюдаются последние десятилетия негативные тенденции;

3) содействие развитию социальной мобильности, или социальных лифтов, посредством формирования социальных инсти-

тутов на принципах социальной справедливости и оптимального распределения ресурсов. Так, в частности, необходимо формирование институтов качественного образования и культуры, охватывающих не только группу лиц с высоким уровнем дохода, но и в целом всех желающих учиться.

Таким образом, на наш взгляд, без разрешения противоречий в отношениях труда и капитала невозможно решить проблему неравенства и построить эффективную и сбалансированную систему хозяйствования.

Литература

1. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
2. Бузгалин А. В. Социально-экономические противоречия постиндустриального общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. СПб., 2002. № 1 (5).
3. Заработная плата в мире в 2010-2011 гг.: политика в области заработной платы в период кризиса: доклад ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2012.
4. Писсаридес К. Капитализм приводит к росту неравенства». URL: http://www.eg-online.ru/article/272400/
5. Харитонова Е. В. Дифференциация заработной платы как проблема экономической системы постиндустриального общества // Проблемы социально-экономического развития России на современном этапе: мат-лы V ежегод. всерос. науч.-практ. конф. (заоч.). 2012. С. 331-338.
6. Beck U. Schone neue Arbeitswelt Vision: Weltbburgergesellschaft. Frankfurt am Main; N. Y.: Campus Verlag, 1999.
7. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.
8. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 696 p.

К. В. Астахов

ПАРАДИГМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Заслуживающей внимания проблемой, по нашему мнению, является экономическое развитие России в условиях смены вековых институциональных циклов. Если кто-то думает, что в современных условиях суверенность национального развития есть привилегия только развитых стран, а для остальных мейнстрим в форме глобализации и интернационализации, это совсем не так. Возрождение российской государственности и союза между бывшими республиками СССР, растущая равноправная интеграция стран БРИКС, ШОС, развитие региона АТР есть тому яркий и убедительный пример. Необходимо заметить, что современное развитие мировой экономики свидетельствует о невозможности полностью выстраивать эффективную внешнеэкономическую политику путем навязывания узкоконъюнктурных постулатов, в чем заключается англосаксонская модель мирового развития. При этом борьба за лидерство была, есть и будет. Однако печально, когда лидерство становится не движущий силой развития, а уделом избранного, навязывающего собственные правила игры, что хорошо показывают действия мирового англосаксонского сообщества.

Рассматривая структурные сдвиги центров сил на мировой арене, можно отметить, что мировая экономика переживает институциональный кризис, связанный с переходом на новый технологический уклад ряда развивающихся стран АТР, а также через полемику гонки вооружений и увеличения военной напряженности в ряде регионов мира англосаксонским мировым сообществом. Так, например, в 70-80-е гг. XX в., за счет развития гонки вооружений был сформирован сильный фундамент информационно-телекоммуникационных технологий, центром развития которых стали США, что, в свою очередь, обеспечило им доминирующее положение в мире. Похожая ситуация проис-

ходила и в 30-е гг. XX в. через милитаризацию европейских государств. Данное стечение дел академик РАН РФ С. Ю. Глазьев описывает с позиции смены не только технологического уклада мировой экономики, но и с позиции смены вековых институциональных циклов. Как правило, при смене одного институционального цикла на другой происходили крупные войны. Например, первый вековой цикл обусловлен военными противостояниями между Англией и Испанией (XVII-XVIII вв.), при этом мировым лидером на данном этапе времени стала Голландия. Второй цикл присущ XIX в. – время Французской военной экспансии в Европе, противостояние с Россией, как следствие – доминирование Англии. XX в. характеризуется третьим институциональным циклом. Данному циклу присущи две мировые войны, где основные потери в противостоянии понесли Россия и Германия, при этом доминирования добилась третья сторона в лице США. Исходя из цепочки смены институциональных циклов видно, что страны, получавшие доминирующее положение, прямым образом в противостоянии не принимали участие, что обеспечивало им возможность геополитического прорыва. В современных условиях видно, что Китай выходит на мировую арену в данном амплуа, что для нас является серьезным подспорьем в развитии нашей экономики.

Говоря о развитии нашего государства в условиях смены вековых институциональных циклов, считаем необходимым отметить немалую роль проблемы формирования соответствующего этнического образа российского общества. Разрозненность, отсутствие истинных ценностей, перекодирование общественного сознания в сторону мнимой свободы и свободы во всем спектре общественных отношений, безусловно, есть вызов развитию национального хозяйства в современных условиях. Давайте зададимся вопросом, а может ли экономика, как форма общественных отношений, строится только на принципах получения ренты? Однозначно – нет. Однако нас на это постоянно подталкивают (формирование бездумного общества потребителей), что, в свою очередь, ведет к отсутствию государства с национальным смыслом. Поэтому процесс формирования самоидентичности есть категория необходимой достаточности, роль

которой увеличивается как раз на смене институциональных вековых циклов.

С учетом сложившихся проблем в нашей стране, обусловленных как экзогенным, так и эндогенным характером, возникает вопрос: есть ли потенциал у российской экономики? Считаем, что, безусловно, есть. И это обусловлено рядом факторов. Во-первых, промышленная компонента национального хозяйства работает не на полную мощность, всего лишь на 2/3 своего потенциала. Например, уровень загрузки производственных мощностей в секторе машиностроения варьирует от 40 до 60 %. Во-вторых, как отмечает академик РАН РФ С. Ю. Глазьев, в секторе промышленности имеется скрытая безработица, что дает возможность для промышленности увеличить выпуск продукции на 20 %, не прибегая к привлечению дополнительной рабочей силы. В-третьих, обширные запасы необходимых природных ресурсов для экономического роста. В-четвертых, отсутствие объективных причин для снижения объемов производства и инвестиций, особенно в Дальневосточном округе. В-пятых, человеческий капитал.

Важно понять место и роль государства вообще и в частности России в развитом мире и во всем современном театре геоэкономических интересов. Разработанные антигосударственные и принятые догмы политико-экономического развития российской государственности в 90-е гг. XX в., политика либерализации внешней торговли, приватизация и жесткая денежная политика в направлении прироста иностранного капитала, безусловно, нанесли практически непоправимый вред стране. Отрыв финансового сектора от реальных хозяйственных связей ввел страну в стадию жесткой рецессии. Удивительно то, что даже через 10 лет отстраненность государства от экономики все еще сказывается на современном развитии. Заметим, что данное стечение дел во многом и определило отстающее положение нашей экономики на мировой арене в конце XX и начале XXI вв.

Геоэкономическая напряженность и нежелание англосаксонского сообщества рассматривать партнеров как равных во многом и объясняют сложившуюся картину мира. Дестабилизация государственности, а где-то и полная ее ликвидация (в ряде

арабских стран) привели к появлению радикально настроенных исламских масс, что на сегодняшний день является угрозой мира на всем евразийском континенте. При этом хочется отметить, что хаос, искусственно созданный в ряде арабских стран, принес вред не только им, но и Европе как таковой. Все мы видим увеличение беженцев, которые нескончаемым потоком хлынули в так называемую развитую Европу. При этом, захлебываясь в решении данной проблемы, Европа теряет геоэкономические позиции в пользу США. Напрашивается вопрос: это стечение обстоятельств или холодный и прагматичный план? Для нас же был уготовлен план в рамках принижения геополитического влияния посредством умерщвления законной власти на Украине и привидения к ней радикально настроенных по отношению к России масс. Но план не реализовался и не втянул Россию в полнофункциональный конфликт, тем самым не дав начала новому этапу гонке вооружений. Поэтому в рамках современного геополитического театра роль России как ядерной сверхдержавы увеличивается, чем мы и должны пользоваться при формировании мира на континенте и не только.

В условиях обострения актов современного театра геоэкономических интересов считаем, что национальный консерватизм с умеренным геополитическим доминированием является условием сохранения национальной самоидентичности и устойчивого развития государства. Безусловно, Российская Федерация является этно- и монокультурной страной, отсюда формируется особая миссия российской государственности. Невзирая на самые высокие запасы природных ресурсов в мире, российская экономика является одной из самых привлекательных для частного инвестирования. Для этого много сделано и делается. Например, точка развития национального хозяйства в нашей стране смещается на восточные территории, что обуславливает ее как фронтир будущего экономического роста: введение механизмов свободных экономических зон, ТОРов, проекта «Транс-Евразийский пояс RAZVITIE», свободных портов и т. д. есть тому убедительный пример. Отсюда возникает необходимость прагматичного и методичного отстаивания национальных интересов в данном регионе мира (Азиатско-Тихоокеанский регион).

В современном глобализирующемся мире соблюдение национальных интересов становится главным условием сохранения суверенитета страны. Сегодня можно констатировать, что концепция глобализации и интернационализации мирового хозяйства претерпела качественные изменения и превратилась в механизм доминирования одного полюса мира.

Введение санкций со стороны ряда стран, безусловно, не привели к ожидаемому результату. Нельзя не признавать, что с экономической точки зрения потери есть, но с идеологической произошел рост усиления общественной скрепы в области осознания национальной принадлежности, что в расчет при введении экономического эмбарго не бралось или вовсе не рассматривалось как детерминант.

Говоря о национальных приоритетах, хочется отметить тот факт, что российская экономическая система характеризуется специфическими противоречиями. Например, наличие высокого человеческого и природного богатства при незначительном производственном капитале или, как это обычно называют, производственных фондов. Данное противоречие свидетельствует о том, что при наличии соответствующих ресурсов нет возможности производить и обрабатывать их, следовательно, формируется низкая производительность труда (в российской экономике она ниже в 4 раза, чем у развитых стран), высокая энергоемкость (в 3 раза выше), низкое использование природно-ресурсного потенциала. Как отмечает академик РАН РФ С. Ю. Глазьев, в нашей экономике на одну единицу природного ресурса производится в 10 раз меньше товаров и услуг. Поэтому роль санкций к этому и сводилась – не дать России доступ к новейшим мировым технологиям, так как, имея ресурсы и технологии, рост и конкурентоспособность национального хозяйства не остановить. Следовательно, экономики развитых стран при тех же равных условиях останутся не у дел. Этим во многом и обоснована вышеописанная политика санкций в отношении нашей страны.

Большая проблема состоит в уходе от категории дела в экономике в категорию спекуляции на финансовом рынке. Не секрет, что сегодня рентабельность в обрабатывающей промыш-

ленности составляет 5-6 % в год, а в финансовом – 100 %, поэтому капитал туда и направляется, чтобы получить как можно больше прибыли. Данное стечение обстоятельств ставит в затруднительное положение эффективность реализации политики национальных интересов, так как в долгосрочной перспективе неразвитость промышленного сектора есть угроза экономическому суверенитету.

Говоря о суррогатном векторе функционирования финансовой системы страны, мы должны понимать, что в одночасье отказаться от спекулятивности фондового рынка, от внешних заимствований, перехода на расчет в национальной валюте, понижения ключевой ставки резко нельзя, это вопрос времени и методичности осуществления государственной политики. Но для увеличения не только экономического роста, но и его качества необходимо переходить на внутренние источники кредита.

С. М. Ергин

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Низкая численность и плотность населения отдельных регионов, высокие затраты на доставку товаров к потребителю, государственные ограничения на интер- и интраотраслевое движение капитала, ряд других факторов способствуют формированию изолированных местных (локальных) рынков, снижают их активность, так что единственная в технологическом отношении отрасль может представляться множеством локальных предприятий-монополистов. Монополизация хозяйственной деятельности – сложный и негармоничный процесс, хотя именно монополия, а не чистая конкуренция, – основной принцип, на котором строится теория рынков. Эта наука о способах формирования, видах и экономических последствиях функционирования рыночных структур, включающая в себя особенности поведения предприятий на уровне отдельных отраслей и рынков.

Понятие «отрасль» близко, но не тождественно понятию «рынок». Отрасль или какой-то сектор отрасли соединяет производителей продуктов, являющихся близкими заменителями в производстве (сторона предложения), а рынок объединяет покупателей и продавцов продуктов, являющихся близкими заменителями в потреблении.

Теоретические аспекты влияния процесса монополизации на отраслевую структуру рынка нашли свое отражение в работах С. Авдашовой, Л. А. Добрынина, Г. Лейбенстайна, В. Ленина, Р. Люксембург, Смита А., Дж. Стиглера. Заметный вклад в изучение монополизации отраслевых рынков внесли зарубежные теоретики: Дж. Левин, Ж. Тироль, О. И. Уильямсон, К. Эрроу, У. Шеперд.

Теория рыночных структур – относительно новая область экономической теории, которая основана на работах классиков экономической науки [3, 6, 7]. Так, А. Смит и Р. Люксембург ведущее место в развитии отраслевых рынков отводили углублению разделения труда. Р. Люксембург утверждала, что «…рост рынка в капиталистическом обществе, вызванный специализацией общественного труда, должен закончиться, как только все натуральные производители превратятся в товаропроизводителей» [6, с. 85]. В. И. Ленин полемизировал с обоими и считал, что «…капитализм сам себе создает рынки, и рынки могут расти бесконечно» [5, с. 86]. В последнее время теория рыночных структур активно развивается. Она анализирует организацию и деятельность отдельных отраслей и рынков, изучает функционирование фирм в отрасли, а также последствия воздействия этих фирм на отраслевую структуру. Теория организации рыночных структур исследует закономерности формирования и функционирования разнообразных рынков, ключевые принципы рыночного поведения фирм, последствия подобного поведения в целом для экономики страны и альтернативные варианты отраслевой политики правительства. С ее помощью развивается инструментарий экономического анализа с целью всестороннего освоения возможностей госрегулирования отраслевой структуры экономики.

Теория рынков предлагает два подхода к проведению исследований отраслевой структуры экономики: подход с позиции «структура – поведение – результат» и подход с позиции теории цен. Первой подход, именуемый также как концепция Гарвардской традиции в отраслевой организации, понятия «отрасль» и «рынок», если не оговорено иное, трактует как понятия взаимозаменяемые, которые зависят от поведения покупателей и продавцов, т. е. они обусловливаются рыночной структурой [12, 16]. Отраслевая структура экономики здесь определяется действиями таких фундаментальных факторов, как спрос на продукт и технология его производства. Например, если в какой-то отрасли технологические условия производства устанавливают направление снижения средних издержек производства продукции по мере роста объемов выпуска, то в такой отрасли будет продуцировать либо один производитель, либо минимальная численность фирм. Такая фирма для максимизации прибыли будет применять методы монопольного ценообразования, ее цена будет тем выше, чем ниже эластичность отраслевого спроса по цене.

Второй подход, основанный на теории цен и применяемый для исследования проблемы экономического выбора, использует микроэкономические модели структуры рынков и обоснования поведения фирм. Здесь ключевыми факторами служат закономерности принятия экономическими агентами оптимальных решений. Первым исследователем анализа рынков, который применил для этих целей микроэкономическую теорию, был Дж. Стиглер [8]. Кроме того, важнейшей проблемой, подлежащей рассмотрению в рамках второго подхода, является эффективность функционирования квазимонопольных рынков.

Рынки называются квазимонопольными, когда при относительно низкой концентрации продавцов реально существует их рыночная власть. Получение фирмами экономической прибыли на рынках с низким уровнем концентрации – веский аргумент в пользу теории квазимонопольных рынков. Для экономической теории важно обосновать причины отсутствия тесной связи между долей фирмы на рынке и ее рыночным положением. Здесь, кроме того, анализируют процесс появления на рынке домини-

рующих продавцов, обладающих рыночной властью. Анализ квазимонопольных рынков осуществляется в рамках концепции квазиконкурентных рынков и концепции трансакционных издержек. Трансакционные издержки К. Эрроу определил как «затраты на управление экономической системой» [11, с. 48]. «Издержки, потраченные на заключение контрактов (ex ante издержки), обеспечение их выполнения (ex post издержки), снижают вероятность ценовой конкуренции между рыночными агентами» [10, с. 55]. Различия в структуре отрасли, поведении фирм и функционировании рынков могут быть обоснованы различиями в уровне и преобладающем типе трансакционных издержек. Чем ниже их уровень, тем быстрее идет перераспределение рынка между фирмами, тем менее устойчива и более реактивна рыночная структура. Высокие необратимые затраты, связанные с входом в рынок потенциальных конкурентов, наоборот, повышают высоту барьеров входа и в долгосрочном периоде не позволяют ликвидировать экономическую прибыль. Поэтому на рынке с высоким уровнем необратимых затрат высок и уровень рыночной власти. Этот подход, прежде всего, направлен на выявление набора субъективных и объективных факторов, которые могли бы объяснить политику фирм как по отношению к рынкам, так и в области внутренней структуры.

Теория квазиконкурентных рынков, сформулированная Дикситом [14], Баумолем, Виллигом и Панзаром [13], исследует влияние барьеров входа на поведение фирм в отрасли. Отрасль с невысокой численностью предприятий становится конкурентной, если существуют реальные угрозы входа в нее других фирм. То есть квазиконкурентными называются рынки, где продуцируют несколько предприятий, но угроза входа потенциальных конкурентов реально существует. Таким образом, на одном полюсе в современной экономической системе доминирует квазимонопольное поведение фирм, а на другом – квазиконкурентные рынки. Значимой проблемой концепции рыночных структур является идентификация факторов, обусловливающих экономическое положение предприятий, и разработка на этой основе эффективной стратегии.

Кроме того, теория отраслевых рынков показывает, каким образом складывается то или иное поведение хозяйствующего субъекта, как оно модифицируется в зависимости от реальных и предполагаемых действий других экономических агентов, включая государство. Она раскрывает классификацию структур рынка, изображает методы оценки силы воздействия экономических агентов на параметры рынка. Теория отраслевых рынков особенно важна для эффективного проведения промышленной и антимонопольной политики государства. Выделяют несколько вариантов формулировок по определению сущности дефиниции «теория отраслевых рынков»:

– наука о способах формирования, видах и экономических последствиях функционирования рыночных структур, включающая в себя особенности поведения предприятий на уровне отдельных отраслей или регионов [1];

– область теории, которая включает концепции и аналитические методы исследования рынков [17];

– теория, которая занимается изучением структуры отраслей экономики, а также поведения компаний и индивидов в этих отраслях, где изучались отклонения рынков от идеализированных условий совершенной конкуренции, будь то из-за эффекта масштаба, трансакционных издержек, стратегического поведения или по другим причинам» [3];

– теория, которая концентрируется на анализе организации продвижения благ и услуг как товаров, обеспечивающей реализацию субъективных целей предпринимателей и потребителей и эффективность экономики в целом [2].

Обобщение определений теории отраслевых рынков приводит нас к тому же выводу, который верно отметил Ж. Тироль: «Специалисты по отраслевой организации в основном интересуются изучением отраслей, монополизированных хотя бы в небольшой степени. Средние по экономике показатели в целом недооценивают типичное отклонение в этих отраслях, потому что они включают многие явно конкурентные отрасли» [9, с. 101-102]. Это заставляет экономистов-теоретиков усиливать внима-

ние к проблемам монополизации хозяйственной жизни на уровне отрасли, региона или даже отдельного населенного пункта.

На некоторых отраслевых рынках государство как единственный субъект экономики, защищающий общественные интересы по охране невосполнимых источников невоспроизводимых ресурсов, социально значимых услуг и устоев, интеллектуальной собственности и пр., вводит различные ограничения для деятельности экономических субъектов, используя жесткую систему лицензирования. В данных сферах хозяйственной деятельности, как правило, работают многочисленные, но небольшие по размеру предприятия – закрытые монополии, которые действуют на неконкурентном отраслевом рынке и находятся под защитой лицензионной системы.

В научных исследованиях, публикациях используется принятое толкование понятия «лицензионная система», которое с точки зрения экономической науки нельзя признать вполне правильным и обоснованным. Это требует последующего его уточнения. Так как лицензионная система приводит к установлению определенного уровня рыночной власти, то ее сущностный анализ эффективнее осуществлять в рамках неоклассической концепции на основе работ А. Харбергера [15] и Х. Лейбенстайна [4]. В то же время современная идентификация существующих трактовок категории «лицензионная система» разработана на основе неоинституционального подхода к ее определению. Представим авторское определение лицензионной системы: это система экономико-правовых отношений в государстве, согласно которой правительственному учреждению или определенному собственнику предоставлено право выдачи физическому или юридическому лицу (лицензиату) разрешения на осуществление хозяйственной деятельности по производству, переработке и продажи определенного продукта в течение установленного срока и в определенном месте.

Мировая хозяйственная практика функционирования предприятий под защитой системы лицензирования показала как их положительные, так и отрицательные черты. Распространение таких предприятий снижает эффективность по причинам, связанным с издержками монополизации. Позитив определяется,

например, ростом эффективности использования ограниченного ресурса, который подвергается процессу лицензирования. Следовательно, нельзя рассматривать издержки лицензионной системы только как негативный фактор экономики. Через установление административных барьеров, ограничивающих вход на рынок дополнительных конкурентных фирм, правительство устанавливает институциональные ограничения в экономической системе, которые призваны уменьшить потенциал оппортунистического поведения хозяйничающих субъектов, дает возможность их строго контроля и позволяет уберечь покупателей от потребления некачественных продуктов. Тем не менее, нет ни одного совершенного механизма государственного регулирования. «Сеть», с помощью которой государство выявляет нарушителей законодательства, имеет бреши, а ее «ячейки» оказываются иногда слишком большими для нейтрализации оппортунистического поведения отдельных хозяйственных субъектов.

Применяя в хозяйственной практике лицензионную систему, государство создает условия для формирования специфических отраслевых рынков, которые мы называем цензовые, т. е. удовлетворяющие каким-то специфическим требованиям. Опираясь на теорию отраслевых рынков, можно определить цензовый рынок как квазимонопольный рынок, на котором государство через уполномоченные им органы или определенный субъект устанавливают ценз (лицензионные требования), прежде всего, по объемам и срокам и допускают к этой сфере хозяйственной деятельности ограниченный круг экономических субъектов с целью снижения потенциала их оппортунистического поведения, что способствует зарождению закрытых монополий. Цензовые рынки создаются в недропользовании при продаже некоторых видов социально значимых услуг, товаров, обремененных патентами и авторскими правами, и в других подобных сферах народного хозяйства. Экономическую природу цензовых рынков опишем с помощью таблицы 1.

Таблица 1

Признаки и характеристики цензового рынка

Признаки	Характеристика цензового рынка
Род деятельности	Недропользование, продажа некоторых видов социально значимых услуг, товаров, обремененных патентами и авторскими правами и пр.
Количество продавцов и покупателей	Ограниченное количество продавцов и неограниченное количество покупателей
Характер продукции	Социально значимое благо общего пользования с положительным внешним эффектом производства и потребления
Условия входа и выхода в рынок	Вход заблокирован правительством и/или экономическим субъектом, выход свободный
Тип монополизации	Квазимонопольный рынок
Границы монополизации	Перестает быть монопольным после снятия административных барьеров
Тип монополии	Закрытая монополия
Структура затрат	Высокие постоянные и низкие переменные затраты
Формирование цены	Цена определяется монополизированным образованием самостоятельно с ориентацией на равенство предельных доходов и затрат

Владея или пользуясь эксклюзивным ресурсом, закрытые монополии цензового рынка неиндифферентны для общества, поскольку не только производят социально значимые экономические блага общего пользования с положительным внешним эффектом производства и потребления, но и оказывают существенное воздействие на результативность отраслевого производства, макроэкономическую и политическую ситуацию в стране в целом. Так как для организации производства монополизированные субъекты должны пройти процедуру лицензирования, связанную с большими затратами трудовых и финансовых ресурсов, то в структуре затрат будут доминировать постоянные расходы. Важнейшей характеристикой цензового рынка является характеристика условий формирования на нем цены, когда монополизированные образования самостоятельно назначают цену на продукт с ориентацией на равенство предельных доходов и затрат.

В заключение заметим, что теория отраслевых рынков является важнейшей основой для эффективного проведения промышленной и антимонопольной политики государства. Нами выделено несколько вариантов формулировок по определению дефиниции «теория отраслевых рынков». Современная идентификация существующих трактовок категории «лицензионная система» разработана автором на основе неоинституционального подхода к ее определению. Это система экономико-правовых отношений в государстве, согласно которой правительственному учреждению или определенному собственнику предоставлено право выдачи физическому или юридическому лицу (лицензиату) разрешения на осуществление хозяйственной деятельности по производству, переработке и продаже определенного продукта в течение установленного срока и в определенном месте. Мировая хозяйственная практика функционирования предприятий под защитой системы лицензирования показала как положительные, так и отрицательные черты.

Сущность цензовых рынков состоит в наличии у продуцирующих на нем рыночных агентов (закрытых монополий) значительной экономической силы, чтобы осуществлять контроль над правовой средой как на локальном, так и национальном уровнях, что позволило обосновать институциональный подход к оценке негативных и позитивных эффектов функционирования закрытой монополии и обеспечить теоретическую основу для разработки эффективной экономической политики с целью ускоренного развития монополизированных образований.

Литература

1. Авдашева С. Б., Розанова Н. М. Теория организации отраслевых рынков. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998. 320 с.

2. Добрынин Л. А. Теория отраслевых рынков. СПб.: СПбГУЭФ, 2003. 80 с.

3. Левин Дж., Эйнав Л. Эмпирические исследования отраслевых рынков: основные достижения // Вопросы экономики. 2012. № 1. С. 19-41.

4. Лейбенстайн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» // Теория фирмы. Т. 2. Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 477-506.

5. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма / Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. С. 119-262.

6. Люксембург Р. Накопление капитала: т. I и II. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 463 с.

7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. 145 с. Т. 1. Кн. 1.

8. Стиглер Дж. Совершенная конкуренция: исторический ракурс // Вехи экономической мысли: в 6 т. Т. 2. Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 299-328.

9. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. СПб.: Экономическая школа, 1996. 745 с.

10. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки и отношенческая контрактация СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996. 702 с.

11. Arrow K. I. The organization of economic activity: Issues pertinent to the choice of market versus nonmarket allocation // Joint Economic Committee of U. S. Congress (91-st Congress, 1-st Session, Washington D. C. 1969): «The analysis and evaluation of public expenditure: The PPB system». Washington D. C.: U. S. Government Printing Office, 1969. Vol. l. P. 59-73.

12. Bain J. S. Industrial Organization: Barriers to New Competition. N. Y.: Wiley & sons, 1959. 678 p.

13. Baumol W. J. Contestable Markets and the Theory of Industry Structure. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 510 p.

14. Dixit A. The Role of Investment in Entry Deterrence // Economic Journal. 1980. Vol. 90. P. 95-106.

15. Harberger A. C. Monopoly and resource allocation // American Economic Association. Papers and Proceedings. 1954. Vol. 44. May. P. 77-87.

16. Mason E. Price and production policies of large-scale enterprise // American Economic Review. 1939. Vol. 29. P. 61-74.

17. Shepferd W. G. The Economics of Industrial Organisation N. Y.: Prentice Hall. 1990. 566 p.

Д. Б. Джабборов

ОСОБЕННОСТИ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ

Под экономикой, основанной на знаниях, мы подразумеваем такую экономическую модель, в которой знания становятся локомотивом прогресса, в которых такие сферы, как наука, образование и культура являются приоритетом развития. В этих сферах рыночные отношения во многом себя изживают или, по крайней мере, не являются наиболее эффективными. Чтобы понять, что за этим стоит и как оценить эффективность рыночных отношений в целом и в сфере знаний в частности, необходимо углубиться в историю и понять, как они зарождались и как стали доминирующими в мире. В случае если природа и содержание труда изменились, необходимо учитывать это и понимать, что такое изменение неизбежно ведет к изменениям в экономических отношениях.

Рыночные отношения зарождаются с появлением товара, а следовательно, и с появлением рынка (будь то натуральный обмен между племенами или торговля между странами), на котором эти товары обмениваются между собой напрямую или опосредованно через деньги. Капиталистической же экономике свойственно товарное производство, т. е. производство исключительно для продажи. Рыночные отношения становятся основными для всей экономики. Поэтому, чтобы понять, насколько рыночные механизмы соответствуют реалиям, когда знания выходят на первый план, необходимо понять, могут ли они быть товаром и являются ли сегодня такими, какими они были в XIX-XX вв.

Появление товара связано с тем временем, когда у первобытных людей (обществ, племен) появилась возможность производить больше благ, чем они могли потребить. Те излишки, которые оставались, обменивались на излишки в виде товаров других племен. Такое производство товара не есть еще товарное производство, так как первобытные племена производят блага в основном для внутреннего потребления. Похожая ситуация сохраняется практически вплоть до появления капиталистического

способа производства, а вместе с тем и до появления товарного производства: «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала» [2, с. 313].

Одной из особенностей этой стадии общественно-экономического развития является производство благ исключительно для продажи. Чтобы такая система функционировала, необходимо выполнение нескольких условий относительно того, какими свойствами обладает товар. Во-первых, количество этого товара должно быть ограничено, во-вторых, платежеспособный спрос на него не должен быть ограниченным, а в-третьих, такой спрос должен быть платежеспособным, в противном случае он игнорируется. Если количество блага становится безгранично, как, к примеру, воздуха, то каким бы ни был высоким спрос на него, он не станет товаром. Но если количество воздуха становится ограниченно, то товаром становится и он, как, например, кислород, который продается в специальных капсулах и пользуется спросом в крупных загрязненных мегаполисах, где стоит вопрос о нехватке чистого воздуха.

Условие ограниченности благ в сфере знаний не выполняется, в связи с чем их распределение происходит не так, как в сфере материального производства. Тем не менее, в сфере знаний сохраняются рыночные отношения. Во многом они поддерживаются искусственно. К примеру, если в материальном секторе капиталист присваевает товар и у рабочего нет к нему доступа, то в сфере знаний юридическое уникальное обладание правами на какое-то знание (патент) не ведет к фактическому уникальному обладанию такого знания в связи с тем, что рабочий (или группа рабочих), создавший его, тоже им обладает. Кроме того, современные технологии позволяют распространить эти знания почти с нулевыми трансакционными издержками и увеличить количество обладателей такого знания. Из-за этого приходится вводить искусственные ограничения и запрещать пользоваться этим благом тем, кто не обладает правом на него. С классиче-

ским товаром такой ситуации не наблюдалось, так как такой товар является материальным благом, коим не является знание.

Для того чтобы понять, почему происходят искусственные ограничения распространения знаний, необходимо определить цель, которая стоит перед экономической системой, а через систему определить и ту модель, которая доминирует в обществе.

Рыночная модель в сфере знаний является выгодной для определенного круга лиц, а именно для владельцев знания, при условии, что они не хотят этим знанием делиться с обществом. Но кто сегодня является владельцем таких знаний? Ответив на этот вопрос, можно будет понять, кто получает от этих знаний выгоды. Согласно статистике IFI CLAIMS Patent Service [6] в 2013 г. 50 компаний вместе подали около 80 тыс. патентов, что составляет почти 10 % от поданных патентов по всему миру за весь год, согласно организации WIPO [7]. И это без учета тех патентов, которые этими компаниями скупаются по всему миру. Покупая патенты за относительно низкую стоимость, крупные компании выручают от этих патентов значительно больше.

Но эти знания создают люди, которые при этом не являются собственниками этих знаний, несмотря на то, что сами являются их создателями. Подобная модель является выгодной, но не для всех, как отмечалось выше, а в большей степени для владельцев самых крупных организаций. Фактически они становятся обладателями тех знаний, которые они не создали.

Согласно позиции сторонников рыночных отношений, такая ситуация не является проигрышной, так как крупные компании являются локомотивом развития технологий и увеличения благосостояния общества в целом. Крупные компании, аккумулируя знания и труд своих сотрудников, создают новые технологии, создают рабочие места и приносят пользу всем, кто с этими компаниями связан.

Но такая ситуация не в полной мере отражает действительность. Создатель знания в этом случае получает лишь малую часть того, что он создал. «Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, обособ-

ленную рабочую силу» [2, с. 313]. Основную прибыль получают новые владельцы данного знания. Не говоря уже о том, что подобное распределение прибыли не является справедливым, возникают вопросы об эффективности подобного распределения. Как был бы простимулирован к труду работник, если бы большая часть того, что он создает, принадлежала ему, а не владельцам предприятия?

Зачастую происходит так, что работнику интеллектуального труда приходится заниматься созданием такого продукта, который будет обладать платежеспособным спросом, а не таким, который будет приносить благо обществу. Сегодня система направлена на такое распределение ресурсов, когда они направляются в те сферы, где есть платежеспособный спрос, а не просто спрос. В связи с этим создается ситуация, когда ресурсы идут в те сферы, которые не приносят обществу пользы, такие как оружие, наркотики, войны, политика. Помимо этого, ресурсы, как человеческие, так и материальные, идут и в сферы весьма сомнительных услуг, количество которых растет с каждым годом.

Человек занимается не тем, что было бы для него интересно, не тем, в чем нуждаются бедные неплатежеспособные народы всего мира, которые, например, обладают спросом на еду, как огромная часть жителей Африки, Юго-Восточной Азии, но которые не могут за нее заплатить. Вместо создания чего-то нового, полезного для развития человечества, для удовлетворения первичных нужд людей или развития человечества в целом этот рабочий создает что-то, что будет приносить прибыль владельцам компании. И вместо творчества работник порой занимается ремесленничеством, превращаясь из работника творческого труда в классического рабочего XIX в. с некоторыми дополнениями, такими как 7-8-часовой рабочий день и работа за компьютером, а не за станком.

Такие отношения А. В. Бузгалин и А. И. Колганов характеризуют как «отношения эксплуатации творческой деятельности и подчинения корпоративному капиталу Человека как Личности», а «интеллектуальная рента становится», с их точки зрения, «наряду с классической прибавочной стоимостью, основным источником прибыли современного капитала» [1, с. 326].

Таким образом, экономические отношения в современной экономике, условия работы не отличается принципиально от ситуации на заводе в XIX в.

Однако сама природа труда значительно разнится. Если в то время человек осуществлял по большей степени механический труд, который с легкостью и с большей эффективностью мог бы выполнить робот, то умственный творческий труд, которым занимается сейчас все больше людей с каждым днем, робот заменить не в состоянии. Кроме того, для того чтобы человек работал продуктивнее, в него нужно вкладывать значительно больше средств, чем в XIX в., когда одни низкоквалифицированные рабочие с легкостью заменялись другими.

Крайне важной является и работа в коллективе, которая позволяет создать синергетический эффект и увеличить эффективность и результаты совместного труда. В кооперации, как и в ситуации с заводом XIX в., рабочий за редким исключением создает лишь «частичный продукт», и только вместе со своим коллективом создается что-то целостное посредством совместного творческого труда: «Подобно тому, как повысившаяся благодаря кооперации общественная производительная сила труда представляется производительной силой капитала, – так и сама кооперация представляется специфической формой капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства раздробленных независимых работников или мелких хозяйчиков. Это – первое изменение, которое испытывает самый процесс труда вследствие подчинения его капиталу» [2, с. 313]. Эта схожесть с XIX в. лишь внешняя, так как фабричный механический труд имеет мало общего с творческим умственным трудом. И потенциал у последнего намного выше.

Тем не менее с учетом современных экономических отношений такой человек не в состоянии реализовать весь свой потенциал, не в состоянии принести обществу столько пользы, сколько он может. Это связано с тем, что на его работу накладываются ограничения, которые мешают ему работать эффективно. Однако если снять такие рамки в виде рыночных отношений, которые являются воплощением того способа производства, который был доминирующим в развитых странах в по-

следние два века, можно увидеть и достичь новые доселе невиданные рубежи.

Множество видных экономистов считают, что современная модель экономики себя изжила [3] и является в большей степени не мотором, а тормозом развития человечества, и ее нужно как минимум корректировать [4], а как максимум полностью изменять. Некоторые из них считают, что современная экономика находится в структурном кризисе, и поэтому, не изменив систему в целом, невозможно будет из этого кризиса выйти [5].

Литература

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: в 2 т. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 7.
3. Amin S. Ending the crisis of capitalism or ending capitalism. 2011.
4. Krugman P. Keynes Was Right. December 30, 2011.
5. Wallerstein I. Structural crisis in the World system: where do we go from here, 2011.
6. URL: http://www.ificlaims.com/index.php?page=misc_top_50_2014
7. URL: http://ipstats.wipo.int/ipstatv2/editIpsSearchForm.htm?tab=patent

ГЛАВА III. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В. М. Юрьев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

Глобальные тенденции, протекающие в настоящее время в мировой экономике, формирует новую политическую повестку, связанную с коренным переосмыслением многих положений как теории, так и практики, которые до настоящего времени считались общепринятыми и не требующими опровержений.

Экономическое развитие любого государства в настоящее время находится под влиянием предпосылок и самого характера глобального кризиса, берущего свое начало в 2006 г. и продолжающегося по сей день, включая латентные фазы. Данный кризис имеет специфическую природу, его нельзя охарактеризовать ограниченным числом показателей или параметров (например, инфляцией, ростом безработицы, спадом производства и т. п.). Глобальный кризис является многоликим и многоаспектным, так как не ограничивается лишь сферой экономики, охватывает различные сферы общественной жизни и политического устройства. Кроме того, истоки данного кризиса скрыты не только в сфере экономики, они имеют куда более глубокие корни. Подобного рода системный кризис в некотором роде аналогичен кризисам 30-х и 70-х гг. минувшего столетия, однако для каждого государства он имеет индивидуальные последствия.

Сегодня Россия переживает именно системный кризис, продиктованный во многом тенденциями, формирующимися в мировой экономике. Однако сам факт его возникновения и активного развития определяется не только ими. Это связано с тем,

что действующая ныне система государственного управления национальным хозяйством базируется на ряде негативных тенденций, к числу которых следует отнести внутренние политические противоречия, ручной характер управления экономическими процессами, лояльность к коррупции во всех областях и сферах деятельности. Подобного рода негативные особенности, ставшие, по сути, неотъемлемыми элементами системы управления российской экономикой, оказывают все более дестабилизирующее воздействие на национальное хозяйство.

Сложившаяся в нашей стране модель социально-экономического развития, а также сами механизмы его регулирования, по своей сути не находятся в соответствии с требованиями глобальной исторической тенденции, которая в своей сущности не несет какого-либо строго отрицательного или положительного окраса (хотя многие эксперты склонны считать, что «кризис связан не с проблемами экономики России, а с проблемами экономики Запада, с недостаточной ликвидностью западного финансового рынка» [3]). Однако восприятие исторических тенденций национальными экономиками может существенным образом разниться.

Данные обстоятельства затрудняют окончательный переход российской экономики к стадии зрелого капитализма, отличной рядом фундаментальных признаков от своих предшественников (повышение производительности труда за счет массового использования преимуществ научно-технического прогресса, «горизонтальное» распространение информации, усиление межклассовых противоречий). Данная более развитая форма капитализма, проявляющая себя в периоды наиболее острых политических, социальных и экономических противоречий, должна приобретать социально ориентированный характер, так как в современных условиях только рука государства с ориентацией на потребности и интересы общества может сгладить складывающиеся противоречия внутренней социально-политической среды и внешних экономических тенденций и угроз, связанных с глобализацией.

Недостаточная разработанность большинства аспектов, связанных с исследованием современного кризиса в России, его

масштабность (в единстве глобальной трансформации мирового порядка) и системность предопределяет необходимость поиска методологических подходов к теоретическому анализу российского кризиса и синтезу адекватной социально-экономической модели управления экономическими процессами в нашей стране.

В этой связи следует отметить аналитический и прогностический потенциал методологии политической экономии. Ее возможности обусловлены не только тем, что системные кризисы отечественной наукой традиционно воспринимаются как проблема социально-экономического развития государства, а не функционирования экономической системы на разных уровнях, т. е. в рамках предмета политической экономии.

Асимметричность методологических принципов индивидуализма и холизма заставляет нас обратить внимание на альтернативный подход, основанный на принципах диалектического материализма. Диалектический материализм как философский принцип интерпретации социоисторических субъектов в их отношении друг к другу и своему окружению подчеркивает примат связи субъектов над их субстанциальными свойствами, приоритет целостности, системности реальности над ее отдельными частями, развития над сохранением. Данная методология, практическим инструментом которой в экономических исследованиях выступает теория экономических интересов, позволяет разрешить дилемму «индивидуализм – холизм». Согласно теории экономических интересов, экономические законы не действуют сами по себе, но проявляются через механизм их действия и влияние на него всей совокупности экономических интересов личности, корпорации и общества в целом. Экономические законы выступают как побудительная сила общественных действий людей, выполняя эту функцию опосредованно, через их экономические интересы.

Преодолевая асимметрию индивидуализма и холизма, методология политической экономии позволяет с познавательной точки зрения выявить устойчивые отношения между индивидами (группами) в их диалектической целостности, не абсолютизируя при этом автономию субъектной (институты, групповые интересы) или субъективной (индивиды) реальности.

Итак, остановимся более подробного на внешних предпосылках российского экономического кризиса.

Политические причины. Порождаемый рядом объективных и субъективных факторов, протекающий ныне экономический кризис не позволяет сохранить статус-кво в российской политической элите. Порядок так называемого государственно-кланового капитализма можно было считать относительно состоятельным лишь в условиях постоянного и стабильного притока финансовых ресурсов, которые поступали от экспорта сырья или иностранных кредитов. Очевидно, что и первый и второй источник в современных политических условиях, связанных, в первую очередь, с принимаемыми как зарубежными странами, так и самой Россией экономическими санкциями, являются уже довольно сомнительными. Такое положение дел толкает государство в лице политических элит искать новые источники средств. В ходе этого «поиска» страдает непосредственно население страны, а также малый и средний бизнес, задавленные, в частности, ужесточением порядка взимания налогов и сборов. Однако необходимо понимать, что подобного рода источники не способны в перспективе «прокормить» сложившуюся «бюрократическо-силовую машину», так как они не сопоставимы с природной рентой.

Кроме того, за несколько лет сформировалась тенденция, связанная с тем, что темп роста российского ВВП не поднимался выше 3-4 %. Несмотря на то, что она обозначилась еще задолго до введения против России санкций, обусловленных событиями на Украине, именно они привели к дальнейшей стагнации российской экономики.

По оценкам ряда экспертов, рост ВВП России может принять в ближайшие годы отрицательные величины. В случае аннулирования действия санкций национальная экономика начнет восстанавливаться не раньше 2017 г. Кроме того, даже при эффективной перестройке экономики на нее будут оказывать негативное давление мировые цены на нефть и газ. Такая ситуация привела Центральный банк РФ к двойственной позиции, связанной с тем, что его попытки предотвратить ослабление национальной валюты путем «механического» повышения процент-

ной ставки в еще большей степени приводят к ослаблению экономики.

Управленческие причины обусловлены, в первую очередь, применением ручного, а не экономического подхода к управлению национальным хозяйством. В конце 2014 г. произошел очередной поворот в сторону ручного управления экономикой для стабилизации ситуации, связанной с риском девальвации. Данный переход нельзя считать однозначно верным, ведь повышение ключевой ставки Центральным банком РФ уже после того, как рубль «опустился», привело к действительно опасной ситуации для бизнеса и населения.

Однако сложившаяся ситуация имеет куда более глубокие корни. Экономический кризис в России 2014 г., подобно кризисам 1998 и 2008 гг., обуславливался в том числе снижением темпов роста денежной массы, позднее переросшим в падение, которое началось в данном случае еще в 2010 г. Катализатором этому послужила проводимая в период с конца 2010 г. по начало 2011 г. Минфином экономическая политика.

С октября 2010 г. Минфин стал концентрировать рублевые средства на счетах расширенного правительства в Центробанке, что привело к уменьшению количества денег в экономике (к ноябрю 2012 г. общая величина изъятия составила 3,5 трлн руб.). Данные мероприятия привели к замедлению темпа прироста денежной массы, что и обусловило кризисную траекторию российской экономики. Замедление роста денежной массы отрицательным образом сказалось на ценах российских акций (в сентябре 2011 г. падение индекса РТС составило более 30 % в годовом выражении) и темпах роста ВВП.

Решения Минфина стали «прелюдией» к началу кризиса. В связи с падением курса национальной валюты инфляция стала болезненнее, однако сложилась парадоксальная ситуация, так как ее первопричиной стал недостаток рублей в экономике, а не наоборот. Несмотря на это, Центральный банк продолжил мероприятия по сокращению денежной массы, чем и усилил главную причину негативных явлений в экономике. Еще в начале 2014 г. Центробанк поднял ключевую ставку и начал так называемый «зажим рублевой ликвидности». Кроме того, в связи с критиче-

ской ситуацией с рублем Центральный банк был вынужден в декабре 2014 г. поднять ключевую ставку до 10,5 %, а позже и вовсе до 17 %, что привело к дальнейшему удорожанию кредитов и замедлению экономического роста.

В июне 2014 г. от замедления темпов своего роста денежная масса переходит к падению в реальном исчислении. Иными словами, темпы ее прироста начинают значительно отставать от растущих темпов инфляции. Реальная денежная масса уменьшилась в этом месяце на 0,9 %, а ее дальнейшее падение продолжилось и в начале 2015 г.

Минфин на фоне данных событий продолжает концентрацию рубля на счетах расширенного правительства в ЦБ, что, опять же, ухудшает ситуацию с денежной массой. После этого происходит продажа «рублевой части» Фонда национального благосостояния и Резервного фонда на бирже. Данные события фактически равнозначны валютным интервенциям Центрального банка, так как рублевая денежная масса хоть и временно, но изымается из экономики [8].

Таким образом, мероприятия, проводимые двумя основными экономическими институтами государства – Минфином и Центробанком, – не просто не улучшили экономическую ситуацию в стране, но во многом дестабилизировали ее.

Понять причины принятия столь важных для страны политических решений невозможно, если не учитывать экономические интересы части российской элиты и связанных с ней агентов, определяющих политический курс правительства и Банка России.

Неоднородность интересов российской политической элиты наглядно иллюстрируют заявления первого лица государства и высшего менеджмента Банка России по проблеме валютных спекуляций:

«Сегодня мы столкнулись с сокращением валютных поступлений и, как следствие, с ослаблением курса национальной валюты. Вы знаете, что Банк России перешел к плавающему курсу, но это не значит, что он самоустранился от влияния на курс рубля, что курс рубля может безнаказанно становиться объектом финансовых спекуляций. Я прошу Банк России и правитель-

ство провести жесткие скоординированные действия, чтобы отбить охоту у так называемых спекулянтов играть на колебаниях курсов российской валюты. Власти знают, кто эти спекулянты, и инструменты влияния на них есть. Пришло время воспользоваться этими инструментами» (В. В. Путин, 4 декабря 2014 г.).

«Валютные спекулянты – не всегда зло для валютного рынка и зачастую позволяют сгладить волатильность. Важно, чтобы не было концентрации валютных спекулянтов, чтобы было их разнообразие. Поэтому нужно поддерживать их. Спекулянты – это добро для валютных рынков» (С. Швецов, первый заместитель председателя ЦБ, 10 декабря 2014 г.) [2].

Кадровые причины. В первую очередь именно лояльность к коррупции предопределяет существование этих причин. Сегодня управление процессами, протекающими в национальном хозяйстве, имеет специфические свойства, характерные даже для «нетеневой» области экономических отношений. Данные свойства отражаются в распространении должностных преступлений, взяточничества, утечке денежных средств за рубеж и концентрации значительной части национального богатства в руках политических элит. Очевидно, что данные тенденции оказывают влияние на управление российской экономикой, ведь в органах власти они обусловлены тем, что многие должностные лица попросту пренебрегают моральными нормами, что само по себе уже приводит к антагонизму интересов государства и общества.

Коррупция в России принимает массовый и системный характер. Существует целая масса факторов, которые благоприятствуют распространению коррупции. К ним следует отнести пробелы в нормах российского права, бюрократические и административные барьеры на пути реализации юридическими и физическими лицами собственных прав, отсутствие действенных механизмов противодействия коррупции, низкий социальный и материальный статус государственных служащих. Данные предпосылки привели к тому, что в нашей стране коррупцией «поражены» все уровни власти.

Согласно данным проводимого мониторинга [9], обеспокоенность российского населения уровнем коррупции существенно возросла. Так, если в 2005 г. данная проблема находилась

в конце списка самых острых и актуальных проблем, то к 2013 г. она занимает уже третье место среди них (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности граждан РФ, отметивших коррупцию как одну из главных проблем страны (%)

Данные рисунков 2 и 3 показывают, что в целом в период с 2009 по 2012 г. число преступлений, которые квалифицированы как взяточничество, существенно снизилось, однако это снижение осуществляется куда медленнее, чем снижение общего числа преступлений.

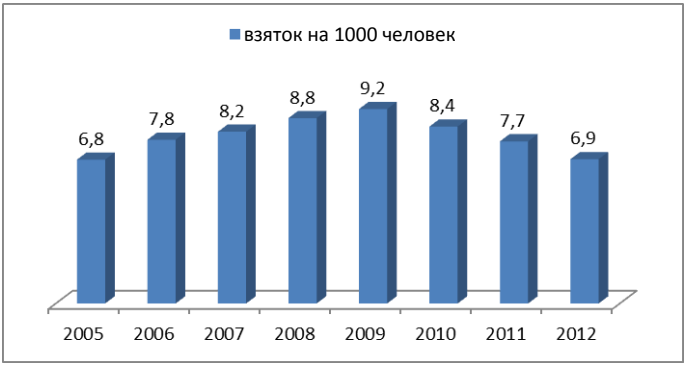


Рис. 2. Динамика численности преступлений, квалифицированных как взяточничество в РФ (на 1000 чел.)

Рис. 3. Динамика численности преступлений в РФ (на 1000 чел.)

В соответствии с данными МВД России [11], в 2012 г. средний размер взятки был равен 78,2 тыс. руб. В случае, если в ходе осуществления такого преступления использовался посредник, то ее величина в среднем составляла 536 тыс. руб. Стоит отметить, что взяточничество имеет региональный окрас. Так, в Москве средняя величина взятки практически в 20 раз выше, чем на периферии.

Таким образом, очевидно, что проблема коррупции накладывает существенный отпечаток на кризис в России. Значительные объемы финансовых ресурсов, которые вовлекаются в коррупционные преступления, существенно выросли в последние годы. Кроме того, доля коррупционных преступлений в общей массе имеет тенденцию к росту, и происходит рост размеров взяток.

Теперь рассмотрим объективные внешние предпосылки протекания российского системного кризиса.

Глобализация мирового хозяйства. Главной глубинной предпосылкой российского кризиса является глобализация. В ее условиях правительство нашей страны фактически не способно использовать значительное число традиционных рычагов регулирования экономики ввиду того, что целые государства вовлечены в сферу влияния транснациональных корпораций (ТНК) и не способны эффективно влиять на политику последних.

Деятельность ТНК находится, как правило, в зоне стратегических интересов системообразующих инфраструктур. Во многом через ТНК реализуются требования национальной безопасности и внутренняя социально-экономическая политика, что предполагает поиск баланса интересов государства, общества и самих ТНК.

Упадок или процветание национального хозяйства находится в зависимости от деятельности на их территории ТНК. Несмотря на то, что в целом их деятельность сказывается положительным образом на экономическом развитии принимающих стран, имеет место ряд проблем, в которых проявляются противоречия экономических интересов. К данным проблемам стоит, прежде всего, отнести: подавление отечественных конкурентов, формирование монопольно высоких цен на продукцию ТНК, частое распространение противоправной практики (сокрытие доходов от налогообложения через их «перекачку» из страны в страну), нерациональное использование природных и кадровых ресурсов, их эксплуатация, содействие «утечке умов» и т. п. [3]

ТНК в своих интересах могут идти и на откровенно противоправную практику. Достаточно вспомнить, как еще в начале 80-х гг. американская компания «Dow Chemical» совместно с японской «Agromex» на северо-востоке Бразилии осуществляли испытание высокотоксичных ядовитых веществ, что привело к гибели около 7 тыс. местных жителей и экологической катастрофе в регионе.

«Мировое правительство». Необходимо понимать, что данная предпосылка обусловлена не столько формированием непосредственно «мирового правительства», сколько образованием коалиций стран, объединенных общими политическими и экономическими интересами. В этой связи протекающую ныне эпоху международных политико-экономических отношений следует обозначить не иначе, как эпоху новых политических коалиций. Нужно сказать, что они могут формироваться как на постоянной основе, так и образовываться в виде особых наднациональных форм. Безусловно, противоречия интегрированных экономических интересов проявляются в антагонизме коалиции стран. В частности, с начала Крымского кризиса западное сооб-

щество, включающее в себя значительную часть государств НАТО, Совета Европы, Евросоюза, а также Большую семерку, осудило вмешательство во внутренние дела Украины, обозначив его «российской агрессией». Еще в марте 2014 г. Государственный департамент США заявил, что «дальнейшее нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины со стороны России отрицательно скажется на положении России в международном сообществе и приведет к еще большей политической и экономической изоляции» [10]. В дальнейшем присоединение Крыма к России спровоцировало целую волну экономических и прочих санкций в отношении нашей страны, которые были введены как Евросоюзом, так и отдельными государствами.

Таким образом, действия государственных коалиций, реализующих доминирующий интерес США и национальных политических и бизнес-элит, ориентированных на американскую экономику, обусловили внутренние политические причины кризиса в России.

Социализация личности. Важнейшим последствием глобализации экономических отношений является трансформация процессов социализации личности как процесса усвоения индивидом социальных норм, ценностей, установок в процессе социального взаимодействия. Это стало возможным в связи с развитием систем информационно-коммуникационного общения, которые, в свою очередь, расширяют возможности для всесторонней социализации личности, в том числе и в экономической сфере. При этом глобализация ведет к трансформации и самой модели общественного взаимодействия.

У. Бек отмечает, что современное общество характеризуется имманентными рисками, в результате чего «социальный проект общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер – не достижение “хорошего”, как ранее, а предотвращение “наихудшего”. Иными словами, система ценностей “неравноправного общества” замещается системой ценностей “небезопасного общества”, а ориентация на удовлетворение новых потребностей – ориентацией на их самоограничение» [1, с. 49].

Безусловно, трансформация процесса социализации личности под влиянием вызовов глобализации ведет к изменению век-

тора экономических интересов, заставляет искать иные концептуальные основы социально-экономического развития, связанные с «необходимостью сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире» [12].

Индивидуализация потребления. Еще одна предпосылка, обусловленная глобализацией, связана с постепенной индивидуализацией потребления. Современная экономика развивается в условиях, когда в большинстве развитых стран уровень и качество жизни населения в значительной мере возросли. В этой связи все больше входит в привычку расширение количества предлагаемых товаров и услуг для удовлетворения все более быстрыми темпами растущих потребностей. Рост потребления сопровождается его индивидуализацией, которая, в свою очередь, выливается в индивидуализацию производства, ориентированного на потребителя.

С одной стороны, данную тенденцию можно охарактеризовать как положительную, ведь именно потребитель является конечной целью любого производства, и учет индивидуальных потребностей делает его в некотором роде социально ориентированным. Однако не все так однозначно, ведь продавцы и производители начинают навязывать населению выгодные для себя стандарты потребления вне зависимости от уровня доходов отдельных категорий населения, закладывая еще одну мощную «мину» под дестабилизацию национальных экономик и всего мирового экономического порядка.

Виртуализация экономики. Характеризующееся активным применением современных коммуникационных технологий, экономическое пространство все больше погружается в «виртуальную реальность». Современная виртуализация экономики не ограничивается только использованием электронных сетей в экономической сфере. Она подразумевает трансформацию восприятия имиджа товара, а также новые особенности ценообразования. Так как сегодня в рыночной экономике осуществляют обращение только образы ценностей, то она проявляется в возможности подмены реальности наличия денежных ресурсов. То есть уже не обязательно иметь деньги, можно только поддерживать имидж платежеспособного.

Современная экономическая система буквально пронизана «виртуальностью». Так, многие банковские структуры имеют обязательства, превышающие их реальные финансовые возможности. При этом очевидно, что чисто по техническим причинам востребовать их не представляется возможным [7].

Есть и другая сторона виртуализации экономики. Пространство виртуализации сегодня оперирует такими категориями, как электронная коммерция, электронный рынок, виртуальное производство, виртуальный продукт, виртуальное предприятие, виртуальный банк и т. п. [5]. Появление таких понятий и категорий обязано тому, что компьютерные технологии становятся как основным инструментом, так и средой экономической деятельности. Виртуализация экономики приводит к коммерциализации самого киберпространства, в котором теперь осуществляется не только обмен актуальной деловой информацией, но также протекает и весь полный цикл контракта (сделки) [4].

На фоне распространения виртуализации экономики происходит увеличение производства услуг (табл. 1) и числа занятых в «третичном» и «четвертичном» секторах национального хозяйства.

Таблица 1

Объем и темпы роста производства товаров и услуг (млрд руб.) [6]

Показатели	2004	2008	2009	2010	2011	2008 в % к 2004	2009 в % к 2008	2010 в % к 2009	2011 в % к 2008	2011 в % к 2009
В действующих ценах										
ВДС	14859	35183	33831	38881	46320	236,8	96,2	114,9	131,7	136,9
Производство товаров	6233	14258	12965	15327	19084	228,8	90,9	118,2	133,8	147,2
Производство услуг	8626	20925	20866	23554	27236	242,6	99,7	112,9	130,2	130,5

Итак, внутренние причины системного кризиса в России закрывают для страны возможность выхода на благоприятную траекторию социально-экономического развития, превращая отмеченные внешние экономические и политические тенденции

в факторы дестабилизации национальной хозяйственно-политической системы. Противоречие между внутренними и внешними факторами вызвано, прежде всего, тем, что действующая система управления экономическими процессами слабо адаптирована к изменениям внешних политико-экономических условий.

Также очевидно, что нельзя ограничивать анализ кризиса в нашей стране лишь его экономическими причинами. Данный взгляд является неоправданно узким. Российский кризис, являясь частью мирового глобального кризиса, носит характер системности и активно распространяется во все сферы общественной жизни – социальную, политическую, духовную.

Литература

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5.
2. Борисов К. Зачем ЦБ РФ скупает облигации США. URL: http://zarya.lv/2015/10/zachem-cb-rf-skupaet-obligacii-ssha-konstantin-borisov/
3. Григоренко О. Н., Кулик Ю. А. Роль и место ТНК в мировой экономике и влияние их на протекание мирового финансового кризиса // Вопросы экономики и права. 2012. № 3. С. 315-317.
4. Иванов Д. Постиндустриализм и виртуализация экономики. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a8.html
5. Манюшис А., Смольянинов В., Тарасов В. Виртуальное предприятие как эффективная форма организации внешнеэкономической деятельности компании. URL: http://www.ptpu.ru/issues/4_03/16_4_03.htm
6. Погосов И. А., Соколовская Е. А. Соотношение производства товаров и услуг как одно из равновесий современного национального производства. М.: Институт экономики РАН, 2013.
7. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: автореф. дис. … канд. философ. наук. М., 2004.
8. URL: http://expert.ru/2015/02/6/tekuschij-krizis-ego-prichinyi-i-neobhodimyie-meryi/

9. URL: http://www.levada.ru/03-09-2013/problemy-i-trevogi-rossiyan
10. URL: http://lenta.ru/news/2014/03/02/suspend/
11. URL: https://mvd. ru/
12. URL: http://rg.ru/2014/10/24/putin.html

А. И. Колганов

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ[1]

Современные проблемы экономики России достаточно активно и глубоко обсуждаются учеными. Однако многие из них еще не стали поводом для глубокого анализа с позиции политической экономии.

Между тем именно исследование характера сложившихся производственных отношений и его воздействия на развитие производительных сил общества может дать ответы на наиболее принципиальные проблемы развития российской экономики.

После кризиса 2008-2009 гг. и прекращения роста нефтяных цен стало ясно, что сложившаяся в России модель капитализма не в состоянии обеспечить развитие экономики за счет внутренних источников.

Паразитирование на природной ренте и старение основного капитала. Хотя сегодня уже нельзя сказать, что вся природная рента в нашей экономике просто-напросто разбазаривается и разворовывается, значительная часть ее используется неэффективно. Государство замораживает достающуюся ему часть природной ренты в Резервном фонде, и лишь совсем недавно появилось намерение перевести некоторую часть ее в Фонд развития. Та часть ренты, которая оседает (безо всяких на то осно-

[1] Учитывая масштабность обозначенной темы и ограниченность объема статьи, некоторые ее положения освещаются в сокращенной форме. Полное изложение материала можно найти в журнале «Вопросы политической экономии» № 1/2015.

ваний) в руках добывающих компаний, в значительной мере служит фундаментом для их экономического и технологического благодушия. И лишь некоторая часть этой ренты перетекает по разным каналам в другие отрасли, обеспечивая эффект мультипликатора экономического роста. До сих пор соотношение между изъятыми и разведанными запасами природных ресурсов остается отрицательным, а это значит, что российская экономика продолжает строиться на проедании природных ресурсов.

Обновление основного капитала оставляет желать лучшего. Нетрудно заметить по данным таблицы 1, что доля инвестиций в основной капитал в ВВП даже в период экономического подъема 2000-х гг. была невелика, и хотя далее она несколько увеличилась, но так и не превзошла 21 %. Между тем для устойчивого экономического роста она должна превышать 30 %.

Таблица 1

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП (в текущих ценах; в процентах к итогу)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	18,2	18,1	17,4	18,1	20,8	21,4

	2009	2010	2011	2012	2013
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	20,9	20,6	20,3	20,8	20,6

Хотя официальная статистика отражает при подсчете возраста основного капитала лишь целые предприятия, цеха или участки, не учитывая установку отдельных агрегатов, на что сейчас приходится основная масса мероприятий по обновлению основного капитала, это не дает основания отмахнуться от тревожных цифр официальной статистики. Ведь и в предыдущие периоды применялась та же методология, а значит, мы имеем дело с сопоставимыми данными. Статистические данные свидетельствуют о том, что общая степень износа основных фондов в промышленности продолжает возрастать (см. табл. 2).

Таблица 2

Степень износа основных фондов в Российской Федерации на конец года по видам экономической деятельности по полному кругу организаций (в процентах)

	2010	2011	2012	2013
Все основные фонды	47,1	47,9	47,7	48,2
в том числе по видам экономической деятельности:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	42,1	42,8	42,5	42,4
рыболовство, рыбоводство	64,7	65,9	65,1	64,4
добыча полезных ископаемых	51,1	52,2	51,2	53,1
обрабатывающие производства	46,1	46,7	46,8	46,6
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	51,1	50,5	47,8	47,6
строительство	48,3	47,5	49,0	50,6
транспорт и связь	56,4	57,2	56,2	56,5

Таким образом, для российского капитализма характерно стремление не столько к снижению издержек производства за счет его технологической модернизации, сколько к экономии издержек за счет сжатия расходов на обновление основного капитала. С такой производственной базой трудно строить инновационную экономику. С одной стороны, такое состояние основного капитала может обеспечить потенциально очень емкий рынок для высокотехнологичного оборудования. С другой стороны, при таком уровне мобилизации инвестиций трудно надеяться на запуск процессов модернизации. Кроме того, собственное производство современного промышленного оборудования в России подорвано. В результате наша страна имеет слишком скудные внутренние технологические ресурсы для модернизации экономики и будет еще долго вынуждена полагаться на импорт машин и оборудования [5, 8].

Выживание российской модели капитализма стало возможным, потому что от проедания основного капитала, как это было в 90-е гг. XX в., отечественный капитал сделал шаг вперед к «всего лишь» недоинвестированию в технологическое обновление капитала. Однако и это состояние в стратегическом смысле, с точки зрения перспектив развития, является тупиковым,

ведя к технологическому отставанию и неконкурентоспособности промышленности. Например, при крайне высоком уровне удельного энергопотребления (энергоемкость ВВП России в 2003 г. была в 13 раз выше, чем в Японии, в семь раз выше, чем в Финляндии, в шесть раз выше, чем в Республике Корея, и вдвое выше, чем в Китае) российская экономика шла и идет в большей мере по пути экстенсивного расширения потребления энергии, нежели энергосбережения, что порождает дефицит электроэнергии. «Запросы на получение условий по подключению к энергосетям, по данным Минпромэнерго России, удовлетворяются только на 17 %».

Но дело не только в технологическом отставании, которым мы платим за воздержание от накопления капитала. Паразитическая ориентация российского капитализма ведет к деформации отраслевой структуры экономики. Если капитал избегает крупных высокорисковых инвестиций в долгосрочные проекты технологического обновления, то тогда ему остается зарабатывать прибыль за счет капиталовложений в проекты с высокой скоростью оборота капитала и высокой нормой рентабельности. В результате происходит деформирование отраслевой структуры производства.

Так, отрасли, от которых во многом зависит инновационный потенциал страны, – обрабатывающая промышленность, образование, здравоохранение, – развивались в этот период темпами от 2 до 4 % в год, в то время как финансовая деятельность, гостинично-ресторанный бизнес, оптовая и розничная торговля – от 9 до 11 % в год. Инвестиции в машиностроение находились на уровне 2,2-2,3 % от общего объема инвестиций в основной капитал, или в 6-7 раз меньше, чем инвестиции в добывающий сектор, и в 3-4 меньше, чем в сырьевые производства. Производство транспортных средств, электрооборудования, электронно-оптического оборудования, производство в машиностроении было нерентабельно.

При высокой налоговой нагрузке это делало такие производства совершенно непривлекательными, в том числе в инвестиционном отношении, что неудивительно, если рентабельность производства стоит ниже уровня ставки рефинансирова-

ния Центрального банка. В этих условиях привлечение кредитных ресурсов в сколько-нибудь крупных масштабах и на длительные сроки невозможно. В результате удельный вес этих отраслей продолжает сокращаться. Имеются и другие препятствия для экономического развития, которые носят структурный и инфраструктурный характер: низкая протяженность и плохое качество автодорожной сети, отсутствие современного скоростного железнодорожного транспорта, плачевное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры и т. д.

Социальные препятствия перехода к интенсивному типу воспроизводства. Среди важнейших проблем российского воспроизводства – социальные. Значительному повышению качества рабочей силы, что является необходимым фундаментом развития инновационной активности, препятствует низкая доля заработной платы в ВВП и высокий уровень дифференциации доходов населения.

По-прежнему продолжают действовать механизмы государственной политики доходов, оказывающие давление на заработную плату в сторону ее занижения – установление минимального размера оплаты труда ниже прожиточного минимума и установление ставок оплаты труда в бюджетном секторе таким образом, что лишь наиболее высокооплачиваемые категории работников оплачиваются выше прожиточного минимума. Хотя доля населения, живущего за чертой бедности, за последние годы сократилась, общая дифференциация доходов нарастала и, достигнув максимума в предкризисный период, продолжает оставаться на этом уровне. Распределение доходов в России характеризуется также значительной концентрацией доходов в руках высокодоходных групп населения. В результате большинство населения получает доходы значительно ниже среднедушевых (табл. 3).

Показатели таблицы 4 свидетельствуют, что период заметного снижения рождаемости и роста смертности остался позади. Некоторое улучшение состояния доходов населения и постепенная его адаптация к новым социально-экономическим реальностям привели к прекращению депопуляции России. Однако продолжительность жизни продолжает оставаться ниже, чем в развитых странах, смертность по ряду заболеваний остается

выше дореформенной; растет демографическое неблагополучие в некоторых регионах.

Таблица 3

Характеристики дифференциации денежных доходов населения

	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Децильный коэффициент фондов, в разах	13,5	13,9	15,2	16,6	16,2	16,4	16,3
Коэффициент Джини	0,387	0,395	0,409	0,421	0,417	0,420	0,419

Наряду с этим низким является социальный престиж труда в сфере науки и образования, что в значительной мере обусловлено уровнем оплаты труда, но в немалой степени также низким престижем труда вообще, который рассматривается в фактически сложившихся идеологических приоритетах как нечто второсортное по сравнению с бизнесом. Ранее существовавший особый престиж творческого труда совершенно утерян, ибо сравнительный престиж различных видов труда стал измеряться только его денежной стороной.

Таблица 4

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения

Годы	На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост
1950	26,9	10,1	16,8
1960	23,2	7,4	15,8
1970	14,6	8,7	5,9
1980	15,9	11,0	4,9
1990	13,4	11,2	2,2
1995	9,3	15,0	-5,7
2000	8,7	15,3	-6,6
2005	10,2	16,1	-5,9
2010	12,5	14,2	-1,7
2011	12,6	13,5	-0,9
2012	13,3	13,3	0,0
2013	13,2	13,0	0,2

Таковы лишь самые краткие ремарки о паразитических и асоциальных тенденциях в российской модели капиталистической экономики.

Постсоветская Россия: институциональные провалы

От состояния экономических институтов, выступающих как форма закрепления складывающихся производственных отношений, во многом зависит эффективность процессов воспроизводства, в том числе и воспроизводства самих производственных отношений. В период реформ, однако, недооценивались проблемы, связанные с неизбежными ограничениями скорости формирования новых институтов, равно как и долгосрочные издержки, вытекающие из возможности стихийного формирования неэффективных институтов. В настоящее время эту недооценку можно считать во многом преодоленной. Тем не менее, проблемы, сложившиеся в 90-е гг. XX в., продолжают накладывать отпечаток на современную ситуацию. Кроме того, внимание к совершенствованию институциональной среды с точки зрения создания благоприятных условий для инноваций носит в основном суженный характер. Вопрос о соответствии базовых производственных отношений и обслуживающих их экономических институтов задачам качественного изменения всех основных параметров воспроизводственного процесса в России с тем, чтобы преодолеть бесконечные качели «кризис – экстенсивный рост – кризис – экстенсивный рост…», как правило, не ставится.

Ключ к ответу на него лежит в плоскости анализа двух исторических аспектов: сохранения негативных и элиминации позитивных черт советской модели стимулирования научного, технического и социального прогресса с одной стороны, и привнесения в эту модель неадекватных России институтов, претендующих на создание правил игры «свободного рынка», с другой.

Институциональная среда и проблемы инноваций в советской экономике. Институциональная среда экономического развития в советской экономической системе после ряда очевидных успехов оказалась неспособной длительное время поддерживать и наращивать темпы технологического обновления, необходимые для обеспечения международной конкурентоспо-

собности советской экономики. Это было обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, высокая степень централизации управления и финансирования НИОКР в условиях роста масштабов и усложнения структуры экономики привела, с одной стороны, к очевидной громоздкости и неповоротливости системы управления, а с другой – к ведомственному дроблению систем, управлявших НИОКР.

Во-вторых, концентрация решений о технологической модернизации производства и выделении соответствующих инвестиционных ресурсов в высших эшелонах управления, позволяя создавать целые новые отрасли и крупные производства, в то же время существенно сдерживала текущее технологическое обновление существующих производств. При этом смещение оценок деятельности предприятий в сторону выполнения объемных плановых показателей значительно ослабляло стимулы к технической модернизации действующих предприятий и освоению новых видов продукции. Сам институциональный механизм формирования плана также не способствовал техническому прогрессу.

В-третьих, сложился перекос в распределении ресурсов НИОКР и вообще высокотехнологичных ресурсов в сторону военного производства. Это ослабляло потенциал технического прогресса в гражданских отраслях, особенно в инвестиционном комплексе.

В-четвертых, ведомственное дробление науки на академическую, отраслевую, внутрипроизводственную (внутрифирменную в современной терминологии) и вузовскую (университетскую) создавало административные барьеры на пути распространения и применения результатов НИОКР. При этом как оценка НИОКР в каждом таком ведомственном сегменте, так и выделение финансовых ресурсов ориентировались на административные критерии, слабо связанные с распространением и применением нововведений или с их экономическим эффектом.

Можно сделать вывод, что нарастание трудностей в инновационной сфере было связано как с общими институциональными основами советской экономической системы (и их эволю-

цией), так и со специфическими проблемами в институциональной структуре самой национальной инновационной системы.

Проведение радикальных рыночных реформ привело к сдвигам в этой ситуации в двух направлениях: во-первых, резко изменились критерии поведения хозяйствующих субъектов на всех уровнях национальной экономики; во-вторых, под влиянием этих изменений стало происходить спонтанное разрушение институтов национальной инновационной системы.

«Рыночные реформы» приводят к ухудшению ситуации. Формирование новой институциональной среды происходило без какого-либо сознательного влияния государства. Более того, очевидные проблемы в этой сфере, возникавшие в ходе реформ, игнорировались с упорством, достойным лучшего применения. Разумеется, такой ход событий нельзя целиком списать на некомпетентность руководства. Корень проблем лежал в формирующемся балансе экономических интересов.

В советской плановой системе основным генератором спроса на инновации выступал механизм централизованных инвестиций, направляемых на проведение НИОКР. В рыночной экономике институт централизованных инвестиций, как предполагалось, должен был бы быть заменен более эффективным институтом спроса на инновации, генерируемого фирмами. Этот спрос определялся бы стремлением фирм понизить издержки производства за счет новых технологий и расширить рынки сбыта с помощью освоения новых продуктов и услуг.

Однако этого не произошло. Плановые институты были демонтированы, но спрос на инновации со стороны фирм стал резко сужаться и практически исчез после 1992 г. Это определялось как институциональными, так и макроэкономическими факторами. Резкий переход от плановых институтов к рыночным не оставил времени на адаптацию фирм к новым «правилам игры», что неизбежно привело к избранию фирмами такой модели поведения, которая минимизировала бы любые сколько-нибудь долгосрочные риски. Во-вторых, макроэкономическая политика, основными чертами которой являлись быстрая и широкомасштабная либерализация цен и проведение жесткой кредитно-

денежной политики, привела к резкому сужению совокупного спроса.

Быстрая либерализация цен породила феномен «трансформационного спада», особо глубокого для российской экономики, как в силу неприспособленной к быстрым структурным сдвигам отраслевой структуры национального хозяйства, так и в силу отсутствия сколько-нибудь развитых институтов рыночной экономики. Рестриктивная денежно-кредитная политика, основанная на идее бороться с инфляцией издержек чисто монетарными методами, привела к демонетизации экономики, еще большему сужению спроса и соответствующему спаду производства, общему падению рентабельности, некредитоспособности большинства предприятий и к неизбежному отказу от инвестиционных расходов.

Такая макроэкономическая ситуация определила формирование устойчивых норм поведения российских предприятий, особенностями которых стали крайне короткий горизонт принятия решений, ориентация на краткосрочные торгово-посреднические и финансовые операции, завышенные притязания к норме рентабельности любых инвестиционных расходов.

В той части, в какой российское государство проводило активную политику формирования новых экономических институтов, эта политика также приводила к антиинновационным эффектам. Избранные методы приватизации государственных предприятий, во-первых, привели к формированию отношения новых собственников этих предприятий к полученному капиталу не как к капиталу, а как к полученному доходу, и, соответственно, любые инвестиционные вложения капитала рассматривались только как вычет из этого дохода. Во-вторых, в российской экономике сформировался институт инсайдерского контроля и инсайдерской ренты, присваиваемой не только крупными инсайдерами, но и мелкими инсайдерами из управляющей структуры фирмы. Инсайдерская рента также представляет собой вычет из потенциальных инвестиционных ресурсов, могущих быть направленными на инновации.

Результатом рассмотренных выше изменений стал феномен, часто называемый в России «негативной конвергенцией»: со-

единение недостатков плановой и рыночной моделей стимулирования социально-экономического развития.

Сформированные в ходе реформ такие институты регулирования национальной экономики, как бюджетная, налоговая и таможенная системы, приобрели выраженную антиинновационную направленность. Удельный вес бюджетных расходов на развитие человеческого потенциала резко сократился как по сравнению со временами СССР, так и по сравнению со стандартами развитых и новых индустриальных стран. Налоговая и таможенная системы приобрели крайне запутанный характер, что позволяет сделать вывод, что имеет место не просто противопоставление фискальных целей целям развития национальной экономики, а подчинение этих систем целям извлечения чиновниками административной ренты. Оформление налоговых и таможенных документов крайне сложно и запутанно. Принятые официальными инстанциями налоговые и таможенные документы могут быть в любой момент задним числом оспорены и интерпретированы как сознательное нарушение законодательства. Налоговые льготы, предусмотренные для стимулирования инвестиционной и инновационной активности, ликвидированы.

Такая институциональная среда стала фактором разрушения институтов национальной инновационной системы. Как фундаментальные, так и прикладные исследования и подготовка специалистов для них в силу сокращения финансирования значительно деградировали и утратили существенную часть материального и кадрового потенциала. Четыре пятых научно-исследовательских организаций, относящихся к сегменту внутрифирменной науки, просто ликвидированы. Государственная стандартизация производства перестала быть рычагом его технического обновления.

В то же время попытки создать новые институты национальной инновационной системы – реформа образования, формирование специальных госкорпораций, государственных венчурных фондов, технико-внедренческих зон, регулирование института интеллектуальной собственности, создание технопарков и малых фирм при университетах и т. п. – не приносят видимых результатов.

Чем раньше будет осознано, что без радикальной ломки большинства сложившихся в 90-е гг. прошлого века экономических институтов ни инновационное развитие, ни модернизация в принципе невозможны, тем скорее мы сможем перейти к выработке действенной модернизационной и инновационной стратегии.

Надежды на посткризисный рост: ресурсная ловушка

Проблемы как величины ресурсов, обеспечивающих инновационный процесс на всех его стадиях, так и эффективности институтов, направляющих эти потоки ресурсов и координирующих различные звенья инновационной деятельности, обладают особой важностью для российской экономики. В течение ряда лет именно эти проблемы находились в центре внимания российских исследователей, занимающихся проблемами инновационной экономики. И именно анализ этих проблем приводит к выводу, что с точки зрения ресурсного обеспечения инновационного развития никак не меньшее, а, может быть, и большее значение имеет динамика качественной структуры ресурсов, используемых в народном хозяйстве в целом. Более того, от качественной структуры ресурсов, которыми располагает национальное хозяйство, зависит решение вопроса о том, станут ли инновационные источники развития преобладающими в российской хозяйственной системе.

Качественная неоднородность ресурсов и ее экономическое значение. В современной экономической теории разработаны концепции, показывающие зависимость экономического развития от неоднородности ресурсов, характера и динамики их распределения в общественном производстве. Совокупное значение этих концепций было продемонстрировано в работах Р. С. Дзарасова [9, с. 307-330]. Этот подход позволяет конкретизировать тезис о влиянии характера и уровня производительных сил на производственные отношения, равно как и о том воздействии, которое сложившаяся система производственных отношений оказывает на развитие производительных сил общества.

В новом институционализме введено понятие специфичности активов, противостоящее неоклассической догме об универсальности капитала и о возможности его свободного перелива из отрасли в отрасль, а также о свободной возможности замещения

труда капиталом. Понятие специфичности активов, напротив, предполагает, что активы невозможно переориентировать на иное использование без потери ценности. Соответственно, по меньшей мере часть инвестиций в такие активы представляет собой безвозвратные издержки – т. е. издержки, которые не могут быть компенсированы при перенацеливании актива [11, с. 141].

Такой подход существенно углубляется понятием качественной неоднородности ресурсов, предложенным академиком Ю. В. Яременко. В первом приближении применяемые в экономике ресурсы можно разделить на качественные (высокотехнологичные, высококвалифицированные, высокоэффективные) и массовые (менее эффективные). Разумеется, реальная структура ресурсов значительно сложнее – как минимум нужно принимать во внимание различие между существующими в экономике технологическими укладами [1].

Взаимодействие между этими двумя группами ресурсов может, в зависимости от экономических и технологических условий, характеризоваться двумя разнонаправленными процессами – замещением и компенсацией. Если в результате технического прогресса и роста производительности качественные ресурсы становятся более доступными, то происходит замещение меньшим количеством качественных ресурсов большего количества массовых ресурсов, использовавшихся для аналогичного производства. Если же в той или иной отрасли наблюдается недостаток (труднодоступность) качественных ресурсов, то выход из этих затруднений может быть обеспечен путем компенсации данного недостатка вовлечением в производство большего количества относительно более дешевых массовых ресурсов [4, с. 31-47; 5, с. 6-14; 12; 13].

Сопоставляя этот подход с концепцией специфичности ресурсов, нужно обратить внимание на то, что и замещение, и компенсация не являются простыми следствиями «автоматического» влияния ценовых пропорций на рынке, а сопряжены с определенными пороговыми издержками, зависящими от технологической структуры экономики и состояния технического прогресса. Эти издержки и определяют собой направления и масштабы процессов компенсации или замещения.

Поэтому при конкретном анализе этих процессов невозможно уже ограничиться указанием на различие между качественными и массовыми ресурсами. Нужно принимать во внимание не только динамику цен на различные технологически определенные группы ресурсов, но и оценивать затраты, связанные с переливом этих ресурсов между отраслями производства. Кроме того, нельзя игнорировать также и то обстоятельство, что для различных отраслей существуют и определенные значения объемов ресурсов, необходимых для того, чтобы проявился эффект как замещения, так и компенсации. Наконец, замещение массовых ресурсов качественными в какой-либо отрасли или подотрасли национальной экономики не обязательно будет означать заметный прирост эффективности в народно-хозяйственном масштабе, если другие звенья технологических и воспроизводственных цепочек, не обладая в должной степени качественными ресурсами, будут «гасить» эффект замещения в отдельно взятом звене. Такая ситуация будет одновременно означать наличие высоких порогов для распространения инноваций из отраслей, обладающих качественными ресурсами, в те звенья народного хозяйства, которые такими ресурсами не обладают.

Структура распределения ресурсов в российской экономике. Взаимоотношение между качественными и массовыми ресурсами в российской экономике формировалось как под влиянием унаследованных структурных особенностей советской экономики, так и под влиянием резкого изменения экономических условий воспроизводства в результате «радикальных рыночных реформ». В советской экономике распределение ресурсов по отраслям производства происходило на нерыночной (плановой) основе, но в то же время не могло преодолеть объективные рамки ресурсно-затратных соотношений. В плановом порядке происходила концентрация качественных ресурсов в отраслях военной экономики и ряде тесно связанных с ними гражданских секторов (например, в авиационной и космической промышленности, в некоторых секторах радиоэлектроники, приборостроения, производства конструкционных материалов). Но поскольку внутренние источники технического прогресса в советской плановой модели были относительно слабыми, та-

кая концентрация ослабляла приток качественных ресурсов во все остальные отрасли народного хозяйства [6].

Разумеется, при более детальном рассмотрении картина была много сложнее. В зависимости от иерархии плановых предпочтений (и баланса сил различных ведомств) в советской экономике выстраивалась и иерархия распределения ресурсов по уровню их качества. Поскольку в плановой системе конкурентный механизм перелива капиталов не действовал и, кроме того, все более давала о себе знать тенденция к формированию замкнутых ведомственных систем, в ней сформировалась многоуровневая (с точки зрения качества ресурсов) экономика. Этому соответствует одновременное наличие в нашем национальном хозяйстве нескольких технологических укладов при высоком удельном весе тех из них, которые формировались в начале и середине прошлого века [2, 3].

В капиталистической рыночной экономике также существуют различия между качественными и массовыми ресурсами, однако там не присутствуют сильные административные барьеры для перелива ресурсов. Поэтому различия в обеспечении разных секторов экономики качественными ресурсами определяются в основном конкуренцией капиталов и являются более плавными. Кроме того, экономическая система развитых капиталистических государств характеризуется наличием сильного экономического механизма непрерывной генерации качественных ресурсов, поддерживаемого эффективными экономическими и государственными институтами.

Проблема недостатка качественных ресурсов в советской модели решалась двумя путями. Во-первых, через упомянутую выше компенсацию недостатка качественных ресурсов вовлечением в производство большего количества относительно дешевых массовых ресурсов, что поддерживалось, в частности, заниженными ценами на рабочую силу, сырье и энергетические товары. Во-вторых, через экспорт топливно-сырьевых товаров и ввоз современного высокотехнологичного оборудования из-за рубежа.

Однако компенсация за счет использования дешевых массовых ресурсов наталкивалась на определенные пределы – в пер-

вую очередь, на абсолютные ресурсные ограничения. К концу 70-х гг. XX в. обозначилось замедление естественного прироста контингента рабочей силы и исчерпание возможностей наращивания занятости в индустриальных секторах за счет перелива рабочей силы из села в город.

В этот же период происходит исчерпание относительно доступных источников естественных ресурсов и ухудшение горно-геологических условий их добычи. Стратегия ввоза технологий из-за рубежа (обмен массовых ресурсов на качественные) сталкивается с растущими издержками добычи экспортных. А ведь возможности наращивания массовых ресурсов также сужаются!

Таким образом, остальные отрасли лишаются не только качественных, но теперь уже и массовых ресурсов. В результате крайне ослабевают источники роста и развития этих отраслей и, что особенно важно, – отраслей инвестиционного комплекса. Они все слабее и слабее справляются с задачей генерирования качественных ресурсов для народного хозяйства и даже для военного производства. Соответственно, еще более возрастает роль импорта в притоке таких ресурсов в народное хозяйство, что требует наращивания добычи экспортных ресурсов. Порочный круг замыкается.

Таковы были ресурсно-воспроизводственные проблемы, которые российская экономика, переходя на рыночные рельсы, унаследовала от советского планового хозяйства. Как же разрешались эти проблемы в ходе «радикальных рыночных реформ»?

Предполагалось, что формирование механизмов рыночной конкуренции и свободного ценообразования приведет к созданию и сильных экономических стимулов технического прогресса (что обеспечит генерирование качественных ресурсов), и экономических стимулов к выравниванию распределения ресурсов по отраслям экономики. Сближение с ценами мирового рынка автоматически обеспечит нам и соответствующее рациональное распределение ресурсов по отраслям.

При этом полностью игнорировались сложившиеся в период плановой экономики структурные особенности народного хозяйства. Это, во-первых, крайняя слабость инвестиционного комплекса, его в целом низкий технологический уровень и спо-

собность к воспроизводству лишь при заниженных ценах на массовые ресурсы. Во-вторых, монополистическая структура топливных и сырьевых отраслей. В-третьих, необходимость жесткого контроля за ценовой политикой железнодорожного транспорта и энергетики (относящихся к отраслям естественных монополий).

В результате «свободный рынок» привел к резкому росту цен на топливные, энергетические и сырьевые ресурсы и услуги естественных монополий, что, соответственно, увеличило издержки производства во всех остальных отраслях. Его товары сделались неконкурентоспособными ни по технологическому уровню, ни по цене. Это привело к резкому сжатию спроса на продукцию инвестиционного комплекса и к глубокому падению объемов производства. Сам инвестиционный комплекс лишился не только всякой возможности привлекать качественные ресурсы, но и какого-либо компенсирующего притока массовых ресурсов.

Такая ситуация означала, что и для всех остальных отраслей утрачен внутренний источник их обеспечения качественными ресурсами. К тому же макроэкономическая политика того периода не только не препятствовала сжатию внутреннего спроса, но и, напротив, опиралась на него, обеспечивая проведению финансовой стабилизации приоритет над всеми иными целями. Поэтому удовлетворять свою потребность в качественных ресурсах могли только экспортно-сырьевые отрасли, имевшие стабильные валютные доходы. Ввиду слабости внутреннего инвестиционного комплекса эти отрасли ориентировались главным образом на использование импортных машин и оборудования. Однако даже эти отрасли направляли финансовые потоки от экспорта ресурсов прежде всего не на импорт технологического оборудования, а на другие цели. В 90-е гг. XX в. резко возрос ввоз из-за рубежа потребительских товаров.

Таким образом, отечественный инвестиционный комплекс был практически полностью разрушен. Зависимость отечественной экономики от импорта машин и оборудования значительно возросла. Если в 2001 г. отечественные производители обеспечивали 10 % внутреннего рынка, то к 2004 г. их доля со-

кратилась до 2 %. При этом импортеры увеличили поставки более чем в 2 раза [5]. «В 2006 г. Россия произвела около 7 тыс. единиц металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования, что в 14,5 раз меньше, чем РСФСР в 1990 году. <…> Начиная с 2002 г., объем российского импорта механообрабатывающего оборудования превышает объем внутреннего производства и растет опережающими темпами. Импортная зависимость России в 2006 г. составляла уже 87 %» [8].

В станкостроении доля импорта оборудования в настоящий момент превышает 90 %, в тяжелом машиностроении – 60-80 %, в легкой промышленности – 70-90 %, в радиоэлектронной промышленности – 80-90 %, в фармацевтической и медицинской промышленности – 70-80 %.

Резкое сокращение объема качественных ресурсов, вытеснение высокотехнологичных ресурсов ресурсами, относящимися к более низким технологическим укладам (обратное замещение), естественно, высветило проблему компенсации катастрофической нехватки качественных ресурсов массовыми. Но такая компенсация оказалась почти невозможной – ведь недостаточная доступность массовых ресурсов обнаружилась уже к концу советского периода, а в ходе реформ произошло к тому же общее сжатие внутреннего спроса, в особенности инвестиционного, что сделало недоступными для большинства предприятий любые добавочные ресурсы. Кроме того, сближение внутренних цен с ценами мирового рынка привело к значительному относительному вздорожанию некоторых массовых ресурсов (сырье, топливо, электроэнергия, железнодорожные перевозки).

Механизм компенсации качественных ресурсов массовыми все же сыграл некоторую роль – за счет ужесточения контроля над ценами и тарифами топливно-сырьевых и естественных монополий (в 1995-1997 гг. и с осени 1998 г.) и за счет притока нефтедолларов в силу высокой конъюнктуры внешнего рынка (с весны 1999 г.). По существу же это была лишь частичная мобилизация ресурсов, омертвленных в результате макроэкономической политики правительства – главным образом, за счет увеличения загрузки старых (и еще более устаревших за период кризиса 90-х гг. XX в.) производственных мощностей. Не была

решена и проблема деквалификации трудовых ресурсов, хотя произошел некоторый относительный рост оплаты труда. Достаточно скудные и еще более оскудевшие за 90-е гг. ресурсы инвестиций для обновления основного капитала не были эффективно мобилизованы из-за сохранения в экономике феномена инсайдерского контроля. В экономике образовался разрыв между валовыми сбережениями (инвестиционным потенциалом) и их использованием на инвестиционные цели. В 90-е гг. при уровне валовых сбережений 31-35 % от ВВП инвестиции составляли 15-17 % ВВП [8, с. 235].

Экономический рост 1998-2008 гг. опирался на временные макроэкономические импульсы («шоки» – девальвация рубля, сокращение реальной зарплаты и т. д.) и на благоприятную конъюнктуру мирового рынка топливно-сырьевых товаров. Эти факторы роста не были за прошедшее десятилетие трансформированы во внутренние источники экономического роста, хотя нельзя отрицать их мультипликативность.

Технологическая модернизация основного капитала и рост квалификации рабочей силы, хотя и отмечались в некоторых отраслях, сыграли незначительную роль в росте российской экономики. В целом по национальному хозяйству не произошло сколько-нибудь заметного снижения возраста установленного оборудования, а инновационная активность не только не росла, но даже и сокращалась [7].

Возможности преодоления экстенсивного типа воспроизводства. Тот факт, что условием выхода посткризисной экономики России на интенсивный тип воспроизводства является инновационная активность, достаточно очевиден. Гораздо реже обращается внимание на обратную связь. Было бы недопустимым упрощением представлять инновации лишь как однонаправленный процесс, зарождающийся в головах ученых, проходящий через руки инженеров-разработчиков и затем «спускающийся» в производство.

Инновационный процесс является органическим компонентом функционирования самих хозяйственных ресурсов, прежде всего – качественных. Высокотехнологичное оборудование, специалисты и высококвалифицированная рабочая сила являют-

ся той питательной средой, где генерируются и где приживаются инновации. Кроме того, если не созданы ресурсные и экономические предпосылки для замещения массовых ресурсов качественными, то экономика либо не будет предъявлять эффективный спрос на инновации, либо инновационный процесс будет затухать в силу ресурсно-технологических ограничений. Сама по себе активность в сфере исследований и разработок, не имеющая такой питательной почвы в виде растущего замещения массовых ресурсов качественными, не даст результатов – инновации будут отторгнуты неспособной их эффективно применить экономикой.

Особую сложность имеет задача инновационного роста в многоуровневой экономике, т. е. в экономике с несколькими заметно различающимися уровнями качества ресурсов. Академик Ю. В. Яременко писал: «В экономике, ориентированной на максимальную концентрацию ограниченных технических ресурсов на ее верхних уровнях, с большими качественными расстояниями между отдельными группами отраслей, с относительно крупными по своим масштабам подразделениями, использующими простую и среднюю технологию, процесс внедрения, начавшись достаточно быстро, может сильно замедлиться или вообще остановиться. Возникший спрос на новые технологические средства может достаточно резко упасть. Поддержание его связано с созданием условий, снижающих барьеры на пути притока качественных ресурсов» [12, с. 122].

Хозяйственная система, способная воспринимать инновации и широко распространять их по всему экономическому пространству, должна характеризоваться высокой однородностью, плотностью и насыщенностью качественными хозяйственными ресурсами. «… В развитых странах постоянно воспроизводится достаточно однородное высокотехнологичное пространство с расширяющейся экспансией на еще остающиеся ареалы использования ресурсов более низкого качества» [10, с. 26]. При этом современное российское технологическое пространство ни однородно, ни плотно, ни насыщенно. Эта ситуация создает высокие технологические и экономические барьеры для инновационной активности, обеспечивающей повсеместное распростра-

нение качественных ресурсов. «… Внедрение качественно новых технологий имеет смысл лишь тогда, когда последующие элементы технологических цепей в состоянии воспринять и сохранить качественные приращения, возникшие в результате внедренных инноваций», – отмечал М. Н. Узяков [10, с. 23-24].

К сожалению, сложившаяся в советский период неоднородность насыщения народного хозяйства качественными ресурсами не была преодолена в ходе рыночных реформ. Это подтверждается недавними исследованиями, показавшими значительный разрыв (в 11, 16, даже в 24 раза) в уровнях производительности между 20 % лучших и 20 % худших предприятий внутри одной отрасли. Поэтому насыщение российского технологического пространства качественными ресурсами потребует полного обновления активной части производственного аппарата [10, с. 27]. Чтобы привести его к этому состоянию, необходима целенаправленная структурно-инвестиционная политика, поскольку автономными усилиями предприятий эта проблема в обозримой перспективе решению не поддается.

Эта необходимость была осознана еще в 80-е гг. XX в. и активно дебатировалась в период перестройки. Однако с выбором в пользу «радикальных рыночных реформ» господствующие классы и их политические представители предпочли игнорировать проблему широкомасштабной модернизации экономики под тем предлогом, что «рынок сам все расставит по своим местам». Впрочем, в экспертном сообществе эта проблема поднималась неоднократно, и признаки ее понимания попадали даже в правительственные документы. Здесь можно сослаться, например, на Государственную программу «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», одобренную распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р. В ней совершенно верно констатируется: «Экономический рост и модернизация отраслей экономики Российской Федерации в короткие сроки возможны только в случае увеличения темпов развития высокотехнологичных отраслей, для обеспечения которых необходимо проведение государственной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности указанных отраслей эконо-

мики» [14]. Однако намеченные меры не были притворены в жизнь.

Только обеспечение полного обновления основного капитала и создаст необходимую основу для инновационной активности и среду, предъявляющую масштабный спрос на инновации, и обеспечит за счет инноваций экспансию качественных ресурсов в экономике, замещение ими менее эффективных массовых ресурсов, а также удешевление последних. Тем самым станет возможным и создание надежных внутренних источников экономического роста и развития, и обеспечение конкурентоспособных позиций России в мировой экономике.

Литература

1. Белоусов А., Клепач А. Кризис индустриальной модели советского типа // Альтернативы. Ч. 1. 1994. № 1; Ч. 2. 1995. № 1.
2. Глазьев С. Ю. Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990.
3. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
4. Дзарасов Р. С. Теория качественной неоднородности ресурсов и альтернативная экономика // Проблемы прогнозирования. 2002. № 5.
5. Инновационная депрессия // Финансовый контроль. 2004. № 12 (37). URL: http://www.fincontrol.ru/themes/fincontrol/archive-document.asp? folder=3434&matID=56558
6. Колганов А. И. Пример классового анализа российского капитализма (кое-что о макроэкономической мудрости журнала «Эксперт») // Альтернативы. 2004. № 2.
7. Комплексная программа научных исследований Президиума РАН «Прогноз технологического развития экономики России с учетом новых мировых интеграционных процессов (содержательные, экономические и институциональные аспекты)». Основные результаты по Программе за 2004 год. URL: http://df7. ecfor. rssi. ru/index. php? pid=tech
8. Тезисы доклада заместителя Министра промышленности и энергетики Российской Федерации А. Г. Реуса на заседании

Правительственной комиссии по развитию промышленности, транспорта и технологий. 27.07.2007.

9. Теория капитала и экономического роста / под ред. С. С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.

10. Узяков М. Н. Взаимодействие качественных и массовых ресурсов и эффективность экономики // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1.

11. Уильямсон О. И. Логика экономической организации // Природа фирмы: к 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы» / под ред. О. И. Уильямсона. М.: РАНХиГС: Дело, 2001.

12. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики // Избранные труды: в 3 кн. М.: Наука, 1997. Кн. I.

13. Яременко Ю. В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1.

14. URL: http://gov.cap.ru/list2/view/02SVSPEECH OV/form.asp?id=4353&pos=16&GOVID=15

С. Д. Бодрунов

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ

На первый взгляд, мы далеки, так сказать, от прозы хозяйственной жизни. Но, конечно, это не так. Темы и проблемы наших дискуссий органично сочетают теорию и практику, подтверждая старый, но не устаревающий тезис о том, что **нет ничего практичнее хорошей теории**.

Именно политическая экономия призвана дать главные ответы на вызовы нашего времени, определить фундаментальные основы стратегии социально-экономического развития страны, осветить дальние горизонты нашего движения вперед. В этом свете ключевая проблема современной российской экономики,

близкая мне, – **проблема индустриального возрождения России**, создания в нашей стране высокотехнологичного материального производства, интегрированного с наукой и образованием. Это не просто вопрос выбора наиболее эффективной отраслевой структуры производства. Это вопрос формирования новой российской экономической системы, способной обеспечить внутренние импульсы к технологической модернизации и промышленному росту.

Увидеть принципиальные черты такой экономической системы без политико-экономических исследований невозможно, поскольку решение этой задачи упирается в целый ряд собственно политико-экономических аспектов исследования.

Выделим лишь некоторые из них, прямо обусловленные спецификой предмета и метода нашей науки.

Первый аспект. Предмет политической экономии – это преимущественно объективные отношения людей в процессе материального производства в широком смысле слова, т. е. как собственно производства, так и обмена, распределения и потребления. Именно объективные общественные отношения и именно в производстве. В этом – принципиальное отличие этой науки от господствующего ныне в экономической теории дискурса, обозначаемого словом «экономикс», где центром внимания является выбор индивида, причем преимущественно в сфере обмена, а не производства.

Уже одно это показывает, что, например, для рассматриваемого нами понятия «реиндустриализация» оказывается наиболее адекватным именно политэкономический подход, позволяющий не только сконцентрировать внимание на собственно производстве, но и посмотреть на то, какие объективные законы его развития и почему требуют использования тех или иных механизмов возрождения материального производства. И здесь политэкономия оказывается более чем прозорливой наукой. Утверждение, что для экономического развития приоритетной сферой может и должно быть собственно материальное производство, долгое время третировалось сторонниками «рыночного фундаментализма», и вот результат – глубокая деиндустриализация хозяйства. Обратный процесс, реиндустриализация, заставляет

вновь убедиться, сколь правы были политэкономы, критиковавшие увлечение развитием посреднических, вторичных сфер в ущерб материальному производству.

Второй аспект. Политическая экономия всегда подчеркивала необходимость такого развития, в котором будет обеспечена диалектическая взаимоадекватность, с одной стороны, производительных сил, а с другой – социально-экономических, производственных отношений.

В применении к исследованию проблем реиндустриализации этот «подзабытый» теоретический принцип дает кажущийся простым, но далеко не всегда практически и теоретически реализуемый вывод – для прогресса высокотехнологичного материального производства недостаточны отношения свободного рынка и классические формы частной собственности.

К примеру, для прогресса сложных кластеров, интегрирующих современное материальное производство, науку и образование, необходимы не только адекватные рыночные условия (гарантии прав собственности и контрактов и т. п.), но и как минимум государственно-частное партнерство и долгосрочные программы государственной поддержки таких кластеров (дешевые кредиты, сопряженные с частными государственные инвестиции, «налоговые каникулы» и т. п.).

Третий аспект этой проблемы, подчеркивающий значимость политико-экономического подхода, – историко-системный метод исследования экономической реальности.

Для нас экономика – это не просто сфера функционирования тех или иных более или менее рациональных акторов; это многообразие исторически развивающихся экономических систем. И российская экономическая система – одна из них. Она имеет свои закономерности развития, которые специфическим для нашего пространства и для нашей цивилизации образом преломляют общие законы экономического развития. Наши политэкономы не выдумывают особый закон Ома для России, а показывают другое – то, что объективные экономические отношения, свойственные для рынка и других экономических феноменов, имеют свои немалые особенности в тех или иных специфических социальных пространствах на разных этапах их

развития, в частности, и для России. Мы утверждаем: говоря о плюсах и минусах, например, рынка и государственного регулирования, частной или государственной собственности, нельзя не учитывать, о какой национальной системе идет речь – о крупнейшем евразийском государстве Россия или о маленькой Бельгии? Нельзя не учитывать и то, что Россия 1990-х и современная Россия, проводящая политику реиндустриализации и импортозамещения, – это «две большие разницы», это системы с разной гео-политико-экономической целеориентацией. И для них поразному могут и должны решаться упомянутые вопросы.

Четвертый аспект заключается в том, что точно так же без политической экономии нельзя до конца понять и роль «человеческого измерения» экономического развития – например, осознать ту возрастающую роль, которую играют в современной экономике **знания**; политическая экономия дает обоснование критически важной роли науки и образования в переходе к такой модели экономического развития, которая не только дала бы возможность провести реиндустриализацию страны на новейшей технологической базе, но и открыла бы путь к непрерывной модернизации экономики.

И **пятый аспект – учет социальных и политических** детерминант, доминант и трендов.

Политическая экономия не случайно соединяет два понятия – политику и экономику. Учет социально-политической составляющей экономических процессов – ее важное преимущество. Сфера ее особого внимания – общественные интересы, социальная структура общества, деятельность государства, экономическая политика.

Так, в рамках политической экономии важнейший вопрос – о том, какие общественные страты и в каком соотношении друг с другом продуцирует тот или иной экономический строй. Этот вопрос весьма значим и для рассматриваемой нами задачи возрождения высокотехнологичного материального производства. Кто, какой социальный слой станет драйвером решения этой задачи, ее движущей силой? Какую общественную силу выдвинут на первый план объективные законы экономического развития и, с другой стороны, как деятельность этих общественных сил будет сопряжена с объективной необходимостью возрожде-

ния материального производства? Это – задача именно политико-экономических исследований.

Таким образом, политэкономия как наука дает возможность показать не только функциональные связи между различными экономическими феноменами. Она позволяет выделить закономерное и случайное в экономике, рассмотреть ее в развитии, **системно-исторически**. И самое главное: она, кладя в основу исследования процессы, происходящие в материальном производстве, а не только в сфере обмена, уделяет самое пристальное внимание **отношениям людей** и социальных общностей, рассматривает взаимодействие социально-экономических интересов.

Все это обоснованно позволяет считать политическую экономию, используя известное выражение Михаила Васильевича Ломоносова, наукой **не только светоносной, но и плодоносной** – наукой, которая и дает важные теоретические основания для рекомендаций практике – как в фундаментальном, так и в актуальном аспекте.

Сегодня одним из таких наиактуальнейших вопросов является проблема обновления и развития нашей российской экономической системы.

К примеру, об экономической политике, направленной на реиндустриализацию и импортозамещение, мы не раз говорили в рамках научных конференций, на Московском экономическом Форуме и Санкт-Петербургском экономическом Конгрессе и т. д. Хотелось бы остановится на том, на базе какого анализа сформированы предложения нашего Института, каково наше системное видение современной экономики России.

Системный подход, как учит нас Георгий Борисович Клейнер, требует изучения элементов, их внутренних связей и системного качества. Еще важнее – рассмотрение экономической системы не как изолированной и самодовлеющей, так сказать, эндогенно, а экзогенно, как целостной части более широкой совокупности, т. е. во взаимосвязи с внешними для нее факторами. Для понимания сути **экономической системы** становится необходимым изучить, с одной стороны, обусловливающие ее существование и функционирование материально-технические предпосылки, а с другой – социально-культурную среду, в которой

формируется экономическая система. К последним относятся идеологические, социально-психологические, политические, этнокультурные и другие ее составляющие, часто в совокупности определяемые как цивилизационная специфика страны.

При этом важно понять влияние всех этих факторов на внутренние закономерности формирования и функционирования экономических отношений и институтов с учетом динамики их развития.

А вот это, в частности, и предполагает использование именно **политико-экономического подхода** к анализу, позволяющего выделить прямые и обратные связи, присущие российской экономической системе, например:

– технологические уклады;

– социально-экономические отношения и экономико-правовые институты;

– цивилизационные и социокультурные инварианты и тренды.

При таком подходе достаточно очевидным будет выделение **трех подсистем экономической системы России.**

Первая подсистема – **традиционно-консервативная**. Она, соответственно указанным трем уровням, включает:

– традиционно важные, но зачастую играющие консервативную роль, растущие из XIX – начала XX в. отрасли материального производства; технологические уклады, основанные на ручном и слабоиндустриализированном труде; машинное производство продуктов невысокой степени переработки, куда относится и сырьевой сектор;

– рыночные отношения, обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальных отношений и государственно-бюрократического протекционизма и патернализма;

– традиционные российские цивилизационные «инварианты», тяготеющие к идеологии консерватизма.

Вторая подсистема – **либерально-рыночная.** Для нее характерны:

– преимущественно сборочные производства, являющиеся частью сети транснациональных корпораций: торговля, сервис, финансы, другие сферы посредничества;

– близкие к «классическим», хотя и существенно модифицированные российской спецификой рыночно-капиталистические экономические отношения и институты;

– преимущественно либерально-западническая идеология.

Третья подсистема – **ростки будущей новой смешанной российской экономики**, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально-ориентированного регулируемого хозяйственного развития. Эта система должна критически, преодолев основные пороки прошлого (дефицит, бюрократизм директивного планирования, уравниловку), использовать позитивные аспекты опыта советской экономической системы и сохраняющиеся до сих пор ее достижения (в том числе в оборонно-промышленном комплексе) и использовать опыт таких стран, как Австрия, Дания, Финляндия, Швеция – с одной стороны, Китай, Вьетнам и др. – с другой в области государственного регулирования и программирования рыночной экономики.

При этом нужно, безусловно, рассматривать экономическую систему не как нечто застывшее, а как непрерывно, динамически развивающуюся, с учетом того, что эта динамика также «динамична» и развитие идет с разнотемповым ускорением по различным дирекциям, непрерывно меняя суть и элементов системы, и взаимосвязей, и т. д.; это делает анализ состояния экономической системы на базе политэкономического подхода императивом при подготовке и принятии практических рекомендаций и решений.

Безусловно, здесь приведен весьма и весьма упрощенный и укрупненный набросок того, как мы представляем себе российскую экономическую систему – просто как некий пример. «В стороне» здесь остались многие вопросы анализа системного качества нашей экономики, ее внутренних противоречий, целостности, квалифицирования ее по различным признакам и классификациям и т. д. Здесь мы обозначили лишь принцип – использование политэкономического подхода при анализе нашей экономической системы. Но, на наш взгляд, даже такой, образно говоря, «крупно-мазковый» анализ российской экономики в пред-

ставленном варианте на базе **политико-экономического подхода** позволяет теоретически обоснованно предлагать те практические меры по совершенствованию **экономической политики**, о которых неоднократно говорилось, а именно – что в центре новой экономической политики должна стоять задача инновационной модернизации российской экономики через ее реиндустриализацию на базе приоритетного развития высокотехнологичных производств и их интеграции с наукой и образованием и формирования на базе этого подхода новой экономической политики как комплекса соответствующих конкретных задач и мер; они, будучи увязаны между собой, в рамках системного подхода могут дать системный практический эффект, выстроить ту экономическую политику, которая будет способствовать возрождению и развитию современного материального производства, науки и образования в нашей стране, а значит – росту ее мощи и геополитической роли, процветанию ее народов.

Помочь гражданам России с выработкой такой политики – одна из важнейших задач политэкономов.

В. Д. Мамонтов

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О необходимости внесения кардинальных изменений в современную модель экономического развития говорится долго, в дискуссии участвуют теоретики и практики, придерживающиеся разных политических взглядов. Нередко имеют место крайне полярные точки зрения, но в одном при этом присутствует единство: экономические перемены необходимы.

Несмотря на многосложность задач, стоящих сегодня перед любой национальной экономикой, целевая установка социально-экономической системы остается, как и много веков назад, достаточно определенной: все больше и больше производить, чтобы максимальное количество благ потреблять, а посредством

превращения накоплений в инвестиции обновлять и развивать материально-технический потенциал национального хозяйства. Экономические кризисы, периодически сотрясающие как в целом мировую экономику, так и отдельные национальные хозяйства, имеют свои истоки опять-таки в обозначенной нами целевой направленности экономической системы. В этой связи следует согласиться с известным экономистом Йозефом Шумпетером, который все теории циклического развития экономики разбил условно на две большие группы: теории, исходящие из перепроизводства, и теории, основывающиеся на недопотреблении. Какую асимметрию здесь можно провести в отношении России образца 2015 г.? Можно, конечно, исходя из всех известных событий – наложенных западными странами на Россию экономических санкций, падения на мировом рынке цен на нефть – сказать, что выдвинутые теории в этих условиях не действуют. Но это только кажущаяся ситуация.

В статье мы выдвигаем гипотезу о прямой взаимосвязи между социальной составляющей экономики и уровнем дифференциации в доходах между различными слоями населения и экономическим ростом. Конечно, мы не первые поднимаем эту проблему, но сегодня в российской общественной мысли, к глубокому сожалению, имеет место устойчивая тенденция ухода от глубокого осмысления и рассмотрения существующих распределительных отношений. И более того, на лиц, поднимающих эту проблему, нередко навешиваются ярлыки, что вообще не идет на пользу науке.

В современном мире уровень цивилизованности общества определяется степенью решения социальных проблем. В этой связи социальная основа экономики диктует необходимость выбора экономической модели в масштабах национального хозяйства. В начале XXI столетия процесс глобализации мирового хозяйства способствует усилению взаимосвязей между национальными хозяйствами, их глубокому встраиванию в единый воспроизводственный процесс. Сегодня, несмотря на интеграционные процессы, страны мира используют национальные модели экономического развития, которые базируются на универсальных принципах и закономерностях. Именно в этом контек-

сте следует рассматривать модель либерального развития экономики, кейнсианский вариант модели, неоклассический синтез и другие вариации моделей в национальных хозяйствах. Указанные разновидности моделей ориентированы на рыночное хозяйство, ограниченные преимущественно национальными рамками, имеющие экономические и иные связи с другими социально-экономическими системами. Социалистическая модель хозяйствования также определяется национальными рамками, но функционирует в несколько ином формате.

При такой диспозиции «рецепты лечения» национальных хозяйств базируются на принципах национальной экономики. В этом аспекте неоклассика незначительно отличается от неокейнсианства. Основное их отличие – набор и применение экономических инструментов в национальных системах.

Модели были эффективны на определенных исторических ступенях развития цивилизации. В настоящее время апробированные, традиционно имеющие эффект инструменты в лучшем случае лишь на короткое время стабилизируют ситуацию, но не создают предпосылок высокой вероятности к росту. Ключ к решению проблемы – переход к совершенно иной, новой модели экономического роста, отличающейся от «традиционного» капитализма. Новый тип экономического роста должен быть социально ориентированным, основан на увеличении в масштабах национальной экономики совокупного спроса, в том числе и посредством снижения социальной дифференциации населения. Заметим, что в последнее десятилетие в развитых западных национальных экономиках на лицо тенденция к социализации экономического развития. Современный облик экономики получил и соответствующее отражение в названиях социально-экономических систем: «Общество благоденствия», «Социальное государство», «Постиндустриальное общество» и т. п.

В постсоветской России в социальном плане происходит разворот в несколько иную сторону, деформация экономической системы, по многим позициям произошел регресс относительно далеко не «идеальной» и, можно сказать, проблемной социалистической модели хозяйствования. Современная российская модель экономики – технологически сырьевая, в социальном плане –

экономика неравных возможностей и к тому же клановая, сословная система. В ней отчетливо заложены самоограничения в развитии.

В течение многих лет идет всесторонняя критика современной модели экономического развития России. Фактически с 1985 г., т. е. еще с периода Советского Союза и так называемой перестройки, на форумах разного уровня звучат призывы к структурной перестройке экономики, необходимости внедрения инновационного сценария развития хозяйственного комплекса, ухода от сырьевой направленности экономики. В целом, правильно обозначаются проблемы, да и предлагаемые «рецепты лечения» достаточно «верные». Одно возникает только «но»: низкая результативность принятых решений, сформированных планов и программ. Как бы подводя итоги дискуссии, экономист Н. Шмелев пишет: «Никто не спорит с тем, что нынешняя структура народного хозяйства устарела и требует резких изменений в пользу высокотехнологичных отраслей промышленности. Однако, несмотря на длительные жаркие дискуссии, до сих пор неясно, как конкретно эти изменения осуществить. Рассчитывать на то, что в условиях невероятной монополизации российской экономики и фактического отсутствия в ней конкуренции крупные компании сами начнут проявлять интерес к технологическому прогрессу, наивно: зачем им высокие технологии при нынешней сверхприбыльной деятельности?» [2]. Сегодня стало достаточно ясно, что вряд ли можно уповать только на рыночный механизм автоматического перелива капитала. В сложившихся условиях современной России необходимо вести речь о радикальных изменениях в экономической системе, т. е. обновлении содержания экономических отношений, а это, в свою очередь, предполагает видоизменение институциональной основы. Но тем не менее и сегодня на правительственном уровне экономические реформы, как правило, связывают с технологическими изменениями и сокращением расходов на социальную сферу, что в конечном итоге дает лишь мнимое представление о вопросе решения проблем. Также заметим, что и в условиях сегодняшнего кризисного состояния экономики России, недоброжелательного поведения западных государств относительно

нашей страны набор предлагаемых правительством антикризисных решений опять-таки не направлен на перспективу, они статичны по своему содержанию, а базовые принципы существующей экономической модели остаются прежние. В этой связи, несмотря на заверения правительственных структур о смене приоритетов, кардинальных подвижек в системе национального хозяйства ожидать не стоит.

Новая модель экономического развития не может основываться на архаичных принципах либерализма образца XIX столетия. Поэтому решение конкретных хозяйственных задач предполагает и теоретическое осмысление, отказ от многих утвердившихся догм. В этой связи рассмотрим лишь некоторые аспекты нашей известной триады: производство, потребление, накопление. Изменим лишь несколько порядок и начнем с потребления.

Зададим себе вопрос: «Как можно увеличить совокупный спрос (в том числе и производственного назначения) при такой огромной дифференциации в доходах социальных групп населения в обществе и глубокого регионального различия?» Тяжелым, негативным социально-экономическим результатом рыночных преобразований в постсоветской России стала непомерная и неизвестная нескольким поколениям граждан нашей страны поляризация доходов населения и, как следствие, социальная поляризация общества. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения (20 %) превышали доходы наименее обеспеченного населения (20 %) в 8 раз, то к 2013 г. уже в 16,4 раз [1, с. 203]. К тому же официально рассчитываемый коэффициент доходов существенно занижает (не менее чем в 2 раза) реальную дифференциацию доходов населения. Напомним, в соответствии с мировой практикой, если соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения превышает 10:1, то страна находится в зоне социальной нестабильности. В России за период 1992-2012 гг. коэффициент Джини вырос с 0,289 до 0,420 (напомним: величина коэффициента Джини может варьироваться в пределах от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы). Сегодня фактически существуют две России – богатых и бедных. Они различаются не только уровнем материальной обеспеченности, но

у них разные системы ценностей и приоритетов, разные предпочтения и потребительский спрос. Для них характерны разные мотивации, стереотипы общественного поведения. Особенно это опасно тем, что в страну богатых и очень богатых, а также высокообеспеченных, фактически входит вся политическая элита, которая не хочет знать, как существует большинство населения, как живет страна бедняков. Современная Россия оказалась страной, где самыми высокими темпами растет численность миллиардеров (по источнику «Форбс», 2 место в мире по числу миллиардеров).

Оптимальный уровень неравенства стимулирует экономический рост. Избыточное неравенство начинает тормозить общественный прогресс, а при определенных условиях может достигать критического значения, создавая угрозу стабильности общества. Большинство населения России получает слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего его человеческий и трудовой потенциал используется не эффективно. К тому же свою крайнюю негативную роль на развитие экономики оказывают необоснованно глубокие отраслевая и региональная дифференциация в доходах. На протяжении всего трансформационного периода в России, несмотря на ощутимое возрастание доли доходов от предпринимательской деятельности и от собственности, заработная плата продолжала оставаться основным источником доходов населения, на который приходилось не менее 60 % их совокупной величины. На протяжении 2000-х гг. доля заработной платы в совокупных доходах (с учетом скрытой оплаты труда) возросла с 62,8 % в 2000 г., до 66,2 % в 2012 г. [3, с. 235]. Доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения существенно различается по национальным округам и регионам. Можно проследить закономерность: в богатых регионах, отличающихся, как правило, и более высоким уровнем заработной платы, доля оплаты труда в доходах тем не менее ниже, чем в относительно бедных регионах. Это обусловлено, в первую очередь, высокими доходами от собственности.

Реальная заработная плата устойчиво снижалась на протяжении 1990-х гг. При этом это происходило опережающими

темпами по сравнению с сокращением ВВП. В 1999 г. реальная заработная плата опустилась до 32,7 % от уровня 1990 г. С середины 1999 г. начинается постепенный восстановительный рост заработной платы, к 2008 г. она превысила докризисный уровень. Устойчивый рост реальной заработной платы был прерван наступлением кризиса 2008 г. В 2010 г. тенденция к росту возобновилась, в 2014 г., в связи с новым этапом кризиса российской экономики, возобновилась тенденция падения реальной заработной платы. Отметим, что даже в условиях роста заработной платы имели место существенные ограничения в накопительной части у населения. В постсоветский период, с начала XXI столетия, рост зарплатоемкости сочетается с постоянным возрастанием нагрузки на заработную плату как результат непродуманных процессов приватизации и коммерционализации социальной сферы (ЖКХ, здравоохранение, образование), когда появление платных услуг взамен бесплатных не сопровождалось соответствующим ростом заработной платы.

В современной России дифференциация в заработной плате, как и дифференциация в доходах оказывают негативное воздействие на развитие экономики. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что в российской экономике при определении заработной платы играют не факторы, связанные с развитием рабочей силы (квалификация, опыт), а внешние по отношению к работнику факторы: работа в более богатом регионе на преуспевающем предприятии и т. д. (рис. 1). Наиболее благополучными являются регионы, где получили развитие отрасли ТЭК. Благополучные предприятия также сконцентрированы преимущественно в этих отраслях и регионах, а также в столичных мегаполисах, где концентрируются финансовые и посреднические виды деятельности.

В отраслевом отношении традиционным аутсайдером является сельское хозяйство, где систематически заработная плата не дотягивает и до половины средней по экономике, едва перешагнув этот рубеж в 2009 г. Весьма неблагоприятны зарплатные позиции работников отраслей легкой промышленности. Особо следует отметить общее относительное снижение заработков в обрабатываю-

щей промышленности, т. е. в видах деятельности концентрирующих основной индустриальный потенциал экономики.

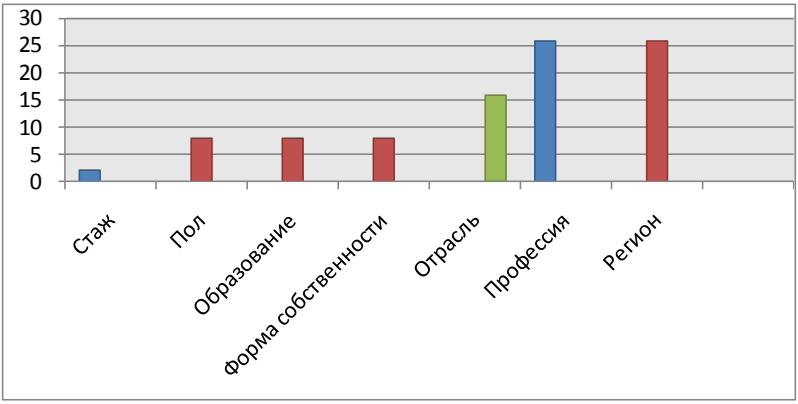


Рис. 1. Основные факторы дифференциации заработной платы в России (все факторы 100 %) [3]

В целом можно сделать вывод: существующая система распределительных отношений плохо ориентирована как на рост потребления, так и на эффективное накопление.

В течении многих лет на разных уровнях делаются заявления о необходимости изменения структуры национальной экономики. Вопрос, нужно или не нужно менять систему производства, сегодня не актуален. Безусловно, изменения должны быть. Вопрос в другом: кто будет «локомотивом» этих преобразований? Почему общество не ощущает заинтересованность у «капитанов» бизнеса в прогрессивных преобразованиях? А проблемы между тем нарастают и нарастают. Пореформенная Россия, по сути, является сырьевым придатком мировой экономики. Более 85 % экспорта приходится сейчас на минеральные ресурсы: металл, древесину, т. е. на сырье и необработанную первичную продукцию. Структура промышленного производства экспорта и импорта в России изменилась в сторону, противоположную по сравнению с промышленно развитыми странами. Она действительно откатилась к сырьевой специализации: в 2,5 раза увели-

чился удельный вес ТЭК в общем объеме промышленного производства и вдвое сократилась доля инвестиционного комплекса, т. е. машиностроения и металлообработки. Прямые иностранные инвестиции в нефинансовые предприятия России в 1999 г. составили 3 млрд долл., а вывоз российских капиталов 14 млрд долл. В 2009 г. уже 19 и 45 млрд долл. соответственно. Всего за период 1999-2009 гг. приток капитала в нефинансовый сектор составил 197 млрд долл., а отток – 309 млрд долл. Чистый отток капитала из России составил 112 млрд долл. Заметим, что эта тенденция была характерна для наиболее благополучного периода развития постсоветской России. Что скрывается за этими цифрами? Полное неверие главных «экономических» игроков в будущее своей страны.

Сегодня, как и вчера, многих и многих российских граждан интересует вопрос, кто выступит мотиватором модернизационных изменений и какова цена, которую готово платить общество за проводимые реформы? Как следствие, для России особенно остро стоит вопрос о том, какая модель развития способна решить остро стоящие вопросы модернизации. Мы, кстати, неоднократно в своих публикациях обозначали, что вопрос о главной движущей силе социально-экономических преобразований является центральным для всего процесса модернизации системы хозяйствования. И, как следствие, на первое место здесь выходит не экономический фактор, а вопрос побуждения к реформам, видоизменения модели. Мы, в целом, согласны с утверждением, что у современной российской элиты отсутствует воля к реальным переменам. «Современная российская элита – самый крупный бенефициант отката к сырьевой модели экономики. Ее экономические интересы в решающей мере лежат в сфере эксплуатации природных ресурсов и отчасти определяются сферой финансовых спекуляций. Можно сказать, что экономические интересы российской элиты в принципе несовместимы с долгосрочным развитием страны» [2]. Вывод достаточно жесткий, но правдивый.

Нужно не забывать и о том, что все предшествующие серьезные модернизационные изменения всегда происходили в России мобилизационным путем и стояли очень дорого народу, которому

приходилось платить за реформы. Достаточно вспомнить реформы Петра I, годы первых пятилеток, хаос преобразований в период перестройки Горбачёва. Но возникает вопрос: а возможно ли решение сверхмасштабных задач в такой огромной стране, как Россия, чисто эволюционным путем, опираясь исключительно на рыночные механизмы? Мировая практика отвечает на этот вопрос скорее отрицательно. И призыв к мобилизации прямо или косвенно исходил всегда от государства. В разной плоскости и неодинаковой интерпретации, в последние годы возникает достаточно обоснованный вопрос: какова же роль российского бизнеса в предстоящей модернизации народного хозяйства? И в целом можно согласиться с утверждением, что пока она плохо просматривается, если говорить не об отдельных островках и отдельных достижениях. Частный бизнес, на который столько было надежд, пока плохо осуществляет организацию как производства, так и инвестирования. И здесь опять-таки объяснение нужно искать не только в экономических причинах. Всеохватывающая коррупция, «приватизация по-российски 90-х гг.», отсутствие уважения к институту собственности способствовали подрыву трудовой этики и трудовой морали как у предпринимателей, так и наемных работников. Как следствие, сложившийся архаичный капитализм в России не отвечает современным требованиям. Не видят этого только лица, «заигравшиеся» в микроэкономических прогнозах и постоянно разрабатывающие различные сценарии развития страны. Но при этом создается ощущение, что в их предполагаемых экономических моделях отсутствуют главные субъекты экономических отношений – люди, граждане Российской Федерации.

Все чаще с разных сторон и от разных экономических агентов направляются взоры на государство как на локомотив позитивных изменений в социально-экономической системе России. Мы не противники модели, в которой государство имеет весомое влияние в экономике. Но и не идеализируем его ролевые функции в экономических процессах. К тому же пока что никаких существенных достижений в области модернизации экономики со стороны государственного сектора не наблюдается. Достаточно в этой связи вспомнить эффективность функционирования государственных компаний в области энергетики, обо-

ронного сектора, ЖКХ, авиа-, авто- и судостроения. Причина провального функционирования государственного сектора кроется не в самой природе государственной собственности, а в низком качестве государственного управленческого аппарата. Государство должно не пускать реформы «на самотек», не уповать исключительно на российский крупный бизнес и чистый рыночный механизм саморегуляции.

Итак, мы видим, большая часть вопросов, касающихся части производства, потребления и превращения накоплений в инвестиции, выходит за рамки чисто экономической проблематики. Их кардинальное решение лежит в плоскости политической воли лиц, олицетворяющих реальную власть в государстве.

Литература

1. Анисимова Г. Социально-экономическая дифференциация российского общества: динамика и тенденции // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / под ред.: А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерц, М. Воейкова. М., 2014.

2. Колмыков А. Г. О факторах, препятствующих модернизации российской экономики // Проблемы современной экономики. СПб., 2010. № 3 (35).

3. Соболев Э. Основные тренды оплаты труда в постсоветской России // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / под ред.: А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерц, М. Воейкова. М., 2014.

К. А. Хубиев

НАПРАВЛЕНИЯ И РЕСУРСЫ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА НОВОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Нарастающий кризис 2015 г. в России послужил катализатором поиска его причин и путей выхода на новую траекторию устойчивого развития. В результате активных обсуждений сло-

жились разные подходы и решения позитивного порядка. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие:

1. Радикальный. Его суть состоит в том, что модернизацию российской экономики следует начать с шестого технологического уклада, основой которого являются нано- и биотехнологии, когнитивные технологии, новые материалы и др. В последнее время он получил дополнительную аргументацию, связанную с внешнеполитическим противостоянием и санкционными ограничениями по новейшим технологиям. Эта позиция имеет свою весьма весомую аргументацию. Сегодня осознание важности проблем реформирования экономической модели и модернизации привлекло внимание представителей естественных наук, в том числе и из академической среды [6]. Против данного подхода трудно возразить, поскольку нет аргументов против новейших технологий последнего поколения. Можно согласиться и с тем, что «это вопрос самого существования нашей страны»[1]. Вся проблема в возможностях и ресурсах реализации желанного уровня модернизации. Их анализу и поиску источников должное внимание не уделяется.

2. Либеральный. Его основные черты известны: экономическая свобода и мотив частной собственности будут стимулировать конкуренцию, которая властно требует инноваций. Этот подход позиционировал себя как «модернизация снизу». Государству здесь отводится роль «ночного сторожа». Ее инновационно-модернизационные результаты в комментариях не нуждаются[2].

[1] Крайней форме данной позиции сопутствуют апокаллиптические оценки состояния российской экономики. «Россия находится в инновационной пропасти» [8].

[2] Данная позиция была изложена, в частности, в виде манифеста Института современного развития «Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон – информ, 2010». В этом документе содержится набор либеральной идеологизированной терминологии: свобода, собственность, творчество, самодостаточность, дебюрократизация и т. п. Все фундаментальные реформы 90-х гг. имели приставку, соответствующую сути данного направления: **либерализация** ценообразования, **либерализация** собственности, **либерализация** внешней торговли**, либерализация** валютного и денежного рынков и т. п. Следует ответить на вопрос: почему эта политика тотальной либерализации привела к экономическому вообще и инновационному провалу в частности, прежде чем предлагать ее вновь и вновь? Почему менее радикальная либерализация

Самая большая ущербность реализации данной модели состоит не только в беспрецедентном спаде производства, резком сокращении уровня, качества и продолжительности жизни россиян, а в потере исторического времени, равного четверти века, когда была пропущена возможность модернизации на основе технологий пятого поколения и даже разрушении технологии четвертого поколения [9].

3. Инерционный. Он характеризует деятельность российского правительства. Его основным ресурсом были внешние благоприятные факторы, обеспечивавшие благополучие граждан решением социальных вопросов. Но модернизационные ре-

---

китайской экономики дала противоположные результаты? Последний вопрос встает перед теми, кто считает основной проблемой российской экономики ее недолиберализованность. С этих позиций совершенно справедливые предложения необходимости дебюрократизации, транспарентности, защиты собственности и т. п. носят явно спекулятивный характер. Любопытным представляется видение автором манифеста базовых ценностей российского общества: «Паразитарно-распределительные ценности заменяются творчески-производительными» (с. 8). Выход на уровень ценностей требует ответа на вопрос: почему именно после реформ 90-х гг. у россиян пропало творчество и трудолюбие, на основе которых была создана производственная и инфраструктурная база, на которой держится современная экономика? Почему именно в 90-е гг. у россиян, по мнению авторов манифеста, «обленились» руки и «зависли» творческие способности. Ведь в манифесте повторяются все те же ценности, на которых базировалось формирование нынешней модели социально-экономического устройства и экономической политики, приведшие к тупиковым тенденциям. Если авторы манифеста, поднявшие свой анализ до уровня ценностей, задумаются над вопросами, прямо вытекающими из их оценок, возможно они придут к иным суждения относительно оценок российского общества, социальных и экономических результатов либеральных реформ в варианте российского исполнения в 90-х гг.

Наконец, необходимо обратить внимание на методологию «либеральной» альтернативы российской модернизации. Применяется метод отвлечения от «порочного экономического настоящего», рисуется образ «желательного экономического будущего». Далее сочиняются средства перехода от одного состояния к другому. Помимо своеобразной оценки настоящего, фантастической (благопожелательной) зарисовки будущего, нет ничего. Нет попытки оценить ресурсы, необходимые для тех или иных преобразований, анализ источников, мотивированных субъектов и т. п. Не вполне адекватная оценка настоящего и причин инновационного кризиса, необычная в научном отношении методология, практическая дискредитация в конкретных российских условиях основных положений либерализма выставляют данную альтернативу малопригодной для позитивного анализа.

зультаты не очевидны, если не считать отдельные инфраструктурные проекты, которые не имеют системно направленного характера, а выглядят скорее как элементы архитектурного украшения над инерционно-либеральной, в целом, политики[1].

4. Реиндустриализация. Это направление исходит из реальности деиндустриализации российской экономики за последнюю четверть века, когда самые тяжелые последствия реформ пришлись на реальный сектор экономики, ее промышленность и в особенности на машиностроение. Здесь следует заметить, что данное направление находится в русле идей новой индустриализации или является их продолжением [2, 3, 4].

5. Эволюционно-многоукладный. Донный подход, которого мы придерживаемся, продолжает, а точнее конкретизирует предыдущее направление. Необходимость в данной конкретизации вызвана следующими обстоятельствами:

– необходимо не только признать необходимость реиндустриализации, но и нужно определить ее общую направленность, исходные пункты и этапы продвижения;

– необходимо определить хотя бы порядок требуемых ресурсов и источники и возможности ее осуществления;

– необходимо обсудить возможные формы организационных преобразований для нового индустриального развития.

Мы исходим из того, что масштабы проблем промышленно-индустриального возрождения экономики столь велики, а ресурсы столь ограничены, что модель реиндустриализации должна вырабатываться в рамках доступных возможностей и ограничений. Фундаментальное состояние экономики характеризуется, в частности, следующими данными. Основные фонды на 2012 г. составили 121 269 млрд руб. Их восстановительная стоимость, с учетом износа 47,7 %, составила 231 869 млрд руб. Сумма износа –

[1] См. План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности от 27 января 2015 г., № 98-р. Можно упомянуть правительственные документы прогнозного характера, в частности получивший название «2020», но едва ли нынче актуально их рассмотрение. Помимо критики его на разных уровнях, документ этот утратил и практическую актуальность, поскольку не учитывал сложившуюся ситуацию в рамках даже пессимистических сценариев.

110 601 млрд руб. [8]. С такого базиса экономика не может перескочить на пятый, а тем более шестой технологический уклад[1].

В рамках данных ограничений доступен только эволюционный многоукладный процесс модернизации, в основе которой находится машиностроительный комплекс. Но он сам должен иметь «целевую функцию», заданную структурной перестройкой отраслей, где продукция машиностроения будет применяться.

Для того, чтобы выработать стратегию структурной перестройки, диверсификации[2] и модернизации российской экономики, необходимо оценить ее реальное нынешнее положение и определить основные деформации. Такой анализ поможет системному подходу к решению поставленной проблемы.

Как уже отмечалось, нынешняя экономическая модель России показала свою исчерпанность. Ее основным недостатком явилось отсутствие потенциала инновационного развития и модернизации. Не оправдались надежды на то, что мотив частной собственности явится локомотивом технологического прогресса. Большие усилия, потраченные на интеллектуальное сопровождение идеи «модернизации снизу», связанной с указанной мотивацией, оказались бесплодными[3].

---

[1] Многие авторы, понимающие исключительную (даже историческую) важность необходимости создания шестого уклада, осознают сложность задачи. Например, академик Е. Каблов, генеральный директор Института авиационных материалов, констатирует, что доля пятого уклада в России составляет только 10 %, и перескочить в шестой – нереально. А. Д. Рогозин признает провал пятого уклада, но считает, что к шестому укладу следует переходить не вдогонку, а «срезав угол» (Рогозин Д. Россия профукала пятый технологический уклад, а шестой изменит политику войны // Газета.ру. 12 августа 2015 г.). Возможно под образом «срезанного угла» имеется в виду внедрение шестого уклада в подведомственную область ВПК. Но ни одна из занимаемых позиций и излагаемых точек зрения не базируется хотя бы на примерных расчетах средств, необходимых для реализации задач модернизации на базе нового технологического уклада и анализа источников.

[2] Под диверсификацией в данной работе мы имеем в виду межотраслевые структурные сдвиги.

[3] В конкретно исторических условиях мотив частной собственности был движущей силой экономического развития. Из этого исходили реформаторы в России, полагаясь на универсальность этого принципа, проводя беспрецедентную по масштабам приватизацию. Вопрос о том, почему эта сила не сработала в России, остается без ответа.

В XXI в. Россия столкнулась с новыми вызовами. Переходя на рельсы рыночной экономики, встраиваясь в шлейф глобального экономического развития, она усилила зависимость от внешнего мира. Это объективный процесс экономической глобализации на основе экономических законов (общественное разделение труда, специализация на абсолютных и сравнительных преимуществах, международная кооперация и др.). Но Россия столкнулась с тем, что политика на международном уровне, в виде санкций, выступила силой, разрушительно вмешивающейся в объективно необходимый взаимовыгодный процесс эффективного взаимодействия национальных экономик на основе международного разделения труда, кооперации и торговли.

Замедление темпов роста российской экономики началось со второй половины 2012 г., когда Россия вступила в ВТО. Мы полагаем, что влияние фактора ВТО на торможение российской экономики еще не получило качественную и количественную оценку[1]. Но зато распространялись привлекательные данные о выгодах, ожидающих Россию от вступления в ВТО[2]. Далее

[1] Если не иметь в виду чисто идеологические оценки. В. А. Мау и Е. Г. Ясин в совместной статье с очень претенциозным названием «Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста» (М.: Высшая школа экономики, 2012) считают создание рыночной экономики и вступление России в ВТО достижением реформ. Возможно, это связано с острым дефицитом позитивных результатов реформ. Но и здесь преобладает идеологическая оценка, в силу отсутствия экономических результатов.

[2] По оценкам Всемирного банка, вступление в ВТО обеспечит прибавку российскому ВВП примерно на 2,8 % в краткосрочной перспективе, 3,3 % – в среднесрочной и 11 % – в долгосрочной. Это означает дополнительный прирост ВВП на уровне 0,4-0,5 пп. в год в течение следующих 7 лет. Подобного рода привлекательная информация в разных вариантах широко распространялась перед вступлением в ВТО. Она была бы справедлива, если бы уровень технологического развития и конкурентоспособности был бы сопоставим. Но те, кто преждевременно подталкивали Россию в ВТО, либо не ведали о последствиях в конкретно исторических условиях, либо намеренно предвкушали вытеснение более слабых отечественных производителей с внутреннего рынка, что собственно и происходит. Не может быть оспорен закон разделения труда и выгоды для сторон на основе абсолютных и относительных преимуществ. Но столь же определенно не может быть оспорен закон выгоды от конкурентных преимуществ. При очевидной ослабленности российской экономики в результате разрушительных реформ втягивать ее в режим более острой международной конкуренции – значит затевать игру с очевидным результатом. Риторика, которой сопровождался этот процесс, не имеет существенного значения.

произошло наслоение других негативных факторов: снижение цен на нефть, санкции и антисанкции и др.

Наконец, о структурных сдвигах в нашей экономике говорят данные о сфере торговли, отличающиеся от сферы производства. Торговля является сферой реализации товаров и услуг, которые прежде следует произвести. Развитие этих сфер совокупного воспроизводства должно быть симметричным. Вопрос этот не возникал, пока благополучие экономики базировалось на «тучных годах» внешнеэкономической конъюнктуры. Нельзя было полагаться на это благополучие в долгосрочной перспективе, поскольку оно не было создано усилиями правительства. Последствия оказались прогнозируемыми и неотвратимыми. Стала очевидной существенная деформированность отраслевой структуры отечественной экономики и необходимость ее диверсификации.

Таблица 1

Основные показатели деятельности организаций торговли [8]

	Организации, осуществляющие торговлю автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт			Организации оптовой торговли (включая торговлю через агентов), кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами			Организации розничной торговли, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами, и по ремонту бытовых изделий и предметов личного пользования		
	2005	2011	2012	2005	2011	2012	2005	2011	2012
Число организаций (на конец года), тыс.	44,0	90,2	91,2	398,6	686,8	700,0	133,3	259,4	262,7
Среднегодовая численность работников, тыс. чел.	397,4	495,7	531,8	2265,0	2343,9	2319,9	1808,4	2440,8	2500,9
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.	7112	21939	23701	7522	22974	25429	5214	15913	17674
Оборот (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	1211,7	4629,5	5246,8	10251,	29099,	33928,	2659,7	7492,7	7869,3
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн руб.	8424,7	32820,	38198,	58948,	103800	111545,	34243,7	68176,4	102819,
Валовая прибыль, млрд руб.	76,0	355,1	416,3	1459,6	4170,5	4530,8	223,7	853,0	1289,8
Коммерческие и управленческие расходы, млрд руб.	48,6	236,9	294,4	887,7	2339,6	2793,7	183,3	793,5	1205,8

В таблице 1 показан рост всех показателей торговли. Как оценить внушительный рост инвестиций в торговле при противоположной тенденции в сфере производства? Многие инвести-

ции в торговле зарубежные, причем сетевые. Их последствия для национальной экономики имеют двоякий результат. Для потребителей создаются определенные удобства. Но зарубежные торговые организации, в особенности сетевые и мегауровня, «улавливают» доходы отечественных потребителей. В торговых центрах, особенно высокого уровня, принадлежащих иностранным инвесторам, в основном продаются иностранные товары с использованием иностранной техники, оборудования и иностранного персонала. Обменом своих доходов на иностранные товары и услуги российская экономика поддерживает зарубежных производителей и продавцов, поддерживает их занятость и доходы. Этим, в частности, объясняется несимметричная динамика показателей производства и торговли. Зарубежный торговый капитал движется вслед за сырьевыми доходами, полученными российскими экспортерами за рубежом. Через ряд метаморфоз эти доходы превращаются в доходы граждан (зарплата, пенсии, трансфертные выплаты) и организаций, которые обмениваются на зарубежные потребительские и иные товары. Под формой иностранных инвестиций скрывается импорт в Россию зарубежного торгового капитала, который реализует свою функцию максимизации прибыли за счет доходов, в том числе и тех, основой которых являются поступления от зарубежной торговли отечественными сырьевыми ресурсами. Импорт зарубежных товаров и услуг перерастает в импорт зарубежного торгового капитала. Образуется любопытная воспроизводственная цепочка: экспорт сырьевых отечественных товаров – превращение экспортной выручки через перераспределительные процессы в доходы граждан и организаций внутри страны – превращение доходов отечественных респондентов в выручку (соответственно и в прибыль) зарубежного торгового капитала. Помимо «улавливания» доходов, зарубежные мегаторговые сети вытесняют отечественных оптовых и розничных торговцев и продукцию отечественного производства. К экспортно-сырьевой деформации отечественного производства добавляется еще и зарубежно-торговая. Заметим, забегая вперед, что этот сюжет показывает одно из направлений структурной перестройки и ди-

версификации по линии наращивания добавленной стоимости в национальной экономике [5].

Переходя к позитивной части [7] структурной перестройки экономики, сформулируем основную идею: вертикальная интеграция и горизонтальная межотраслевая диверсификация с целью создания устойчиво завершенных технологических циклов с наращиванием добавленной стоимости. Представляется логичным в анализе двигаться от сырьевого сектора к высокотехнологичным наукоемким благам, находящимся на вершине технологического цикла. Начнем с нефтяной отрасли (табл. 2).

Таблица 2

Производство, экспорт и переработка нефти в России в 2011, 2013, 2014 гг. [8]

		2011	**2013**	**2014**
Общее пр-во	*Млн тонн*	513,43	522,9	526,7
Экспорт	*Млн тонн*	236,52	244,7	273,7
Переработка	*Млн тонн*	276,91	278,2	289

Около половины добытой нефти экспортируется в сыром виде. А качество переработки существенно отстает от мирового уровня. По индексу Нельсона – современному методу оценки глубины переработки нефти и добавленной стоимости на НПЗ – Россия достигла уровня 7, что соответствует уровню Западной Европы 2000 г. Это в два раза меньше передового мирового уровня (в США данный показатель в 2000 г. составлял 9,5). В современных условиях показатель ниже 10 считается неэффективным для строительства новых НПЗ. Отсюда напрашивается вывод об одном из направлений вертикальной интеграции в конкретной отрасли с огромными перспективами наращивания добавленной стоимости и расширения предложения продуктов нефтепереработки на внутреннем рынке для отечественных производителей[1].

[1] Мы полностью разделяем критику сырьевой деформации структуры национальной экономики. Но мы не согласны с радикальными предложениями по исправлению данной ситуации – свертыванием производства в нефтегазо-

Вертикальную интеграцию и диверсификацию следует распространить и на другие виды сырьевых товаров: металл, лес, руды и др. (табл. 3). Экспорт черных металлов в 2012 г. составил 22 614 млн долл., а изделий из них (в виде труб, сборных строительных конструкций и др.) – 3063. В необработанном виде экспорт цветных металлов составил: меди – 1928 млн долл., никеля – 3721, алюминия – 6334. А экспорт изделий (в виде крепежной арматуры, фурнитуры и иных изделий из недрагоценных металлов) составил 22,1 млн долл., т. е. на порядок меньше.

Таблица 3

Рост импорта продукции комплекса конструкционных материалов с 2000 по 2011 г. (разы в млрд долл.) [8]

Металлы и изделия из них	7,1
Продукция хим. пром-сти и каучук	11,3
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,9

Удельный вес инвестиционных товаров в импорте составил лишь 24,9 %. Остальное – потребительские товары и промежуточная продукция[1].

Промежуточной продукции не уделяется достаточного внимания в теории и на практике, хотя она имеет чрезвычайно важное значение для выстраивания технологически целостных и устойчиво воспроизводимых комплексов. Особое внимание

вом комплексе. Это означало бы лишить экономику ее конкурентного преимущества. При этом не учитывается социальная функция этого комплекса, обеспечивающего половину доходной части бюджета. Мы считаем, что не свертывать, а развивать следует нефтегазовый комплекс, модернизируя его технологическую базу и внедряя глубокую переработку углеводородов.

[1] Дополнит картину товарная структура экспорта и импорта (%) [8]:

Товарная структура экспорта

Минеральные продукты 71,1

Металлы, драгоценные камни и изделия из них 11,1

Машины и оборудование 5,1

Товарная структура импорта

Машины и оборудование 50,2

Продовольственные товары 12,9

Каучук 15,3

здесь следует обратить на создание новых материалов с высокими заданными свойствами (табл. 4).

Таблица 4

Рост импорта металлосодержащей продукции в России с 2000 по 2011 г. (в тыс. тонн. в разах) [8]

Всего	**11928/2048**	**5,8**
В том числе:		
Средства наземного транспорта	4030/357	11,3
Оборудование и механические устройства	4133/768	5,4
Электрические машины и оборудование	1889/387	4,9
Продукция железнодорожного машиностроения	1191/105	11,3

О структурных перекосах свидетельствуют и следующие данные: экспорт высокотехнологичных товаров составил 16 022 млн долл.; импорт – 40 205 млн долл. [8]. Статистика подсказывает направления диверсификации, хотя стратегические решения требуют дополнительного анализа. Сложившуюся в этой области ситуацию можно назвать неблагоприятной, если не провальной. Рост производства машиностроительной продукции сопровождался сокращением внутренних закупок металлического проката. За рубеж переносится накопленный в России капитал для продолжения технологических цепочек по вертикальной интеграции и повышения добавленной стоимости из сырья, произведенного в России. К примеру: базы «Северстали» в Бразилии, «ММК» в Австрии, «Норникель» в Канаде, «Русал» в Африке. «Норникель» к 2030 г. планирует создать за рубежом мощности, равные российским [7]. Еще одна неблагоприятная тенденция состоит в том, что зарубежные компании тоже устремлены в Россию для производства промежуточной продукции и конструкционных материалов уже внутри национальной экономики, рассекая единое технологическое пространство. Здесь, кстати, содержится одно из актуальных направлений импортозамещения через вертикальную интеграцию. Совершенствуя и модернизируя существующую структуру, надо параллельно создавать новый «слой» современного производства вторичной

металлургии, производства материалов, новых производств в лесопромышленном комплексе (ЛПК) с доведением лесных ресурсов до конечной продукции с высокой добавленной стоимостью. Неэффективной с макроэкономической точки зрения представляется ситуация, когда отечественные переработчики леса испытывают дефицит сырья при росте экспорта сырой древесины. Отдельным направлением может быть производство конструкционных материалов при крупных предприятиях химического, нефтехимического комплекса с активным участием малых и средних предприятий.

Основой процесса диверсификации и роста добавленной стоимости являются новые технологии. Поэтому стержнем модернизации служит развитие машиностроения на инновационной основе. Машиностроение занимает место на вершине пирамиды воспроизводственных комплексов. Машиностроительный комплекс (МК) обладает наибольшим потенциалом диверсификации, как вертикальной, так и горизонтальной. Например, для производства автомобиля или самолета типа «Суперджет» требуется около 600 технологий только среднего и высокого уровня.

Машиностроение имеет существенные особенности, выдвигающие ее на ведущие позиции в системе национальных экономик. Во-первых, высокая доходность. Затраты на новое и высокотехнологичное оборудование окупаются за 1,5-2,5 года. Во-вторых, отрасли машиностроения относятся к числу самых высококонкурентных. В-третьих, оно отличается высокой степенью инновационности. Три эти свойства органически связаны. Состояние МК, куда включается и станкостроение, определяется разрушительными результатами радикальных реформ 90-х гг. К 1990-му г. Россия занимала 3-е место в мире по станкостроению, сейчас 22-е. Доля России в мировом производстве составляет 0,3 %. Отсутствие средств на технологическое обновление привело к утрате конкурентоспособности. В результате более половины внутреннего рынка занимает продукция зарубежных компаний. Доля зарубежных комплектующих в выручке от продаж продукции, произведенной в России, составляет более 50 %. Сами российские компании-резиденты превращаются в логистические звенья для зарубежных фирм. Рост спроса в 2000-е гг.

удовлетворялся в основном за счет импорта (до 100 млрд долл. ежегодно).

Широкие возможности МК должны быть использованы национальной экономикой[1]. Любое совместное производство полезно, особенно связанное с конверсией высоких технологий. Но надо активно вторгаться в доступные для отечественных производителей сферы, связанные с изготовлением технически сложных систем (например, колеса, тормоза и т. п.).

Ситуация в МК может быть существенно улучшена в результате инвестиционной экспансии и подготовки кадров (за последние два десятилетия численность работающих сократилась в 4 раза). Низкий уровень инвестиционной активности позволяет обновлять лишь 4-5 % основных фондов (об ограничениях и источниках инвестиций речь пойдет ниже). Здесь обратим внимание на благоприятные условия и преимущества для отечественного МК:

– возможность выстраивания преимущественного доступа к сырьевым ресурсам и превращение ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества;

– емкость внутреннего рынка и доступность потребителей;

– ценовые преимущества. По расчетам ИНП, ценовая конкурентоспособность усредненной единицы продукции машиностроения (некий аналог модели цена – качество) выше западных производителей на 25 % (хотя на столько же ниже китайских) [7].

В МК могут быть выстроены следующие технологические цепочки:

– ОПК (оборонно-промышленный комплекс) – станкостроение – машиностроение;

– топливно-энергетический комплексполезные ископаемые – тяжелое машиностроениние – станкостроение;

[1] Например, в самолете «Суперджет» 100 российское производство составляют лишь элементы фюзеляжа, концентратор данных, интерьер кабины пилотов и компоненты основных опор шасси. Двигатель – совместное производство с Францией; система кондиционирования – с Германией; гидравлическая система, топливная система, авионика, система управления, датчики вибрации, колеса, тормоза – все импортное [7].

– транспортное машиностроение – станкостроение;

– АПК (агропромышленный комплекс) – тракторостроение, с.-х. машиностроение;

– строительный комплекс – машиностроение – станкостроение.

МК составляет основу модернизации экономики России. Но ее внутренняя структура должна определяться спросом со стороны потребителей ее продукции. Последние заинтересованы в повышении своей конкурентоспособности. Чтобы удовлетворить спрос, ориентированный на конкурентоспособность, МК должен отличаться высокой степенью инновационности, что должно быть учтено на всех уровнях принятия решений по возрождению на новом уровне системообразующей основы национальной экономики.

Наконец, необходимо обратить внимание на наукоемкий высокотехнологичный комплекс[1]. НВТК состоит из 40 интегрированных структур типа холдингов, некоторые из них наделены функциями государственных агентств (Росатом, Нанотехнологии). Россия занимает 12-е место в мире с долей в мировом производстве около 1,5 %. Для оценки состояния и перспектив этого «верхнего» слоя российской экономики следует учитывать разные обстоятельства. Ядро данного комплекса составляет ОПК. В нем самые высокие темпы роста производительности труда и самый высокий уровень инноваций. За последнее деся-

[1] К нему могут быть отнесены: ОПК – оборонно-промышленный комплекс; АТК – атомный комплекс; химико-фармацевтическое производство; микробиологическое производство; химическое производство (пластмассы, химволокно, нити, композиты); виды связи – космическая, оптико-волоконная, сотовая, Интернет и др.

Ядро с высоким диверсификационным потенциалом составляет ОПК и АТК.

ОАЭСР определяет следующую классификацию: авиационная промышленность (АП) и ракетно-космическая пром. (РКП); радиоэлектронный комплекс (РЭК), включающий электр. пром., радиопромышленность и пром. средства связи; производство сложных видов техники (СВТ), состоящее из промышленности обычных вооружений, судостроения, производства боеприпасов и спецхимии; атомная промышленность (тоже дифференцируется на производство энергии и атомное машиностроение).

тилетие они выросли более чем в 2 раза. (Только за 2005-2011 гг. почти в 1,5 раза). Вместе с тем симметрично вырос гособоронзаказ. Этим объясняются и его более высокие темпы роста (более 7 % ежегодно). Кроме того, гражданский сектор составляет менее 50 %, и не растет внешний спрос на продукцию. В этой ситуации, очевидно, следует поддерживать и развивать этот инновационно-лидирующий комплекс с наращиванием доли гражданской продукции, технологий двойного назначения и увеличением доли продукции экспортного назначения.

Таким образом, реально существующий сектор НВТК может стать «локомотивом» для основного массива промышленности и экономики в целом в силу описанных выше особенностей. С другой стороны, большая зависимость от госзаказов делает этот сектор достаточно уязвимым, особенно в современных условиях бюджетных ограничений.

Подводя некоторые итоги, можно сделать следующие выводы.

В основе различных подходов к модернизации и структурной перестройке находится соответствующая методология. Мы опирались на воспроизводственный подход в рамках классической теории (политэкономии). Он позволяет выстроить схемы технологических цепочек, пути наращивания добавленной стоимости, развития воспроизводственной устойчивости и динамичности отечественной экономической системы[1]. Противо-

[1] Наличием общей методологии объясняется, на наш взгляд, существование совпадающих по сути позиций разных авторов, работающих независимо друг от друга, по-разному относящихся к реформам, нынешней экономической модели и политике, но приходящие к одинаковым выводам: «*Нужно изменить структуру экономики: в ней должно преобладать производство готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Надо резко повысить долю высокотехнологичных, наукоемких и инновационных отраслей* – примерно с 10 % в настоящее время до 25-30 %. Это избавит нашу страну от чрезмерной зависимости от топливного и сырьевого секторов экономики. В структуре экспорта России доля сырья, полуфабрикатов и материалов должна снизиться с 90 до 50 %, а готовой продукции с высокой добавленной стоимостью – повыситься с 10 до 50 %, в том числе высокотехнологичной – с 3 до 15 %. Следует обеспечить преимущественный рост экономики знаний (наука, информационные технологии, биотехнологии, образование и здравоохранение): ее доля в ВВП должна повыситься с 15 % в настоящее время до 30-35 %, в том числе

положный подход видит проблему в регулировании денежно-финансового рынка, а производственные процессы, включая структурную перестройку, рассматриваются как область саморегулирования, где основная задача видится в максимальном ограничении роли государства[1].

Одной из самых главных проблем, которая часто обходится при обсуждении перспектив структурной перестройки экономики России, является вопрос об источниках реализации той или иной модели. Проблема эта получила дополнительную актуальность в условиях санкций, включающих ограничение доступа к мировым финансовым ресурсам. Нам представляется, что в сложившихся условиях нет иного варианта, кроме сосредоточения на внутренних источниках. Около 8 трлн руб. составляет сальдированная прибыль организаций [1]. Это внутренние источники инвестиций. Накопления государства и граждан тоже могут быть привлечены для модернизации экономики, учитывая сложность ситуации. Но для этого нужна соответствующая, понятная абсолютному большинству граждан стратегия развития страны и соответствующая ей промышленная политика. Уместно еще раз напомнить об опыте индустриализации, когда были еще более ограниченными условия доступа к зарубежным источникам, да и внутренних было не больше. Но была стратегия, отражающая историческую необходимость, была ясная промышленная политика, политическая воля и стратегически осмысленное руководство экономикой страны[2].

науки – с 1 до 3 %, образования – с 4,5 до 9 %, здравоохранения – с 5 до 10 %, информационных технологий – с 5 до 15 %» [1].

[1] В упомянутом выше либеральном манифесте данное требование, обращенное к государству, выражено фразой «Не мешать!» Позиция, исключительно комфортная для правительства. Куда труднее и полезнее подчинить работу принципу «Помогать!» Помогать экономике в структурной перестройке и модернизации. Это куда труднее, но значительно полезнее.

[2] Учитывая неоднозначное отношение к индустриализации, считаем возможным привести некоторые ее результаты. Результаты модернизации экономики СССР в первую пятилетку (1929-1934):

Металл: Магнитогорский металлургический завод им. Сталина. Кузнецкий металлургический завод им. Сталина. Керченский металлургический завод им. Войкова. Домны № 4, № 5 и № 8 макеевского завода им. Томского. Домна

Дополнительные возможности для структурной перестройки предоставляются образованием ЕАЗС. В ее рамках разрабатывается промышленная политика, нацеленная на инновации и структурную перестройку.

В рамках ЕАЭС обсуждаются основные направления промышленной политики, которые ориентированы на решение таких задач, как:

– импортозамещение промышленных товаров из третьих стран на общем рынке ЕАЭС за счет увеличения взаимных поставок продукции государств-членов наряду с импортозамещением собственной продукцией, поставляемой на свои национальные сегменты общего рынка;

№ 6 Сталинского металлургического завода. Домна № 7 металлургического завода им. Дзержинского. Домны № 5 и 3 металлургического завода им. Рыкова. Домна № 3 Косогорского завода им. Дзержинского. Мартеновский цех Таганрогского завода им. Андреева. Трубный завод (манесмановский) в Мариуполе. Салдинский мостовой завод. Челябинский завод ферросплавов.

Машиностроение: Сталинградский тракторный завод им. Дзержинского. Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе. Челябинский тракторный завод (пуск в первой половине 1933 г.). Московский автозавод им. Сталина. Горьковский автозавод им. Молотова. Московский шарикоподшипниковый завод им. Кагановича. Московский станкостроительный завод. Московский завод «Фрезер». Московский завод «Калибр». Горьковский фрезерный завод. Уральский завод тяжелого машиностроения. Краматорский завод тяжелого машиностроения (пуск в первой половине 1933г.). Ростовский сельмаш им. Сталина. Запорожский завод комбайнов. Саратовский завод комбайнов. Горловский завод врубовых машин. Харьковский турбинный завод. Луганский паровозостроительный завод.

Электростанции: ДнепроГЭС. Каширская ГЭС. Ленинградская станция «Красный Октябрь». Горьковская ГРЭС. Зуевская ГРЭС. Штеровская ГРЭС. Харьковская ГРЭС. Ивановская ГРЭС. Челябинская ГРЭС. Магнитогорская ЦЭС. Кузнецкая ТЭЦ. Березниковская ТЭЦ. ДзораГЭС. Осиновская ГРЭС. Сталинградская ГРЭС. Саратовская ГРЭС. Самарская ГРЭС. АртемГРЭС.

И это без учета нефтяной, химической, резинотехнической, легкой и пищевой промышленности, транспорта и других отраслей. Результаты впечатляют и поражают, особенно если учесть, что в следующую пятилетку создавались целые отрасли машиностроения, было запущено московское метро и т. д. На фоне нынешнего провала и потери исторического времени в два десятилетия свершенное с 1918 по 1938 г., после тотальной разрухи в Первую мировую и Гражданскую войны, выглядит как фантастика.

– увеличение добавленной стоимости производства за счет использования таких компонентов, как сырье, материалы, комплектующие и технологические операции как партнеров по ЕАЭС, так и своих национальных;

– наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности за счет реализации совместных действий государств-членов ЕАЭС по его поддержке;

– ускорение технологического развития промышленных комплексов государств-членов за счет формирования совместной современной инновационной инфраструктуры в рамках ЕАЭС.

Определенным уровнем конкретизации рассматриваемой проблемы является ответ на вопрос: в каких конкретных организационных формах может быть проведена интеграция предприятий, имеющих экономическую и юридическую самостоятельность и освоивших отдельные звенья технологических цепочек? Из нашего эволюционно-многоукладного подхода вытекает разнообразие форм организационной перестройки промышленности. Не может быть одной и той же формы для предприятий ВПК, МК, предприятий, производящих промежуточную продукцию, и др. В одних случаях возможна национализация или создание новых государственных предприятий или предприятий с частно-государственным участием; в других случаях возможны слияния или поглощения; в третьих случаях возможно образование холдингов или новых корпораций с определением долей вошедших в них компаний. Для компаний, созданных в результате приватизации, но не развивающихся в России и вывозящих активы за рубеж, следует устроить открытые инвестиционные конкурсы с целевыми условиями, направленными на решение инновационных и интеграционно-диверсификационных задач. Если победителями таких конкурсов окажутся не прежние владельцы, то последним должны быть компенсированы затраты, понесенные в период приватизации. Проблема эта довольно сложная, но без ее обсуждения не обойтись, если всерьез ставить вопрос о структурной перестройке экономики России. Но проблема не является неразрешимой, поскольку она не сложнее

массовой приватизации, тем более что последняя имела колоссальный разрушительный результат, а предлагаемые изменения организационно-правовых и экономических форм имеют созидательную цель. Но печальный опыт приватизации должен быть учтен в полном объеме, и выбор новой интеграционной формы должен быть тщательно обоснован с точки зрения экономической эффективности достижения поставленных целей.

Выше основное внимание было уделено разным направлениям и разным уровням интеграции и диверсификации. Для их комплексной реализации необходимы соответствующие изменения в экономической политике, реорганизация в экономическом блоке правительства.

Во-первых, в экономической теории и экономической политике надо восстановить и развивать системно-воспроизводственный подход, который в единстве реальных и финансовых потоков придает фундаментальное значение реальному сектору. Сейчас приоритеты иные, хотя суть экономики – превращение ресурсов в блага наиболее оптимальными способами. Финансовая система, при всей ее важности, сопровождает и обслуживает этот процесс. Системно-воспроизводственный подход позволит выявить эффективность технологических цепочек, включая межотраслевую диверсификацию. Он же поможет обнаружить слабые звенья и уязвимые участки единого экономического комплекса, а также новые точки роста. Преобладание монетаристских методов в экономической политике показало свою неэффективность. Основанная на ней идея модернизации «снизу» не оправдалась, оставив после себя лишь инновационно-модернизационную риторику. За четверть века реформ не создана ни одна новая отрасль отечественной экономики. Монетарная и фискальная политика, используемая правительством, должна быть заменена воспроизводственной экономической политикой. Ее основная задача – реализация структурной перестройки, направленной на воспроизводственную самодостаточность и устойчивость с наращиванием производства добавленной стоимости. Ее нормативным основанием являются законы о стратегическом планировании, промышленной стратегии; федеральные программы научно-технического прогресса и др.

Для разработки и реализации воспроизводственной экономической политики необходимы изменения в экономическом блоке правительства. Ответственность за ее проведение следует возложить на преобразованное Минэкономразвития, которое во многом дублирует аналитические функции Центробанка и Минфина, причем менее квалифицированно. Ее основной задачей должна быть структурная перестройка национальной экономики на инновационной основе.

Во-вторых, на основе системно-воспроизводственного подхода следует разработать и реализовать стратегию превращения ресурсных преимуществ России в ее конкурентные преимущества. Одним из направлений является глубокая переработка нефти, газа и иных исходных ресурсов[1]. Расширение их предложения на внутреннем рынке будет способствовать снижению внутренних цен и сокращению издержек у отечественных производителей. Снижение внутренних цен можно поддержать даже административными методами ради повышения конкурентоспособности и роста отечественного производства. Воспроизводственный метод поддержки отечественной экономики эффективней монетарных манипуляций, важность которых мы не отрицаем. Вообще, нужно переходить на другой язык в теории

[1] Предвидя возможное возражение против административных мер, напомним, что с 1973 г. действует запрет на экспорт сырой нефти из США. В последнее время поднимается вопрос об отмене ограничений. Такая точка зрения опубликована в “The Wall Street Journal” бывшим главой ЦРУ и Пентагона Леоном Патентом и экс-советником по национальной безопасности Стивеном Хэдли. Авторы статьи мотивируют свою позицию тем, «чтобы поддержать членов НАТО и других союзников США в Европе, снизив их зависимость от энергоресурсов России». «Кроме того, доходы от продажи [энергоресурсов] в Европу приносят России значительные доходы, позволяющие ей финансировать агрессивные действия на Украине. Это стратегический императив».

В упомянутой статье приводится мотивация политического толка. Об этом свидетельствует и направленность против Ирана, после наметившегося снятия эмбарго. В экономическом контексте против снятия ограничений выступает нефтеперерабатывающая отрасль, которая во многом развилась благодаря запретам на вывоз сырой нефти.

Для России, особенно в сложившейся ситуации, увеличение объемов переработки нефти (и других сырьевых ресурсов) укрепит экономику страны и, соответственно, усилит ее политические позиции.

и на практике, который отражает экономические события, процессы, проблемы и их решения в реальном секторе. При всей важности, не может быть стратегией экономического развития ни уровень инфляции, ни валютный курс. Они производны от состояния реального сектора: инвестиций в основной капитал, новых технологий, конкурентоспособности предприятий. Давно актуальна проблема разработки стратегии развития и органически с ней связанные промышленная и аграрная политика. Для их реализации в ближайшей перспективе приоритетной могла бы быть идея инвестиционной экспансии[1] из источников всех уровней (государственный, корпоративный и уровень домашних хозяйств), некоего аналога довоенной индустриализации.

Долгосрочные тренды глобального экономического развития и перманентная турбулентность в экономике и политике последнего периода ставят перед экономической наукой и практикой задачи и цели, существенно отличающиеся от радикальных решений начала 90-х гг. прошлого столетия, сформировавших нынешнюю модель экономики России. Необходимость ее существенной перестройки становится очевидной. Но новой модели в существенно разработанном и комплексном виде еще нет, хотя имеются разные подходы и наработки. Они имеют разную идейно-теоретическую основу. Поэтому, чтобы не повторить разрушительный результат преобразований 90-х гг., любые преобразования и экономическую политику следует подчинять строгому требованию уместности и объективной необходимости по критериям технологического и социально-экономического прогресса.

Литература

1. Аганбегян А. О месте экономики России в мире (по новым данным о международном сравнении валового внутреннего продукта) // Вопросы экономики. 2011. № 5.

[1] Этой идеи мы придерживаемся с середины 90-х гг., считая ее национальной экономической идеей.

2. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012.

3. Губанов С. С. Неоиндустриальная модель развития и ее системный алгоритм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда, 2014. Т. 33. № 3.

4. Губанов С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.

5. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2012. № 47.

6. Малецкий Г. Г. Перспективы будущего и модернизация России. Препринты ИПМ им. Келдыша М. В. 2010. № 41.

7. Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года / под ред. В. В. Ивантера и М. Ю. Ксенофонтова. М.: Ансил, 2013.

8. Российский статистический ежегодник. М., 2013.

9. Хубиев К. А. Большой трансформационный цикл и императивы посткризисного развития // Проблемы современной экономики. СПб., 2010. № 3 (51).

Д. Б. Эпштейн

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Необходимости перехода экономики России к новой индустриализации посвящено немало работ [1-6, 8, 9]. Но, анализируя ситуацию, сложившуюся в экономике к концу 2014 г., и призывы к реиндустриализации и модернизации, а также предлагаемые меры для их осуществления, мы не можем не замечать определенного противоречия. Оно состоит в том, что большинство из предлагаемых рецептов в той или иной степени были уже задействованы ранее, но существенного результата они пока не дали. В самом деле, предлагается, в основном за счет государственных капиталовложений, с использованием

средств, накопленных резервными фондами, сделать упор на развитие военно-промышленного комплекса, развитие энергетики, самолетостроения, увеличение производства и экспорта зерна, воспроизводство человека (модернизации медицины, образования, науки).

Между тем, все это в определенной степени делалось как минимум с послекризисного 2010 г. – по указанным выше направлениям наращиваются государственные капиталовложения, имеются определенные успехи, но ситуация в экономике продолжает ухудшаться, темпы роста снизились до отрицательных, рентабельность промышленности и сельского хозяйства падает, импорт растет.

Снижение темпов развития России задолго до второй половины 2014 г., когда произошло падение цен на нефть, до введения экономических санкций против нашей страны, причем на фоне достаточно высоких темпов роста мировой экономики, показывает, что проблема не во внешних обстоятельствах, а в самой российской экономической системе и в неадекватности принимаемых государством мер.

Это значит, что, несмотря на все принимаемые меры, наша экономика проигрывает конкурентам из других стран, и некоторые успехи в одних отраслях нивелируются потерями в других. В чем причина такого явления? Может быть, есть некие особенности сегодняшнего положения в нашей экономике, которые препятствуют в условиях ее открытости наращиванию конкурентоспособности на мировых рынках?

На наш взгляд, такие особенности есть. И они являются серьезным препятствием на пути новой индустриализации. Не учтя, не понимая их, мы и далее, считаем, не добьемся успеха. Перечислим наиболее значимые из них.

Во-первых, новая индустриализация означает новые отрасли производства, которых сейчас нет или их масштаб крайне мал. Это порождает проблему «успешного начала с нуля». Имеется в виду то, что для новых отраслей у нас пока нет ни своего оборудования, ни кадров для их построения. В условиях закрытости от внешнего рынка можно было строить такие отрасли по принципу «главное начать», т. е. закупить готовые предпри-

ятия, выстроить их, пригласить иностранных инженеров и частично рабочих и предложить им работать на этих новых предприятиях, выходя на передовой уровень. Но в условиях конкуренции на внешних рынках такой подход приведет к большим убыткам и, соответственно, к большим потерям бюджета. И продадут ли нам самые передовые предприятия, способные выйти на мировой уровень, тем более в условиях санкций?

Вторая особенность текущей ситуации состоит в том, что для развития новых отраслей нужны большие средства. Частный бизнес в обрабатывающей промышленности (не включая нефтепереработку) имеет рентабельность 3-5 % и менее, причем она снижалась последние годы. Процент за кредит для нового бизнеса у нас составляет 20-25 %, а сроки возврата от вложений в новые отрасли, как правило, весьма велики. Кто, кроме государства, сможет финансировать такие проекты? Но у нас и работающие отрасли, необходимые для ежедневного существования населения, даже сельское хозяйство, государство держит на голодном пайке, так как накопленные им резервы начали с 2014 г. быстро таять. Налоги, обеспечивающие приток средств государству, уже и так на предельно или даже на запредельно высоком уровне, а организовать эмиссионное финансирование государство не в состоянии уже 25 лет, так как опасается, что это увеличит инфляцию.

Конечно, успешно развиваясь, новые отрасли способны сами генерировать прибыль, залоги, кредиты и т. д. Но для этого они должны сначала хотя бы появиться в минимально необходимом объеме и стабильно функционировать. Недоступность средств для предпринимателей и предприятий, многократно усиленная декабрьскими решениями Центрального банка 2014 г. о скачкообразном повышении ключевой ставки, – это третья особенность текущей ситуации.

Четвертая особенность – низкая доля работников, работающих в производственных организациях и занятых на регулярной основе. Так, в 2012 г. из 92,8 млн человеческих трудовых ресурсов трудились в таких организациях 45,9 млн чел., т. е. менее 50 %. Всего же в сфере, производящей продукцию или услуги по рыночным ценам, было занято (в пересчете на полный рабо-

чий день) лишь 61 млн чел., из которых более 16 млн – работники сельского хозяйства, охоты и рыболовства [7]. Без этого сектора, где занятость, очевидно, неполная, в рыночной экономике заняты все те же 45-46 млн чел. Где же занята оставшаяся половина людей трудоспособного возраста? Примерно поровну заняты в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица и в сфере производства продукции для собственных нужд, т. е. в личных подсобных хозяйствах и/или в криминально-теневом секторе.

Такая структура экономически активного населения означает, что половина населения трудится в режиме, который далек от режима работы на предприятиях и в организациях реального сектора, т. е. теряет навыки коллективного труда и общения.

Указанное обстоятельство создает еще одну, пятую, особенность сегодняшней ситуации – в стране нет существенных резервов рабочей силы, которые могли бы быть задействованы без больших дополнительных капиталовложений на создание рабочих мест. Сельское население, занятое в личных подсобных хозяйствах, смогло бы прийти на предприятия новых или старых отраслей промышленности, если бы индустриальные предприятия строились в сельской местности или в небольших городах. Но этого, как правило, не происходит из-за недостаточной развитости инфраструктуры.

Уточним: резервы дешевой рабочей силы в России, безусловно, есть, но для того, чтобы они могли быть высвобождены и задействованы, должны произойти коренные изменения в характере нашего экономического развития, т. е., во-первых, должны стать инвестиционно привлекательными новые секторы новой экономики, во-вторых, они должны «прийти к дому» той части рабочей силы, которая вынужденно (из-за отсутствия доступных предприятий) не занята в общественном производстве. В-третьих, эти новые секторы должны обеспечить достаточно высокий (для России) уровень заработной платы, чтобы привлечь те слои, которые пока предпочитают заниматься индивидуальным производством, или нерегулярную занятость.

Шестая особенность сегодняшней ситуации экономики России состоит в том, что заработная плата в ней существенно пре-

вышает заработную плату в развивающихся странах Азии, что снижает наши возможности притока иностранного капитала.

Но откуда взялись, как сложились все эти особенности, почему не были приняты государством необходимые меры для того, чтобы индустриальный потенциал советского периода не был растерян? Ответ на этот вопрос в целом известен – в стране, в силу избранного радикально-капиталистического пути трансформации, сложилась особая сырьевая модель экономики, для которой характерны олигополистическая структура рынков, олигархия владельцев нескольких десятков крупных и крупнейших компаний, прежде всего в ресурсодобывающих отраслях и финансовой сфере. Эти олигархические структуры, с одной стороны, влияют на основополагающие государственные решения в направлении сохранения и увеличения получаемой ими ресурсной ренты, а с другой – они получают разнообразную поддержку от государства как, якобы, «столпы» российской экономики. Происходит определенный дележ «рентного пирога» между государством и олигархическими структурами и их тесное взаимодействие. В силу этого, государство в своей экономической политике руководствуется принципом «не навреди» по отношению к сложившейся институциональной системе, что проявляется в экономической политике как «праволиберальная парадигма», состоящая, кратко говоря, в том, что действия государства в экономике – это, якобы, «вмешательство», а вмешательство государства в экономику заведомо неэффективно. Государство должно лишь создавать «инвестиционный климат» для отечественных и, особенно, иностранных инвесторов, совершенствовать институты рынка, а рынок сам определит перспективные отрасли и направления развития. Таким образом, сложившаяся ситуация – есть результат воплощения праволиберальной парадигмы, и она не может быть преодолена без отказа от нее. Этот факт может рассматриваться как седьмая основополагающая особенность ситуации. Между тем опыт коренных модернизационных реформ в различных странах показывает, что эта парадигма глубоко ошибочна, повсеместно такие реформы осуществлялись по инициативе государства, которое самым непосредственным образом нарушало сложившуюся ин-

ституциональную систему (имеется в виду система производственно-распределительных отношений) и производственную структуру, создавая приоритетные условия для развития определенных отраслей.

Усложняющие обстоятельства предшествовали любому экономическому рывку, но каждый раз лидеры и власти той или иной страны отбрасывали идеи невмешательства государства в экономику и находили нестандартные решения, иногда очень жесткие, которые позволяли начать процесс экономического роста в достаточно большом масштабе, чтобы он далее сам начал генерировать доходы и привлекать инвестиции. Власти же должны были при этом умело поддерживать расширяющиеся масштабы зон экономического роста. Так, проведение коллективизации, сопряженной с немалыми жертвами, позволило в СССР сосредоточить в руках государства существенные объемы зерна и других ресурсов для экспорта, достаточные в условиях Великой депрессии 1930-х гг. для закупки по сниженным ценам передовых проектов и оборудования для большого числа предприятий за рубежом. В послевоенной Германии таким первотолчком послужила денежная реформа, проведенная вопреки позиции американской администрации. В Южной Корее старт бурному экономическому росту дал в 1962 г. президент Пак Чон Хи, который стал внедрять пятилетние государственные планы развития экономики, в первую очередь развития экспортных отраслей, сделав упор на государственные капиталовложения в промышленность, а также на иностранные инвестиции. Часть отраслей промышленности и банковский сектор были национализированы, в частном секторе поощрялась вертикальная интеграция в виде крупных многоотраслевых комплексов – чеболей. Государством были определены приоритетные отрасли: автомобилестроение, электронная промышленность, кораблестроение. Благодаря наличию избыточной рабочей силы в сельской местности темпы роста южнокорейской экономики в отдельные периоды достигали 25-40 % в год. В этом рывке определенную роль сыграл тот факт, что в конце 50-х гг. было выстроено «впрок» высококлассное многополосное шоссе с севера на юг, хотя до середины 60-х гг. оно использовалось с низкой эффективностью.

В Японии была хорошо развитая экономика и перед Второй мировой войной, но в результате не она оказалась практически полностью разрушенной. Толчком к мощному экономическому росту на новой основе явилась политика государства, взявшего под жесткий контроль сферу внешней торговли, введя фиксируемый валютный курс йены, высокие пошлины на импорт, за исключением современных технологий. Большую роль сыграли поддержка мелкого предпринимательства и системы пожизненного найма, массовая скупка западных патентов и научно-технической информации и их быстрое применение для повышения эффективности производства, приоритет на развитие не капиталоемких, а, в первую очередь, трудоемких отраслей экономики.

В Китае после длительного периода кризисных лет пошли по пути деколлективизации, роспуска «народных коммун», предоставленного широкими экономическими свободами для развития рынка. Высвобожденные производственные возможности позволили начать создавать небольшие предприятия по производству промышленных товаров непосредственно в сельской местности, где рабочая сила недорогая и имелся ее огромный избыток. При этом «командные высоты», т. е. крупные государственные предприятия и необходимые для их функционирования средства производства, собственность на землю, а также многие инструменты экономического регулирования оставались в руках государства. КНР очень существенно и неуклонно использовала фиксируемый заниженный курс юаня для поддержания высокой конкурентоспособности своей продукции внутри страны и на мировом рынке, несмотря на все попытки США заставить ее повысить курс или перейти к рыночному курсу.

Разумеется, реформы в приведенных примерах производились в странах с разным социально-экономическим строем и в разных ситуациях, они имели различное содержание и различные экономические механизмы реализации. Но тем важнее увидеть в этих примерах «экономических чудес» то, что во всех случаях именно государство и, в первую очередь, его лидеры играли ключевую роль как в организации «первотолчка», так и в последующем выборе приоритетов и регулировании экономики.

Необходимость, в результате обострения геостратегической обстановки, формирования долговременного экономического механизма импортозамещения в России может рассматриваться как один из долговременных стимулов для осуществления государством первотолчка преобразований.

Попытаемся в связи с этим назвать те элементы правительственной политики, которые, на наш взгляд, могут сыграть роль указанного первотолчка и послужить основой для действительно высоких темпов роста России. В связи с ограниченным размером статьи большинство этих элементов мы просто перечислим, остановившись лишь на наиболее существенных.

I. Политические меры:

1) необходим принципиальный отказ от праволиберальной парадигмы, от идеи, что действия государства в экономике – это «вмешательство», а вмешательство государства заведомо неэффективно, что, якобы, государство неэффективно и как предприниматель, и как собственник; все это многократно опровергнуто и в теории, и реальным опытом экономического развития;

2) отказ от праволиберальной парадигмы должен выражаться в демонстративно объявленном переходе от преимущественно праволиберальной экономической политики, делающей упор лишь на совершенствовании институтов, т. е. «правил игры», к активной социально ориентированной политике экономического роста и развития на новой технологической базе; демонстративность этого отказа должна означать замену ключевых фигур правительства, сторонников праволиберального «невмешательства» на активных и известных обществу высококвалифицированных и авторитетных сторонников альтернативной линии – на сторонников и стратегов новой индустриализации;

3) должна быть усилена социальная и антикоррупционная составляющие экономической политики, в том числе путем введения прогрессивного налогообложения, принятия законов о конфискации имущества чиновников и госслужащих, размер и происхождение которого не соответствуют декларируемым доходам, реальной деофшоризации экономики.

II. Финансовые и антиинфляционные меры:

1) необходим переход к удержанию курса рубля на низком уровне, даже и в случае повышения цен на нефть и другие экспортируемые ресурсы, и дальнейшее плавное снижение курса до уровня, гарантирующего высокую конкурентоспособность отечественной экономики как добывающего, так и обрабатывающего сектора, а также сельского хозяйства; этот элемент экономической политики гарантированно создает фоновые условия повышения и сохранения конкурентоспособности уже существующих отраслей отечественной экономики и поэтому играет ключевую роль, на чем мы остановимся подробнее после перечисления других мер;

2) аккумулирование сырьевой ренты в руках государства в существенно больших объемах, чем в настоящее время, в том числе за счет повышения налогообложения сырьевых отраслей;

3) государственный контроль и полная прозрачность издержек и цен в сырьевом секторе, регулирование цен на нефть, газ, основные виды горючего и топлива, а также на продукцию отраслей – естественных монополий по принципу издержки плюс минимально необходимая прибыль.

III. Меры инновационной политики:

1) создание Государственного комитета по науке и инновациям как единого органа для организации инновационного процесса, т. е. создания и массового трансфера преимущественно отечественных инноваций на основе взаимодействия государства, бизнеса, имеющихся звеньев инновационной инфраструктуры, прикладной и фундаментальной науки;

2) переход от политики «экономии на науке» и ее «реструктуризации», «оптимизации» и т. п. к повышению престижа фундаментальной науки и ее работоспособности с помощью резкого увеличения заработной платы в ней и к таким объемам финансирования, которые создают условия для быстрого сокращения отставания от стран-конкурентов в сфере создания научных заделов для инноваций, т. е. в объемах, примерно в два раза опе-

режающих средний уровень финансирования науки в ОЭСР (1,8 % ВВП).

IV. Меры структурной политики:

1) использование государственных капиталовложений и государственных субсидий и льгот для обеспечения опережающего роста капиталовложений в высокотехнологичные секторы, где мы имеем шансы обгонять конкурентов, например:

– производство медицинского оборудования на новых принципах;
– производство новых материалов;
– освоение космоса;
– развитие образования и науки;
– развитие медицины и др.;

2) одним из приоритетов государственной политики обязательно должно стать универсальное машиностроение, производящее станки, роботизированные и автоматизированные комплексы, их электронную базу, а также программное обеспечение, используемое для производства машинного оборудования в специализированных отраслях; именно эта сфера является ключевой для реального повышения производительности труда на отечественной машинной базе.

Чтобы пояснить особую роль сохранения валютного курса на уровне, обеспечивающем конкурентоспособность российской экономики, обратимся сначала к существующей экономической ситуации. Имеет место падение выпуска товаров и услуг, а также промышленности за январь-май 2015 г. к соответствующему периоду 2014 г. на 4 % и 2,3 %. Рост цен за этот период составил 16,2 %, реальные доходы населения упали на 3 %, а реальная заработная плата – на 8,8 %. Лишь сельское хозяйство показывает за указанный период рост в 3,3 %, прежде всего за счет роста производства мяса свиней, птицы и яиц как продолжение инвестиционного процесса и вложений в крупные проекты, поддержанные государственным субсидированием, что существенно снижало стоимость инвестиционных ресурсов. Подобного процесса не было в подавляющем большинстве других отраслей.

Продолжающееся падение производства – это не случайное явление этого года, и не только результат падения цены на нефть или даже экономических санкций, это результат длительного процесса, который, по сути дела, шел с середины 2000-х гг. На него, к сожалению, наше руководство обращало мало внимания. Точнее, внимание обращало и даже немало правильных слов говорило, документы принимало, но нужных усилий для преодоления ситуации не предпринимало. Поэтому сегодняшние проблемы – это результат недостаточно активной экономической политики в предыдущие десятилетия. В частности, основную негативную роль играл избыток сырьевого экспорта, который приводил к избытку долларов и экономически неоправданному их удешевлению. Это не беспокоило руководство, видимо, потому, что немного помогало снижать инфляцию. Доллар как стоил в начале 2000 г. около 30 руб., так и продержался примерно на этом уровне до 2013 г., хотя в России была очень высокая инфляция, в разы превосходящая рост цен в большинстве стран-конкурентов. Что это значит? Что российские товары дорожали ежегодно на 10-15 % (такова была инфляция), а цены на импортные товары оставались почти на том же уровне, снижались или росли в цене не более 1-3 % в год. Поэтому они вполне успешно теснили и выдавливали с рынков товары российского производства во многих отраслях. В 2000 г. наш импорт был 45 млрд долл., в 2005 г. уже 125 млрд долл., а в 2013 г. уже около 350 млрд долл. В основном этот 8-кратный рост импорта означал вытеснение наших производителей. В результате рентабельность производства из года в год снижалась. Если в 2005 г. она составляла (по всей экономике) 13,5 %, то в 2012 г. – уже лишь 8,6 %, а в 2013 г. – около 6,5 %. А если учесть более высокую рентабельность ресурсодобывающих отраслей, а она в три раза выше средней, то рентабельность оставшейся части реальной экономики будет почти нулевой.

Лишь в 2014 г., когда снижение нашей экономики и цен на нефть стало явным, курс доллара стал расти, что, естественно, усилило инфляцию, о снижении которой более всего «печется» Центральный банк, далеко не всегда правильно выбирая средства борьбы с ней.

И в «роковую ночь» на 16 декабря 2014 г. Центробанк, не умея иначе регулировать валютный курс и, видимо, не желая его реально регулировать, испугавшись скачка стоимости доллара, поднял ключевую ставку до 17 %, что одномоментно повысило реальную стоимость кредитов до 25 % в год и более. По экономике России был нанесен удар такой силы, что оправиться от него она сможет в лучшем случае через полтора-два года.

Центробанк объясняет этот шаг тем, что в его задачи входит таргетирование (в данном случае, снижение) инфляции. Тот факт, что такое «таргетирование» выстрелило (target по-английски означает, как известно, цель) по росту экономики, не принимается во внимание. На самом же деле, надо было, с одной стороны, обеспечить контролируемый рост валютного курса, например введя частичный контроль за соответствующими операциями, а с другой – снизить стоимость кредитов для частных банков под реальные проекты инвестиций хотя бы до 4-5 %, как это делают в период кризиса центробанки развитых стран, осуществляя так называемые программы «количественного смягчения». Это не повысило бы, а понизило инфляцию, так как реальные вложения в реальное производство привели бы к его росту и тем самым к росту предложения товаров.

Но пугаться скачка в цене доллара было бы неверно, так как именно это резко повысило конкурентоспособность нашей продукции, хотя и ценой роста инфляции. Механизм вполне очевиден: импорт из-за удорожания доллара дорожает, цены на российские товары тоже начинают расти, но все же не так быстро, а зарплата не растет или растет намного медленнее роста цен. Спрос на импорт падает, растет спрос на российские товары. В результате быстро начинает расти прибыль российских производителей, появляется существенная «подушка рентабельности», которая позволяет вкладывать в производство и стимулирует вложения. И оно начинает расти, хотя дифференциация финансового состояния предприятий при этом остается высокой. Именно таким был механизм роста с 1998 г., когда, после скачка цены доллара в 4 раза, начался быстрый рост российской экономики. Этот подъем несколько выправил положение после неадекватных институциональных реформ [12]. Только власти,

видимо, не поняли тогда, почему. А рост цен на нефть, а также расширение вертикальной интеграции существенно помогли тогда нашему росту [10, 11].

Указанный механизм проявлял себя в 2015 г. даже в условиях тормозящего действия скачка ключевой ставки и процента за кредит: в январе-мае 2015 г. цены на промышленные товары выросли на 11,1 %, на сельскохозяйственную продукцию – на 19,7 %, на потребительские товары – на 16,2 %, а на продукцию инвестиционного назначения – лишь на 10,1 %. При этом номинальная заработная плата выросла лишь на 5,9 %. Налицо условия для роста рентабельности промышленного и сельскохозяйственного производства.

Статистические данные целиком подтверждают наши утверждения об опережающем росте прибыли: за январь-апрель 2015 г. прибыль организаций и предприятий выросла по отношению к этому же периоду 2014 г. на 90,5 %, в сельском хозяйстве – в 2,4 раза, а в обрабатывающей промышленности – в 5,8 раз.

Эти условия сработали бы в плюс, дали бы толчок росту экономики, если бы деньги (кредиты) были доступны производителям не за 25 % годовых, а в 5-6 раз дешевле.

В конце 2014 – январе-феврале 2015 г. девальвация также дала толчок росту ряда отраслей промышленности, они показывали рост на фоне некоторого снижения ВВП. Но все позитивное действие девальвации было торпедировано повышением ключевой ставки Центробанком.

Конечно, девальвация повышала инфляцию и временно снижала покупательную способность населения. Она вела также к резкому удорожанию импортируемых средств производства. Но это, во-первых, объективно вынужденная плата за многолетнее неприятие необходимых мер в экономике. И, во-вторых, это шанс для развития отечественного производства сырья, материалов, оборудования.

Но не только Центробанк внес свой вклад в снижение производства. Позитивное действие девальвации рубля может быть легко заторможено и даже торпедировано в случае отсутствия адекватных действий правительства, например если оно не по-

могает продолжить или завершить уже начатые проекты переоборудования предприятий на базе импортного оборудования. Для такой помощи не всегда нужны деньги, вполне достаточно гарантий правительства для получения крупными компаниями валютного кредита. Но в условиях снижения цен на нефть и антироссийских санкций для ряда проектов могут потребоваться субсидии. И на это стоило идти, если речь идет о проектах, гарантирующих импортозамещение и достаточно высокий спрос на производимую продукцию. К сожалению, правительство не решилось на существенное субсидирование проектов импортозамещения. Для уточнения отметим, что расходы федерального бюджета на национальную экономику выросли в январе-апреле 2015 г. по отношению к 2014 г. на 11,4 %, а бюджетов регионов – на 7,2 %. При этом налоговые сборы выросли в стране за этот период на 14,4 %, при росте потребительских цен на 16,2 % и цен промышленной продукции – на 11,1 %. Налицо реальное (за вычетом инфляции) снижение господдержки экономики в условиях, когда средства для поддержки имеются.

Сократились, по указанным выше причинам, и инвестиции частных компаний. В сумме вложения в основной капитал сократились в стране за январь-май 2015 г. на 4,8 %.

Борьба со спекулянтами на валютном рынке не должна превращаться в борьбу с собственной экономикой, т. е., стремясь ограничить доступ спекулянтов на валютный рынок, нельзя существенно увеличивать процентную ставку, как это уже сделал Центробанк, поскольку это оказывает резко тормозящее действие на всю экономику и не только не уменьшает, а, наоборот, разгоняет инфляцию. Дело в том, что, не имея доступа к краткосрочным кредитам, предприятия вынуждены дополнительно поднимать цены.

На наш взгляд, в этой связи в закон о Центробанке, в формулировку его целей, должны быть внесены существенные изменения в направлении создания финансовых условий для экономического роста.

Приведем ст. 3 этого закона с указанием того, какие позиции были внесены в нее за последние годы [13]:

Статья 3. Целями деятельности Банка России являются:

– защита и обеспечение устойчивости рубля;

– развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации;

– обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы;

– развитие финансового рынка Российской Федерации (абзац в ред. Федерального закона от 27.06.2011 № 162-ФЗ);

– обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации (абзац введен Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ).

Очевидно, отсутствие пункта о создании средствами денежно-кредитной и валютной политики условий для роста и развития отечественной экономики и, прежде всего, реального сектора оставляет возможности для таких действий, когда ошибочно понимаемая «устойчивость рубля» становится самоцелью. На самом деле, реальная, а не формальная устойчивость рубля определяется не только и не столько номинальным изменением его курса по отношению к другим валютам, не инфляцией, сколько эффективностью и мощью отечественного производства.

Необходим переход к удержанию курса рубля на низком уровне, даже и в случае повышения цен на нефть и другие экспортируемые ресурсы, и дальнейшее плавное снижение курса до уровня, гарантирующего высокую конкурентоспособность отечественной экономики как добывающего, так и обрабатывающего сектора, а также сельского хозяйства. Этот элемент экономической политики гарантированно создает благоприятные фоновые условия повышения и сохранения конкурентоспособности уже существующих отраслей отечественной экономики и поэтому играет ключевую роль.

Для борьбы с валютной спекуляцией целесообразно найти нестандартные способы, например продажу валюты лишь тем покупателям, кому она нужна для оплаты реальных закупок по импорту, подтверждаемых контрактами, или для погашения долгов. А добившись таким путем стабилизации валютного курса, необходимо создать условия для резкого удешевления кре-

дитов под проекты увеличения производства, вплоть до использования эмиссионного финансирования отраслей и предприятий, дающих достаточно быструю и надежную отдачу. Разумеется, все это возможно лишь при отказе от праволиберального курса и переходе к активной социально ориентированной экономической политике, нацеленной на инновационный рост нашей экономики.

Литература

1. Бодрунов С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. СПб., 2014. № 2 (40). С. 5-16.
2. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс. 2014. № 1. С. 80-94.
3. Бузгалин А. В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» // Проблемы современной экономики. СПб., 2014. № 3 (41). С. 53-55.
4. Губанов С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3-27.
5. Губанов С. С. Неоиндустриальная перспектива и нищета ее либеральной критики // Экономист. 2014. № 4. С. 3-32.
6. Кульков В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация? // Проблемы современной экономики. СПб., 2014. № 3 (41). С. 56-59.
7. Российский статистический ежегодник. 2013. М.: Роскомстат, 2013.
8. Сорокин Д. Е. Преобразование экономической системы России // Проблемы современной экономики. СПб., 2014. № 3 (41). С. 46-48.
9. Хубиев К. А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности // Проблемы современной экономики. СПб., 2014. № 3 (41). С. 49-53.
10. Эпштейн Д. Б. Агрохолдинги – форма вертикальной интеграции //АПК: экономика, управление. 2008. № 9. С. 60-66.

11. Эпштейн Д. Б., Тиллак П. К характеристике хозяйств потребительского типа // АПК: экономика, управление. 2002. № 3. С. 53-60.

12. Эпштейн Д. Б. Эволюционный подход к институциональным реформам в сельском хозяйстве // Международный сельскохозяйственный журнал. 2004. № 6. С. 25-29.

13. URL: http://www.cbr.ru/today/status_functions/law_cb.pdf

Г. В. Козлова, А. А. Козлов

ДЕРЖАВНОСТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ РОССИИ

В настоящее время Россия идентифицируется в качестве особого государства, имеющего предпосылки для приобретения социально-экономических черт, определяемых как державные.

Однако важным представляется интерес к державности не как к понятию, которое вполне традиционно и привычно, а как обозначению новой, потенциальной парадигмы развития России. И выбор этого понятия не случаен, поскольку в нашем отечестве термин «держава» всегда воспринимался весьма позитивно, позиционировался как некий символ патриотизма, бескорыстной любви к Родине.

Держава – (от древнерусского «държа» – могущество, владычество) – крупное мощное независимое и прочное государство, обладающее большим военным, экономическим и иным потенциалом и играющее ведущую или очень важную роль в мировой политике и международных отношениях.

Понятие «держава» связано с идеологией державности – сознанием политического веса страны, ее масштабов, экономического или военного могущества, способности оказывать влияние на ближайшее и дальнее политическое окружение.

Исторически понятие «держава» сложилось и получило хождение в связи с выделением великих держав после разгрома Наполеона в начале XIX в. Тогда к числу таких держав относили Англию, Францию, Россию, Пруссию и Австрию; позднее –

также Италию, США и Японию. Сегодня к числу великих держав относят США, Россию, Англию, Францию, Китай, т. е. пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также Германию, Индию, Японию. Если в прошлом у нас понятие «держава» чаще всего употреблялось в негативном плане («империалистическая держава», «колониальная держава»), то сегодня этим понятием обычно подчеркиваются сила, могущество, размеры, самостоятельность, стабильность, особое место, роль и влияние страны. В последние десятилетия, особенно в связи с утверждением биполярной модели мира и «холодной войны», сложилось и распространилось понятие «сверхдержава», к числу которых относились СССР и США, обладавшие решающим перевесом сил и возглавлявшие противостоящие друг другу военно-политические блоки. В связи с распадом СССР и мировой социалистической системы в мире сегодня по-разному оцениваются место и роль России. Но и при всем этом представляется необоснованным исключение ее из числа великих держав на том основании, что она сегодня переживает серьезный внутренний кризис и объективно сузились возможности ее влияния на мировое развитие.

Истоки державности Руси своими корнями уходят в V-VII вв., когда зарождение первых племенных общин на территории Древней Руси было означено рядом обстоятельств, которые впоследствии нашли свое выражение в формировании специфичности государственного, экономического и культурного устроя жизни древних русичей.

Кроме того, необходимо отметить и большое значение для развития Руси принятие христианства.

В отличие от широко применяемого в русском языке слова «держава», «державность», «державная экономическая политика» являются в определенной степени новыми.

Представления о типологических признаках государства-державы, в современном понимании, в настоящее время формируется и разрабатывается, что ведет к их значительной дифференциации. Учеными ставятся вопросы о выделении периодов державного развития в российской истории, о державном архитектурном стиле, о соотношении понятий «держава» и «империя» и т. д.

В рамках исследований державности в настоящее время можно говорить о существовании пирамидального мира, причем вершина данной пирамиды неоднородна, поскольку представлена двумя государственными образованиями, несущими в себе две качественно различные формы государственности. Внешняя схожесть двух гигантских и постоянно соперничающих ядерных государств – следствие конвергенции, обусловленной схожестью условий их территориально-геополитического существования. Однако сущностные характеристики их экономических и политических систем, по сути, противоположны. Это качественно различные государственности: мировая держава и мировая империя, производящие разные миропорядки.

По нашему убеждению, мировая держава является сегодня уникальной формой государственности исключительно для России. Мировая держава – государственность, способная обеспечить миропорядок во благо достижения своих высших целей развития, но не в ущерб и не за счет разрушения суверенитета других государств и ущемления их национальных экономических интересов. При этом реализуется принцип гармонии интересов каждого человека, каждой общественной группы, каждой нации с национальными экономическими интересами суверенного государства.

Империя – это качественно иная государственность, являющаяся, сущностно и содержательно, антитезой мировой державы, стремящаяся всецело контролировать мир, навязывая порядок, который удобен только одному из субъектов экономических отношений, доминировать решение собственных экономических интересов безотносительно к культуре и традиции других суверенных государств, организуя и поддерживая зависимость только от себя. В настоящее время представителем такого типа государственности являются США.

Современные представления о державной экономической политике позволяют утверждать, что державность – потенциальное, желаемое состояние российского государства, которое характеризуется определенным набором качественных и количественных характеристик. При этом следует оговориться, что стремление к созданию российской державы, обладающей набо-

ром оптимальных для этого государства черт, не следует воспринимать как очередную утопию.

Думается, что в настоящее время Россия может и должна позиционировать себя как особое государство, приобретающее черты новой мировой державы. Теоретическое обоснование и реализация нового, в наибольшей степени рационального, пути развития Российского государства не является продолжением взглядов славянофилов на так называемый особый путь России.

Для приобретения Россией социально-экономических черт, оптимальных для ее современного развития (определяемых как державные), речь о которых пойдет ниже, существуют особые предпосылки.

Россия формировалась как уникальная так называемая евразийская цивилизация, типично материковая (телурократическая). Она географически расширялась, органично включая в себя территории и народы. Не проявлялись явно ни национальная эксплуатация, ни подавление. Формировалась единая и при этом огромная территориально-национальная система. Представляется, что наличие данной системы можно определить как первый из признаков российской (евразийской) цивилизации. Следует отметить, что покоренные территории включались в состав Российского государства как полноправные субъекты, население не подвергалось национальной дискриминации и эксплуатации. (В то же время европейские страны-метрополии откровенно грабили свои колонии, в США кое-где в середине XIX в. платили от 10 до 20 долл. за скальп индейца). Однако у каждого включенного в евразийскую систему народа на ее территории имеется историческая родина, что опасно в плане сепаратизма.

Второй исторический признак российской цивилизации определяется нами как «консервация» архаических общественно-экономических отношений, например «задержавшееся» на Руси крепостное право. Можно найти различные, в том числе геополитические и географические объяснения особенностей российского менталитета. Россия, имея огромные, малоосвоенные пространства, давала возможность наиболее активной (свободолюбивой) части населения бежать от крепостного гнета. Российский «котел» кипящих социально-экономических противоречий

имел возможность расширяться за счет Сибири, Поморья, Кубани и т. д.

А это снижало давление в этом «котле», который долго «не взрывался» революциями, способными изменить социально-экономическую систему в сторону ее демократизации. При этом в небольших европейских странах проблемы угнетения и рабской эксплуатации решались гораздо раньше. Растущее общественное напряжение быстро находило выход через революционные взрывы.

С этим взаимосвязана так называемая русская соборность, которая воплощена в колоссальные мобилизационные возможности российского народа (в сферах политики, религии, экономики), которые всегда спасают страну в тяжелые времена. Корни этого явления в тоталитарных традициях, которые веками позволяли выживать нации.

Следует выделить и третий признак российской цивилизации. Это проведение реформ западного типа, которые не имели практически никаких предпосылок в российской социально-экономической системе, а насильственно навязывались высшей властью. Эти реформы не затрагивали основ экономической системы, а имели «внешний» характер. Российским «верхам», которые старались выглядеть цивилизованно (по-европейски), удобнее было управлять реально архаичным обществом. Отсюда и петровские парики и камзолы, и новый рынок с полуфеодальной системой отношений и колоссальным имущественным расслоением. Современный рынок – даже не олигархический, а тоталитарный с фактическим отсутствием конкуренции.

Мы говорим о цивилизационных признаках России. Они же – факторы-предпосылки, обусловливающие необходимость (желательность) становления Российской державы.

В настоящее время существуют реальные тенденции формирования общества, опирающегося (в идеологическом, экономическом и социальном плане), во-первых, на базовые особенности российского менталитета; во-вторых, на современную систему общественных российских интересов, во всем их множестве и противоречивости.

Сделаем попытку раскрыть главные политические и социально-экономические черты, которые должны характеризовать государство-державу.

Державная политика предполагает совмещение комплекса приемлемых в современном обществе традиционных российских ценностей с рядом базовых либеральных, демократических ценностей западного мира. В основе лежит создание гибкой политической и социально-экономической государственной системы, полный и решительный отказ от любого догматизма в области путей государственного и, прежде всего, экономического развития. Имеется в виду и традиционный христианский догматизм, и коммунистический, и ортодоксально-либеральный.

В державе воплощаются:

1. Принципы европейской цивилизации: а) свобода; б) высокое качество жизни всего населения, достигаемое в том числе и перераспределением общего богатства посредством продуманного прогрессивного налогообложения; в) ликвидация неконкурентного рынка, основанного на административном ресурсе.

2. Принципы российской цивилизации: а) социальная справедливость (ликвидация слишком большого имущественного расслоения, система государственных социальных гарантий, легитимизация в общественном мнении имеющегося богатства, государственное декларирование принципов «равенства и братства»); б) реализация веры российского общества в могущество и «доброту» власти; в) ограниченный государством либерализм во всех явлениях общественно-экономической и политической жизни.

Подобного сочетания можно достигнуть в рамках рыночной экономики западного типа. Но эти ценности, как видим, сопрягаются с традиционными ментальностными российскими ценностями.

Державность предполагает наличие социально-экономической системы, освобожденной от любых идеологических пут, любых форм экономического фанатизма – рыночного, планово-тоталитарного или какого-либо другого. Это позволит использовать и безболезненно сочетать все формы экономических отношений. Необходимо совмещение в экономике различных форм

собственности и их рациональный и подвижный, в зависимости от ситуации, баланс. Подобная политика становится возможной только в случае проявления реальной политической воли, являющейся в настоящее время необходимым условием любых позитивных трансформаций в государстве. В этих условиях становятся возможными реализация конкурентных рыночных отношений и ликвидация (силовыми и экономическими методами) современного административно-тоталитарного капитализма.

Целесообразным становится совмещение демократических форм правления с элементами авторитаризма, что допускается и позитивно воспринимается большинством населения, в условиях России как средство борьбы с внешними врагами, внутренней нестабильностью, экономическими кризисами, коррупцией и т. д.

Одним из главных атрибутов российской державности является функционирование СЭС в интересах не только и нестолько элиты, а всего общества.

Атрибутом державы является комфортность существования, благополучие (экономическое, социально-гражданское и др.) жителей страны, достигаемое всеми средствами, но не за счет явного ущемления интересов других стран. Причем именно для России важнейшей составляющей жизни социума является государственный контроль за экономическим расслоением в обществе, недопущение жестких форм эксплуатации человека человеком, т. е. сохранение представления о социальной справедливости.

Представляется, что в державе должен реализовываться определенный экономический и политический меркантилизм в системе международных отношений. Жесткое отстаивание государственных интересов предполагает в современных условиях беспощадное искоренение не только коррупции в финансово-экономической и других сферах, но и бесконтрольной экономической эксплуатации трудящихся.

Подобный симбиоз форм правления и экономических систем не утопия, поскольку существуют в мире модели социально-экономического развития, основанные на демократичном попеременном господстве двух партий, проводящих различную экономическую и социальную политику. Подобная модель, адапти-

рованная к российским условиям, может быть вполне жизнеспособной.

В ставших уже традиционными рассуждениях западников и славянофилов о векторах развития России заметное место занимает теория географического детерминизма, согласно которой существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость между обществом и географическими явлениями, географической средой.

Использование данного подхода позволяет выявить специфические национальные черты российского бытия, в том числе современного этапа развития, которые вырабатывались столетиями и представляют собой определенную константу, т. е. с большим трудом подвергаются всевозможным трансформациям. Именно это делает необходимым создание научно обоснованных общегосударственных и региональных стратегий державного развития, основанных на строго выверенном балансе западных и традиционных национальных моделей развития Российского государства.

Державность предполагает, что в основу всеобщего объединяющего признака кладется не национальность, а принадлежность к государственной территории, стране, государству. Вне зависимости от этнической принадлежности, все граждане России в равной мере причастны к государству, в котором они живут. Их самосознание существует на двух уровнях – этническом и государственно-страновом, державном. Таким образом, каждый гражданин, полагая себя русским, евреем или корейцем, одновременно чувствует себя россиянином, т. е. абсолютно полноправным жителем Российской Федеративной державы. Причем исключительно последнее качество является определяющим для всех сфер общественно-политической и экономической жизни.

Концепция державности существует в особо благоприятных условиях, когда речь идет о принадлежности к великой державе, каковой Россия без сомнения может являться, несмотря на свои сегодняшние сложности. Принцип сохранения за Россией прежнего международного статуса (что, в общем, принято за данность мировым сообществом, которое пошло хотя бы на сохранение за Россией постоянного места в Совете Безопасности ООН – без каких-либо особых усилий с ее стороны) не может

рассматриваться лишь как инструментальное средство поддержания национального духа или евразийской стабильности.

Безусловно, нынешнее положение России, принимающей и требующей помощь из-за рубежа, противоречит традиционному статусу великой державы. Экономическое положение в России сложное. Политическая нестабильность также плохо «вяжется» с понятием «великая держава». Однако все это скорее признаки структурного кризиса при переходе от одного государственного состояния в другое. В долгосрочном плане у России есть все шансы восстановить себя. Величина территории и населения, огромный экономический потенциал, военные параметры, наконец, цивилизационная роль и место в планетарном духовном процессе – все это основания, на которых новая Россия может восстановить свой политический авторитет.

Принадлежность России к великим державам может служить основой нового общегосударственного самоотождествления. Однако, как уже говорилось выше, переход к такой концепции и становление ее в качестве доминирующей не может быть автоматическим. Она требует усилий со стороны руководства и интеллектуальной элиты вплоть до выработки системы новых стереотипов пропаганды.

В ходе рассуждений о стратегии державной политики неизбежно возникает вполне уместный вопрос о ее конечной цели – гипотетической потенциальной и, как представляется, целесообразной модели миропорядка, а главное, о методах его достижения в условиях неизбежного противостояния державы и империи. Известно, что прямым следствием наличия соперников является конкуренция, извечный и повсеместный спутник человеческого общества. На первый взгляд, стратегия державы предполагает конкуренцию между Россией и США, а следовательно, согласно логике взаимопроникновения, понятий «война» – «конфликт» – «конкуренция», и чью-то победу. Однако мы убеждены, что державная политика, ее позитивно-умиротворительные составляющие, может быть силой, способной прервать перманентный переход войны в конкуренцию и наоборот, что всегда являлось атрибутом взаимоотношений между странами-соперниками.

Е. К. Карпунина, И. Н. Якунина

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ КАК ИМПЕРАТИВ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ

Международная обстановка, сложившаяся к началу второго десятилетия XXI в., потребовала переосмысления расстановки сил вокруг Российской Федерации, приоритетов внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения.

Дифференциация участников глобального социума как по уровню их социально-экономического развития, так и по ментальности, политическому и религиозному статусу влечет за собой возникновение различных проблем, которые в полной мере затрагивают и Россию:

– демографические: данные по коэффициенту рождаемости в различных странах наглядно демонстрируют тот факт, что в странах с высоким уровнем социально-экономического развития его значение не достигает уровня, необходимого для простого воспроизводства населения (Германия – 1,42; Швеция – 1,67; Финляндия – 1,73; США – 2,06). В России этот показатель составляет 1,61. При этом в условиях низкой смертности для простого замещения поколений суммарный коэффициент рождаемости должен быть не ниже 2,15. В то же время в беднейших странах коэффициент рождаемости составляет и 7,03 (Нигер), и 6,17 в Сомали [6];

– экологические: становятся единой глобальной угрозой существования человечества, однако развивающиеся страны не готовы инвестировать средства в решение экологических проблем, поскольку в данных странах более остро стоят социальные и экономические вопросы;

– геополитические: высокая степень геополитической напряженности, широкое распространение локальных конфликтов, рост населения в мусульманских странах, бедственное положение стран Африки, возникновение ядерной угрозы со стороны

развивающихся стран, попытки построения монополярного мира со стороны США и стран НАТО, кризисные явления в объединенной Европе;

– социальные: в 2015 г., по данным ООН, количество голодающих на планете составляет 800 млн чел.;

– формационно-экономические противоречия: в глобальном социуме сосуществуют одновременно и доиндустриальные, и индустриальные, и постиндустриальные экономические системы.

Наряду с определенным укреплением международных позиций России появились негативные тенденции, угрожающие ее национальной безопасности. Потенциальными и явными источниками угроз безопасности РФ стали социальные, экономические, территориальные и религиозные противоречия как в странах, расположенных по периметру границ России, так и далеко за их пределами. Попытки доминантного воздействия на социально-экономические и политические процессы, происходящие в России, а также на внешнеэкономическую политику страны со стороны целого ряда западных держав поставили перед Российским государством задачу поиска новых путей развития и новых приоритетов в развитии международного партнерства.

В этих сложных геополитических условиях динамичных глобальных трансформаций, формирующих мировой порядок, роль, которую займет та или иная страна в составе мирового сообщества государств, определяется, прежде всего, ее экономическим, научно-техническим, военным, культурным потенциалом. А следовательно, необходимо создать условия, обеспечивающие стабильность, последовательность и необратимость экономических и политических процессов в стране; активно и полноправно участвовать в строительстве новой системы международных отношений; противодействовать усилению влияния других великих держав на постсоветском пространстве; поддерживать равновесие сил в Восточной и Центральной Европе, Восточной Азии и других прилегающих к России регионах; добиваться расширения доступа России к глобальным рынкам; защищать интересы российских граждан за рубежом и т. д. Однако решение такого широкого спектра задач вряд ли воз-

можно без построения выверенной, последовательной и актуальной экономической политики, способной оперативно и адекватно реагировать на возникающие социально-экономические и геополитические вызовы как локального, так и глобального характера.

Сложность процессов модернизации экономической политики определяется неоднозначностью той роли, которую Россия играет в глобальном мировом сообществе. Она одновременно является и великой державой, и страной, имеющей серьезные социально-экономические проблемы, которые не позволяют ей выйти в экономические лидеры современного социума. России необходим свой уникальный путь, основанный на реализации стратегии опережающего развития. Она должна и может стать одним из полюсов интеграции в глобальном многополярном мире. России должна сконцентрироваться на задачах национального возрождения, не допуская самоизоляции и конфронтации во внешней политике.

Сам факт длительной истории России, экономическая система которой, имея принципиальные отличия от западной, позволила обеспечить ей статус мировой державы, противостоять внешним агрессорам, осуществить хозяйственное освоение крупнейшего территориального пространства в мире, говорит об уместности обращения к цивилизационным основам конструирования современной российской экономической политики.

Для того, чтобы Россия включилась в международную конкурентную борьбу за роль мирового лидера в современных условиях хозяйствования, должна быть предложена принципиально новая для современного мира модель управления, позволяющая совершить форсированный отрыв от потенциальных конкурентов. В общих чертах такая модель для России должна характеризоваться как «экономика духовного типа», где хозяйственная деятельность соответствует высшим духовно-нравственным критериям общества. Именно использование идейно-духовного потенциала человека может обеспечить преимущества предлагаемой модели над однофакторной материальной системой экономики Запада (рис. 1).

Рис. 1. Целевые ориентиры модернизации экономической политики России

Тем не менее реализация столь амбициозных задач требует, прежде всего, адекватной оценки собственных возможностей и проблем, а также активного наращивания конкурентных преимуществ страны, поскольку в рейтинге 144 стран по глобальной конкурентоспособности на 2014-2015 гг., по оценке Всемирного экономического форума, Россия заняла 53-е место, что, конечно, отражает наличие определенной положительной динамики (64-е место в рейтинге 2013-2014 гг.), которая задается такими факторами, как высокая распространенность высшего образования, состояние инфраструктуры и значительный объем внутреннего рынка, но не соответствует той роли, которую Россия стремится играть на мировой экономической арене. Специалисты Всемирного экономического форума отмечают, что воспользоваться своими конкурентными преимуществами России мешают низкая эффективность работы государственных институтов, недостаточный инновационный потенциал, неэффективная антимонопольная политика, слабая развитость финансового

рынка, низкий уровень конкуренции на рынках товаров и услуг и дефицит доверия инвесторов к финансовой системе [8].

Данные выводы в полной мере соответствуют и выводам российских ученых, которые в числе ключевых проблем в реализации национально-государственных интересов страны, а также сдерживающих факторов ее социально-экономического развития выделяют следующие:

1. Структурная деформация экономики, наличие кризисных явлений. Одна из главных угроз безопасности России – гипертрофированный рост отраслей народного хозяйства, выразившийся в приоритетном развитии военно-промышленного комплекса, ТЭК и тяжелой индустрии, с одной стороны, и чрезвычайно отсталом состоянии отраслей и сфер производства, работающих на человека, удовлетворение его потребностей и нужд, – с другой (легкой, пищевой промышленности, индустрии услуг и быта). Сложилась экономическая структура, которая долгое время воспроизводилась и с которой выйти из кризисной ситуации будет сложно. Поэтому крайне необходимы структурные изменения в экономике, привязка структуры производства к структуре рыночного спроса, обеспечение экономического роста.

Главный парадокс экономического развития России состоит в том, что самая богатая в ресурсном отношении страна не относится к числу стран-«лидеров». Ресурсно-сырьевая уникальность России заключается в том, что на сегодняшний день – это единственная страна в мире, способная к автаркийному существованию. США и Китай как два геополитических субъекта, в силу ресурсной ограниченности, такими возможностями не обладают. Мировой совет по энергии оценивает природно-ресурсный потенциал России в 60 % от имеющегося в мире. По различным оценкам суммарная ценность минерально-сырьевой базы России по разведанным и оцененным запасам всех видов полезных ископаемых составляет не менее 30 трлн долл. США. Российская Федерация обладает значительными запасами минерально-сырьевых ресурсов. Количество видов минерального сырья, разведанного на ее территории, является уникальным и не имеет аналогов в мире. Помимо непосредственного наличия широкого спектра важнейших видов минерального сырья, дан-

ный комплекс экономики обладает развитой добывающей, перерабатывающей инфраструктурой и мощным научно-техническим потенциалом. Ежегодно из недр страны извлекаются полезные ископаемые на сумму около 150 млрд долл. Минерально-сырьевой комплекс обеспечивает до 36 % валового внутреннего продукта, более 50 % доходной части федерального бюджета и 100 % поступлений в стабилизационный фонд России [9].

2. Потеря научно-технического потенциала страны. По оценке агентства «Томсон-Ройтерс», «проблема заключается в значительном сокращении финансирования фундаментальных и прикладных исследований в России после развала Советского Союза» [5]. СССР по объему внутренних расходов на НИОКР (примерно 5 % ВВП [3]) входил в число мировых лидеров. В стране была мощная система фундаментальных и прикладных исследований, включавшая более трех тысяч НИИ, где работали почти 1,5 млн научных исследователей – примерно одна четверть всех научных работников мира. Концентрация огромных ресурсов позволила добиться технологического прорыва в целом ряде отраслей ВПК, включая атомную и авиакосмическую промышленность, приборостроение. В настоящее время в мире складываются 3 главных центра научного прогресса – США (397 млрд долл.), Китай (213 млрд долл.) и Япония (133 млрд долл.) [5]. Российская Федерация в группу лидеров не входит – на ее долю приходится менее 2 % мировых расходов на НИОКР. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, Россия занимает восьмое место (из 37 стран, отобранных для анализа) по абсолютному показателю расходов на НИОКР. Сумма расходов в 2012 г. составила 24 млрд долл. (1,12 % ВВП, тридцатое место по относительному показателю). Чтобы сравняться с Японией, которая в этом рейтинге занимает третье место, России нужно увеличить затраты на НИОКР в 5,54 раз [7].

3. Одной из серьезных проблем российской экономики, наиболее остро отразившейся на ее состоянии в условиях современного геополитического кризиса, стала ее чрезмерная открытость. Открытость экономики – это одно из современных требований, способствующих повышению ее эффективности и конкурентоспособности, однако, открывая экономику, необ-

ходимо учитывать состояние защищенности отечественного производства, финансовой и банковской системы, стратегических отраслей и сфер производства. Введение санкций показало уязвимость российской экономики: девальвация вместе с эффектом от введения торговых ограничений на импорт товаров из стран, присоединившихся к санкциям против России, привели к ускорению инфляции до 11,4 % по итогам 2014 г., а также к росту инфляционных ожиданий. Однако, как отмечают специалисты Высшей школы экономики, только упор на импортозамещение в условиях ограничения внешних связей означает курс на упрощение экономики и поддержку неэффективных производителей. После кратковременного подъема этот сценарий ведет к быстрому истощению ресурсов, распаду связей, перекачке ресурсов сначала с потребления на госинвестиции, потом от эффективных к неэффективным предприятиям путем повышения налогов, субсидирования проектов [1]. Необходим поиск путей поэтапного повышения независимости экономики страны не за счет ее закрытия, а за счет поиска альтернативных партнеров для взаимовыгодного сотрудничества, наращивания высокотехнологичного экспорта и источников инвестиций. Проблемы связаны с качественным воспроизводством человеческого капитала, как одного из ключевых факторов конкурентоспособности российской экономики.

По уровню квалификационного потенциала, имеющегося в распоряжении России, трудовые ресурсы оцениваются многими экспертами как по-прежнему нужные в мире [2].

Данное качественное преимущество основывается на эффективности советских традиций образования, прежде всего уникальной системе профессионально-технических училищ. Однако по мере деградации отечественной образовательной системы снижается и квалификационный ресурс.

Если по уровню образования Россию можно отнести к числу стран-лидеров, то о качестве образования этого сказать нельзя. Нехватка финансовых ресурсов и многочисленные институциональные перемены привели к тому, что в пореформенный период качество российского образования ухудшалось. Снижению академических стандартов обучения в системе высшего

образования могло способствовать резкое – в два с половиной раза – увеличение численности студентов. О серьезном неблагополучии в этой области свидетельствуют как показатели затрат на образование, так и результаты стандартных международных тестовых испытаний.

Кроме того, по-прежнему острыми остаются проблемы в сфере здравоохранения и социального обеспечения. В России совокупный объем финансовых ресурсов Пенсионного фонда, Фонда социального страхования и Фонда обязательного медицинского страхования составляет около 7 % ВВП. Столь низкая доля в расходах на цели социальной защиты застрахованных (в 2-3 раза ниже, чем в странах ЕС) позволяет выплачивать пенсии и пособия, составляющие около 30-35 % и ниже от размера предшествующей заработной платы, которая, в свою очередь, в 5-6 раз меньше по сравнению со средними размерами заработной платы в целом по странам ЕС.

Таким образом, основными ресурсами, способными в текущий момент обеспечить основу для опережающей трансформации хозяйственной системы России, выступают природный (сырьевой) или человеческий (интеллектуальный) фактор, который должен постепенно прийти на смену первому, который существенно ограничивает возможности полноценно участвовать в международной конкуренции, прежде всего на рынках готовой продукции. Он сужает, кроме всего прочего, сферу использования в трансформируемой экономике глобального техногенного фактора, поскольку в основном направляется в анклав добывающей отрасли. Тем не менее на начальном этапе трансформации природно-ресурсный фактор имеет преимущественное значение. Однако оба этих ресурса имеют двоякую природу, поскольку при отсутствии должной управленческой политики они, в лучшем случае, будут оставаться нереализованным потенциалом, в худшем – будут тормозом для перехода на качественно новые стадии постиндустриального экономического развития. Для преобразования потенциала в работающий фактор экономического роста необходима целенаправленная модернизация экономической политики государства.

В частности, для обеспечения опережающей трансформации хозяйственной системы России процесс формирования экономической политики должен осуществляться с учетом общественно-экономической специфики государства (экзогенные ограничения выбора экономических решений, традиционные специфические черты национальной экономической системы), исторических особенностей реализуемых моделей управления экономикой и совокупного экономического потенциала национальной экономики.

Необходима не просто смена приоритетов государственной экономической политики, требуется перманентное воздействие государства на все сферы хозяйственной деятельности, ориентированное на перераспределение ресурсов и инвестиций из добывающих отраслей в сферу информационных технологий и человеческий капитал. Да, российская экономика не сможет отказаться от экспорта сырьевых ресурсов в обозримом будущем, однако добывающие отрасли должны лишь создавать благоприятную основу для развития наукоемких отраслей, перерабатывающих производств, науки и образования. Развитие экономической политики должно носить системный характер и включать и направления совершенствования агропромышленной и бюджетной политики, политик в сфере малого и среднего бизнеса и т. д. Экономическая политика должна быть направлена на сдерживание влияния всех негативных факторов, препятствующих экстенсивному развитию экономики страны. Причем необходимо формировать такие направления реализации экономической политики, которые позволят препятствовать как внешним отрицательным факторам, так и внутренним. Это позволит скорректировать процессы развития системы экономических отношений, нивелировать возникающие деформации, отслеживать изменяющуюся ситуацию в экономике и обществе.

Государство должно обеспечивать решение задач развития за счет экономической прибыли от воспроизводимых ресурсов экономики и, прежде всего, от рационального использования интеллектуального потенциала. В современной России сохраняется нерациональное использование ресурсов, что тормозит экономическое развитие страны. Без формирования высокоэф-

фективного, гибкого социально-экономического и организационно-административного механизма государственной экономической политики невозможно объединить разнородные хозяйствующие субъекты, обеспечить сбалансированное межрегиональное и межотраслевое развитие, обеспечить общность экономических интересов, определяющую единство национального хозяйства, его способность противостоять внешним и внутренним угрозам.

Перед Российской Федерацией в современных условиях стоит задача не просто модернизации национального хозяйства страны, но трансформации всей совокупности социальных и экономических отношений. Приоритетными целями государства при осуществлении такой трансформации являются: построение хомоцентричной экономики; утверждение роли и места России как ведущей мировой державы, как одного из центров многополярного мира, способных выступать одновременно и лидером, и равноправным партнером при построении глобальной экономики.

Для России необходимым условием включения в процессы глобального уровня на равноправных условиях является наличие собственной стратегии опережающего развития, ориентированной на сохранение и развитие мощного экономического потенциала посредством реализации дискретно-континуального трансформационного процесса.

Опережающая трансформация хозяйственной системы представляет собой совсем не континуальный процесс, когда имеет место перелом ранее сложившихся тенденций технологических и институциональных перемен. Это означает, что знаковой чертой процесса такой трансформации выступает превалирование дискретных технологических сдвигов, которым сопутствуют также заведомо дискретные институциональные перемены, в том числе в области государственного устройства.

Главная проблема заключается в институциональном обеспечении эффективных технологических инноваций. Ее разрешение предполагает кардинальное преобразование действующих институциональных механизмов, предопределяющих результаты инновационной деятельности. Эти неэффективные, хотя

и рыночные механизмы, сформировавшиеся в итоге предшествующей системной трансформации в России, существенно различаются по разным секторам экономики. Тем самым, по существу, «опережающий трансформационный рывок» должен включать в себя спрессованные во времени и сопутствующие технологическим инновациям институциональные преобразования, специфицированные по отдельным секторам.

Опережающая трансформация означает необходимость масштабных дискретных решений. Именно дискретные технологические перемены, притом весьма специфицированные в рамках определенных секторов национальной экономики, представляют собой главное содержание процесса опережающей трансформации. Их непосредственным ориентиром выступают целевые ориентиры преобразования структуры национальной экономики. А это, в свою очередь, означает неизбежность активного государственного вмешательства как в процесс технологической трансформации, так и в непосредственно сопутствующий ему процесс специфических институциональных преобразований.

Политика опережающей трансформации предполагает выполнение государством специфических функций, которые, собственно, и делают возможным преодоление разрыва с более развитыми странами. При этом главная идея модернизации государственной экономической политики заключается в прорывном характере ее императивов, обусловливающих усиление ее антикризисного формата:

– идеологический императив, в соответствии с которым ценности должны выполнять ориентационную роль, выступать предпосылкой сплочения государства и общества, элитарных и неэлитарных групп для достижения единой цели – обеспечения устойчивого воспроизводства новой системы экономических отношений на собственной основе, а также являться формой выражения цивилизационной специфики коммуникаций государства и общества, предполагая трансформацию традиций и обычаев общества в систему принятия решений;

– производственный императив, который задает необходимость формирования макроэкономических условий, обеспечивающих опережающее развитие базисных промышленного и сельскохозяйственного производств и скорейший вывод российской экономики на связанную с ним фазу роста новой длинной волны, и требует концентрации ресурсов в развитии составляющих его перспективных производственно-технологических комплексов, что требует целенаправленной национальной финансово-инвестиционной политики, включающей соответствующие инструменты денежно-кредитной, налогово-бюджетной, промышленной и внешнеэкономической политики;

– инновационный императив, определяющий технический прогресс и инновации ключевыми факторами постиндустриального экономического развития, и необходимость создания условий для опережающего становления новейшего технологического уклада с учетом имеющихся ограничений финансового, информационного, кадрового потенциала;

– социально-инвестиционный императив, детерминирующий возможности включения России в процессы глобального уровня посредством реализации накопленного населением страны запаса знаний, навыков и способностей – человеческого капитала и социального потенциала общества, характеризующих общую духовную и нравственную атмосферу в стране. Первым шагом в этом направлении должен стать пересмотр приоритетов государственной политики в направлении увеличения социальных инвестиций и улучшения условий реализации интеллекта нации.

Соответственно, ключевая идея модернизации экономической политики как условия опережающей трансформации экономической системы России, в соответствии с данными императивами, заключается в создании системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления интенсивного экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию.

Система стратегического планирования должна включать: выбор приоритетов технико-экономического развития, инстру-

менты и механизмы их реализации, институты организации соответствующей деятельности, а также методы контроля за достижением поставленных целей.

За последние годы созданы некоторые элементы этой системы. Принята Концепция долгосрочного развития России до 2020 г., установившая приоритеты развития, соответствующие перспективным направлениям становления нового технологического уклада, действуют федеральные целевые программы реализации некоторых из них, образованы институты развития. Однако в целом система не работает должным образом и допускает стратегические ошибки, вследствие чего Россия упускает возможности опережающего развития отечественных технологий, входящих в ядро нового технологического уклада и конкурентоспособных в масштабах мирового рынка.

Для достройки системы стратегического планирования необходимо ввести нормы ответственности за достижение планируемых результатов и связать с ней инструменты экономической политики.

Таким образом, в условиях глобальной трансформации международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для укрепления Российского государства, благополучного национального развития, необходимо выявить, определить и сформулировать приоритеты новой стратегической парадигмы в области национальной безопасности Российской Федерации. Свое место в формировании нового мирового экономического порядка Российская Федерация должна занять как преемница многовековой российской государственности и богатой гуманистической культуры России, как центр экономического влияния на обширном наднациональном пространстве. При этом экономическая политика должна обеспечивать организацию экономического пространства таким образом, чтобы оно соответствовало целям сохранения страны как единого целого в качестве государственно-политического образования и целостной экономической системы. Сегодня одна из главных целей, стоящих перед Россией, – подтвердить свой статус великой державы по ключевым параметрам в иерархии современного мирового сообщества.

Литература

1. Акиндинова Н. В., Ясин Е. Г. Новый этап развития экономики в постсоветской России: докл. к XVI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7-10 апр. 2015 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
2. Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике: в 5 т. М., 2008. Т. 1.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
4. R&D Magazine. 2010 Global R&D Funding Forecast, December 2009. URL: http://www.rdmag.com
5. The Financial Times, January 26, 2010.
6. Total fertility rate 2013. ЦРУ США. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_и_зависимых_территорий_по_суммарному_коэффициенту_рождаемости
7. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/4889.pdf
8. URL: http://gtmarket.ru/news/2014/09/03/6873
9. URL: http://www.sgm.ru/50/

В. Г. Лоскутов, У. Г. Трибунская

КОНЦЕПЦИЯ ДЕРЖАВНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Политическая экономия постоянно совершенствует свою методологию, расширяет арсенал приемов, методов и подходов к исследованию экономической реальности. В этом смысле, думается, весьма плодотворной может быть разработанная учеными ТГУ имени Г. Р. Державина концепция державности России. К исследованию этой многоплановой проблемы привлекались ученые вузов Москвы, Санкт-Петербурга, других городов страны. По тематике проблемы проведен ряд научных конференций

и дискуссий на страницах университетского научно-теоретического журнала. В наиболее обобщенной форме результаты исследования отражены в опубликованной монографии [4].

Державность России понимается нами как присущая ей форма национально-государственного и хозяйственно-политического устройства, а также ее внутренней и внешней политики в условиях многополярного глобализирующегося мира. Становление российской державности весьма длительный по историческим меркам процесс, со своими «зигзагами» и сменой форм хозяйственно-политического устройства. Как единая национально-государственная субстанция Россия сформировалась на территориях определенных национально-этнических образований. Векторы ее интересов всегда имели трехстороннюю направленность: к державному государству как историко-политическому центру, ее регионам и национально-этническим образованиям и вовне – к другим странам мира. Что касается внутренней и внешней политики, то она в значительной мере предопределена соборными тенденциями России. Конкретные формы и механизмы реализации Державной экономической политики всегда строились на принципе гармонизации всей совокупности интересов с национально-государственным интересом. Сутью российской державной политики было и остается сохранение и реализация национальных интересов, но не в ущерб интересам других государств. В 1850 г. русский царь Николай Павлович в одном из писем своему сыну-наследнику Александру адресовал такие слова: «Дай Бог, чтобы удалось мне сдать тебе Россию такою, какою стремился я ее поставить: сильной, самостоятельной и добродающей – нам добро – никому зло» [5, с. 54]. По сути дела, российский император выразил главный принцип державной политики. Примечательно, что этот принцип соблюдался весь последующий период, включая и советский; проявился он и сейчас, в частности, в событиях на Украине, в Крыму и Сирии.

Державный характер российского общества, его государства и проводимой политики исторически обусловлены рядом объективных факторов.

Во-первых, это геостратегический фактор. Россия – самая крупная евроазиатская страна в мире. Ее территория почти в два

раза больше территории США и простирается на площади более 17 млн км^2, занимая 1/8 всей суши Земли. Сухопутная граница страны вытянута почти на 20 тыс. км, а береговая черта достигает 38 тыс. км. Россия находится как бы на границе двух великих цивилизаций, называемых Востоком и Западом. На протяжении своей многовековой истории она служила своеобразным мостом между ними. В ней встретились и переплелись совершенно различные культуры, религии, традиции, мировосприятия. Россия впитала в себя в какой-то мере и то и другое, но в ней в конечном итоге сформировалась своя собственная, отличная от других культура, своя собственная российская ментальность. Русский человек – глубоко религиозный человек, совестливый, с обостренным чувством социальной справедливости.

Во-вторых, это демографический фактор. Занимая огромную территорию, Россия достаточно населенная страна. В ее границах в 1897 г. насчитывалось 128,2 млн человек. В настоящее время население страны составляет 142 млн чел., более 100 наций и народностей. Как отмечает известный русский историк С. В. Перевезенцев, русский народ рождался на полиэтнической основе. В процессе его формирования приняло участие большое количество различных, в том числе и неславянских, этнических групп, однако славянский компонент всегда оставался главенствующим и цементирующим. Именно этим обстоятельством автор объясняет необычайную жизнеспособность сформировавшегося народа, чувства его общего славянского братства. На территории будущей России рано возникли соседские территориальные общины, сохранившиеся до XX в. Такой уклад жизни в значительной мере способствовал формированию чувства взаимопомощи, товарищества, коллективизма [7, с. 121].

В-третьих, этот же автор к предпосылкам формирования российской державности относит религиозный фактор – русское православие. Оно складывалось постепенно и стало особенно укрепляться после монголо-татарского нашествия, вырабатывая собственные каноны и принципы бытия. Само православие стало связываться в народном сознании с идеей национальной независимости и единства российского народа, ибо оно олицетворяло собой борьбу с постоянными угрозами иноземного вторжения.

В-четвертых, суровые природные условия, периодически повторяющиеся неурожаи и сопровождающий их голод, постоянные военные нападения, значительные людские и материальные потери способствовали выработке у народа России необычайного терпения, выносливости и упорства в преодолении различных невзгод.

В-пятых, военно-экономический фактор. По площадям сельскохозяйственных угодий, лесов, водной поверхности равных России стран в мире нет. В недрах страны имеется практически все, что могла создать природа. По разведанным запасам энергетического сырья Россия превосходит все страны. Ее доля в мировых прогнозируемых запасах нефти оценивается в 15 %, природного газа в 43 %. Россия богата запасами железной руды, апатитов, калийных солей, фосфоритов, руд цветных, редких и драгоценных металлов, алмазов и др. [7]. Национально-государственный интерес страны состоит в том, чтобы эти богатства использовались на благо всего народа, и использовались рационально. Вместе с тем они должны надежно охраняться. Охотников до этих богатств в нашей истории, как известно, было немало. Начиная с XIII в. раз в столетие страна подвергалась опустошительным внешним нашествиям. Лишь за XIII-XV вв. Россия вынесла более 150 внешних агрессий, в XVIII в. – 56 раз. Каким для России был последующий период, хорошо известно [5]. Богатства нашей страны и сейчас кое-кому не дают покоя. Недавно одна высокопоставленная дама США возмущалась, почему, дескать, Россия одна, сама распоряжается всей Сибирью?! Поэтому понятно, что российская державность предполагает наличие надежного оборонного меча, современной боеспособной армии.

Зарождение российского государства, отношений между ним и обществом складывалось совершенно по-иному, чем на Западе. Оно возникло «…не как результат насилия сильного над слабым, а как способ самоукрепления живущих на территории народностей, их защиты от внешнего врага и наведения порядка в хозяйственной жизни» [1]. Такое понимание государства вошло в генетический код россиян и сохранилось до наших дней. Вера в силу государства, надежда на него в самых критических ситуациях всегда были и остаются в народе.

Наиболее полно Россия как мировая держава состоялась в содружестве братских народов, когда в 20-х гг. XX в. был создан Союз Советских социалистических Республик. На огромной территории в разных национальных условиях утверждалась общественная и кооперативная собственность на средства производства, а на ее основе – всеобщность труда и полная занятость; сформировались совершенно новые общественные (и, прежде всего, производственные) отношения – отношения товарищеского сотрудничества, взаимопомощи, коллективизма, соревнования. Начали проявляться и действовать экономические законы нового общества, прежде всего, закон постоянного роста народного благосостояния, закон планомерности; утверждались новые распределительные отношения – по количеству и качеству труда; создавалось всеобщее и бесплатное образование, здравоохранение, бесплатное обеспечение жильем и др. Возникла общественно-материальная заинтересованность и моральные стимулы к труду. На этих основах формировались совершенно новые моральные принципы: «человек человеку друг, товарищ, брат», «один за всех – все за одного», «прежде думай о Родине, потом – о себе».

В результате успешного выполнения первых пятилетних планов СССР превратился в могучую индустриально-колхозную социалистическую державу. В войне 1941-1945 гг. СССР вместе со своими союзниками одержали победу над противником, который сосредоточил на своей стороне фактически всю военно-промышленную мощь Европы. В войне проявился массовый героизм советских людей, когда ради общей победы бок о бок дрались люди разных национальностей, культур и религий. В войне победил, прежде всего, социалистический общественный строй, централизованное плановое хозяйство, коллективизм, товарищество и взаимовыручка, жертвенность во имя Родины, единство народа с властью, все то, что и составляет державность страны.

Весь последующий период вплоть до 90-х гг. был периодом укрепления сложившегося общественного строя, его материально-технической базы, коллективистских, производственных отношений. Всего лишь за одно послевоенное пятилетие народное

хозяйство было полностью восстановлено. В последующие годы в стране были построены крупнейшие ГЭС на Волге и сибирских реках, БАМ, многие крупные промышленные объекты и агропромышленные комплексы, проведено освоение целинных земель, успешно развивалась авиационная, радиотехническая, машиностроительная отрасли. Огромной победой народа было освоение космоса, создание атомной промышленности и ракетно-ядерного оружия. В этом периоде устойчиво развивалось сельское хозяйство, высокими темпами велось жилищное строительство, постоянно росли реальные доходы населения.

В 90-е гг. прошлого века в результате предательства верхушки КПСС, мощной финансовой подпитки и идеологических диверсий Запада (прежде всего США) Союз Советских Социалистических Республик в нарушение конституции страны и вопреки воле народа, выраженной на референдуме в 1991 г., был разрушен [2, 3, 6, 7, 8]. Произошел фактически контрреволюционный (по отношению к революции октября 1917 г.) переворот.

В одном из своих выступлений нынешний Президент России В. В. Путин назвал разрушение СССР великой трагедией и пояснил, почему он так считает. Потому что, как он сказал, более 20 млн русских людей оказались как бы вне Родины, за ее границей. Это, конечно, верно, но далеко не только поэтому.

Разрушение СССР – великая трагедия еще и потому, и это, на наш взгляд, главное, что Россия была вырвана из той присущей ей державной субстанции и обманным путем брошена в костер чуждой ей базарной стихии. И это явилось трагедией не только для России, но и для народов всех входящих в СССР республик. С этого момента страна вступила в длительную полосу разложения и деградации, которая продолжается вот уже 25 лет.

Некоторые политики и ученые деликатно называют этот процесс кризисом или даже системным кризисом. Дело, конечно, не в словах, дело в сути процесса. А суть в том, что одномоментно оказались разрушены главные скрепы державы. Ликвидирована общественная собственность, этот фундамент, стержень хозяйственно-политической системы, разрушены отношения коллективизма и товарищеского сотрудничества и соревно-

вания, ликвидированы всеобщность и обязательность труда, серьезно деформированы распределительные отношения, нарушена социальная справедливость.

Под флагом приватизации произошло фактически разграбление общенародной собственности. Крупнейшие промышленные предприятия, целые отрасли нередко криминальным путем оказались в руках близких к властным структурам ловкачей.

Изменилась классовая структура общества и система интересов. Возник класс крупных собственников, олигархат и класс бывших товарищей по совладению общенародной собственностью, теперь неимущий, наемный работник – пролетариат. Интересы названных классов противоположны, каждый из них смотрит, прежде всего, в свой кошелек. Появилась безработица. В России сейчас она в пределах 10 %. Это не считая бывших колхозников и рабочих совхозов. Вот и приехали. Шли вроде вперед, а пришли назад.

За прошедшие годы значительно пострадали производительные силы общества. Проявляется нехватка квалифицированной рабочей силы, ликвидирована система профессионально-технического обучения. Резко сократился объем машиностроения, фактически ликвидировано станкостроение, производство зерновых комбайнов. Износ технического оборудования критический и постоянно растет. Между тем так называемые «эффективные собственники» не проявляют желания к обновлению техники, доля инвестиций в основной капитал все последние годы колеблется в пределах 20 % к ВВП.

В сельском хозяйстве заметных положительных сдвигов также нет, скорее, наоборот. Крестьянство как класс фактически ликвидировано, между тем в селах сейчас у нас проживает 30 млн человек. Общественные предприятия распущены, надежды на развитие фермерства не оправдались. Сократилось и продолжает сокращаться поголовье скота (сейчас в стране в 2,5 раза меньше против 1990 г. поголовье коров, свиней, овец, коз), третья часть продуктивных земель (40 млн га) зарастает лесом и бурьяном. Цены на технику, удобрения, горючее не покрываются закупочными, что приводит к разорению производи-

телей и сокращению производства. Техника изношена, прекращены работы по орошению и осушению земель.

Разрушены сложившиеся в годы Советской власти распределительные отношения. Уровень жизни остается крайне низким. Сложилось резкое расслоение населения по доходам. Разрыв в доходах между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных (децильный коэффициент) постоянно растет и составляет сейчас 16,7 против 4,3 в СССР в 1991 г. и 5,6 в США. Однако, по мнению некоторых ученых и экспертов, он выше официального как минимум в 2 раза. Половина населения страны имеет доход менее 15 тыс. руб. в месяц. В обществе сложилась устойчивая бедность как постоянное состояние части населения. Сокращаются общественные фонды потребления, финансирование здравоохранения и народного образования. В то же время доходы богатых и сверхбогатых, несмотря на экономическую разруху, растут. За истекшие полгода число лиц, задекларировавших доходы свыше 1 млрд рублей, выросло на 6 %. При этом ставка подоходного налога на всех сохраняется как и прежде – 13 %. И здесь опять льгота для богатых – налог на доходы от дивидендов составляет всего лишь 9 %.

В итоге можно констатировать, что многие достижения России советского периода как мировой державы оказались утрачены. Система сложившихся отношений и доминирующих интересов во многом не соответствует сути державной государственности. В стране сохраняется сырьевая, низкоэффективная экономика, крупный бизнес крайне эгоистичен и не проявляет, как и государственное чиновничество, должной общественной заинтересованности. Некоторые социальные процессы говорят о нравственном загнивании определенной части общества, образовании сердюково-смердяковской среды; в стране процветают разные формы экономической преступности, алкоголизм и наркомания.

Иначе говоря, безоглядное следование курсом так называемых рыночных реформ ввергло страну в состояние перманентного системного кризиса. Он совершенно специфичен как по своим истокам, так и по формам проявления и последствиям. Это обусловливает необходимость выработки адекватных путей его преодоления. Выход видится не только в применении прове-

ренных мировой практикой антикризисных мер, а в совершенно новом подходе, учитывающем сложившуюся специфику обстановки. Речь идет о выборе собственного пути, задействовании всего национального потенциала, опоре на свои, российские материальные и интеллектуальные ресурсы, на свой российский менталитет, свои многовековые национальные традиции, свою культуру и нравственные ценности. Нужна новая прорывная стратегия. И ей может стать стратегия возрождения России как мировой державы. Речь идет не о юридическом закреплении такого статуса, а именно об обретении его как результата качественных позитивных преобразований в экономике, социальной сфере, идеологии, государстве, военной отрасли, строительстве и др. Добиться этого можно посредством соответствующей политики, которая должна иметь державную направленность и содержание. Ее конкретные формы должны строиться на принципе гармонизации всей совокупности интересов, но на основе соблюдения приоритета общественного, национально-государственного интереса. Такой подход позволит устранить сложившиеся перекосы в производственных отношениях, обеспечить расширенное воспроизводство всех ресурсов и достижение Россией уровня конкурентоспособности, обеспечивающего ей передовые позиции в глобализирующемся миропорядке.

Практика выхода из прежних экономических кризисов показала, что именно государство является единственным рычагом их преодоления. Понятно, что и державная политика должна опираться на силу государства как ведущего субъекта экономики в его партнерских отношениях с частным бизнесом. Это может осуществляться по двум направлениям. Во-первых, за счет расширения государственного сектора экономики. Массовая и поспешная приватизация, как считают многие исследователи, не оправдала ожиданий. Государство должно иметь в своей собственности блок отраслей как фундамент экономики, как фактор ее устойчивости и страховки от колебаний мировой конъюнктуры. В этот блок могли бы входить отрасли ТЭКа, оборонного комплекса, железнодорожный и воздушный транспорт, некоторые отрасли машиностроения, крупнейшие банки. Во-вторых, наличие мощного государственного сектора и необходимость обеспечения, его эффективного функционирования и регулиро-

вания отношений с частным сектором обусловливают необходимость создания специального координирующего органа типа прежнего Госплана. В ряде стран такие органы имеются.

Остро высветилась проблема продовольственной безопасности. Это где?! В России! Это при наличии наших-то ресурсов! Конечно, напрашивается разработка и осуществление специальной государственной программы развития аграрно-промышленного комплекса.

Стратегическим выбором державной политики остается социальная сфера. Ни о каком державном характере страны нельзя серьезно говорить при сложившейся дифференциации доходов населения. Достижение социальной справедливости в обществе – такая цель должна быть главной в деятельности правительства, президента страны, всех государственных структур. Хватит ли для этого у них политической воли и позволит ли проводить такую политику сложившаяся криминально-олигархическая верхушка, покажет время.

Литература

1. Абалкин Л. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.: Тамбов, 2000.
2. Бетлосс М., Телботт С. Измена в Кремле. Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2010.
3. Голенков А. Империя СССР. Народная сверхдержава. М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2010.
4. Державность российского государства в глобализирующемся миропорядке: монография / В. М. Юрьев [и др.]. Тамбов, 2013.
5. Козин Н. Г. Бегство от России. Саратов, 1996.
6. Литвиненко В. В. Подлинная история СССР. М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2010.
7. Пороховский А. А. Вектор экономического развития. М.: Телс, 2002.
8. Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Алгоритм-книга. М.: ЭКСМО, 2010.

Г. А. Маслов

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАРПЛАТ В РОССИИ: ПОНЯТЬ А. СМИТА

На современном этапе доводы сторонников перехода российской экономики на иную модель развития получают все большее распространение. По мнению многих экономистов, нынешняя модель себя исчерпала и в новых условиях не способна решать стоящие перед страной задачи. Как минимум серьезная корректировка существующего курса признается необходимой как в академической среде, так и в руководящих органах власти – разногласия возникают по поводу содержания новой политики. Говоря конкретнее, крайне актуальными становятся вызовы технологического перевооружения, значительного роста производительности труда, обеспечения экономической безопасности.

Одним из критериев разделения противостоящих направлений может служить отношение к степени государственного регулирования доходов, уровней заработных плат. В частности, либеральный блок делает акцент на необходимости ограничения роли государства в пользу совершенствования рыночной инфраструктуры, которая в своем развитом состоянии позволит свободному рынку обеспечить должное распределение. Данная позиция ассоциируется с понятием «невидимая рука» рынка – само же это понятие с именем А. Смита. Нужно отметить, что либеральные экономисты, апеллируя к теории А. Смита, часто заимствуют из нее сугубо этот образ «невидимой руки». В то же время положения трудовой теории стоимости, а также противоречия между классами, обозначенные классиком политэкономии, остаются в стороне.

Одним из ключевых вопросов является уровень зарплат по профессиям. А. Смит выделял пять основных условий, «увеличивающих» при прочих равных заработную плату [4]: 1) «неприятность самих занятий», тяжелые условия труда; 2) использование умений, требующих продолжительного обучения; 3) фактор сезонности (человек, на чей труд имеется спрос толь-

ко в определенный период времени, должен получать больше, чтобы получить запас на период отсутствия работы); 4) высокий уровень доверия, который необходимо иметь в глазах потребителя (врачу доверяют жизнь, адвокату вверяют будущее своей репутации, свободы); 5) профессии, успех в которых зависит во многом от случайности.

Данные профессии интерпретируются как обладающие высокой общественной ценностью. В современной России [3] эти условия действительно часто приводят к повышению зарплаты, но не всегда: важно разобраться, во-первых, каковы в данном случае отклонения от состояния классического рынка, а во-вторых, насколько эти отклонения, а также соответствия сочетаются перед стоящими сегодня задачами ускорения развития.

«Неприятность занятий» связывается с физическим трудом, накладывающим тяжелое воздействие на здоровье. В России повышенная зарплата для таких работников сконцентрирована во многом в добывающих отраслях, которые обладают высокой рентабельностью за счет высокой ренты. Повышенная зарплата в данном случае объясняется сверхдоходами современных «лэндлордов». Их прибыли возникают на основе продажи природных, а не произведенных благ. А. Смит по этому поводу писал: «С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренту даже за естественные плоды земли» [4]. Рабочие же, чьи компании не имеют доступ к такой ренте, вынуждены, несмотря на тяжелый характер своего труда, довольствоваться меньшими заработками.

Работники, чей труд требует продолжительного предварительного обучения, имеют повышенную зарплату в частной сфере, однако важно отметить, что большая их часть сосредоточена в финансовой отрасли, которая лишь опосредованно связана с производством, а нередко и вовсе безвозвратно изымает средства из реального сектора. Велика доля и высокооплачиваемых маркетологов, различного рода менеджеров, чей труд во многом связан лишь с перераспределением стоимости, а не ее созданием. При этом труд, требующий высокой квалификации,

прямым образом связанный с развитием «производительных сил», но при этом применяемый в государственном секторе, парадоксальным образом оплачивается низко. Такова судьба многих ученых, учителей, врачей, инженеров.

Со времен А. Смита значительным образом вырос перманентный уровень безработицы, что означает наличие «резервной армии» работников. Для трудящихся на сезонных профессиях это означает их меньшую незаменимость. Следовательно, эти работники теряют свое преимущество в заработной плате по сравнению с остальными.

В случае профессий, требующих доверия, рынок однозначно способствует повышению зарплаты работников (например, юристы, врачи частных клиник). Однако работники тех же должностей в государственном секторе зачастую получают необъяснимо маленькую зарплату – речь о тех же врачах государственных клиник.

Особой российской спецификой характеризуются и зарплаты в профессиях с непредсказуемой доходностью. Большая удача (хотя содержание ее воплощения различно) требуется, к примеру, в профессиональном спорте, шоу-бизнесе, спекулятивном деле, если речь не об обладателях инсайдерской информации (особенно краткосрочных спекуляциях). Действительно, работники этих профессий получают высокие зарплаты, иногда слишком высокие. Так, многие российские футболисты, несмотря на меньший спрос со стороны отечественного зрителя, более низкий уровень игры, получают сопоставимую с элитными зарубежными игроками зарплату. Высоки доходы в нелегальных рискованных сферах деятельности. Однако в данном случае речь также идет о сферах, вытягивающих средства из производственных отраслей: индустрии развлечений, спекулятивном перераспределении средств. В то же время инноваторы, создатели новых продуктов и рынков, особенно революционных изобретений (успешность которых на начальных этапах особенно неопределенна), не получают должного вознаграждения.

А. Смит на основе трудовой теории стоимости, проявляющейся в условиях свободного конкурентного рынка, сформулировал и обосновал повышенный уровень зарплат отдельных

профессий. Сам характер труда вызывает повышенную ценность со стороны потребителей, что обосновывает повышенное вознаграждение за этот труд. Современный российский рынок во многом, но не полностью, реализует эти положения.

При рыночном образовании уровня зарплат важнейшую роль играют отношения между работодателями и работниками, однако данный вопрос здесь не рассматривается. Тем не менее стоит вспомнить слова А. Смита, показывающие, что при решении данного вопроса стоит избегать одностороннего, во многом идеологизированного подхода к этой проблеме: «Наши купцы и владельцы мануфактур жалуются на вредные результаты высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей» [4].

В качестве основных теоретических и практических выводов можно выделить следующее.

Положения А. Смита о законах формирования заработной платы, отражая внутренне присущие рынку законы, тем не менее не могут в полной мере характеризовать явления современной российской экономики. Изменчивость капиталистической экономической системы во времени, ее развитие в условиях национальной российской специфики обуславливает появление новых форм, не существовавших (не игравших такой же роли) в условиях «классического» английского капитализма середины-конца XVIII в.

Одним из основных отличий можно назвать, во-первых, бо̀льшую роль труда, направленного на извлечение прибыли отдельной хозяйственной единицы, но далеко не всегда на повышение всеобщего благосостояния. Местом приложения этого труда можно назвать трансакционный сектор, где происходит конкурентная борьба, часто направленная на разделение «пирога общественного продукта», а не на его увеличение, повышение качества.

Во-вторых, на искажение (по сравнению с экономикой времен А. Смита) уровней зарплат влияет усилившийся многократно монополизм. Он характерен для мировой экономики в целом, но в России он имеет свои особенности, увеличивающие его влияние (формальные и неформальные отношения крупных компаний и властных структур, наличие крупных и сращенных между собой производственных гигантов, появившихся в советское время).

В-третьих, как и в остальном мире, существенно возросла степень внерыночного, можно сказать антирыночного, воздействия. Речь идет о государственном вмешательстве, которое порой формирует целые отрасли (подконтрольные монополии, создание общественных благ, систем государственного образования, медицины и др.). Государство, с одной стороны, вытесняя рынок, должно вести с ним конкурентную борьбу. Например, государственные организации должны обеспечивать конкурентоспособную заработную плату для привлечения квалифицированных сотрудников. С другой стороны, на занимаемых нишах государство имеет мощные инструменты влияния. Это воплощается, в частности, в возможностях экономить бюджетные средства за счет зарплат (хотя в некоторых направлениях зарплаты наоборот целенаправленно повышаются). Одним из ярких примеров является большая разница в зарплатах между государственным и частным образовательным сектором.

Тем самым еще раз подчеркивается важность изучения движения экономических систем, эволюции теорий, соотношения теории и практики, что означает первичность исторического подхода исследований. Это необходимо для поиска востребованных в определенных условиях положений теории и формирования возможностей их успешного практического применения. Можно сказать, что «будут созданы условия выбора инструментов из ящика экономической науки» (выражение Дж. Робинсон [2]).

Основной практический вывод состоит в необходимости внешнего вмешательства в рынок для восстановления его же «классически рыночных» (смитианских) параметров с коррек-

цией на задачи, решению которых в нынешних российских реалиях рынок не способствует.

Требуется сокращение дисбалансов уровней заработных плат, т. е. труд должен оплачиваться, прежде всего, в соответствии со своей общественной продуктивностью и важностью, а не принадлежностью работника к определенному участнику хозяйственной системы. Нужна поддержка работников сезонных профессий как компенсация за непостоянность рабочего места. В условиях сохраняющегося высокого экономического потенциала страны, это позволит существенно увеличить благосостояние большей части населения России, сократить уровень бедности. Кроме того, это поспособствует развитию совокупного внутреннего спроса.

Для решения задачи перехода на новую модель функционирования экономической системы, которая обеспечила бы значительный рост производительности труда на основе использования передовых технологий, следует провести перераспределительную политику. Ее направление состоит в финансовой поддержке (в том числе путем повышения зарплат) наиболее квалифицированных работников, которые непосредственно имеют отношение к созданию большой части общественной добавленной стоимости [1], создают и внедряют в производство новые технологии. Кроме того, наукоемкие производства всегда связаны с непредсказуемостью, повышенным риском. Это означает необходимость своего рода премии за риск, причем не только для предпринимателей, о чем часто говорят, но и для работников, т. е. надбавки к заработной плате.

Литература

1. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. 224 с. (Сверхдержава).

2. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986.

3. Росстат. [Сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages

4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ.; предисл. В. С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли). С. 147.

К. А. Борисовская

УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА

Важной частью долгосрочной внешнеэкономической политики России представляется импортозамещение как основной фактор защиты национальных интересов в сфере продовольственной безопасности.

Включение России в международное разделение труда в его текущем состоянии, структуре и динамике показывает не только бюджетную обусловленность и производственную интегрированность отечественной экономики, но и характеризует количественный потенциал импортозамещения, который в течение нескольких лет управления внешнеэкономическими связями рассматривается в числе безусловных приоритетов.

События конца 2014 – начала 2015 г. показали, насколько существенны для бюджетных доходов РФ (федерального и консолидированного бюджетов) мировые цены на энергоносители, в первую очередь нефть.

Комплекс финансово-экономических санкций предъявлен России западными государствами в связи с присоединением Крыма к России и с событиями на юго-востоке Украины. Первоначальные персональные санкции против отдельных россиян (госслужащие, руководители крупных компаний, деятелей культуры и искусства) были дополнены серьезными секторальными санкциями в области энергетики, обороны и финансовых услуг.

Новая экономическая модель в условиях высокого уровня зависимости от глобального рынка включает восстановление и обеспечение высоких темпов роста внутреннего производства, ремо-

дернизацию промышленности и сельского хозяйства, раскрытие потенциала внутренней конкурентоспособности экономики.

Уже в течение полутора лет санкционные меры выступают фактором определенного ограничительного влияния на текущую экономическую ситуацию, с которыми, наряду с другими ключевыми условиями (обменный курс, замедление темпов развития экономики), напрямую связаны международные экспертные оценки прогнозируемого уровня снижения ВВП, объемов торгуемых и неторгуемых секторов российской экономики в 2015-2017 гг.

На основании Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 Россия вынуждена была ввести ответные санкции на импорт продукции происхождения стран ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2015 г. № 625 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778» запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия продлен до 5 августа 2016 г. [5]. В обновленный список контрсанкций попали 12 позиций, одновременно усилены ограничения по ввозу сыров и молочной продукции.

В целом стоимость запрещеной продукции, по оценкам специалистов Всемирного банка, «составила в 2013 г. 1,3 млрд долл. США, в то время как стоимость импортной продукции, попавшей под запрет от 7 августа 2014 г., *составила уже 9,6 млрд долл. США*» [3, с. 38-39].

Оценки и расчеты экспертов московского ЦМТ (Центра международной торговли) отмечают, что общий размер потенциальных потерь всех стран оценен в *8,3 млрд долл.*, из которых потери стран-членов ЕС могут составить 6,9 млрд долл. Как прогнозировали эксперты ЦМТ в сентябре 2014 г., потери самой РФ проявятся в заметном ускорении инфляции уже к середине 2015 г. [8].

Следствием санкций стала *переориентация импортных товарных потоков*, ранее направляемых на российский рынок. Прежние закупки продовольствия отныне ведутся в государствах

Южной Америки и других странах, не затронутых ограничениями, с одной стороны. С другой – производители ЕС и США переориентировали собственные экспортные поставки на азиатские рынки, которые ранее были в фокусе южноамериканских экспортеров [4, с. 48]. Тем самым, в основном сохранен прежний внешнеторговый продовольственный баланс. Однако с учетом усложнения логистики внешнеторговых операций дополнительные потери поставщиков импорта (около 1 млрд долл. ежеквартально) на российский рынок были включены в цену товаров и внесли наибольший вклад в повышение цен на продукты в рознице.

Структура видов санкционных продовольственных товаров в разрезе их доли с учетом отечественного производства, импорта из стран вне санкций и государств, оказавшихся под санкциями, приведена в таблице 1.

Таблица 1

Структура и доля продовольствия из государств, попавших под продовольственное эмбарго России в 2014 г. (по данным 2013 г.) [6]

Внутреннее потребление, тыс. т		Производство и поставки по импорту, %		
		российское производство	импорт из стран вне санкций	импорт из стран под антисанкциями
Говядина, телятина и др.	2345	72,0	25,5	2,5
Свинина	3415	81,9	4,9	13,2
Птица	4280	87,7	4,4	7,9
Рыба	3444	74,3	12,4	13,3
Молочная продукция, в т. ч.	35 752	96,2	2,5	1,3
сыры	874	49,9	20,0	30,1
овощи	15 850	81,2	13,0	5,8
фрукты и ягоды	10 867	41,5	43,7	14,8

Анализ показывает, что поставки из государств, против которых Россия ввела антисанкции, наиболее чувствительны для отечественного рынка сыров (30,1 %), фруктов и ягод (14,8 %), рыбы (13,3 %) и свинины (13,2 %).

Согласно данным ФТС РФ, в январе-мае 2015 г. импорт продовольствия из стран дальнего зарубежья к аналогичному

периоду предыдущего года падал в среднем на 37-38 %. А если сравнивать *майские показатели* двух последних лет, то закупки импортных молочных продуктов сократились почти в пять раз, в три раза – зерновых культур, в два раза – рыбы, мяса и фруктов. «Идет серьезное сокращение импорта, что связано с изменением экономической ситуации и программой импортозамещения. Импорт снижается и в весовых объемах, и в сумме собранных пошлин и платежей. Общее снижение объемов импорта наблюдается по всем группам товаров, прежде всего – по санкционной группе, это продукты питания, овощи и фрукты» [7].

Таким образом, данные ФТС РФ за 2013-2015 гг. свидетельствуют, что общее сокращение объема поставок импорта продовольствия в целом за 2014 г. и январь-май 2015 г. составило 9983,1 млн долл., включая: в 2014 г. к 2013 г. – 3361,2 млн долл., в 2015 г. – 6621,9 млн долл. (январь-май).

Однако о*ценка количественного объема* годичного влияния действия продовольственного эмбарго на импорт дана Минэкономразвития РФ: «Экспорт продовольствия в Россию из «санкционных» стран с августа 2014 г. по апрель текущего (2015) снизился на 2,5 млд долл.» [2]. Столь незначительные снижения объемов подтверждают, что пока не весь запрещенный импорт удается остановить в силу использования схем поставок в Россию через Белоруссию и Казахстан.

Учитывая фактический значительный объем падения импорта продовольствия (2014 – май 2015) в объеме около 10,0 млрд долл. и указанные выше потери в 2,5 млрд долл., общий дополнительный объем импортозамещения для российских производителей может составить порядка 7,5-8 млрд долл. в год при условии сохранения текущего объема продовольственного эмбарго. Однако ограничительным барьером будет оставаться значительное снижение потребительского спроса населения, сокращающего позитивный тренд развития импортозамещающего потенциала.

Введение взаимных санкций *в аграрной сфере* и меры по их реализации показали зависимость не только в непосредственном импорте конечного продукта, реализуемого населению, но и указали на степень влияния импорта промежуточных товаров

и технологий сельскохозяйственного назначения, в первую очередь – семян, средств защиты растений.

Выяснилось, что зависимость России от импорта семян достигает более 90 % потребности рынка, т. е. товары данной группы признаны «критическим импортом». Именно поэтому продуктовое эмбарго на поставки товаров в Россию в течение полуторагодичного срока действия несколько раз корректировалось. Так, было внесено решение о возобновлении ввоза семян картофеля, кукурузы, свеклы, гороха и прочих культур.

Снижение зависимости от внешнеторговых поставок, восстановление национального сектора производственного обеспечения аграрного производственного процесса, рост производства в данной инновационной сфере агроэкономики возможны с учетом следующих фактов:

– семена озимой, яровой пшеницы, ржи и овса на рынке доминируют над западными аналогами, однако по таким сельхозкультурам, как кукуруза, сахарная свекла, рапс, подсолнечник и т. д., на российский рынок поступает достаточно много иностранных сортов;

– сельхозпроизводители при выборе приоритетов финансирования предпочитают семенам горюче-смазочные материалы, средства защиты растений и т. д., что в итоге снижает урожайность и эффективность производства;

– финансирование создания новых сортов недостаточно, требуется большая гибкость и устранение административных барьеров при введении в хозяйственный оборот новых сортов, особенно – гибридов, которые отвечают потребностям производителей в качественном семенном материале [1].

Таким образом, с учетом того, что аграрная сфера обеспечена достаточным объемом производства семян по зерновым культурам, это должно стать фактором стимулирования экспорта производства семян по данным культурам. По другим сельхозкультурам (кукуруза, сахарная свекла, рапс, подсолнечник) необходимы более решительные меры импортозамещения.

Однако следует отметить, что селекционная деятельность потребует не только существенных капитальных, организационных, законодательных, но и длительных временных затрат – 5-10 лет.

Воспроизводственный цикл появления новых сортов обуславливает подобные сроки. Проблема усугубляется еще тем, что генетическая селекционная работа в России находится на уровне лабораторных образцов.

Ученые-аграрии считают, что необходим принципиально новый механизм коммерциализации данной сферы, что при эффективной господдержке для замещения импорта нужно до 10 лет. Причем требуются не столько деньги, сколько *новое законодательство*, прежде всего защита авторских прав на создание и коммерческое освоение новых сортов… Должна быть эффективная охрана и поддержка авторских прав на выведение и коммерческое освоение новых сортов, а семеноводческие компании должны получать авторские отчисления за свои семена.

А значит процесс возрождения семеноводческой подотрасли может быть успешным только в привязке к научной, организационной и экономической поддержке, включая возможное налоговое и иное льготирование деятельности инвесторов и компаний-производителей.

Очевидно, меры по минимизации зависимости от внешнего рынка продовольствия являются стимулом наращивания внутреннего производства, а санкционные меры 2014-2015 гг. содействовали выявлению приоритетов для проектного финансирования сфер отечественного агробизнеса, которые длительное время оставались проблемными для нашей экономики.

Независимо от длительности санкций и антисанкций органы управления аграрным бизнесом, предприниматели могут быть заинтересованы в инвестициях, с учетом перспектив наращивания производства объемов продовольствия.

Необходимость наращивания объемов производства в данной сфере экономики объединяет интересы бизнеса и национальные интересы, формирует запрос на самообеспечение средствами производства в аграрной сфере экономики. Продовольственная безопасность России не может быть устойчивой без решения данной проблемы.

По результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы:

1. Введение санкций в аграрной сфере выявило уровень реальной интегрированности российского сельского хозяйства в глобальные процессы, зависимость не только от импорта конечного продукта, но и важнейших производственных факторов, например семян. Установлено, что аграрная сфера обеспечена достаточным объемом производства семян по зерновым культурам – озимой и яровой пшеницы, ржи и овса. Членство в ВТО выступает условием и фактором стимулирования экспорта производства семян по культурам, доминирующим над западными аналогами. По другим сельхозкультурам (кукуруза, сахарная свекла, рапс, подсолнечник) необходимы более решительные меры импортозамещения. Процесс возрождения семеноводческой подотрасли может быть успешным только в привязке к научной, организационной и экономической поддержке, включая возможное налоговое и иное льготирование деятельности инвесторов и компаний-производителей.

2. Россия заявила о намерении использовать методы судебной защиты своих национальных интересов в рамках ВТО по факту объявления санкций, однако документы, обосновывающие данный шаг, пока готовятся.

3. Ключевыми, приоритетными товарными группами потенциального продовольственного импортозамещения представляются: сыры, фрукты и ягоды, рыба и свинина.

4. Объемы сложившегося в августе 2014 – июне 2015 г. замещения импорта продовольствия оцениваются в диапазоне 8,5-10,0 млрд долл. Данный прогнозный объем снижения импорта связан не только с санкциями и переформатированием состава компаний-поставщиков продовольствия на государства из внесанкционной зоны, но и обеспечивается снижением покупательной способности населения, ростом внутренних цен на продовольствие. В среднесрочной перспективе потребительская инфляция вместе с обменным курсом рубля будут оставаться существенными ограничительными факторами потенциального расширения объема импорта продовольствия, но содействовать при этом экспорту. В условиях волатильного курса рубля потребуются особые меры по регулированию экспорта.

5. Наблюдается ускорение падения объемов импорта продовольствия в Россию: в 2015 г. его сокращение может ускориться до 3-4 раз по отношению к снижению импорта в 2014 г., хотя данная группа импорта остается одной из устойчивых по отношению к другим группам. Прогнозные расчеты автора основаны на тенденции ускорения снижения поставок импортного продовольствия с 3,36 млрд долл. в 2014 г. к 2013 г. до прогнозных 12,0-14,0 (2015 г. к 2014 г.) млрд долл. в годовом исчислении.

Литература

1. Гроздова А., Лушникова М. Селекционный плацдарм [Электронный ресурс] // АгроТехника. 2008. № 6. Ноябрь-декабрь. URL: http://www.agroinvestor.ru/analytics/article/14808-selektsionnyy-platsdarm/

2. Двойной удар: РФ продлила эмбарго и расширила список запрещенных ко ввозу продуктов [Электронный ресурс]. URL: http://www.agritimes.ru/news/15862/dvojnoj-udar-rf-prodlila-embargo-i-rasshirila-spisok-zapreshennyh-ko-vvozu-produktov/

3. Начало новой экономической эры?: доклад Всемирного банка № 33 об экономике России. Апрель 2015. 63 с.

4. Обзор ОЭСР-ФАО сельскохозяйственной перспективы 2015-2024 в «ОЭСР-ФАО сельскохозяйственной перспективы 2015 года». 160 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fao.org/3/a-i4738e.pdf

5. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778: постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2015 № 625 [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201506250024?index=0&rangeSize=1

6. Ответные санкции России в сфере продовольственного рынка [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/infographics/7947

7. Сааков Р. Эмбарго России: импорт падает, фермеры ждут поддержки [Электронный ресурс]. URL: http://maxpark.com/

8. Шаповалов А. Центр международной торговли рассмотрел продовольственное эмбарго в деталях [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2568435

Д. В. Мельников

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Теоретические положения отношений собственности и их практические проявления в условиях России приобретают свои специфические особенности. Речь идет, прежде всего, о региональных аспектах. Эти региональные аспекты порождены природно-климатическими, этническими и культурными условиями страны, т. е. тем, что принято называть неформальной институциональной средой.

К основным региональным аспектам отношений собственности можно отнести региональные аспекты пользования, владения и распоряжения собственностью.

Региональные аспекты отношения пользования наиболее заметны при анализе пользования на средства труда. Так, если мы возьмем одни и те же по балансовой оценке средства труда, к примеру транспортное средство – трактор «Ford», который применяется для крупных промышленно-строительных нужд, то по бухгалтерскому учету его амортизационные нормы отчислений будут едиными на всей территории России. Тем не менее экономисты понимают, что его реальная амортизация будет очень разной исходя из его территориального использования. Одно дело – использование этого трактора в природно-климатических условиях Южной России, и другое дело – его использование в Якутии, т. е. в условиях Крайнего Севера России. Англосаксонская система учета определяет это как неявную издержку (implicity cost), т. е. как издержку, которая формально не отражается в действующем бухгалтерском учете, т. е. явную издержку (explicity cost), но фактически действующую в экономическом поведении предприятия. Методологией такого учета служит рикардианский политэкономический подход для экономических агентов. У Д. Рикардо, в его принципах политической экономии, доказывалась значимость сравнительных издержек (comparative costs), когда он брал за основу их расчета разные затраты труда и капитала, исходя из разницы в тех природно-

климатических условиях, в которых функционирует экономический агент. В связи с этим, мы можем утверждать, что и российская политическая экономия также может выявить региональные особенности форм отношений собственности, которые и должны использоваться для бухгалтерского учета основных средств. На базе этих региональных особенностей могут разрабатываться региональные коэффициенты для бухгалтерских счетов. Тем самым осуществится реальная связь между политической экономией как фундаментальной экономической наукой и бухгалтерским учетом как прикладной экономической дисциплиной.

Так же региональными аспектами обладают и отношения владения собственностью. Отношения владения собственностью рассматриваются нами, прежде всего, через присвоение основных средств производства. Это присвоение основных средств производства в разных регионах и происходит по-разному. В тех регионах, где при присвоении основных средств, например здания производственного назначения, учитывается его архитектурно-историческая значимость, экономическое присвоение предполагает, что оно осуществляется без ущерба историко-архитектурного наследия этого здания. К этим регионам относятся, как правило, Москва и Санкт-Петербург. В то же самое время у нас в стране есть и регионы, где присваиваются потребительские свойства здания промышленного назначения, которое не обладает историко-архитектурным наследием. Все это приводит к тому, что присвоение данного объекта собственности предполагает сугубо утилитарный уровень его пользования. Данный вид присвоения наиболее характерен для регионов нового хозяйственного назначения, которые, в основном, дислоцированы у нас в Полярном Урале, Восточной Сибири и в Якутии.

Что касается региональных аспектов отношений распоряжения, то они также различны в конкретном регионе. Например, распоряжение таким предметом труда, как сырье и материалы, прямым образом будет зависеть от редкости и доступности данного вида сырья и материалов в конкретном регионе. В тех регионах, где оно более доступно, его распоряжение собственником будет происходить и более равномерно по сравнению с теми регионами, где собственник распоряжается теперь уже ред-

ким сырьем только в исключительных технико-экономических случаях. Сам же процесс распоряжения данным редким и ограниченным сырьем будет сопровождаться асимметрией и дискретностью.

Интересен и региональный процесс присвоения собственности. В политэкономическом отношении процесс присвоения собственности мы понимаем как присвоение объектов собственности, исключительно исходя из понимания собственником этих объектов только как своих. Этот процесс присвоения также детерминирован в силу различия взглядов собственника на такое социально-экономическое явление, как «своя собственность». Так, в старообрядческих поселениях в Архангельской и Вологодской областях социально-экономическое явление «своя собственность» понимается как коллективное присвоение объектов собственности всеми членами общины старообрядцев. В регионах Северо-Западного федерального округа, которые имеют статус еврорегионов, например еврорегион «Псков – Ливония», который объединяет одну треть Псковской области с частью территории Эстонии и Латвии, очень заметно западное пуританское влияние на явление «свое», и оно выражается в культивировании индивидуализации собственнического присвоения. Вот почему в Псковской части еврорегиона «Псков – Ливония» максимально распространен не кооперативный, а хуторской вид сельскохозяйственного и ремесленного производства.

Если говорить о региональных аспектах отчуждения собственности, который рассматривается как переход прав собственности от одного собственника к другому, то следует подчеркнуть, что он зависит от того регионального законодательства, которое в правовом поле регламентирует данное отчуждение. Для Российской Федерации это очень сложный, но жизненно важный вопрос. Регионы в России имеют разные правовые статусы: республики, области, города федерального значения, автономные республики, края и автономный округ. С целью оптимизации регулирования социально-экономических противоречий, которые воспроизводятся при процессе отчуждения прав собственности в конкретном регионе, региональные власти должны координировать процесс отчуждения прав собственно-

сти и с федеральным центром, и с теми общественными организациями, которые выражают интересы и потребности населения конкретного региона.

Отношения собственности диалектично связаны с реализацией экономических интересов на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации. Законодательно эта взаимосвязь осуществляется посредством такого понятия, как государственная собственность. Согласно пп. 1, 2 ст. 214 ГК РФ, государственная собственность имеет два вида. Первый вид – это федеральная собственность, а второй вид – это собственность субъектов федерации [1].

Политэкономический подход к федеральной собственности и собственности субъектов федерации предполагает не столько формально экономико-правовую оценку собственности, а, прежде всего, выявление тех глубинных производственных отношений, которые раскрывают собственность как экономическую категорию. Поэтому экономические отношения федеральной собственности и собственности субъектов федерации должны показать те экономические отношения, которые выражают связь федеральной собственности и собственности субъектов федерации, а также и других экономических категорий, например таких, как прибыль или же издержка производства.

Если мы будем рассматривать собственность субъектов федерации, то мы не найдем официальных данных, которые говорят нам о том, как собственность субъектов федерации связана с вышеназванными экономическими категориями. Таких данных официальная статистика и другие официальные ведомства нам пока не предоставляют. Сейчас мы имеем лишь сведения о том, как государственная собственность в виде собственности субъекта федерации воздействует на отчуждение недвижимости собственности субъекта федерации в пользу арендаторов [2].

В тех субъектах федерации, где недвижимость, находящаяся в собственности субъекта федерации, имеет более высокую рыночную оценку, чем в субъектах федерации, у которых будет пониженная рыночная оценка, следовательно, будет и отличие в противоречиях по поводу этой собственности между собственником данной недвижимости, т. е. субъектом федерации,

и арендаторами. Эти противоречия у субъектов федерации, где недвижимость обладает более высокой рыночной оценкой, будут более острыми по сравнению с теми субъектами федерации, где эта недвижимость имеет меньшую рыночную оценку.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части I, II, III, IV. от 21 октября 1994 г. (в ред. Фед. закона от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: http:/Consultant.ru (дата обращения 30.10.2015).

2. Об особенностях отчуждения недвижимости имущества, находящейся в государственной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемыми субъектами малого и среднего предпринимательства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 22.07.08 г. № 159-ФЗ (ред. от. 29.06.2015.) [Электронный ресурс]. URL: http:/Consultant.ru (дата обращения 30.10.2015).

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Г. П. Журавлева

НУЖЕН ЛИ ВОЗВРАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВУЗОВ СТРАНЫ?

Конец XX и начало XXI столетия характеризуются переменой сложившихся научных парадигм экономического развития общества. Качественные изменения в понимании динамики экономических, социальных, духовных и политических процессов меняют научную картину мира. Дж. Стиглиц об этом писал так: «…неправильная экономическая теория (рыночный фундаментализм) породила и неправильные политические меры. Сторонники этой теории и те, кто их реализовывал, были крайне уверены в том, что все сработает как надо. Они ошиблись… И сегодня, когда Америка и остальной мир сражаются за то, чтобы восстановить свою экономику после кризиса до состояния устойчивого роста, нас снова ожидает провал в политике, политэкономической науке и экономике…» [3].

Ускорение общественно-экономического развития, повсеместная трансформация экономических систем нашей планеты, функционирование которых изучает экономическая теория как наука, вызывают объективную необходимость обновления (модернизации) ее содержания.

Современная экономическая теория многообразна. Она предполагает разные решения хозяйственных проблем с позиций различных школ и направлений. Но выбор между рекомендациями различных школ сложен, поскольку теория каждой из них, имея рациональное зерно, отражает лишь одну из реальных сторон экономики. В реальной жизни смена научных школ и преподавание основных положений их теорий происходит в борьбе, так как каждая из них претендует на универсальность своей теории, одновре-

менно отражая, по существу, различные экономические интересы отдельных классов или социальных групп общества. И это очень важно понимать подрастающему поколению людей, чтобы правильно ориентироваться в сложившейся сложной, кардинально и быстро изменяющейся новой реальности.

Экономическая теория как учебная дисциплина всегда была важнейшей составляющей (по мнению многих ученых-экономистов, фундаментом) комплексной подготовки современного специалиста в области экономики. Выпускник вуза сегодня должен обладать не только широкими знаниями теоретического характера, но и навыками их грамотного применения на практике. Завершение XX и начало XXI столетия характеризуется крушением сложившихся парадигм развития. В этих условиях возрастает роль экономического образования с использованием новейших знаний.

В преподавании курса экономической теории не может не отразиться тот факт, что современный мир находится на сломе двух цивилизаций – существующей развитой рыночной экономики (возможно, исчерпавшей себя как эффективная хозяйственная система, но продолжающей существовать и даже воспеваться консервативно настроенными экономистами) и только формирующейся (а потому и мало изученной) новой цивилизации (ее называют постиндустриальной, неоинформационной, постмодернистской, новой экономикой и т. д.). Последняя требует по-новому взглянуть на экономические процессы и явления, ранее существовавшие и ныне существующие: рынок, деньги, цены, финансы, труд, экономический рост, потребление, благосостояние и др.

Помимо этого, экономическая теория сегодня должна опираться на достижения экономической мысли за всю историю ее развития (и классическую политэкономию, и марксизм, и неоклассику, и кейнсианство, и неоинституционализм и т. д.). При этом могут возникнуть опасения превращения науки экономической теории в совокупность мнений ученых. Думается, что эти опасения не справедливы, так как совокупность мнений по экономическим проблемам побуждает ученых и студентов к размышлению и со временем приближению к истине. Известно, что в споре рождается истина, к познанию которой стремится любая наука.

В связи с этим крайне необходимо изменение структуры изложения основ экономической теории, выделение в ней трех важнейших частей:

– политическая экономия с выделением классической и марксисткой политэкономии;

– экономикс (микро- и макроуровни);

– институционализм (традиционный, неоинституционализм и новая модель постиндустриального экономического развития).

На наш взгляд, именно такое изучение экономической теории обогатит понимание современного экономического мира.

Выделение этих разделов в новом учебном курсе экономической теории обусловлено тем, что политэкономия, экономикс и институционализм наиболее значимо, полно и глубоко, но с разных сторон раскрывают сущность рыночной системы хозяйствования. Политэкономия характеризует объективные экономические законы и явления материального производства – основы жизни человечества; экономикс – поведение хозяйственного субъекта в рыночной системе хозяйства на микро- и макроуровнях; институционализм – влияние институтов (правил, норм, рутин и т. д.) на организацию, управление, эффективность функционирования общества в целом и экономики в частности. При этом необходимо заметить, что обилие научных систем (учений и экономических школ) в истории экономической мысли обусловили дискуссию по вопросу названия современной теоретической экономической науки. Часть мирового сообщества отстаивает термин «политическая экономия», другая часть (надо признать большая) – экономикс. Нельзя этот спор считать схоластическим, ибо за ним кроется содержание данной науки. Еще А. Маршалл отмечал необходимость того, чтобы применяемые экономической наукой понятия были четко определены с тем, чтобы не вступать в бессмысленный спор или, что еще хуже, допустить ошибку.

Как наука, т. е. систематизированное знание о сущности, целях и задачах экономической системы, экономическая теория возникла в XVI-XVII вв. Это период становления капитализма, зарождения мануфактуры, углубления общественного разделения труда, расширения внешних и внутренних рынков, интен-

сификации денежного обращения. На эти процессы экономическая наука откликается появлением меркантилизма.

Особую популярность среди меркантилистов до сих пор имеет Антуан де Монкретьен. Он обессмертил свое имя тем, что ввел в научный оборот термин «политическая экономия». С выходом в свет его книги «Трактат по политической экономии» (1615) экономическая теория более 400 лет развивалась и до сих пор развивается как политическая экономия. Первая часть данного термина произошла от слова «политейя», что означает государственное устройство. Появление данного термина в это время не случайно, обусловлено возрастающей ролью государства в первоначальном накоплении капитала и внешней торговли. Последняя, по мнению Монкретьена, является источником прибыли, «главной целью различных ремесел» и лучшим способом приобретения могущества государства. А. Монкретьен видел разницу между деньгами и богатством. «Не обладание золота и серебра… делает государство богатым, – писал он, – но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды…». Он был противником роскоши, которая, по его словам, «для государства чума и роковое разорение».

По мнению французских исследователей, А. Монкретьен использовал термин «политэкономия» для опровержения идеи о том, что политика и экономика – это две отдельные сферы хозяйственной деятельности. С одной стороны – государство (политика), с другой – сфера промышленников, ремесленников и торговцев (экономика). К сожалению, эта идея оказалась достаточно живучей, ибо иногда и сегодня термин «политэкономия» трактуется как «политика плюс экономика».

Дальнейшее развитие теоретическая экономическая наука получила в трудах Адама Смита (1723-1790) и Давида Рикардо (1772-1823). Они вошли в историю экономической мысли как основоположники именно классической политэкономии.

Основные идеи классической (подлинной) политической экономии: либерализм, свободная конкуренция, минимальное вмешательство государства в экономику, рыночное саморегулирование на основе свободных цен, складывающихся в зависимости от спроса и предложения, и главное – трудовая теория стоимости.

Опираясь на высшие достижения классической школы политической экономии, Карл Маркс (1818-1883) – немецкий мыслитель-энциклопедист – совместно с другом и соратником Фридрихом Энгельсом (1820-1895) создал теоретическую концепцию, получившую обобщенное название марксизма.

Марксизм, или теория научного социализма (коммунизма), – направление в экономической теории, представляющее собой всестороннее исследование законов развития капиталистического общества и концепцию социализма (коммунизма) как новой экономической системы. Последняя представлена формированием социалистических принципов: общественная собственность на средства производства, отсутствие эксплуатации наемного труда, равная плата за равный труд, всеобщая и полная занятость, ведение хозяйства по единому плану.

Главные открытия, которые сделал К. Маркс: раскрыты законы развития капитализма, в отличие от А. Смита, аргументировал его исторически приходящий характер, внутренний источник саморазвития – противоречия, разработал теории воспроизводства и экономических кризисов, двойственного характера труда, прибавочной стоимости, цены производства, сущности капиталистической эксплуатации, абсолютной ренты и многое другое.

Сегодня термин «политическая экономия» трактуется поразному (рис. 1).

С начала XIX в. начинается эрозия термина, теряющего первоначальный смысл. Уже в названии книги Д. Риккардо «Начала политэкономии и налогообложения» (1818) заметно стремление отделить сферу государственной политики от собственно экономической теории, за которой сохраняется название политической экономии. Это же стремление видно и в названии книги Дж. Милля «Принципы политической экономии с некоторыми добавлениями социальной философии» (1848).

В 1845 г. французский экономист Жозеф Гарнье (1813-1881) прямо предлагает заменить термин «политическая экономия» термином «экономика». Он пишет: «Политическая экономия (государственное хозяйство), которую многие называют общественной экономией, мы предлагаем просто называть экономикою» [1, с. 6].

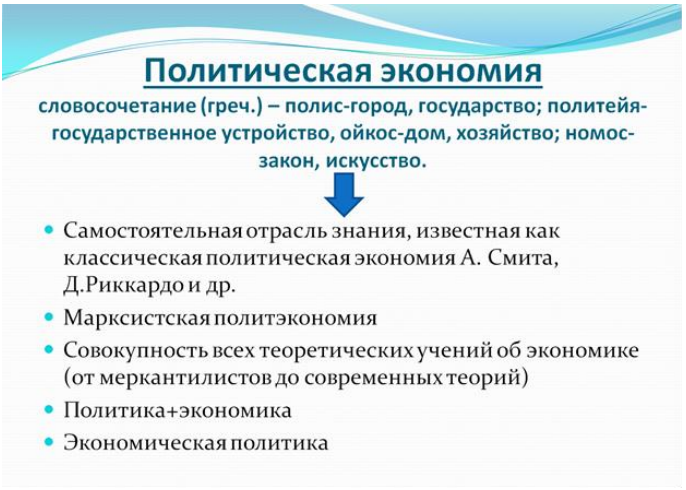


Рис. 1. Различные трактовки термина «политическая экономия»

В настоящее время известно уже множество альтернативных вариантов для замены термина «политическая экономия» (рис. 2).

Рис. 2. Множество альтернативных вариантов для замены термина «политическая экономия»

В прошлом веке наибольшее распространение на Западе получил термин – Economics.

Экономикс имеет в своей основе маржинальную экономическую теорию и представляет собой попытку синтезировать классическую политическую экономию и маржинализм.

Во второй половине XIX в. была сформулирована теория маржинализма, которая возникла как реакция на экономическое учение К. Маркса, его критическое осмысление. По существу, маржинализм представляет собой дальнейшее развитие экономической теории, используя новый методологический подход. Это теория, представляющая экономику как систему взаимосвязанных хозяйствующих субъектов и объясняющая экономические процессы и явления исходя из новой для того времени идеи – использования предельных (max и min) крайних величин или состояний, которые характеризуют не сущность явлений, а их изменение в связи с изменением других явлений. Например, теория предельной полезности исследует аспект ценообразования в связи с эффективностью потребления продуктов и показывает, насколько изменится удовлетворение потребления при добавлении единицы оцениваемого продукта в отличие от затратной концепции. Главные категории в этом направлении: предельная полезность, предельная производительность, предельные издержки и др. На базе субъективных оценок в теории объясняются издержки производства, спрос, предложение, цена.

Именно субъективный подход к исследованию хозяйственной деятельности и отличает учение маржиналистов от классиков. Последние исходили из того, что законы хозяйствования в обществе объективны, не зависимы от воли и сознания людей. Отсюда и специфика в определении предмета марксизма (производственные отношения) и неоклассики (поведение хозяйственного субъекта).

Экономический кризис в конце XIX столетия и почти двадцатилетняя депрессия показали несостоятельность государственного вмешательства в экономику, и А. Маршалл, воспевавший идею свободной конкуренции и рынка, не мог не ограничивать роль государства в рыночной экономике, что и получило

отражение в новом термине, в котором исчезла первая часть прежнего названия науки.

Сегодня под таким названием выходят в свет многочисленные учебники по экономической теории. При более внимательном изучении курса «Экономикс» можно отметить, что экономикс – многозначное понятие, характеризующее специфическую науку и учебную дисциплину в университетах мира, специфика которых сводится к следующему (рис. 3).

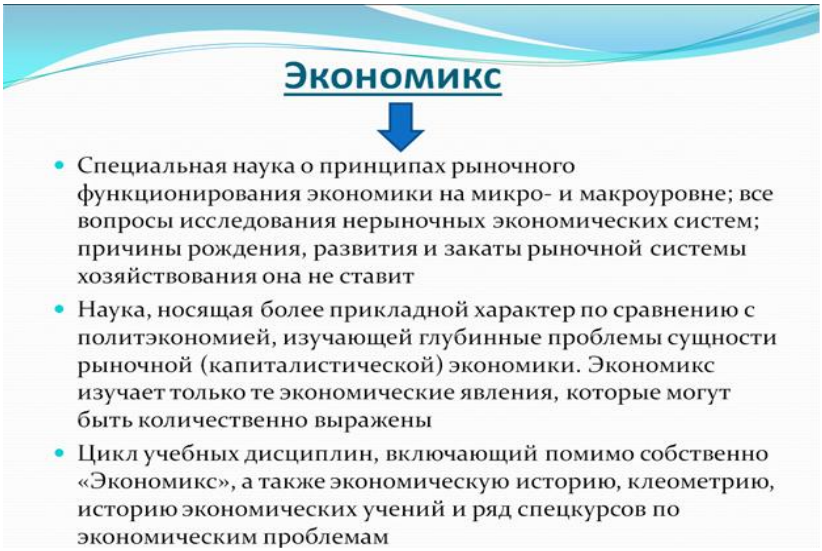


Рис. 3. Специфика термина «экономикс»

В XX столетии велась и ведется в настоящее время критика по самому широкому кругу вопросов не только в адрес политической экономии, но и в адрес экономикс.

Как реакция на неспособность маржинализма решить социальные проблемы возникает институционализм (от лат. Institutum – учреждение). Его представители Т. Веблен, Дж. Гелбрейт, Г. Мюрдаль и др. В этом учении социально-экономическое развитие определяется не только рынком, а всей системой экономических институтов, где рынок – лишь часть их.

Сам термин «институционализм», по словам Е. М. Майбурда, «основан на понятиях «институция» (обычай, заведенный порядок) и «институт» (порядок, закрепленный в форме закона или учреждения). Впрочем, часто «институтами» называют и то и другое» [2, с. 496].

Институционализм – направление в экономической мысли, главной целью которого является анализ и прогнозирование эффективных институтов.

Исключительное место в концепции занимает проблема преобразования, трансформации современного общества. Сторонники институционализма полагают, что НТР ведет к преодолению социальных противоречий, к бесконфликтной общественной эволюции общества от индустриального к постиндустриальному, супериндустриальному или «неоиндустриальному» (т. е. информационному) обществу. Абсолютизация роли технико-экономических факторов позволила выдвинуть теорию конвергенции (Дж. Гелбрейт, Питирим Сорокин, Раймон Арон, Ян Тинберген).

Неоинституционализм характеризуется отходом от абсолютизации технических факторов, большим вниманием к человеку, социальным проблемам. На основе этих взглядов меняется и экономическая политика развитых стран, результаты которой позволяют говорить о «социализации капитализма». Главная идея современного институционализма – в утверждении не просто возрастающей роли человека как основного экономического ресурса постиндустриального общества, но и в аргументации вывода об общей переориентации постиндустриальной системы на всестороннее развитие личности, а XXI в. провозглашается столетием человека.

В последнее десятилетие интерес к институционализму, и в особенности к его неоинституциональному направлению, значительно увеличился. И связано это с необходимостью создания новой модели социально-экономического развития в условиях кардинального изменения современного мира, что, в свою очередь, потребовало комплексно и всесторонне исследовать современную трансформацию экономических систем, эволюцию их институциональных структур.

Таким образом, эволюция терминов «экономика», «политическая экономия», «экономикс» и «экономическая теория» обусловлена историческими причинами. По существу, они являются названием одной и той же постоянно развивающейся науки, исследующей экономические явления, процессы хозяйствования на различных уровнях развития мира. Меняются акценты, подходы, но наука остается той же – наукой об экономической деятельности хозяйствующих субъектов и в целом общества – экономической теорией (или теоретической экономикой).

Это дает основание определить современную экономическую теорию как интегрированную систему исторически сложившихся взглядов на экономику монетаристов, физиократов, классической политической экономии, марксисткой политэкономии, маржиналистских, неоклассических, институциональных, кейнсианских, эконометрических и прочих взглядов.

Такое понимание современной экономической теории как науки требует нового подхода к пониманию сущности базовых экономических категорий, явлений и процессов.

Так, национальное благополучие в новой экономике определяется уже не только уровнем развития экономики, но и уверенностью людей в завтрашнем дне. Не только от мастерства и квалификации исполнителей зависит благосостояние общества, но и от изменения положения человека в процессе труда. Человек является не просто мастером, а творцом. Общий нравственный климат общества (а в условиях глобализации необходимость выработки общих нравственных ценностей для человечества), характер его духовной жизни, представление о месте своего народа в мировом сообществе и многие другие нематериальные ценности становятся чрезвычайно важными в неоэкономике.

Все эти процессы должны быть исследованы и освещены в современной экономической теории как науке и как учебной дисциплине, так как для формирования и функционирования новой экономики чрезвычайно важным становится образование.

Целый ряд полученных сравнительно недавно результатов в экономической теории указывает на принципиальную ограниченность ее базовых инструментов. Поэтому нужны новые методы,

инструменты, новая методология исследования экономической реальности и новые учебники, отражающие эти изменения.

В связи с этим объективно необходима новая современная редакция экономической теории и на этой основе изменение структуры учебника по данной учебной дисциплине.

Рыночная система хозяйствования в ближайшее время не исчезает, и трудно предсказать, сколько времени она еще просуществует, поэтому игнорирование экономикс, как и политэкономии, в исследовании хозяйственной жизни современного общества нецелесообразно.

Литература

1. Гарнье Ж. Начальные основания политической экономии. СПб.: Издательство В. Ососова, 1858.

2. Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело: Вита-пресс, 1996.

3. Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок. М., 2011.

А. В. Бузгалин

ПРЕПОДАВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: К ПРОБЛЕМЕ ПЛЮРАЛИЗМА

Даже предложенные ранее весьма беглые заметки об ограниченности economics и потенциале классической политической экономии позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных ученых, тысяч мало- и просто неизвестных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: для успешного развития экономической теории вообще, а в эпохи перемен в особенности должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. В эпоху перемен ученый (и его собрат-педагог), желающий оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию

любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть странное в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: «остранение»; как у Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше»[1]).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя – разностороннее, недогматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, поиска точек взаимодействия различных парадигм, взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасным (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) является характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании доминирование (причем едва ли не абсолютное) economics как базовой, универсальной системы знаний и языка. Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания «марксизма-ленинизма» (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания economics (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать economics нельзя, но не хуже ли знать только economics?

Между тем множество подходов лежит в стороне от mainstream, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообразие теорий и их равноправие как принцип науки вообще мало кем подвергается сомнению.

Тем более странно (опять же, с принципиальной точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

[1] Акцент на этом слове-понятии «страньше» мы позаимствовали из блестящего выступления Д. Г. Плахотной на методологическом семинаре кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, запомнившегося нам еще со студенческой скамьи.

Во-вторых, принципиально важным является акцентирование междисциплинарного подхода и, соответственно, наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом направлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь экономикой в узком смысле слова. A economics – это дисциплина, специально акцентирующая узкоэкономический подход. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительных главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью mainstream как таковой, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств.

Иными словами, необходимо признать, что предмет нашей теории и нашего образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым во введении) предметом economics.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и, соответственно, открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, различных языков науки. Точно так же, как невозможно вести естественно-научные исследования на языке богословия (помните хрестоматийный пример из средневековой схоластики: «Треугольник ABC подобен треугольнику A'B'C' по велению божьему…»?), невозможно исследовать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык economics. Для таких исследований, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики и смежных дисциплин. В еще большей степени сказанное касается необходимости «задействования» разных методов исследования, ибо метод не был и не может быть безразличен к предмету и содержанию науки.

Наконец, важнейшей задачей ученых-экономистов России является творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработка-

ми. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к апологии «социализма»[1]. Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов. Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

Сказанное выше – не более (но и не менее) чем система взаимосвязанных гипотез, которые в данном тексте не доказываются, а формулируются. Их обоснование представляет немалую теоретическую проблему. Более того, окончательно их можно будет доказать только тогда, когда изменятся, станут действительно демократическими, диалогичными отношения в науке (как сфере практики) и появится «социальный заказ», заинтересованность социума и его лидирующих сил в выявлении сущностных закономерностей социально-экономической организации мира XXI в.

А теперь пойдем дальше, сделав некоторые выводы.

Вывод первый: economics и лежащие в его основе политико-экономические теории отображают лишь часть реальной экономической жизни (преимущественно превратные формы функционирования рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования (не дают

[1] Отчасти это показано в последнем томе «Всемирной истории экономической мысли» (под ред. В. Н. Черковца и В. М. Радаева, 1997), в дискуссии о российской школе экономической мысли, проходившей на страницах журнала «Вопросы экономики», а также в монографии А. С. Шухова и М. П. Фрейдлина о советской экономико-математической школе (см.: *Шухов А. С., Фрейдлин М. П.* Математическая экономия в России (1885-1995). М.: Наука, 1996) и коллективной монографии о «зернах и плевелах» политической экономии социализма (см.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003).

достаточных знаний в процессе образования) многих реальных и значимых социально-экономических процессов современной глобальной экономики, поэтому данному течению необходимо отвести подобающее ему место, включив в круг других школ экономической теории, но не представляя его единственно истинным и универсальным знанием.

Вывод второй: для ученого (и студента), стремящегося осмыслить современный социально-экономический строй в его качественной специфике, необходимо не только овладеть economics, но и критически, творчески освоить методологию и теорию различных политико-экономических школ. В противном случае научные разработки и практические рекомендации в недалеком будущем окажутся теоретически малоплодотворными и неадекватными запросам практики.

Вывод третий, особенно важный для автора этой статьи, отдавшего большую часть своей жизни преподавательской работе в МГУ имени М. В. Ломоносова: абсолютно необходимым условием дальнейшего прогресса нашей науки является существенная коррекция программ и учебных планов вузов в области экономической теории.

В данном случае мы, конечно же, не претендуем на то, чтобы предложить целостную систему рекомендаций в области организации учебного процесса и методики преподавания (эта тема вполне заслуживает особой разработки). Ограничимся лишь отдельными ремарками, касающимися только тех выводов, которые прямо вытекают из представленных выше рассуждений.

Если мы планируем подготовку студентов, которые не будут в будущем профессионально заниматься экономикой, то для них, по-видимому, значимость курсов, коротко излагающих азы economics (этакую своеобразную «арифметику» функционирования рынка), окажется столь велика, сколь много эти курсы будут связаны с пониманием некоторых экономических реальностей. Но им, в большей мере, будет полезно узнать нечто иное, а именно: что такое экономическая жизнь в разных обществах, как она влияет на человека, почему так или иначе устроены эта жизнь и наше поведение, почему одни люди готовы на все ради денег, а другие ориентированы на социогуманитарные

ценности; почему в России социальная защита развита минимально, а социальное неравенство высоко, а в Швеции или Финляндии высокая инновационность экономики достигается в рамках социал-демократической модели, когда топ-менеджер «Нокии» получает всего лишь в 10 раз больше рабочего, а не в 1000, как в российских нефтяных кланах; почему несколько сот семей владеют тысячами миллиардов долларов, а более миллиарда жителей Земли живет в среднем на 70-100 центов в день; случаен ли был мировой экономический кризис 2008-2010 гг.; как и почему развивалась или оказывалась в кризисе отечественная экономика и каково ее место в глобальной хозяйственной системе… Для ответа на эти вопросы нужен особый курс экономической теории, основы которого ориентированы, скорее, на политическую экономию и лишь дополнены economics.

Во всех вузах, где студент для своей будущей профессиональной деятельности должен получить знания о рыночной экономике, преподавание economics как одной из дисциплин, дающих знания об основных механизмах функционирования рынка и лежащих на стыке политической экономии и прикладных экономических наук, безусловно, необходимо в развернутом виде. При этом для студентов экономических вузов следовало бы гораздо полнее, нежели в современных базовых учебниках, освещать методологические и теоретические основы economics (нынешний студент-экономист, научившись решать стандартные задачки, как правило, испытывает немалые трудности, когда его просят обосновать правомерность теории предельной полезности или факторов производства); указывать на все те практические и теоретические социально-экономические проблемы, которые лишь затрагиваются в базовом курсе, но анализируются на основе других теорий, поясняя, почему именно так обстоит дело; обязательно дополнить базовый курс основами не только нового, но и классического институционализма, экономики развития и экономической компаративистики и т. д.

В то же время для формирования студента-экономиста, способного осмыслить основные пласты глобальной экономики периода генезиса информационного общества и трансформации постсоциалистического мира, а также творчески и критически

(«отстраненно») анализировать сложные социально-экономические процессы современности (а тем более – развивать экономическую теорию и вести содержательный анализ новых, ранее неизвестных теории эмпирических феноменов), необходимо полипарадигмальное преподавание экономической теории. Оно должно начинаться с классической политической экономии, заканчиваться постклассической политической экономией и включать широкий набор курсов по методологии, истории экономической мысли и сравнительному анализу ее основных современных течений.

В процессе преподавания экономической теории для решения этих задач можно предусмотреть следующие курсы (речь идет о подготовке специалистов в области экономической теории и экономистов-аналитиков).

Во-первых, курс «Классическая политическая экономия», предусматривающий раскрытие многообразия и точек соприкосновения основных школ политической экономии в решении важнейших вопросов экономической жизни, начиная с предмета и метода, включая трактовку таких понятий, как товар и стоимость, деньги, капитал, собственность, воспроизводство и т. п. Такой курс (особенно семинары, ролевые игры, диспуты) помогает студентам понять азы различных подходов к исследованию экономической жизни, аргументы и обоснование различных научных школ, позволяет научить студентов критически воспринимать те или иные взгляды, вести полемику, самостоятельно формировать предпочтения и аргументировать свою позицию, обладая минимально необходимыми для этого знаниями.

Во-вторых, курс «Постклассическая политическая экономия», посвященный политико-экономическому исследованию современных черт рынка (все более тотального), денег (все более виртуальных), капитала («человеческого», «социального», а также фиктивного…), корпоративных структур, государства, глобализации и глобальных проблем, а также социальных, политических, экологических и культурных аспектов экономики, включая экономические основы социальной структуриза-

ции, проблемы взаимодействия экономики и технологических процессов.

В-третьих, курс «Введение в компаративистику (сравнительный анализ экономических систем)», дающий необходимый минимум знаний о реальном функционировании разнообразных экономических систем (развитых, развивающихся и т. п.) в условиях становления глобальной экономики. Основой для освоения этого курса послужат именно те знания, которые студент получит в процессе анализа различных политико-экономических подходов, разных трактовок экономических систем.

Продолжением данного курса может служить курс «Теория социально-экономических трансформаций», где также используется широкий спектр теоретических подходов (от марксизма и институционализма до традиционной микро- и макроэкономики). Главное внимание в рамках этого курса уделяется генезису глобальной экономики и качественным изменениям экономической жизни в процессе генезиса информационного общества, а также проблемам эволюции отечественной экономики.

В-четвертых, для студентов-старшекурсников бакалавриата и студентов магистратуры может быть предложена система теоретических семинаров (методология экономической теории, соотношение и потенциал различных экономических теорий, глобальная экономика знаний). В рамках таких занятий студенты в значительной степени самостоятельно (но под руководством профессора), работая с источниками, статистическим материалом, ведя очные и заочные диалоги, готовя и защищая рефераты и коллективные проекты, смогут получить навык самостоятельной исследовательской творческой деятельности как будущие аналитики, консультанты, преподаватели.

На первый взгляд такой учебный план (минимум два уровня economics и два – политической экономии, курс компаративистики и теории трансформаций, спецсеминары, итого около 8 часов в неделю на протяжении четырех семестров) покажется перегруженным теорией и не соответствующим интересам сту-

дентов[1]. Действительно, в большинстве случаев современный студент стремится получить в первую очередь определенный объем прикладных знаний и навыков, которые он мог бы использовать для работы бухгалтером, менеджером низшего или среднего звена и т. п. Но жизнь меняется. В недалеком будущем наиболее престижными станут специальности аналитиков и консультантов, а для них требуется, прежде всего, способность к самостоятельному мышлению, критическому освоению информации, т. е. все то, что можно получить лишь в рамках фундаментальной полипарадигмальной подготовки.

Есть и еще одно принципиальное соображение: образование есть фундаментальная общественная ценность (сфера формирования социально-ответственной Личности, Гражданина), а не одна из сфер предоставления услуг на рынке, и потому содержание образования (в единстве обучения и воспитания) не должно редуцироваться к трендам рыночного спроса.

Итак, если мы хотим выпускать не только узких специалистов по прикладным дисциплинам, готовых воспроизвести лишь основы blackboard economy и имеющих узкопрофессиональные знания, но и молодое поколение экономистов, способных анализировать все многообразие социально-экономической жизни, критиковать и творчески развивать существующие концепции (т. е. творцов новых знаний), понимающих экономические основы социальных, политических и идейных противоречий в современном мире, мы должны дать им представление не только об economics, но и обо всем комплексе современных социально-экономических теорий, о реальной сложности глобальной экономики на пороге нового тысячелетия. Иначе – новый догматизм. Иначе – умирание оригинальной отечественной социально-экономической теории и вчерашний день американской науки…

[1] Автором совместно с А. И. Колгановым подготовлены и учебные материалы по этим курсам (программы, учебники); их практическая апробация прошла на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

Г. В. Фадейчева

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ С ПОЗИЦИИ КОМПЕТЕНТНОГО ПОДХОДА

Внедрение в современное образовательное пространство так называемого компетентностного подхода порождает целый ряд вопросов, связанных с его реализацией и оценкой студенческих знаний исходя из его требований. Каждая учебная дисциплина в обязательном порядке привязывается к той или иной компетенции, в рабочих учебных программах и в фондах оценочных средств прописываются этапы формирования компетенций и способы их оценки. Предлагаем взглянуть на компетентностный подход и на список компетенций с точки зрения курса экономической теории (микро- и макроэкономики) и с точки зрения изгнанной в девяностые годы прошлого века из студенческих аудиторий политической экономии.

Остановимся на некоторых из компетенций, взяв в качестве примера подготовку бакалавров по направлению «Менеджмент» и «Экономика». Прежде всего возникают вопросы, как относиться к набору общекультурных компетенций. Например, первая компетенция для менеджеров звучит так: выпускник должен обладать следующими общекультурными компетенциями: знанием базовых ценностей мировой культуры и готовностью опираться на них в своем личностном и общекультурном развитии (ОК-1). В современной глобальной экономике ценности мировой культуры могут пониматься по-разному за пределами нашей страны и внутри нее. Так, достижением современной цивилизации более чем в 20 странах мира официально считаются модели гендерного поведения, не приемлемые для большинства жителей нашей страны, хотя эти модели преподносятся как результат развития мировой культуры. Если исходить из неукоснительного выполнения предписаний компетентностного подхода, то каждый его пункт следовало бы дополнить пояснениями, например в случае с ОК-1 для менеджеров перечислить те базовые

ценности мировой культуры, которые имели в виду разработчики данного подхода, и обозначить, что имеется в виду под «готовностью опереться на эти ценности в своем личностном и общекультурном развитии». Кстати, на наш взгляд, сама политическая экономия – неотъемлемая часть мировой культуры, и важнейшие труды выдающихся политэкономов – часть мировой культуры. Но эта часть остается вне современного отечественного образовательного процесса.

По поводу ОК-2 для менеджеров (выпускник должен обладать знанием и пониманием законов развития природы, общества и мышления и умением оперировать этими знаниями в профессиональной деятельности) тоже возникает целый ряд вопросов, так как знание и понимание развития законов общества без изучения фундаментальных экономических законов и закономерностей социохозяйственной эволюции невозможно. И никакой экономикс, замаскированный под курсы микро- и макроэкономики, базовые знания политической экономии не заменит. Современные учебные программы по экономике (экономической теории, микроэкономике, макроэкономике) в подавляющем большинстве обходят вопросы социохозяйственной эволюции, экономических законов. Исключением, пожалуй, является закон спроса и предложения, однако и он рассматривается в большей степени с позиции графической иллюстрации, а о том, что этот закон есть поверхностное проявление закона стоимости, большинство выпускников не услышат.

Компетенция ОК-4, согласно которой выпускник должен обладать умением анализировать и оценивать исторические события и процессы, в рамках традиционно излагаемых учебных курсов по экономической теории формироваться не будет, так как изложение учебного материала формирует представление о современной рыночной экономике как о безальтернативной вершине социохозяйственного развития, сложные эволюционные процессы, касающиеся как развития производительных сил, так и развития производственных отношений, остаются вне поля зрения.

В списке компетенций под номером ОК-13 значится способность анализировать социально значимые проблемы и про-

цессы, но без знания и понимания механизма действия экономических законов, которые дает политическая экономия, эта компетенция полноценно реализована быть не может. Для полноценного формирования первой части ОК-5 (владение культурой мышления, способностью к восприятию, обобщению и анализу информации, постановке цели и выбору путей ее достижения) необходимо чтение классических первоисточников по политической экономии, начиная с Адама Смита. Безусловно, культуру мышления формирует и чтение «Капитала» К. Маркса.

В длинный список профессиональных компетенций для бакалавров по направлению «Менеджмент» попала способность к экономическому образу мышления (ПК-26), занявшая место в середине перечня профессиональных компетенций. Конечно, способность к экономическому образу мышления очень важна, но возникает вопрос, что понимать под этим, если понимается уровень экономикса П. Хейне с аналогично звучащим названием, то картина отечественного экономического образования становится весьма печальной.

Если обратиться к списку компетенций для бакалавров, обучающихся по направлению «Экономика», то ситуация будет схожа с вышеописанной ситуацией для менеджеров. Количество компетенций здесь в два раза меньше, но вопросов они порождают множество. Под номером первым (ОК-1) выпускнику надлежит владеть культурой мышления, быть способным к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения. ОК-3 предполагает, что выпускник способен понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, события и процессы экономической истории, место и роль своей страны в истории человечества и в современном мире. Сформировать данные компетенции под силу политической экономии, но не теми курсами экономической теории (микро- и макроэкономики), которые читаются студентам.

Особо обратим внимание на заключительные профессиональные компетенции для направления «Экономика»: способен преподавать экономические дисциплины в образовательных учреждениях различного уровня, используя существующие программы и учебно-методические материалы (ПК-14); способен

принять участие в совершенствовании и разработке учебно-методического обеспечения экономических дисциплин (ПК-15). Эти пункты иначе как процессом воспроизводства линии на деградацию образовательного процесса назвать не можем.

В связи с вышеизложенным считаем постановку вопроса о возвращении политической экономии в современное российское образовательное пространство очень своевременной и актуальной. Особо подчеркнем несколько проблем, порожденных научным вакуумом на месте политической экономии и его стремительным заполнением со стороны экономикса:

– догматическое восприятие рыночного пути развития как единственно верного, цивилизованного;

– неопределенность вектора развития современного российского социохозяйственного пространства вследствие отказа от многих наработок политической экономии, в том числе от рассмотрения эволюции хозяйства, процессов его воспроизводства;

– формирование фрагментарного клипового экономического мышления посредством изучения курсов экономикса;

– натаскивание студентов-экономистов на решение исключительно прикладных экономических задач, освоение экономических технологий без понимания сущности современных экономических процессов;

– прерывание процесса воспроизводства кадров экономистов-теоретиков.

На наш взгляд, возвращение в современное российское образовательное пространство политической экономии создаст условия для формирования целостной картины современного социохозяйственного бытия, осмысления происходящих в глобальной экономике в нашей стране экономических процессов, будет способствовать активизации мыслительной деятельности студентов. Безусловно, реализации вышеперечисленных задач, помимо политической экономии, способствует философия хозяйства, но в данный момент времени усилия прогрессивного научного сообщества должны консолидироваться вокруг возвращения в образовательный процесс политической экономии.

Отметим еще одну проблему, связанную с реанимацией в российском образовательном пространстве политической экономии – кадровый вопрос. В случае, если научному сообществу удастся отстоять и вернуть в образовательное пространство политическую экономию, профессионально преподавать ее будет практически некому, так как поколение ученых и преподавателей, основательно подготовленных для чтения курсов по данной дисциплине, постепенно, в силу возрастного фактора, переходит в разряд профессоров-консультантов и профессоров в отставке. Необходимо создание фундаментального современного отечественного учебника по политической экономии, открытая дискуссия по нему и последующее внедрение в учебный процесс.

А. Т. Потеев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В БЛОКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗАХ

Долгие годы преподавания в вузах политической экономии и других дисциплин экономической теории позволяют нам сделать вывод о неоправданном сокращении количества учебных часов, отводимых данному предмету. Более того, в значительной мере изменилось представление о содержании и роли политической экономии в решении народнохозяйственных и социальных проблем общества. Ее практическая и особенно воспитательная, мировоззренческая функция принижены.

2015 г. – юбилейный год 400-летия выхода в свет «Трактата политической экономии» Антуана де Монкретьена. Название его труда стало именем целой науки об общественном и индивидуальном производстве, распределении, обмене и потреблении продуктов в различных исторических условиях. Все, что связано с этими процессами, происходит в определенных меняющихся общественных условиях, выраженных в характере отношений между людьми, классами, регионами, государствами. Как наука, политическая экономия всегда отражала эти от-

ношения, их влияние на динамику живой экономической системы общества. Новые открытия законов и закономерностей, категорий сменяли устаревающие догмы и представления. На смену одной экономической школе или направлению приходили другие. Эта общая закономерность развития самой науки – политической экономии. Закономерность, заключающаяся в отражении наукой меняющейся объективной экономической жизни мира.

Политическая экономия – цельное и системное научное знание, воспринимаемое обучающимися лишь в контексте конкретных исторических условий развития общественного производства. Отсюда и сама наука развивалась этапами и направлениями от простого товарного производства до современного регулируемого производства, обмена, распределения и потребления.

Школы и направления политической экономии всегда в той или иной мере отражали интересы классов, групп гражданского общества. Еще в начале XVII в. А. Монкретьен много внимания уделял крестьянам, ремесленникам. Он высказывал заботу об улучшении их положения. Монкретьен писал о том, что влага всегда оседает на низины; так и тяготы несет, главным образом, народ. Хлебопашцы – это ноги у государства: они поднимают и несут всю тяжесть его тела. О них, государь, надлежит особо позаботиться. После посещения Англии он пришел к убеждению, что добрые и славные ремесленники чрезвычайно полезны для своей страны; я осмелюсь сказать, что они необходимы и должны пользоваться почтением.

Монкретьен считал, что так как революции можно объяснить «крайней бедностью одних и непомерным богатством других», то единственное средство, которое может предотвратить назревание революционных взрывов, – это улучшение материального положения народных масс.

Эпоху зарождающегося капитализма свободной конкуренции политическая экономия ознаменовала классическими трудами А. Смита, Д. Рикардо, В. Петти. Труд был воздвигнут на пьедестал как создатель богатства народов, как его подлинный источник. Вместе с тем классическая политическая экономия не давала ответа на злободневный вопрос нового капиталистиче-

ского общества: почему наемные рабочие, несмотря на свой тяжкий труд, не становятся лично богатыми?

Острая социальная проблема вызвала к жизни новую политико-экономическую теорию – марксистскую. Несомненной и важнейшей заслугой К. Маркса является научное обоснование механизма эксплуатации наемного труда. Его теория прибавочной стоимости стала краеугольным камнем нового учения в политической экономии. К. Маркс доказал, что труд не только создает товарную продукцию, но и является источником капитала. Труд создает и воспроизводит капитал, и отныне они становятся главными и неразделимыми факторами в экономике. Их взаимозависимость на современном этапе участившихся кризисных потрясений становится наиболее очевидной.

Для динамичного развития любого общества необходимо, во-первых, чтобы труд наемного работника был более производительным и, соответственно, достойно оплачиваемым. Низкая оплата труда не стимулирует рост его производительности, сокращает спрос и сдерживает общественное производство. Предельной минимальной оплатой труда является стоимость рабочей силы в размерах, сдерживающих ее расширенное воспроизводство. Во-вторых, крайне необходима производственная активность капитала. Использование капитала в расширенном воспроизводстве, производственное накопление создают условия для дополнительного найма рабочей силы. Совместное действие этих факторов отныне определяет экономический успех общества. Но и в использовании капитала есть свои предельные ограничения. К. Маркс определил их как норму прибавочной стоимости (норму прибыли). При чрезмерно низкой норме прибыли капитал ослаблен и пассивен. Ее повышение активизирует применение капитала. При чрезвычайно высокой норме прибыли и низкой норме накопления, при непроизводственном использовании прибыли, капитал становится сдерживающим фактором роста общественного продукта. Предельные грани колебаний размеров оплаты труда наемных работников и грани производительного применения и непроизводительного потребления капитала устанавливают зону социальной справедливости и социальной ответственности труда и капитала. Политическая

экономия как наука призвана в процессе обучения молодежи формировать понимание и определять пути реализации отношений социальной ответственности различных групп и классов общества. Ни одна из форм собственности не является идеальной для всех меняющихся общественных условий, сфер и видов деятельности. Каждая из этих форм наделена своими достоинствами и недостатками. Только их сочетание в постоянном процессе усовершенствования механизма хозяйствования, их разнообразие могут обеспечить стабильный экономический и социальный успех в стране.

В современной политической экономии наиболее обстоятельно изучены процессы, происходящие в сферах производства, рыночного обмена, и в меньшей степени в сфере потребления. Графики потребительского поведения в микроэкономике чрезвычайно абстрактны и почти лишены практического применения. Эта область экономических знаний нуждается в наибольшем внимании, особенно в связи с появлением новых социально привлекательных, но часто обманчивых понятий «экономика потребления», «всеобщее благополучие» и т. п. Потребление, как и производство, должно быть рациональным и регулируемым. В немалой степени это относится как к конечному, так и производственному потреблению всех видов ресурсов, особенно природных.

В заключение, хотелось бы обратить внимание научной общественности, руководителей системы экономического образования о нецелесообразности упрощения разделов политической экономии в общем блоке экономических дисциплин до некоторого словарно-терминологического, элементарного уровня. В современном 18-м издании учебника П. Самуэльсона и В. Нордхауса «Экономика», часть I названа «Базовые понятия», где содержатся категории «товар», «деньги», графики спроса и предложения. В целом это полезный учебник для изучающих экономическую теорию. Однако для глубокого понимания сущности экономических явлений и процессов, ее отличия от внешних форм проявления необходимы знания политической экономии. Последовательность исторического развития науки «политическая экономия», адекватно отражающая этапы развития общества, форми-

рует знание генетического кода современной экономической теории. Достаточно напомнить, что названия фундаментальных трудов теоретиков-экономистов – А. Монкретьена, В. Петти, Д. Рикардо, Ж. Сисмонди, Дж. Милля, Б. Гильдебранда, К. Маркса, Парето, А. Маршалла, В. Новожилова, А. Пезанти – и многих современных российских и зарубежный ученых содержат слова «политическая экономия». Нельзя считать нормальной сложившуюся практику, когда в вузовских учебных программах современной экономической теории предмет «политическая экономия» умышленно предается забвению, а в учебных планах ему все меньше находится места. Глубинная сущность многих социально-экономических процессов остается за пределами осмысления студенческой молодежи. Их знания наполняются лишь многочисленными формами проявления экономических явлений, сжатыми в графики и необъяснимые формулы. Достичь творческого, креативного мышления, его реализации без понимания смысла и сущности – весьма затруднительно.

С. А. Огарков

О РОЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНВЕСТОЛОГИИ В КУРСЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Значение современных знаний в теории инвестологии определяется важностью реализуемой стратегии реиндустриализации и обновления основных фондов, привлечением инвестиций в экономику для восстановления темпов роста валового внутреннего продукта и удовлетворения потребностей общества. Инвестиции ослабляют течение кризисов и войн и являются источником расширенного воспроизводства, одним из условий достижения благосостояния населения. Многообразие форм собственности и хозяйствования, развитие рыночных отношений на основе механизма инвестирования позволяют обосновать новое направление изучения экономической и практической деятельности по специальности «Инвестология».

Основным условием повышения научного уровня принятия решений, роста инициативы и активности в управлении является экономическая подготовка студентов по соответствующим направлениям и специальностям. Обобщения научных положений и опыт инвестиционной деятельности позволяют сформировать инвестологию как дисциплину и отрасль научных знаний, требующую освоения экономических закономерностей, определяющих процесс инвестиций в механизме «инвестиции – капитал». Инвестология изучает состав и структуру инвестиций, устанавливает присущие им закономерности на этапах расширенного, инволюционного (свертываемого), простого воспроизводства капитала.

Цель дисциплины «Инвестология» состоит в получении студентами глубоких знаний о сущности и современной роли инвестиций, теоретической и практической областях изучения механизма инвестирования. Задачи дисциплины: уяснить экономическую сущность и содержание категории инвестиции; постичь научную методологию инвестиционной деятельности, знать научно обоснованную классификацию инвестиций, их источники; наглядно представлять формы инвестиционного процесса; освоить инвестиционные инструменты и механизмы их функционирования на открытом рынке и корпоративном уровне, которые соответствуют современной теории заключения сделок; раскрыть сущность оценки рисков в инвестиционной деятельности; изучить федеральные законы и нормативные акты в области инвестиционной деятельности; сформировать навыки расчета показателей эффективности инвестиций; обеспечить единство и преемственность в изучении курса инвестологии с другими учебными дисциплинами; выработать у студентов умение планирования инвестиций в условиях циклически развивающихся процессов, организационных формах инвестирования, их планировании в кластерах экономики; получить практические навыки выбора метода амортизации основных средств, способствующих росту капитализации компании.

Структуру разделов дисциплины раскрывают темы: «Предметная область изучения инвестиций. Инвестология»; «Классификация и источники инвестиций»; «Российское инвестицион-

ное законодательство, риски, инвестиционный климат»; «Экономический цикл и инвестиции. Рост, равновесие»; «Амортизация и основные фонды»; «Институты, механизмы и инструменты инвестиционной деятельности»; «Формы инвестиций: лизинг, ипотека, соглашение о разделе продукции, венчур, концессии»; «Особенности отраслевого размещения инвестиций»; «Метод портфеля и бизнес-плана. Программно-целевой метод»; «Эффективность инвестиций»; «Защита экономического пространства в кризис».

Предметом новой дисциплины «Инвестология» должно являться изучение закономерностей формирования производственных отношений между субъектами инвестиционной деятельности во взаимной связи с другими сферами экономики и учетом результатов других общественных наук. Важная задача предмета инвестологии заключается в определении эффективности инвестиций и принимаемых решений. В связи с этим, объектом теории инвестологии являются инвестиции, направленные на повышение эффективности воспроизводства основных фондов, расширение капитала корпораций, увеличение объемов услуг и предоставления информации различными консультационными и инжиниринговыми организациями. В основе инвестологии лежит диалектика инвестиций, рассматривающая их как распределенный во времени поток финансовых средств и запасы будущих периодов основного капитала (национального богатства).

Для анализа динамики показателей инвестиций, происходящих изменений в инвестиционных процессах и экономических явлений используются фундаментальные и технические методы. Способы познания окружающей действительности составляют метод науки. В основе науки инвестологии лежит диалектический метод, который предполагает рассмотрение процесса развития в состоянии непрерывного движения и изменения, когда каждое явление характеризуется единством и борьбой противоположностей, между старым и новым на принципах системности. Разработанные теоретико-методологические подходы к управлению механизмом «инвестиции – капитал» использованы автором в подготовке учебных программ и много-

летнем преподавании дисциплин: «Инвестиции», «Иностранные инвестиции», «Инвестирование», «Организация и финансирование инвестиций», «Экономическая оценка инвестиций», «Оценка инвестиций» в Московском финансово-юридическом университете (МФЮА).

Совокупность дисциплин, всесторонне раскрывающую теорию инвестологии, объединяет общий объект изучения – категория инвестиции: «Организация и финансирование инвестиций»; «Экономическая оценка инвестиций»; «Оценка инвестиций»; «Инвестиционное право»; «Инвестирование»; «Инвестиционная стратегия»; «Инвестиционные стратегии»; «Инвестиционный анализ»; «Инвестиции»; «Иностранные инвестиции»; «Конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность регионов»; «Маркетинг на предприятии с иностранными инвестициями»; «Международные банки и инвестиционные институты»; «Основы инвестиционно-ипотечного анализа»; «Управление инвестициями»; «Управление инвестициями в недвижимость»; «Управление инвестициями в торговле»; «Управление инвестициями и инновационная деятельность»; «Экономическая оценка недвижимости и инвестиции»; «Антикризисная инвестиционная политика»; «Бухгалтерский учет в инвестиционных фондах»; «Международные инвестиции».

Дисциплина «Инвестология» должна обеспечить расширение и углубление знаний, умений, навыков и компетенций, сформированных в ходе их изучения, предусматривает междисциплинарные связи по актуальным проблемам экономики с разделами: «Анализ финансово-хозяйственной деятельности», «Антикризисное управление», «Бизнес-планирование», «Биржи и биржевая деятельность», «Бухгалтерский управленческий учет», «Валютные и фондовые рынки».

В перспективе государственный образовательный стандарт следует дополнить квалификацией «инвестолог» и разработать инновационную программу обучения по данной дисциплине. Доступность к изучению новой дисциплины позволит повысить уровень воспитания и обучения граждан, вовлечь более широкие слои населения к изучению новейших знаний о рыночной экономике.

Ядром теории инвестологии в вузах должны стать вопросы изучения перечисленных выше дисциплин.

Инвестология широко использует содержание учебно-методических комплексов и курсов лекций смежных дисциплин. Важная роль при изучении курса отводится глубокому усвоению новых знаний об инвестициях и правового обеспечения инвестиционной деятельности в отраслях экономики.

В настоящее время необходимо внедрить дисциплину «Инвестология» в структуру основной образовательной программы вузов с учетом направления подготовки и специальности.

О. А. Степичева, А. В. Саяпин

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Среди негативных тенденций последних лет, связанных с высшей школой и экономической наукой, следует отметить резкое снижение количества фундаментальных научных исследований в области политической экономии, поступающих в Высшую аттестационную комиссию при Минобрнауки РФ. Это не может не вызывать крайнюю степень обеспокоенности.

Следует понять, насколько симптоматичны представленные далее факты. Традиционно Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки РФ утверждала ежегодно более 60 докторских диссертаций по специальности 08.00.01 – Экономическая теория. Однако за последние шесть лет, в период с 2009 по 2014 г., число защит докторских диссертаций по экономической теории сократилось в 3 раза (рис. 1).

Произошло не только сокращение числа защит докторских диссертаций, но самое важное – из области исследования экономической теории выпали фактически целые категории и теоретические пласты политэкономии.

Структурный анализ тем докторских работ позволяет констатировать следующее. Фактически отечественной наукой пе-

рестал использоваться потенциал теории экономических интересов. За последние шесть лет по экономическим интересам состоялось четыре защиты (1. Михайлов А. М. Реализация экономических и институциональных интересов собственников факторов производства. – Самара, 2009; 2. Чернова В. В. Многополярная модель реализации экономических интересов регионов: концепт экономической безопасности национального хозяйства. – Тамбов, 2009; 3. Коломиец Л. Г. Реализация экономических интересов в системе страховых отношений. – Москва, 2010; 4. Якунина И. Н. Трансформация системы экономических интересов в условиях становления постиндустриальной экономики. – Тамбов, 2011).

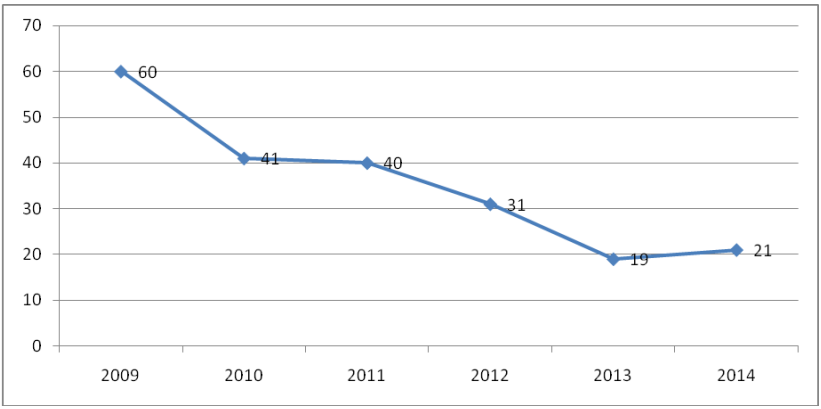


Рис. 1. Динамика защит докторских работ по специальности 08.00.01 – Экономическая теория (2009-2014 гг.) [1]

Наблюдается устойчивое снижение интереса к одной из фундаментальных категорий политической экономии – собственности (8 защит за 6 лет). 3 защиты состоялось в 2009 г., по две – в 2010 и 2011 гг. и одна – в 2012 г.

Перестает быть самостоятельным объектом исследования теория общественного воспроизводства. За анализируемый период различные аспекты общественного воспроизводства или

система в целом выступали темой докторских диссертаций шесть раз (2009 г. – 2 работы, 2010 г. – 2, 2012 г. – 1, 2014 г. – 1).

Теория государственного сектора в экономике как область докторских исследований фигурирует только в трех работах (2010 г. – 1 защита, 2012 г. – 1, 2013 г. – 1).

Еще одной тревожной тенденцией, складывающейся в последние годы в политэкономии, становится игнорирование такой актуальной, но проблемной с точки зрения защиты области исследования как формирование экономической политики (стратегии) государства. Как самостоятельная область исследования экономическая политика (стратегия) государства в 2009-2014 гг. выступала в 8 докторских работах (2009 г. – 2, 2010 г. – 3, 2011 г. – 1, 2012 г. – 1, 2013 г. – 1).

Безусловно, количество работ не означает их качества. Но куда важнее то, что из докторских диссертаций исчезает политэкономическая проблематика. Если шесть лет назад по проблемам политической экономии защищалась каждая вторая докторская работа в области экономической теории, то в 2013 г. лишь каждая пятая (рис. 2).

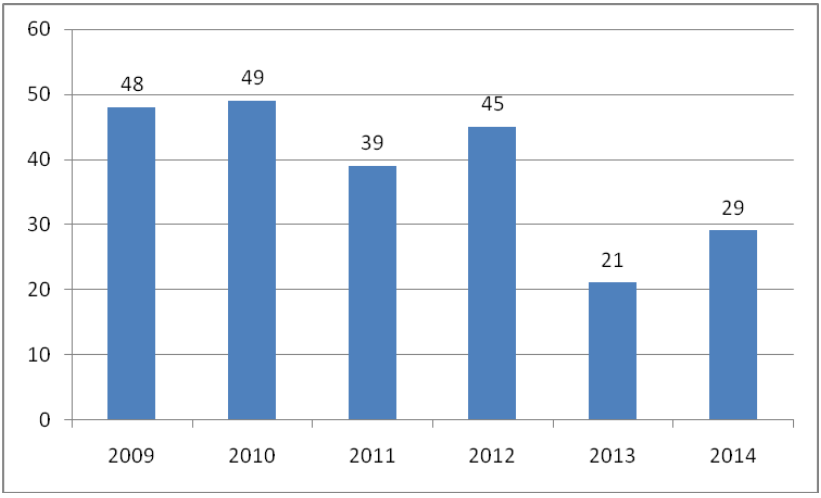


Рис. 2. Удельный вес докторских работ по политэкономии, в % к общему числу докторских работ по специальности 08.00.01 – Экономическая теория

Следует констатировать также сужение географии защит докторских работ по политэкономии, которые в последние годы концентрировались в нескольких диссоветах, прежде всего в МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва), ТГУ имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), а также Российском государственном социальном университете (г. Москва), Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону), Саратовском государственном социально-экономическом университете (г. Саратов), Томском государственном университете (г. Томск). Учитывая текущую политику ВАК в отношении диссоветов, следует ожидать дальнейшего сокращения географии защит.

Снижение интереса к политэкономической проблематике имеет и субъективную подоплеку, связанную с отдельными позициями в ВАК при Минобрнауки РФ. Очень настораживает тот факт, что за период с января 2014 по апрель 2015 г. на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ была размещена информация о снятии с рассмотрения порядка 40 диссертационных работ (из них 23 докторских диссертаций) по экономическим наукам! Приходится только сожалеть, что среди этих работ есть случаи невосприятия политической экономии экспертным советом ВАК.

Отмеченные тенденции ведут к дезориентации общества и власти всех уровней при определении критериев, содержания экономической и социальной политики государства, стратегических целей, путей и средств их достижения, в том числе критериев оценки государственной политики, которые часто подменяются.

Политическая экономия в 01-й специальности уходит на вторые роли, и уже приходится сталкиваться с точкой зрения, согласно которой о политэкономии уместно говорить только в определенных исторических рамках экономической мысли. Тем самым ставятся под сомнение перспективы так называемой новой политической экономии.

Можно по-разному трактовать данные факты, однако нельзя не замечать субъективные основания, вызванные неприятием политэкономического подхода в той или иной традиции, сложившейся в рамках определенной научной школы. Несмотря на достаточно согласованное в научном сообществе представление о предметной области политической экономии, проявлением

чего является Паспорт специальностей ВАК по экономическим наукам, существуют серьезные разногласия относительно методологии политической экономии. Можно выделить как минимум три различных точки зрения по данному вопросу:

1) политическая экономия ограничивается методологией классической школы и политэкономией марксизма (питерская школа);

2) политическая экономия связана с развитием марксизма, в том числе по линии взаимодействия с институциональной теорией (школа МГУ);

3) закладывается методологическая традиция «новой политической экономии», уходящей корнями в диалектический материализм и активно развивающейся по линии теории экономических интересов (костромская и тамбовская школы).

Безусловно, тот факт, что политическая экономия не является целостной методологией, ведет к определенным сложностям в диалоге различных научных школ. Однако куда важнее, что политическая экономия страдает от организационных проблем, связанных с научными исследованиями в данной области.

За внешней позицией ужесточения правил защиты, требований к качеству диссертационных исследований и самих диссертационных советов скрывается не просто бюрократизм, а серьезное идеологическое противостояние, сложившееся как в российской науке, так и в обществе в целом. В таких условиях стало фактически невозможным вести подготовку кадров высшей квалификации, а также развивать фундаментальные направления в экономике.

В настоящее время в системе подготовки кадров высшей квалификации назрела крайняя необходимость решения ряда проблем, связанных с организационными, процедурными и этическими аспектами работы самой Высшей аттестационной комиссии.

Согласно п. 3 Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2013 г. № 836 (в ред. постановления Правительства РФ от 10.12.2013 г. № 1139), «основными

принципами деятельности комиссии являются компетентность, независимость, объективность, открытость и соблюдение норм профессиональной этики». Однако в реальности эти принципы в большинстве своем не реализуются.

Ключевая проблема здесь в том, что при проведении экспертиз диссертационных работ, в особенности докторских, эксперты ВАК не просто не соглашаются с решениями диссертационных советов (это право экспертов), принятыми в ходе успешных публичных защит, но ставят под сомнение саму возможность существования иных точек зрения, отличных от принятых в узком экспертном сообществе ВАК. Часть этих работ снята по личным заявлениям авторов работ, которые пишутся под определенным давлением со стороны экспертного совета, дабы «исключить гонения» на совет, где была защищена диссертация. В результате советы получают замечания за некачественную экспертизу и закрываются решением Президиума ВАК. По свидетельству самих экспертов – проще дать работе отрицательное заключение, нежели сделать так, чтобы на Президиуме ВАК работа, к примеру по политической экономии, была понята и одобрена докторами наук, представляющими другие научные специальности.

Получается, что основная функция по представлению доказательств научной новизны диссертационных работ (в частности по политической экономии) возлагается на плечи Экспертного совета по экономической теории, финансам и мировой экономике. И вот здесь возникает еще масса проблем.

Помимо установления высоких требований к научной квалификации членов диссертационных советов со стороны ВАК и Минобрнауки РФ, за последние несколько лет были ужесточены требования по процедуре защит, в частности установлены критерии публичности заседания, онлайн-трансляции заседания диссертационного совета. С другой стороны, на заседаниях экспертных советов и Президиума ВАК решения принимаются фактически кулуарно, зачастую без соискателей ученых степеней и их научных руководителей. В таких условиях экспертные советы и Президиум ВАК выполняют роль инквизиции, а не научного экспертного сообщества.

На сегодняшний день в ВАК при Министерстве образования и науки РФ функционируют два экспертных совета по экономическим наукам: экспертный совет по региональной и отраслевой экономике и экспертный совет по экономической теории, финансам и мировой экономике. То есть в одном экспертном совете собраны несколько направлений: бухгалтерский учет и аудит, финансы и кредит, математические и инструментальные методы в экономике, мировая экономика и экономическая теория!

Анализ тематики публикаций членов экспертного совета по экономической теории, финансам и мировой экономике, размещенных в научной электронной библиотеке eLIBRARY. RU – крупнейшем российском информационно-аналитическом портале за период с 2010 по 2015 г., – показал, что большая часть научных трудов членов экспертного совета, которые осуществляют экспертизу диссертационных работ по экономической теории, к экономической теории отношения не имеют. Из тридцати экспертов проблематика экономической теории достаточно представлена лишь в трудах семи из них: Лукьянова С. А., Тумаланова Н. В. (микроэкономическая теория), Архипова А. Ю., Сильвестрова С. Н., Тумаланова Н. В. (институциональная и эволюционная экономическая теория); Сильвестрова С. Н., Шкодинского С. В. (экономическая история). Область исследования политической экономии представлена в трудах только двух экспертов (К. А. Хубиев, Р. М. Нуреев). Таким образом, диссертации по экономической теории, в частности политической экономии, поступают на экспертизу к специалистам из совершенно иных сфер научных исследований, в том числе бухучета, статистики и отраслевой экономики. Это приводит к тому, что непонимание или неприятие политической экономии как науки в стенах ВАК при Минобрнауки РФ вначале блокирует интерес исследователей к политэкономическим категориям, затем в российской науке сокращаются (а впоследствии и вовсе исчезают) фундаментальные работы в области экономики, но главное то, что игнорирование политической экономии и ее категорий приводит к серьезным последствиям для российского государства.

Роль политэкономических исследований для обеспечения национальных интересов государства неоценима. Именно политическая экономия изучает и раскрывает природу экономических интересов индивидов и государства, вопросы собственности, потребностей, экономической и национальной безопасности. Политическая экономия – это фундамент национального хозяйства и базис для бухгалтерского учета, банковского дела, менеджмента, финансов и других экономических наук.

В России на сегодняшний день осталось крайне мало научных школ по политэкономии. Одна из них – школа «Экономические интересы и их реализация в российской экономике» – действует под руководством доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Юрьева в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина и тесно связана с работой известных экономических школ под руководством профессоров Ю. М. Осипова (МГУ имени М. В. Ломоносова), А. И. Добрынина (СпбГУЭиФ), О. В. Голосова (Финансовый университет), Г. П. Журавлевой (РЭУ имени Г. В. Плеханова) и многих других. Двадцатилетнее развитие научной школы способствовало созданию высококвалифицированного научного коллектива, в ее рамках защищено около 20 докторских и 50 кандидатских диссертаций по теории экономических интересов.

Деятельность научной школы не ограничивается исключительно теоретическими научными исследованиями, она продуцировала значимые прикладные работы и практические рекомендации, способствующие решению насущных проблем региона на основе гармонизации экономических интересов в области демографии, рационального воспроизводства трудовых ресурсов, обеспечения экономической безопасности на основе стратегии импортозамещения.

Однако организационные условия, сложившиеся в области политэкономических исследований, позволяют предположить о том, что имеет место либо непонимание и неприятие политической экономии как науки, либо непонимание и неприятие действующим экспертным советом ВАК социально-политических процессов, протекающих сегодня в нашем государстве.

Считаем недопустимым снятие диссертационных работ с рассмотрения по причине несогласия со стороны отдельных экспертов с научной концепцией исследования, поскольку критерий истины подтверждается временем и реальной практикой, что свидетельствует о наличии приращения научного знания и влиянии результатов диссертационных работ на социально-экономическое развитие страны.

На перспективы новой политической экономии как философии хозяйства, чье переосмысление прошлого, анализ настоящего и предвидение будущего еще только предстоит оценить, указывают результаты исследований, проведенных тамбовской, московской, питерской, челябинской, костромской и другими научными школами, неоднократно показывающих научный потенциал методологии политической экономии.

Отдельного внимания заслуживает деятельность общественных организаций, призванных, казалось бы, способствовать очищению отечественной науки от лжеученых и незаслуженных научных степеней.

Так, известная чистка экспертных советов ВАК в ноябре 2014 г., в которой сильно поредели экспертные советы по экономическим наукам, нашла бурную поддержку сообщества, известного как Диссернет. В частности, в нескольких статьях анализировались экперты ВАК, которые были исключены из состава советов. В вину им сообществом Диссернет вменялись различные прегрешения: от создания фабрик фальшивых диссертаций до обвинений в том, что эксперт, будучи оппонентом по диссертации в 80-х гг. прошлого века, не обнаружил в оппонируемой работе якобы имеющих место быть заимствований. Так были исключены из советов личности, замены которым нет до сих пор, была значительно подорвана качественная прослойка экспертных советов ВАК по экономике!

Примером может служить статья, распространяемая данным сообществом, под названием: «Члены экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по отраслевой и региональной экономике и избранные примеры их непосредственного участия

в необоснованном присуждении ученых степеней», которую, при желании, можно найти в сети Интернет.

Признавая важную роль институтов гражданского общества, мы, тем не менее, как сторонники конструктивного научного диалога, не можем не задаться рядом вопросов. Прежде всего, каковы мотивы тех или иных активистов движения Диссернет, на регулярной основе выискивающих в диссертационных работах нарушения с целью инициирования процедуры лишения ученых степеней? Случайно ли то, например, что некая Я. В. Власенко, аспирант (!) кафедры международного права (!) Высшей школы экономики, просит ВАК лишить ученой степени соискателя, защитившего в июле 2010 г. диссертационную работу по политической экономии, в которой обосновывается экономическая политика, направленная на формирование социально ориентированного государства в соответствии с концепцией державности? Думается, что версия о случайности выбора персоны для нападок активиста Диссернета сильно натянута, если учесть проблематику диссертации и политическую принадлежность соискателя к партии «Единая Россия», с одной стороны, и профессиональную принадлежность (!) Я. В. Власенко к некоммерческому проекту А. Навального «РосПил» как юриста – с другой. Хорошо, ангажированность при выборе «жертв» Диссернета можно объяснить профессиональными и политическими пристрастиями его активистов. Но как понять мотивацию ВАК по данному вопросу, который принял заявление Я. В. Власенко 10 июля 2013 г. (!), но дал ему ход только сейчас, приурочив разбирательство по заявлению Я. В. Власенко к приказу о приостановлении деятельности Диссертационного совета при Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина?

Гонения на неудобные советы будут продолжаться и дальше. Вслед за приказом о приостановлении деятельности Диссертационного совета Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, приостановлена деятельность, в частности, диссоветов Воронежского государственного педагогического университета, Липецкого государственного педагогического университета, Казанского федерального университета и многих других. Фактически на территории нескольких сопряженных

регионов не осталось диссертационных советов по экономике, а ведь география защит в том же тамбовском диссовете охватывала Воронежскую, Липецкую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Пензенскую, Самарскую область и еще целый ряд регионов России.

Закрытие и сокращение числа действующих диссоветов по экономическим наукам ведет к подрыву системы подготовки научных кадров, прежде всего, для провинциальных вузов, так как отсутствие совета ведет, в конечном итоге, к закрытию аспирантуры, а следовательно к потере для науки и высшего образования молодых, перспективных экономистов. В результате оригинальные научные школы приходят в упадок, так как не подпитываются новыми поколениями ученых-политэкономов.

Представляется, что сегодня назрели организационные изменения, направленные на поддержание фундаментальных научных школ, и, прежде всего, существует острая потребность в организации отдельного экспертного совета по экономической теории, который бы обеспечил качество как экспертизы, так и самих исследований по политико-экономической проблематике.

Также имеет смысл рассмотреть вопрос о создании общественной организации, способной осуществлять экспертизу научных работ на предмет заимствований, дабы противостоять тому потоку негатива, который сегодня имеет место благодаря разрушительным действиям Диссернета!

Литература

1. Официальный сайт ВАК при Минобрнауки РФ. URL: http://vak. ed. gov. ru

РЕЗОЛЮЦИЯ
Всероссийской научной конференции
«РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

17-18 сентября 2015 г.,
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

Конференция явилась площадкой для профессионального общения представителей политико-экономической мысли г. Тамбова, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Симферополя, Волгограда, Мичуринска, Липецка, Курска, Воронежа. В ходе работы конференции на пленарном заседании, тематических секциях, «круглых столах», публичных лекциях, мастер-классах участники подчеркнули необходимость возрождения политической экономии как науки, которая должна выступать фундаментом в определении критериев и содержания экономической и социальной политики государства, стратегических целей ее развития, путей и средств их достижения.

Глобальные тенденции, наблюдаемые в настоящее время в мировой экономике, формируют новую политико-экономическую повестку, которая требует коренного переосмысления многих положений как теории, так и практики, до настоящего времени считавшихся общепринятыми и незыблемыми.

Истоки современного кризиса скрыты не только в сфере экономики, они имеют куда более глубокие корни. Подобного рода системный кризис в некотором роде аналогичен кризисам 30-х и 70-х гг. минувшего столетия. Для каждого государства он сопряжен с индивидуальными последствиями. Для России это, прежде всего, разрушение СССР как ее державной субстанции и сложившихся производственных отношений и связей.

Сегодня Россия переживает системный кризис, продиктованный во многом тенденциями, формирующимися в мировой экономике. Однако факт его возникновения и развития определяется не только ими, но связан с тем, что действующая ныне система государственного управления народным хозяйством базируется на ряде негативных тенденций, к числу которых сле-

дует отнести внутренние политические противоречия, некритическое восприятие и проведение в жизнь псевдолиберальных идей, ручной характер управления экономическими процессами, лояльность к коррупции во всех областях и сферах деятельности. Подобного рода негативные особенности, ставшие, по сути, неотъемлемыми элементами системы государственного управления, ставят перед научным сообществом задачу по исследованию политэкономии российского кризиса и научного обоснования структурных и институциональных реформ.

В этих условиях причины слабой прогностической функции экономической науки кроются глубже, чем кажется на первый взгляд. За непониманием или идеологическим неприятием другой стороны скрывается сложная проблема взаимодействия научной теории и политической практики, способности выполнять внутренне присущие экономической науке функции прогнозирования будущего и идеологического обоснования политических решений. В условиях кризиса всего мирового глобального порядка, сопровождающегося засильем прозападных псевдолиберальных научных догм и постулатов, российское государство остро нуждается в новой экономической идеологии, которая может зародиться только из плюрализма научных мнений и школ.

Участники конференции отметили неудовлетворительное состояние политико-экономической науки в современной России. Снижение численности студентов и аспирантов, связанных с экономикой и управлением, исключение из государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования вслед за политической экономией также экономической теории на фоне резкого сокращения фундаментальных научных исследований в области политической экономии следует расценивать как проявление кризиса системы подготовки кадров высшей квалификации.

Безусловно, количество работ не означает их качества. Однако за последние пять лет из области исследования выпали фактически целые теоретические пласты и категории политэкономии: предается забвению теория экономических интересов, теория общественного воспроизводства; наблюдается устойчивое снижение интереса к одной из фундаментальных категорий

политической экономии – собственности; игнорируется столь актуальная, но проблемная с точки зрения защиты область исследования, как формирование экономической политики (стратегии) государства; на уровне докторских работ практически не происходит теоретического обобщения проблем экономической безопасности. Все громче звучит мнение тех, кто пытается свести политическую экономию к разделу истории экономических учений.

Ситуации, когда политико-экономическая проблематика не находит понимания в Высшей аттестационной комиссии, являются проявлением общего кризиса отечественной экономической науки, который первым делом затрагивает ее общетеоретическую, политико-экономическую составляющую, в том числе и с точки зрения организации научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Кризис политической экономии проявляет себя и в сфере научных публикаций. Сокращается не только количество, но и качество научных работ политико-экономического содержания. Проблема кроется и в отсутствии дискуссионных площадок, которые бы организовывали и издавали результаты научных конференций и «круглых столов», посвященных проблемам политической экономии, структурированных таким образом, чтобы привлечь в ряды политэкономов молодых ученых-теоретиков. К глубокому сожалению, отдельным попыткам организации такого рода работы не хватает системности и государственной поддержки.

Это приводит к тому, что уже несколько поколений ученых-экономистов имеют крайне абстрактное представление о теории и методологии политической экономии, что обусловливает низкое качество публикуемых научных работ.

Развитие российской экономической школы политической экономии – это не просто традиция, но насущная общественная потребность. Как справедливо отмечал в одной из своих последних работ наш замечательный экономист, академик Леонид Иванович Абалкин, «тайна политической экономии – в осмыслении ее сути, в осознании природы хозяйственных отношений и их связей с другими сферами общественной науки. Раскрытие

этой сути выдвигает одну из сложнейших и древнейших гуманитарных наук на ведущие позиции, ее же забвение или игнорирование закрывает путь к познанию системы».

Российская экономическая наука не имеет права потерять фундаментальные направления, являющиеся необходимым базисом для возрождения России в качестве мировой державы с уникальной, свойственной только нашей стране формой государственности, сложившейся в недрах ее цивилизации!

Участники конференции согласовали общую научную позицию в понимании основных направлений и путей развития политико-экономической мысли в современной России и выработали следующие **рекомендации и предложения** по реактуализации политической экономии, призванные вернуть ей присущие функции и роль в развитии науки и общества:

1. Выразить удовлетворение данной организации Всероссийской научной конференции по фундаментальной основе экономической теории, признать ее работу положительно результативной и предложить администрации Тамбовской области, Тамбовской областной думе, Тамбовскому государственному университету имени Г. Р. Державина рассмотреть вопрос о регулярном проведении данного научного форума.

2. Рекомендовать Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ организовать отдельный экспертный совет по экономической теории, который позволит объединить современных исследователей в области политической экономии и обеспечить качество как экспертизы, так и самих исследований в данной области.

3. Предложить создать общественную структуру при Правительстве РФ или Президенте РФ, выполняющую функцию единого общероссийского центра, целью которого является поддержка и инициирование научных исследований в области политической экономии и развитие прикладных исследований и практического консультирования, основанных на политико-экономических концептах. Такая структура может быть создана на базе как действующей общественной организации (например, Вольного экономического общества), так и вновь созданного

общественного института (Всероссийской ассоциации ученых-политэкономов).

4. Признать, что научное сообщество остро нуждается в институте независимой экспертизы научных исследований, призванном при необходимости проводить оценку их оригинальности безотносительно от политических пристрастий и ангажированности экспертов. Одновременно необходимо дать общественную оценку деятельности Диссернета как инструмента оценки качества диссертационных исследований.

5. Активизировать работу вузов России по созданию общественного спроса на политическую экономию, что позволит ей выйти за рамки академических интересов и придаст направленность в соответствии с государственными интересами. В связи с этим рекомендовать Минобрнауки РФ формировать заказ на исследователей вопросов политической экономии через бюджетные места, прежде всего, в магистратуре и аспирантуре.

6. В целях формирования системного экономического мышления вернуть политическую экономию в государственный образовательный стандарт и сделать ее обязательной для изучения дисциплиной на основных экономических специальностях и профилях российских вузов.

7. В целях продолжения дискуссии различных научных школ по тематике конференции обеспечить издание спецвыпусков журналов «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» и «Социально-экономические явления и процессы», а также способствовать публикации работ по фокусной проблематике на страницах периодических изданий Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Воронежа, Липецка.

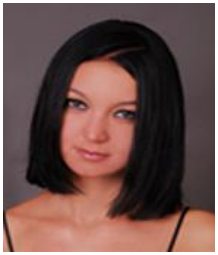
8. Сформировать общероссийское научное издание по проблемам политической экономии, имеющее статус ведущего рецензируемого журнала и доступное широкому кругу экономистов.

Участники конференции отмечают, что реализация данных предложений позволит сохранить политическую экономию как науку и преодолеть разрыв между теоретическими изысканиями и прикладной экономической наукой и практикой хозяйствования на базе новой национальной идеи о гармоничном общественном хозяйстве.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Константин Вадимович
к. э. н., доцент кафедры математики и бизнес-информатики, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: kostavad@mail.ru

Бодрунов Сергей Дмитриевич
д. э. н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте, Россия
E-mail: inir@inir.ru



Борисовская Каролина Александровна
к. э. н., доцент, доцент кафедры экономической теории, Ростовский государственный экономический университет, Россия
E-mail: k.borisovskaya@gmail.com

Бузгалин Александр Владимирович
д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», Россия
E-mail: buzgalin@mail.ru

Воейков Михаил Илларионович
д. э. н., профессор, заведующий сектором политэкономии Института экономики РАН, Россия
E-mail: mvok1943@mail.ru

Воронин Сергей Александрович
д. э. н., главный научный сотрудник, Институт прогнозирования и макроэкономических исследований при кабинете Министров Республики Узбекистан, Узбекистан
E-mail: *sergey_voronin63@yahoo.com*

Грошев Игорь Васильевич
д. пс. н., д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной работе, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: aus_tgy@mail.ru

Губарь Ольга Владимировна
д. э. н., профессор, Ростовский государственный экономический университет, Россия
E-mail: gubar_olga@list.ru

Джабборов Далер Бахтиерович
аспирант экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, Россия
E-mail: jab. daler@gmail.com

Елецкий Николай Дмитриевич
д. э. н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Донской государственный технический университет, Россия
E-mail: nde527@yandex.ru

Ергин Сергей Михайлович
к. э. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия
E-mail: yergin777@rambler.ru

Журавлева Галина Петровна
д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научной школы «Экономическая теория», РЭУ имени Г. В. Плеханова, Россия

Зобов Марк Иванович
к. т. н., председатель Ассоциации «Духовно-интеллектуальный выбор», Украина
E-mail: mark_zobov@mail.ru

Карпунина Евгения Константиновна
д. э. н., профессор, директор Института экономики, управления и сервиса, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: egenkak@mail.ru

Касьянов Павел Владимирович
д. э. н., ООО «ФРЭКОМ», Россия
E-mail: pavelkas@mail.ru

Климова Дина Николаевна
к. э. н., доцент кафедры политической экономии и мирового глобального хозяйства, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: klimova_dn@mail.ru

Козлов Аркадий Артемьевич
д. э. н., профессор, Российский новый университет, Россия
E-mail: kozlova@tsu.tmb.ru

Козлова Галина Васильевна
д. э. н., профессор, профессор кафедры политической экономии и мирового глобального хозяйства, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: kozlova@tsu.tmb.ru

Козлова Ольга Валериевна
к. ф. н., доцент кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет, Россия
E-mail: ppxss2000@mail.ru

Колганов Андрей Иванович
д. э. н., профессор, заведующий лабораторией, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
E-mail: onaglo@mail.ru

Комолов Олег Олегович
младший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Института экономики РАН, аспирант ИЭ РАН, Россия
E-mail: oleg_komolov@mail.ru

Краснослободцев Алексей Александрович
к. э. н., старший преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и рекламы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, заместитель руководителя департамента маркетинга по рекламе Промышленной группы «Крата» г. Тамбов, Россия
E-mail: stmeneg@yandex.ru

Кульков Виктор Михайлович
д. э. н., профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
E-mail: viqma@migmail.ru

Куцерубов Александр Евгеньевич
к. э. н., доцент, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и рекламы, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: sanderskuts@rambler.ru

Леванов Анатолий Дмитриевич
д. э. н., профессор, профессор кафедры экономической теории, налогообложения, предпринимательства и права, Кемеровский государственный университет, Россия
E-mail: anatoliilevanov@mail.ru

Лоскутов Валентин Григорьевич
к. э. н., доцент, советник ректората по экономическим вопросам, почетный профессор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Россия

Мамонтов Владимир Дмитриевич
д. э. н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, первый проректор – проректор по образовательной политике, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: mamontov@tsu.tmb.Ru

Маслов Глеб Андреевич
аспирант экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, Россия
E-mail: glemiach@yandex.ru

Мельников Дмитрий Владимирович
к. э. н., доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Тобольский индустриальный институт, Россия
E-mail: sward_1962@mail.ru

Огарков Сергей Анатольевич
к. э. н., преподаватель, Московский финансово-юридический университет, Россия
E-mail: ogarkovsa@mail.ru

Павленко Юрий Григорьевич
д. э. н., профессор, заведующий Центром институтов государственного регулирования и гражданского общества Института экономики РАН, Россия
E-mail: yupavl83@mail.ru

Потеев Артур Тихонович
к. э. н., профессор кафедры экономической теории, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия
E-mail: panfila.13@mail.ru

Саяпин Алексей Викторович
к. э. н., доцент, директор НИИ фундаментальной и региональной экономики, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: warum72@mail.ru

Степичева Ольга Александровна
д. э. н., профессор, директор Медицинского института, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: st_ola@mail.ru

Трибунская Ульяна Георгиевна
к. э. н., старший преподаватель кафедры политической экономии и мирового глобального хозяйства, начальник научно-информационного отдела, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: ulyana_tribunskaya@mail.ru

Фадейчева Галина Всеволодовна
к. э. н., доцент, профессор, заведующий кафедрой экономики и финансовых дисциплин, Владимирский институт бизнеса, Россия
E-mail: fadeycheva@mail.ru

Харитонова Елена Владимировна
к. э. н., доцент кафедры политической экономии и мирового глобального хозяйства, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: lena538639@yandex.ru

Хубиев Кайсын Азретович
д. э. н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель заведующего кафедрой политэкономии экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Россия
E-mail: khubiev48@mail.ru

Цаголов Георгий Николаевич
д. э. н., профессор, Международный университет в Москве, Россия
E-mail: gtsagolov@mail.ru

Эпштейн Давид Беркович
д. э. н., профессор, главный научный сотрудник Северо-Западного научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства РАСХН, Россия
E-mail: epsteindb@gmail.com

Юрьев Владислав Михайлович
д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: priem1@tsu.tmb.ru

Якунина Инна Николаевна
д. э. н., профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия
E-mail: yakunina@bk.ru

Научное издание

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Коллективная монография

Главный редактор
Юрьев Владислав Михайлович

Ответственный редактор
Лоскутов Валентин Григорьевич

Редакторы:
Д. М. Бетина, Н. В. Ионова, О. А. Хворова
Компьютерная верстка
С. Г. Павловой, Н. В. Поповой

ISBN 978-5-00078-074-9

9 785000 780749

Подписано в печать 21.12.2015 г. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 25,11. Тираж 500 экз. Заказ 1447.

Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

Импорт продовольствия
из стран дальнего
зарубежья (ФТС РФ)
молочных продукты
зерновых культур
Общее сокращение объема поставок
импорта продовольствия $ 9983,1 млн
Сапов Алексей
Васильевич
Юрий
Елена Александрович
Козлов Андрей
Иванович